

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ .
СОЧИНЕНІЙ

А. И. КУПРИНА.

Съ портретомъ автора.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1912.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. проеп., № 29.

ШУТКИ.

П А Р О Д І И.

І. И. А. БУНИНЪ.

ПИРОГИ СЪ ГРУЗДЯМИ.

Сижу я у окна, задумчиво жую мочалку, и въ дворянскихъ глазахъ моихъ свѣтится красивая печаль. Ночь. Ноги мои окутаны дорогимъ англійскимъ пледомъ. Папироска - кротко дымится на подоконникѣ. Кто знаетъ, можетъ-быть, тысячу лѣтъ тому назадъ такъ же сидѣлъ, грезилъ и жевалъ мочалку другой, невѣдомый мнѣ поэтъ?

Ржи, овсы и капусты уходятъ въ безконечную даль, а тамъ, на самомъ краю озимаго поля, у одинокаго омета, важно гуляетъ грачъ; правда, ночью мнѣ его не видно, но онъ мнѣ нуженъ для пейзажа. Сусликъ мягко свистнулъ на деревѣ подъ моимъ окномъ.

Отчего мнѣ такъ кисло, и такъ грустно, и такъ мокро? Ночной вѣтеръ ворвался въ окно и шелеститъ листьями шестой книги дворянскихъ родовъ. Странные шорохи бродятъ по старому помѣщичьему дому. Быть-можетъ, это мыши, а быть-можетъ, тѣни предковъ? Кто знаетъ? Все въ мѣрѣ загадочно. Я гляжу на свой палецъ, и мистическій ужасъ овладѣваетъ мной!

Хорошо бы теперь поѣсть пирога съ груздями. Но какъ онъ дѣлается? Сладкая и нѣжная тоска сжимаетъ мое сердце, глаза мои влажны. Гдѣ ты, прекрасное время

пироговъ съ груздями, борзыхъ густопсовыхъ кобелей, отъѣзжаго поля, крѣпостныхъ душъ, антоновскихъ яблочковъ, выкупныхъ платежей?

Съ томной грустью на душѣ выхожу я на крыльцо и свищу лиловому, облѣзлomu индюку. Старый, бѣльмистый, сѣдомордый кобель «Завирай» чешетъ хребтистую, шелудивую спину о балконную балясину. Садовникъ Ксенофонтъ идетъ мимо, но не ломаетъ шапки. Въ прежнее время я бы тебя, хама, на конюшню!..

Я возвращаюсь въ свою печальную комнату. Изъ сада пахнетъ дягилемъ, перпетуемъ и царскими пѣтушками. Меланхолично курлыкаетъ на пряслахъ за овинами бессонная потатуйка. Отчего у меня болитъ животъ? Кто знаетъ? Тихая тайная жалость вѣетъ на меня незримымъ крыломъ.

Все въ мѣрѣ непонятно, все таинственно! Скучный, вялый и разслабленный, какъ прошлогодняя муха, подхожу я къ двери, открываю ее и кричу въ зловѣщую темноту:

— Мароа, иди сюда!.. Натри меня на ночь бобковой мазью.

II. СКИТАЛЕЦЪ.

Я колоколь! Я пламя! Я таранъ!
Безбреженъ я и грозенъ, точно море!
Я твердый дубъ! Я мѣдный истуканъ!
Я барабанъ въ литературномъ хорѣ!
Я вихрь и градъ! Я молнія и страхъ!
Дрожите жъ вы, наперсники тирановъ!
Я утоплю васъ всѣхъ въ моихъ стихахъ,
Какъ въ лужѣ горсть презрѣнныхъ таракановъ!

III. М. ГОРЬКІЙ.

ДРУЖОЧКИ.

Разказъ.

I.

Въ тѣни городского, общественнаго, устроеннаго для маленькихъ нуждъ павильона лежали мы втроемъ: я, Мальва и Челкашъ.

Длинный, худой, весь ноздреватый — Челкашъ былъ похожъ на сильную, хищную птицу. Онъ лѣниво почесывалъ босой грязной пяткой икру на другой ногѣ и сочно сплевывалъ на сторону.

Мальва была прекрасна. Сквозь дыры старыхъ лохмотьевъ бѣлѣла ея ослѣпительная шкура. Правда, отсутствіе носа краснорѣчиво намекало о ея прежнихъ маленькихъ заблужденіяхъ, а густой рыбный запахъ, исходившій отъ ея одежды на тридцать пять сажень въ окружности, не оставлялъ сомнѣній въ ея ремеслѣ: она занималась потрошеніемъ рыбы на заводѣ купца Деревякина. Но, все равно, я видѣлъ ее прекрасной.

II.

— Все чушь! — сказалъ хрипло Челкашъ. — И смерть чушь и жизнь чушь. Извѣдалъ я всю жизнь насквозь. И скажу прямо, въ лицо всѣмъ хамамъ и буржуямъ: чернаго кобеля не отмоешь добѣла.

Мальва хихикнула и въ видѣ ласки треснула Челкаша ладонью по животу.

— Ишь ты... кокетка! — промолвилъ Челкашъ снисходительно. — И еще скажу. Влѣзь бы я на Исаакіевскій соборъ или на памятникъ Петра Великаго и плюнулъ бы на все. Вотъ, говорятъ, Толстой, Толстой. И тоже носятя съ Достоевскимъ. А по-моему, они мѣщане...

III.

— Рѣзалъ я одного купца, — продолжалъ Челкашъ сонно. — Толстый былъ. Пудовъ въ десять, а то и въ двѣнадцать. Кабанъ. Ну, освѣжевалъ я его... тамъ всякія кишки, печенки... сальникъ одинъ былъ въ полтора пуда... Купца ежели рѣзать — всегда начинай съ живота. Духъ у него легкій, сейчасъ вонъ выйдеть...

— Извѣстно, — сказалъ я.

Челкашъ поглядѣлъ на меня пристально и жестко усмѣхнулся.

— А ты прежде отца въ петлю не суйся... — сказалъ онъ съ разстановкой. — Твоя рѣчь впереди... Потомъ пошелъ я на его могилу. И такое меня зло взяло. «Подлецъ ты, подлецъ!» — думаю. И харкнулъ ему на могилу.

— Все дозволено, — произнесла Мальва.

— Аминь, — подтвердилъ Челкашъ набожно. — Такъ говоритъ Заратустра.

IV.

Стало вечерѣть. Отъ пахучаго павильона легла длинная тѣнь. Мальва, которая до сихъ поръ внимательно занималась изслѣдованіемъ гущи своихъ волосъ, вдругъ звѣнула и сказала томно:

— Пойдемъ, что ли, Челкашъ?

— Ну-къ что жъ, пойдёмъ... — Онъ поднялся и потянулся.—Прощай, что ли, товарищъ, — обратился онъ ко мнѣ.—Увидимся, такъ увидимся, а не увидимся, такъ и мортъ съ тобою. Страсть меня какъ эти самыя бабы любить. Въ родѣ меду.

Они ушли — оба молодые, стройные, гордые... Я все еще лежалъ въ тѣни городского павильона. Звенѣло солнце, и смѣялось море тысячами улыбокъ...

«Падающаго толкни!»—подумалъ я, всталъ, плюнулъ еще разъ и поплелся въ ночлежку.

ПРЕДСКАЗАНІЯ НОСТРАДАМА НА 2000 ГОДЪ.

(Изъ Беранже *).

Свидѣтель Геприха Четвертаго рожденья,
Великій Нострадамъ, ученый астрологъ,
Однажды предсказалъ: «Большія превращенья
Въ двухтысячномъ году покажетъ людямъ рокъ.
Въ Парижѣ, въ этотъ годъ, близъ Луврскаго чертога,
Раздастся жалкій стонъ среди радостныхъ людей:
«Французы добрые, подайте ради Бога,
Подайте правнуку французскихъ королей!»

* * *

Такъ у толпы, къ его страданьямъ равнодушной,
Попросить милости больной, безъ башмаковъ,
Изгнанникъ съ юности, худой и золотушный,
Отрепанный старикъ — потѣха школяровъ.
И скажетъ гражданинъ: «Эй, человекъ съ сумою!
Вѣдь нищихъ всѣхъ изгналъ законъ страны моей!»
— «Простите, господинъ! Мой родъ умретъ со мною,
Подайте что-нибудь потомку королей!»

* * *

*) Нострадамусъ, собств. Мишель Ностръ-Дамъ, франц. астрологъ (1503—1566), лейбъ-медикъ Карла IX. Его предсказанія «Conturies» напечатаны въ Парижѣ, 1863 г.

— «Ты что толкуешь тамъ о королевскомъ санѣ?»

— «Да! — гордо скажетъ онъ, скрывая въ сердцѣ
страхъ: —

На царство прадѣдъ мой вѣнчался въ Ватиканѣ,

Съ короной на челѣ, со скипетромъ въ рукахъ.

Онъ продалъ ихъ потомъ, платя толпѣ безбожной

Газетныхъ крикуновъ, шпионовъ и вралей.

Взгляните — вотъ мой жезлъ. То посохъ мой дорожный.

Подайте что-нибудь потомку королей!

* *
*

«Скончался мой отецъ въ долгахъ, въ тюрьмѣ холодной.

Къ труду я не привыкъ... и, нищихъ жизнь влача,

Извѣдать мнѣ пришлось, что чувствуетъ голодный,

И какъ безжалостна десница богача.

Я вновь пришелъ въ твои прекрасныя владѣнья,

О, ты, моихъ отцовъ изгнавшая земля!

Изъ состраданія къ безмѣрности паденья,

Подайте что-нибудь потомку короля!»

* * *
*

И скажетъ гражданинъ: — «Иди, бѣднякъ, за мною,

Жилища моего переступи порогъ.

Мы больше королей не чтимъ своей враждою, —

Останки ихъ родовъ лежатъ у нашихъ ногъ.

Покуда нашъ сенатъ въ торжественномъ собраньи

Рѣшеніе судьбы произнесетъ твоей,

Я, внукъ цареубійцы, не откажу въ даяньи

Тебѣ, послѣднему потомку королей!»

* * *
*

И дальше говоритъ великій предсказатель:
«Республика рѣшитъ назначить королю
Сто луидоровъ въ годъ. Потомъ, какъ избиратель,
Въ парламентъ онъ войдетъ отъ города Saint-Cloux.
Въ двухтысячномъ году, въ эпоху процвѣтанья
Науки и труда, узнаютъ средь людей
О томъ, какъ Франція свершила подаянье
Послѣднему потомку королей».

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПРАВОСУДИЕ.

Ложи, партеръ и хоры большой, въ два свѣта, залы губернскаго дворянскаго собранія были биткомъ набиты, и, несмотря на это, публика сохраняла такую тишину, что, когда ораторъ остановился, чтобы сдѣлать глотокъ воды, всѣмъ было слышно, какъ въ окнѣ бьется одинокая, поздняя муха.

Среди бѣлыхъ, розовыхъ и голубыхъ платьевъ дамъ, среди ихъ роскошныхъ обнаженныхъ плечей и пѣжныхъ головокъ сіяло шитье мундировъ, чернѣли фраки и золотились густыя эполеты.

Ораторъ, въ формѣ министерства народнаго просвѣщенія — высокій, худой человекъ, желтое лицо котораго, казалось, состояло только изъ черной бороды и черныхъ сверкающихъ очковъ — стоялъ на эстрадѣ, опираясь рукою на столъ.

Но внимательные глаза публики были обращены не на него, а на какой-то странный, массивный, гораздо выше человеческого роста, предметъ въ парусиновомъ чехлѣ, широкій снизу и узкій вверху, возвышавшійся сърой пирамидой тутъ же, на эстрадѣ, возлѣ самой рампы.

Утоливъ жажду, ораторъ откашлялся и продолжалъ: — Резюмирую кратко все сказанное. Итакъ, что мы видимъ, господа? Мы видимъ, что поощрительная система отнѣтокъ, наградъ и отличій ведетъ къ развитію

зависти и недоброжелательства въ однихъ и нежелательнаго озлобленія въ другихъ. Педагогическія внушенія теряютъ свою силу, благодаря частой повторяемости. Ставить на колѣни, въ уголь носомъ, у часовъ, подъ лампу и тому подобное — это часто служитъ не примѣромъ для прочихъ учениковъ, а чѣмъ-то въ родѣ общей потѣхи, смѣхотворнаго балагана. Заключение въ карцеръ положительно вредно, не говоря уже о томъ, что оно безплодно отнимаетъ время отъ учебныхъ занятій. Принудительная работа лишаетъ самую работу ея високаго, святаго смысла. Наказаніе голодомъ вредно отзывается на мозговой воспріимчивости. Лишеніе отпуска въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ только озлобляетъ учениковъ и вызываетъ неудовольствіе родителей. Чтò же остается? Исключить неспособнаго или шаловливаго юношу изъ школы, памятуя св. писаніе, совѣтующее лучше отсѣчь болящій членъ, нежели всему тѣлу быть зараженнымъ? Да, увы! — подобная мѣра бываетъ подчасъ такъ же неизбежна, какъ неизбежна, къ сожалѣнію, смертная казнь въ любомъ изъ благоустроенныхъ государствъ. Но прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ этому послѣднему, безвозвратному средству, поищемъ...

— А драть? — густымъ басомъ сказалъ изъ перваго ряда мѣстный комендантъ, сѣдой, тучный, глухой старецъ, и тотчасъ же подъ его кресломъ сердито и хрипло тьякнулъ мопсъ.

Генераль повсюду являлся съ палкой, слуховымъ рожкомъ и старымъ, задыхающимъ мопсомъ.

Ораторъ поклонился, пріятно ослабившись.

— Я не имѣлъ въ виду выразиться такъ коротко и опредѣленно, но въ основѣ его превосходительство угадали мою мысль. Да, Мм. Гг. и Мм. Гг., — мы еще не говорили объ одной доброй, старой, исконно-русской мѣрѣ — о наказаніи на тѣлѣ. Однако она лежитъ въ самомъ

духъ исторіи великаго русскаго народа, мощнаго своей національностью, патріотизмомъ и глубокой вѣрой въ Провидѣніе! Еще апостоль сказалъ: ему же урокъ — урокъ, ему же лоза — лоза. Незабвенный историческій памятникъ средневѣковой письменности — «Домострой» — съ отеческой твердостью совѣтуетъ то же самое. Вспомнимъ нашего геніальнаго царя-преобразователя — Петра Великаго съ его знаменитой дубинкой. Вспомните изреченіе безсмертнаго Пушкина, воскликнувшего:

...Наши предки чѣмъ древнѣе,
Тѣмъ больше съѣли баатовъ...

Вспомнимъ наконецъ нашего удивительнаго Гоголя, сказавшаго устами простого, немудрящаго крѣпостнаго слуги: мужика надо драть, потому что мужикъ балуется... Да, господа, я смѣло утверждаю, что наказаніе розгами по тѣлу проходитъ красной нитью черезъ все громадное теченіе русской исторіи и коренится въ самыхъ глубокихъ нѣдрахъ русской самобытности.

«Но, погружаясь мыслью въ прошедшее и являясь такимъ образомъ консерваторомъ, я, Мм. Гг. и Мм. Гг., тѣмъ не менѣе съ распростертыми руками иду навстрѣчу самому либеральнѣйшему изъ гуманистовъ. Я открыто, громко признаю, что въ тѣлесномъ наказаніи, въ томъ видѣ, какъ оно до сихъ поръ практиковалось, заключается много оскорбительнаго для наказуемаго и унижительнаго для наказующаго. Непосредственное насиліе челоѣка падъ челоѣкомъ возбуждаетъ неизбѣжно съ обѣихъ сторонъ ненависть, страхъ, раздраженіе, мстительность, презрѣніе и наконецъ злобное взаимное упорство въ преступленіи и въ наказаніи, доходящее до какого-то звѣрскаго сладострастія. Итакъ, вы скажете, господа, что я отвергаю тѣлесное наказаніе? Да, я отвергаю его, но только для того, чтобы снова утвердить, замѣнивъ чело-

вѣка машиной. После многолѣтнихъ трудовъ, размышленій и опытовъ я выработалъ наконецъ идею механическаго правосудія и осуществилъ ее — хорошо или дурно—это я сейчасъ же предоставляю судить почтеннѣйшему собранію».

Ораторъ сдѣлалъ знакъ головой въ сторону, туда, гдѣ въ дни любительскихъ спектаклей помѣщались кулисы. Тотчасъ же на эстраду выскочилъ бравый усатый вахтеръ и быстро снялъ брезентъ со страннаго предмета, стоявшаго у рамы. Глазамъ присутствующихъ предстала, блестя новыми металлическими частями, машина, нѣсколько похожая на тѣ самовѣсы, которые ставятся въ увеселительныхъ садахъ, для взвѣшиванія публики за 5 копеекъ, только сложнѣе и значительно больше размерами. По залу дворянскаго собранія пронесся вздохъ удивленія, головы заходили влево и вправо.

Ораторъ широко простеръ руку, указывая на аппаратъ.

— Вотъ мое дѣтище! — сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ. — Вотъ аппаратъ, который по чести можетъ быть названъ орудіемъ механическаго правосудія. Устройство его необыкновенно просто и по цѣнѣ доступно бюджету даже скромнаго сельскаго училища. Прошу обратить вниманіе на его устройство. Во-первыхъ, вы замѣчаете горизонтальную площадку на пружинахъ и ведущую къ ней металлическую подножку. На площадкѣ помѣщается узкая скамейка, спинка которой состоитъ также изъ весьма эластическихъ пружинъ, обвитыхъ мягкой кожей. Подъ скамейкой, какъ вы видите, свободно вращается на шарнирахъ система серповидныхъ рычаговъ. Отъ дѣйствія тяжести на пружины скамейки и платформы — рычаги эти, выходя изъ состоянія равновѣсія, описываютъ полукругъ и смыкаются попарно на высотѣ отъ пяти до восемнадцати вершковъ надъ поверхностью скамейки, въ зависимости отъ силы давленія. Сзади ска-

мейки возвышается вертикальный чугунный столбъ, полый внутри, съ квадратнымъ поперечнымъ сѣченіемъ. Въ его пустотѣ заключается мощный механизмъ, наподобіе часового, приводящійся въ движеніе четырехпудовой гирей и спиральной пружиной. Сбоку столба устроена небольшая дверца для чистки и вывѣриванія механизма, но ключи отъ нея, числомъ два, — прошу это особенно отмѣтить, господа, — хранятся только у главнаго инспектора механическихъ самосѣкателей извѣстнаго района и у начальника даннаго учебнаго заведенія Россіи. Такимъ образомъ этотъ аппаратъ, однажды приведенный въ дѣйствіе, уже никакъ не можетъ остановиться, не закончивъ своего назначенія, если только не будетъ насильственно поврежденъ, что однако представляется мало-вѣроятнымъ, въ виду исключительной простоты, прочности и массивности всѣхъ частей машины.

«Часовой механизмъ, пущенный въ ходъ, сообщаетъ посредствомъ зубчатыхъ колесъ движеніе небольшому, находящемуся внутри столба, горизонтальному валу, на поверхности котораго, по спиральной линіи, составляющей неполный оборотъ, вставлены въ стальные зажимы, перпендикулярно къ оси, восемь длинныхъ, гибкихъ камышевыхъ или стальныхъ прутьевъ. Въ случаѣ изнашиванія ихъ можно замѣнить новыми. Необходимо также пояснить, что валъ имѣетъ еще нѣкоторое послѣдовательное движеніе влѣво и вправо по винтовому ходу, чѣмъ достигается разнообразіе точекъ удара.

«Итакъ, валъ приведенъ въ движеніе, и вмѣстѣ съ нимъ движутся, описывая спиральные круги, прутья. Каждый пруть совершенно свободно проходитъ внизу, но, поднявшись вертикально наверхъ, онъ встрѣчаетъ препятствіе — перекладину, въ которую онъ сначала упирается своимъ верхнимъ концомъ, затѣмъ, задержанный ею, выгибается полукругомъ наружу и затѣмъ, сорва-

вшись съ нея, наноситьъ ударъ. А такъ какъ эта пере-
кладина можетъ быть передвигаема по желанію, вверхъ
и внизъ, на двухъ зубчатыхъ рейкахъ и закрѣпляется
на любой высотѣ специальными защелками, то вполне по-
нятно, что чѣмъ мы ниже опустимъ перекладину, тѣмъ
болѣе выгибается пруть и тѣмъ энергичнѣе наносится
ударъ. Этимъ мы регулируемъ силу наказанія, для ка-
ковой надобности на рейкахъ имѣются соответствующія
дѣленія отъ 0 до 24-хъ. Цифра ноль — самая верхняя,
она употребляется только въ тѣхъ случаяхъ, когда на-
казаніе носить лишь условный, такъ сказать, символи-
ческій характеръ, при 6-ти чувствуется уже значитель-
ная боль. Предѣломъ для низшихъ учебныхъ заведеній
мы считаемъ силу удара, означенную дѣленіемъ 10, для
среднихъ — 15, для войскъ, волостныхъ правленій и сту-
дентовъ — 20 и наконецъ для исправительныхъ арестант-
скихъ отдѣленій и бастующихъ рабочихъ полную мѣру,
т.-е. 24.

«Вотъ въ сущности схема моего изобрѣтенія. Остаются
детали. Эта рукоятка сбоку, совершенно такого же вида,
какъ ручка у шарманки, служитъ для завода внутрен-
ней спиральной пружины. Эта движущаяся въ полу-
круглой щели стрѣлка регулируетъ малую, среднюю или
большую скорость вращенія вала. На самомъ верху столба,
подъ стекломъ — механическій счетчикъ. Выскакивающія
въ немъ цифры, во-первыхъ, позволяютъ контролировать
правильность дѣйствія аппарата, а во-вторыхъ, служатъ
для статистическихъ и ревизіонныхъ цѣлей. Въ виду
второго назначенія, счетчикъ устроенъ такимъ образомъ,
что можетъ показывать до 60.000. Наконецъ, у подно-
жія столба вы, господа, видите нѣкоторое подобіе урны,
внутри коей на днѣ находится круглое отверстіе величи-
ной въ чайное блюдечко. Въ нее бросаютъ одинъ изъ
этихъ вотъ жетоновъ, послѣ чего весь механизмъ мгно-

венно приходитъ въ дѣйствіе. Всѣ жетоны разной величины и различнаго вѣса, отъ самаго маленькаго, величиною съ серебряный пяточокъ и соотвѣтствующаго минимальному наказанію въ 5 ударовъ, до этого, размѣромъ съ серебряный рубль, который, будучи опущенъ въ урну, заставляетъ машину отсчитать ровно 200 ударовъ. Различными комбинаціями изъ всѣхъ жетоновъ мы можемъ получить любое, кратное пяти, количество ударовъ отъ 5 до 350-ти. Но...—и тутъ ораторъ скромно улыбнулся:—но мы сочли бы нашу задачу невыполненной до конца, если бы остановились на этой предѣльной цифрѣ.

«Съ вашего изволенія, господа, я прошу васъ отмѣтить и запомнить ту цифру, которую показываетъ въ настоящую минуту счетчикъ. Кстати, почтеннѣйшая публика можетъ убѣдиться, что до момента опусканія жетоновъ въ урну можно совершенно безопасно стоять на подножкѣ.

«Итакъ... счетчикъ показываетъ 2900. Слѣдовательно по окончаніи экзекуціи стрѣлка должна будетъ отмѣтить... 3250... Кажется, я не ошибаюсь?..

«Достаточно бросить въ урну любой предметъ съ кругообразнымъ сѣченіемъ, все равно, продольнымъ или поперечнымъ, и вы можете увеличить количество ударовъ, если не до безконечности, то, во всякомъ случаѣ, до тѣхъ поръ, пока хватитъ пружиннаго завода, т.-е. приблизительно до 780 — 800. Конечно, я имѣлъ также въ виду и то, что въ общежитіи жетоны, весьма вѣроятно, будутъ замѣняться обыкновенной размѣнной монетой. На этотъ случай къ каждому механическому самосѣкателю прилагается сравнительная табличка вѣса мѣдной, серебряной и золотой монеты съ количествомъ ударовъ. Вы ее видите здѣсь, сбоку главнаго столба.

«Кажется, я уже кончилъ... Остаются нѣкоторыя подробности относительно устройства вращающейся подножки, качающейся скамейки и серповидныхъ рычаговъ.

Но такъ какъ оно нѣсколько сложно, то я предоставляю почтеннѣйшей публикѣ увидѣть его дѣйствіе во время демонстраціи, которую я буду имѣть честь немедленно же произвести.

«Вся процедура наказанія состоитъ въ слѣдующемъ. Сначала мы, тщательно разобравшись въ мотивахъ и свойствахъ преступленія, опредѣляемъ мѣру наказанія, т.-е. количество ударовъ, ихъ скорость и энергію, а иногда и матеріаль прутьевъ. Затѣмъ человѣку, завѣдующему аппаратомъ, посылается въ машинное отдѣленіе краткая рапортничка или сообщается по телефону. Машинистъ приготовляетъ все, что нужно, и немедленно удаляется. замѣтьте, господа, человѣка нѣтъ, остается только машина. Одна безпристрастная, непоколебимая, спокойная, справедливая машина.

«Сейчасъ я перехожу къ опыту. Преступника намъ замѣнить кожаный манекень. Для того, чтобы показать машину въ самомъ блестящемъ видѣ, мы условимся, что передъ нами находится наитягчайшій преступникъ».

— Сторожъ! — крикнулъ ораторъ за кулисы. — Приготовьте: сила 24, скорость малая.

При общемъ напряженномъ молчаніи усатый вахтеръ завелъ рукояткой машину, опустилъ внизъ перекладину, передвинулъ стрѣлку указателя и скрылся за кулисами.

— Теперь все готово, — сказалъ ораторъ: — и комната, гдѣ стоитъ самосѣкатель, совершенно пуста. Намъ остается только призвать наказуемаго, объяснить ему степень его виновности и размѣръ наказанія, и онъ самъ — замѣтьте, господа, самъ! — самъ беретъ изъ ящичка соотвѣтствующія марки. Конечно, можно устроить такъ, что онъ тутъ же опускаетъ ихъ въ отверстіе, устроенное въ столѣ, а онѣ по особому желобу падаютъ внизъ, прямо въ урну... Но это ужъ деталь — очень легко выполняемая и несущественная.

«Съ этого момента виновный весь находится во власти машины. Онъ идетъ въ уборную, гдѣ и раздѣвается. Отворяетъ дверь, становится на подножку, опускаетъ жетоны въ урну и... кончено. Дверь за нимъ герметически запирается. Онъ можетъ простоять на подножкѣ хоть до второго пришествія, но непременно кончитъ тѣмъ, что броситъ жетоны въ урну. Ибо, Мм. Гг. и Мм. Гг.,—воскликнулъ педагогъ съ торжествующимъ смѣхомъ:—ибо подножка и платформа устроены такимъ образомъ, что каждая минута промедленія на нихъ увеличиваетъ число ударовъ на количество отъ 5-ти до 30-ти, въ зависимости отъ вѣса наказуемаго... Но едва только онъ опуститъ свои марки, какъ подножка дѣлаетъ вращательное движеніе снизу вверхъ и напередъ, скамейка въ то же время подымается головнымъ концомъ вертикально вверхъ, и брошенный на ея спину преступникъ охватывается въ трехъ мѣстахъ — за шею, вокругъ поясицы и за ноги — серповидными рычагами, и скамейка принимаетъ прежнее горизонтальное положеніе. Все это совершается буквально въ одно мгновеніе. Въ слѣдующій мигъ наносится первый ударъ, и теперь никакая сила не можетъ ни остановить дѣйствія машины, ни ослабить ударовъ, ни увеличить или уменьшить скорость вращенія вала до тѣхъ поръ, пока не свершится полное правосудіе. Это физически невозможно сдѣлать, не имѣя ключа».

— Сторожъ, принесите манекенъ. Прошу уважаемую аудиторію назначить число ударовъ... Просто какую-нибудь цифру... желательно трехзначную, но не болѣе 350-ти. Прошу васъ...

— Пятьсотъ! — крикнулъ комендантъ.

— Бэффъ! — брехнулъ монсъ подъ его стуломъ.

— Пятьсотъ слишкомъ много, — мягко возразилъ ораторъ. — Но, во вниманіе къ желанію, высказанному его превосходительствомъ, остановимся на максимальномъ

числѣ. Пусть будетъ 350. Мы опустимъ въ урну всѣ имѣющіеся у насъ жетоны.

Въ это время сторожъ внесъ подъ мышкой уродливый кожанный манекенъ и поставилъ его на полъ, поддерживая сзади. Въ искривленныхъ ногахъ манекена, въ растопыренныхъ рукахъ и въ закинутой назадъ головѣ было что-то вызывающее и насмѣшливое.

Стоя на подножкѣ, ораторъ продолжалъ:

— Мм. Гг. и Мм. Гг.! Еще одно послѣднее слово. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что мой механическій самосѣкатель долженъ въ ближайшемъ будущемъ получить самое широкое распространеніе. Мало-по-малу его примутъ во всѣхъ школахъ, училищахъ, корпусахъ, гимназіяхъ и семинаріяхъ. Мало того — его введутъ въ армію и флотъ, въ деревенскій обиходъ, въ военныя и гражданскія тюрьмы, въ участки и пожарныя команды, во всѣ истинно-русскія семьи.

«Жетоны постепенно и неизбежно вытѣсняются деньгами, и такимъ образомъ не только окупается стоимость машинъ, но получатся сбереженія, которыя могутъ быть употребляемы на благотворительныя и просвѣтительныя цѣли. Исчезнетъ самъ собой бичъ нашихъ финансовъ — вѣчныя недоимки, потому что при взысканіи ихъ, съ помощью этого аппарата, крестьянинъ неизбежно долженъ будетъ опустить въ урну причитающуюся съ него сумму. Исчезнутъ пороки, преступленія, лѣнь и халатность; процвѣтутъ трудолюбіе, умѣренность, трезвость и бережливость...

«Трудно предугадать болѣе глубокую будущность этой машины. Развѣ могъ предвидѣть великій Гутенбергъ, устраивая свой наивный деревянный станокъ, тотъ неизмѣримо-громадный переворотъ, который книгопечатаніе внесло въ исторію человѣческаго прогресса? Однако я далекъ отъ мысли, господа, кичиться передъ вами въ

своемъ авторскомъ самолюбіи, тѣмъ болѣе, что мнѣ принадлежитъ лишь голая идея. Въ практической разработкѣ моего изобрѣтенія мнѣ оказали самую существенную помощь учитель физики въ здѣшней IV гимназіи г. N. и инженеръ X. Пользуюсь лишнимъ случаемъ, чтобы выразить имъ мою глубокую признательность».

Зала загремѣла отъ аплодисментовъ. Два человѣка изъ перваго ряда встали и застѣнчиво, неловко поклонились публикѣ.

— Для меня же лично, — продолжалъ ораторъ: — величайшимъ удовлетвореніемъ служить безкорыстное сознание пользы, принесенной мною возлюбленному отечеству, и — вотъ эти вотъ — знаки милостиваго вниманія, которые я на-дняхъ имѣлъ счастье получить: именныя часы съ портретомъ его высокопревосходительства и медаль отъ курскаго дворянства съ надписью: *Similia Similibus*.

Онъ отцѣпилъ и поднялъ высоко надъ головой огромный старинный хронометръ, приблизительно въ полфунта вѣсомъ; на особой коротенькой цѣпочкѣ болталась массивная золотая медаль.

— Я кончилъ, господа, — прибавилъ тихо и торжественно ораторъ, кланяясь.

Но еще не успѣли разразиться аплодисменты, какъ произошло нѣчто невѣроятное, потрясающее. Часы вдругъ выскользнули изъ поднятой руки педагога и съ металлическимъ грохотомъ провалились въ урну.

Въ тотъ же моментъ машина зашипѣла и защелкала. Подножка вывернулась кверху, скамейка быстро качнулась вверхъ и внизъ, блеснула сталь сомкнувшихся рычаговъ, мелькнули въ воздухѣ фалды форменнаго фрака, и, вслѣдъ за отчетливымъ, рѣзкимъ ударомъ, по залу пронесся дикій вопль изобрѣтателя.

— 2901! — стукнулъ механическій счетчикъ.

Трудно описать въ быстрыхъ и отчетливыхъ чертахъ

то, что произошло въ собраніи. Сначала всѣ опѣшили на нѣсколько секундъ. Среди общей тишины раздавались лишь крики невольной жертвы, свистъ прутьевъ и щелканье счетчика. Потомъ всѣ ринулись на эстраду...

— Ради Бога! — кричалъ несчастный. — Ради Бога! Ради Бога!

Но помочь ему было невозможно. Мужественный учитель физики протянулъ-было руку, чтобы схватить пруть, но тотчасъ же отдернулъ ее назадъ, и всѣ увидѣли на ея наружной поверхности длинный кровавый рубецъ. Передвинутая перекладина не поддавалась никакимъ усиліямъ.

— Ключъ! Скорѣе ключъ! — кричалъ педагогъ. — Онъ у меня въ панталонахъ! Скорѣе!

Преданный вахтеръ кинулся обыскивать карманы, едва уклоняясь отъ ударовъ. Но ключа не оказалось.

— 2950 — 2951 — 2952 — 2953, — продолжалъ отщелкивать счетчикъ.

— Ваше высокоблагородіе! — сказалъ со слезами на глазахъ вахтеръ. — Дозвольте снять панталоны. Жалко, если пропадутъ... Совсѣмъ новые... Которыя дамы, такъ онѣ отвернутся.

— Убирайся къ чорту, идиотъ! Ой, ой, ой!.. Господа, ради Бога!.. Ой, ой... Я забылъ... Ключи у меня въ пальто... Ой, поскорѣе!

Побѣжали въ переднюю за пальто. Но и тамъ ключа не оказалось. Очевидно, изобрѣтатель забылъ его дома. Кто-то вызвался съѣздить за нимъ. Предводитель дворянства предложилъ своихъ лошадей.

Отрывистые удары сыпались черезъ каждую секунду съ математической правильностью; педагогъ кричалъ, а счетчикъ равнодушно отсчитывалъ:

— 3180 — 3181 — 3182...

Какой-то гарнизонный подпоручикъ вдругъ выхватилъ

шашку и принялся съ ожесточеніемъ рубить по машинѣ, но послѣ пятого же удара въ рукахъ у него остался одинъ эфесъ, а отскочившій клинокъ ударилъ по ногамъ предсѣдателя земской управы. Панталоны изобрѣтателя уже превратились сверху въ лохмотья. Ужаснѣе всего было то, что нельзя было предугадать, когда остановится дѣйствіе машины. Часы оказались черезчуръ тяжелыми. Человѣкъ, уѣхавшій за ключомъ, все не возвращался, а счетчикъ, уже давно перевалившій за назначенное изобрѣтателемъ число, спокойно отсчитывалъ:
— 3999 — 4000 — 4001.

Педагогъ не прыгалъ больше. Онъ лежалъ съ разинутымъ ртомъ и выпученными глазами и лишь судорожно дергалъ конечностями.

Но комендантъ вдругъ затрясся отъ негодованія, налился кровью и заревѣлъ подъ лай своего мопса:

— Безобразіе! Развратъ! Немысленно! Подать сюда пожарную команду!

Эта мысль была самой мудрой. Мѣстный губернаторъ былъ большимъ любителемъ пожарныхъ выѣздовъ и щеголялъ ихъ быстротой. Меньше чѣмъ черезъ пять минутъ, и именно въ тотъ моментъ, когда счетчикъ отстукивалъ 4550-ый ударъ, молодцоватые пожарные съ топорами, ломами и крючьями ворвались на эстраду.

Великолѣпный механическій самосѣкатель погибъ на вѣки вѣчныя, а вмѣстѣ съ нимъ умерла и великая идея. Что же касается до изобрѣтателя, то, проболѣвъ довольно долго отъ тѣлесныхъ поврежденій и нервнаго потрясенія, онъ возвратился къ своимъ обязанностямъ. Но роковой случай совершенно преобразилъ его. Онъ сталъ на всю жизнь тихимъ, кроткимъ, меланхолическимъ человѣкомъ и, хотя преподавалъ латынь и греческій, тѣмъ не менѣе вскорѣ сдѣлался общимъ любимцемъ своихъ учениковъ.

Къ своему изобрѣтенію онъ не возвращался.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО.

Да, гг. судьи, я убилъ его!

Но напрасно медицинская экспертиза оставила мнѣ лазейку, — я ею не воспользуюсь.

Я убилъ его въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, убилъ сознательно, убѣжденно, холодно, безъ малѣйшаго раскаянія, страха или колебанія. Будь въ вашей власти воскресить покойнаго — я бы снова повторилъ мое преступленіе.

Онъ преслѣдовалъ меня всегда и повсюду. Онъ принималъ тысячи человѣческихъ личинъ и даже не брезговалъ — безстыдникъ! — переодѣваться женщиной. Онъ притворялся моимъ родственникомъ, добрымъ другомъ, сослуживцемъ и хорошимъ знакомымъ. Онъ гримировался во всѣ возрасты, кромѣ дѣтскаго (это ему не удавалось и выходило только смѣшно). Онъ переполнилъ собою мою жизнь и отравилъ ее.

Всего ужаснѣе было то, что я заранѣе предвидѣлъ всѣ его слова, жесты и поступки.

Встрѣчаясь со мною, онъ всегда растопыривалъ руки и восклицалъ нараспѣвъ:

— А-а! Ко-го я вижу! Сколько лѣтъ... Ну? Какъ здоровье?

И тотчасъ же отвѣчалъ самъ себѣ, хотя я его ни о чемъ не спрашивалъ:

— Благодарю васъ. Ничего себѣ. Понемножку. А читали въ сегодняшнемъ номерѣ?..

Если онъ при этомъ замѣчалъ у меня флюсъ или ячмень, то ужъ ни за что не пропуститъ случая заржать:

— Что это васъ, батенька, такъ перекосило? Нехорошо-о-о!

Онъ напередъ зналъ, негодяй, что мнѣ больно вовсе не отъ флюса, а отъ того, что до него еще пятьдесятъ идиотовъ предлагали мнѣ тотъ же самый бессмысленный вопросъ. Онъ жаждалъ моихъ душевныхъ терзаній, палячь!

Онъ приходилъ ко мнѣ именно въ тѣ часы, когда я бывалъ занятъ по горло спѣшной работой. Онъ садился и говорилъ:

— А-а! Я тебѣ, кажется, помѣшалъ?

И сидѣлъ у меня битыхъ два часа со скучной, нудной болтовней о себѣ и своихъ дѣтяхъ. Онъ видѣлъ, какъ я судорожно хватаю себя за волосы и до крови кусаю губы, и наслаждался видомъ моихъ унижительныхъ мученій.

Отравивъ мое рабочее настроеніе на цѣлый мѣсяць впередъ, онъ вставалъ, зѣвая, и произносилъ:

— Всегда съ тобой заболтаешься. А меня дѣла ждуть.

На желѣзной дорогѣ онъ всегда заводилъ со мною разговоръ съ одного и того же вопроса:

— А позвольте узнать, далеко ли изволите ѣхать?

И затѣмъ:

— По дѣламъ или такъ?

— А гдѣ изволите служить?

— Женаты?

— Законнымъ? Или такъ?

О, я хорошо изучилъ всѣ его повадки. Закрывъ глаза, я вижу его, какъ живого. Вотъ онъ хлопаетъ меня по плечу, по спинѣ и по колѣну, дѣлаетъ широкіе жесты передъ самымъ моимъ носомъ, отъ чего я вздрагиваю и

морщусь, держитъ меня за пуговицу сюртука, дышитъ мнѣ въ лицо, брызгается. Вотъ онъ часто дрожитъ ногой подъ столомъ, отъ чего дребезжитъ ламповый колпакъ. Вотъ онъ барабанитъ пальцами по спинкѣ моего стула во время длинной паузы въ разговорѣ и тянетъ значительно: «н-да-а», и опять барабанитъ, и опять тянетъ: «н-да-а». Вотъ онъ стучитъ костяжками пальцевъ по столу, отхаживая отыгранные пики и прикряхивая: «А это что? А это? А это?..» Вотъ въ жаркомъ русскомъ спорѣ приводитъ онъ свой излюбленный аргументъ:

— Э, батенька, ерунду вы порете!

— Почему же ерунду?—спрашиваю я робко.

— Потому что чепуху!

Что я сдѣлалъ дурного этому человѣку, я не знаю. Но онъ поклялся испортить мое существованіе и испортилъ. Благодаря ему, я чувствую теперь глубокое отвращеніе къ морю, лунѣ, воздуху, поэзіи, живописи и музыкѣ.

«Толстой? — оралъ онъ и устно, и письменно, и печатно.—Состояніе перевелъ на жену, а самъ... А съ Тургеневымъ-то онъ какъ... Сапоги шилъ... Великій писатель земли русской... Урра!..

«Пушкинъ? О, вотъ кто создалъ языкъ. Помните у него: «Тиха украинская ночь, прозрачно небо»... А жена-то его, знаете, того... А въ III-мъ отдѣленіи, вы знаете, что съ нимъ сдѣлали? А помните... тсс... здѣсь дамъ цѣтъ, помните, какъ у него эти стишки:

Бдемъ мы на лодочкѣ,
Подъ лодочкой вода...

«Достоевскій?.. Читали, какъ онъ однажды пришелъ ночью къ Тургеневу каяться... Гоголь — знаете, какая у него была болѣзнь?»

Я иду на выставку картинъ и останавливаюсь передъ тихимъ вечернимъ пейзажемъ. Но онъ слѣдилъ, под-

лець, за мною по пятамъ. Опъ уже торчитъ сзади меня и говоритъ съ апломбомъ:

— Очень мило нарисовано... даль... воздухъ... луна съ всѣмъ какъ живая... Помнишь, Нина, у Типяевыхъ приложеніе къ «Невѣ»? Есть что-то общее...

Я сижу въ оперѣ, слушаю «Кармень». Но онъ уже тутъ какъ тутъ. Опъ помѣстился сзади меня, положилъ ноги на нижній ободокъ моего кресла, подпиываетъ очаровательному дуэту послѣдняго дѣйствія, и я съ ненавистью чувствую каждое движеніе его тѣла. И я также слышу, какъ въ антрактѣ онъ говоритъ умышленно громко, специально для меня:

— Удивительныя пластинки у Задодадовыхъ. Настоящій Шаляпинъ. Просто и не отличить.

Да! Это онъ, не кто, какъ онъ, изобрѣлъ шарманку, граммофонъ, біоскопъ, фотофонъ, біографъ, фонографъ, ауксетофонъ, патефонъ, музыкальный ящикъ монопанъ, механическаго тапера, автомобиль, бумажные воротники, олеографію и газету.

Отъ него нѣтъ спасенія! Иногда я убѣгалъ ночью на глухой морской берегъ, къ обрыву, и ложился тамъ въ уединеніи. Но онъ, какъ тѣнь, слѣдовалъ за мною, подкрадывался ко мнѣ и вдругъ произносилъ увѣренно и самодовольно:

— Какая чудная ночь, Катенька, не правда ли? А облака? Совсѣмъ какъ на картинѣ. А вѣдь попробуй художникъ такъ нарисовать — ни за что не повѣрятъ. Онъ убилъ лучшія минуты моей жизни — минуты любви, милыя, сладкія, незабвенныя ночи юности. Сколько разъ, когда я брелъ подъ руку съ молчаливымъ, прелестнымъ, поэтичнымъ созданіемъ вдоль аллеи, усыпанной лунными пятнами, онъ, принявъ неожиданно женскій образъ, склонялъ мнѣ голову на плечо и произносилъ голосомъ театральной инженю:

— Скажите, 'вы любите' природу? Что до меня—я безумно 'обожаю' природу.

Или:

— Скажите, 'вы любите' мечтать при лунѣ?

Онъ 'былъ' многообразенъ и многоличенъ, мой истязатель, но всегда оставался однимъ и тѣмъ же. Онъ принималъ видъ профессора, доктора, инженера, женщины-врача, адвоката, курсистки, писателя, жены акцизнаго надзирателя, помѣщика, чиновника, пассажира, посѣтителя, гостя, незнакомца, зрителя, читателя, сосѣда по дачѣ. Въ ранней молодости я имѣлъ глупость думать, что все это были отдѣльные люди. Но онъ былъ одинъ. Горькій опытъ открылъ мнѣ наконецъ его имя. Это — русскій интеллигентъ.

Если онъ не терзалъ меня лично, то повсюду онъ оставлялъ свои слѣды, свои визитныя карточки. На вершинѣ Бештау и Машука я находилъ оставленные имъ апельсиныя корки, коробки изъ-подъ сардинокъ и конфетныя бумажки. На камняхъ Алупки, на верху Ивановской колокольни, на гранитахъ Иматры, на стѣнахъ Бахчисарая, въ Лермонтовскомъ гротѣ—я видѣлъ сдѣланныя имъ надписи:

«Пуся и Кузики, 1903 года, 27 февраля».

«Ивановъ».

«А. М. Плохохвостовъ изъ Саралула».

«Ивановъ».

«Печорина».

«Ивановъ».

«М. Д.... П. А. Р... Талочка и Ахметъ».

«Ивановъ».

«Трофимъ Живопудовъ. Городъ Самара».

«Ивановъ».

«Адель Седовайчикъ изъ Минска».

«Ивановъ».

«Съ сей возвышенности любовался морскимъ видомъ С. Никодимъ Ивановичъ Безупречный».

«Ивановъ».

Я читалъ его стихи и замѣтки во всѣхъ посѣтительскихъ книгахъ: и въ Пушкинскомъ домѣ, и въ Лермонтовской саклѣ, и въ старинныхъ монастыряхъ. «Были здѣсь Чикуновы изъ Пензы. Пили квасъ и ѣли осетрину. Желаемъ того же и вамъ». «Посѣтилъ родное пепелище великаго русскаго поэта, учитель чистописанія Воронежской мужской гимназіи Пистоль».

„Хвала тебѣ, Ай-Петри великанъ
Въ одеждѣ царственной изъ сосень!
Взошелъ сегодня на твой мощный станъ
Штабсъ-капитанъ въ отставку Просинь“.

Стѣило мнѣ только раскрыть любую русскую книгу,— какъ я сейчасъ же натыкался на него. «Сію книгу читалъ Пафнутенко». «Авторъ дуракъ». «Господинъ авторъ не читалъ Карла Маркса». Или вдругъ длинная и безвкусная, какъ мочалка, полемика карандашомъ на поляхъ. И, конечно, не кто иной, какъ онъ, загибалъ во всѣхъ книгахъ углы, выривалъ страницы и тушилъ книгой стеариновые свѣчки.

Гг. судьи! Мнѣ тяжело говорить дальше... Этотъ человекъ поругалъ, осмѣялъ и опозлилъ все,— что мнѣ было дорого, нѣжно и трогательно. Я боролся очень долго съ самимъ собою... Шли года. Нервы мои становились раздражительнѣе... Я видѣлъ, что намъ обоимъ душно на свѣтѣ. Одинъ изъ насъ долженъ былъ уйти.

Я давно уже предчувствовалъ, что какая-нибудь мелочь, пустой случай толкнетъ меня на преступленіе. Такъ и случилось.

Вы знаете подробности. Въ вагонѣ было такъ тѣсно, что пассажиры сидѣли на головахъ другъ у друга. А онъ съ женой, съ сыномъ, гимназистомъ приготовительнаго

класса и съ кучей вещей занялъ двѣ скамейки. Онъ на тотъ разъ одѣлся въ форму министерства народнаго просвѣщенія. Я подошелъ и спросилъ:

— Нѣтъ ли у васъ свободнаго мѣста?

Онъ отвѣтилъ, какъ бульдогъ надъ костью, не глядя на меня:

— Нѣтъ. Тутъ еще одинъ господинъ сидитъ. Вотъ его вещи. Онъ сейчасъ придетъ.

Поѣздъ тронулся. Я нарочно остался стоять подлѣ. Проѣхали верстъ десять. Господинъ не приходилъ. Я нарочно стоялъ, молчалъ и глядѣлъ на педагога. Я думалъ, что въ немъ не умерла совѣсть.

Напрасно. Проѣхали еще верстъ съ пятнадцать. Онъ досталъ корзину съ провизіей и сталъ закусывать. Потомъ они пили чай. По поводу сахара произошелъ семейный скандалъ.

— Петя! Зачѣмъ ты взялъ потихоньку кусокъ сахара?

— Честное слово, ей-Богу, папаша, не бралъ. Вотъ вамъ ей-Богу.

— Не божись и не лги. Я нарочно пересчиталъ утромъ. Было восемнадцать кусковъ, а теперь семнадцать.

— Ей-Богу!

— Не божись. Стыдно лгать. Я тебѣ все прощу, но лжи не прощу никогда. Лгутъ только трусы. Тотъ, кто солгалъ, тотъ можетъ убить, и украсть, и измѣнить государю и отечеству...

И пошло, и пошло... Я эти рѣчи слыхалъ отъ него самого еще въ моемъ бѣдномъ дѣтствѣ, когда онъ былъ сначала моей гувернанткой, а потомъ класснымъ наставникомъ, и позднѣе, когда онъ писалъ публицистику въ умѣренной газетѣ.

Я вмѣшался:

— Вотъ вы браните сына за ложь, а сами въ его присутствіи лжете, что это мѣсто занято какимъ-то господиномъ. Гдѣ этотъ господинъ? Покажите мнѣ его.

Педагогъ побагровѣлъ и выкатилъ глаза.

— Прошу не приставать къ постороннимъ пассажирамъ, когда къ вамъ не обращаются съ разговорами. Чтò это за безобразіе, когда каждый будетъ приставать? Господинъ кондукторъ, заявляю вамъ. Вотъ они все время нахально пристають къ незнакомымъ. Прошу принять мѣры. Иначе я заявлю въ жандармское управленіе и занесу въ жалобную книгу.

Кондукторъ пожурилъ меня отечески и ушелъ. Но педагогъ долго не могъ уняться...

— Разъ васъ не трогаютъ, и вы не трогайте. А еще въ шляпѣ и въ воротничкѣ, повидимому, интеллигентъ... Если бы это себѣ позволилъ мужикъ или мастеровой... А то интеллигентъ!

Интел-ли-гентъ! Палачъ назвалъ меня палачомъ! Конечно... Онъ произнесъ свой приговоръ.

Я вынулъ изъ кармана пальто револьверъ, взвелъ курокъ и, цѣлясь педагогу въ переносицу, между глазъ, сказалъ спокойно:

— Молись.

Онъ, поблѣднѣвъ, закричалъ:

— Карррау-у-уль!

Это слово было его послѣднимъ словомъ. Я спустилъ курокъ.

Я кончилъ, гг. судьи. Повторяю: ни раскаянія ни жалости нѣтъ въ моей душѣ. Но одна ужасная мысль гложетъ меня и будетъ глотать до конца моихъ дней — все равно, проведу я ихъ въ тюрьмѣ или въ сумасшедшемъ домѣ:

«У него остался сынъ! Чтò, если онъ унаслѣдуетъ цѣликомъ отцовскую натуру?»

МОЙ ПАСПОРТЪ.

Пасхальное стихотворение въ прозѣ.

Конечно, нѣтъ болѣе смѣшного и пелѣпаго явленія въ пестрой русской жизни, чѣмъ эта тоненькая книжка, которая лежитъ сейчасъ у меня передъ глазами на письменномъ столѣ рядомъ съ велосипеднымъ номеромъ и желѣзной бляхой моего гончаго кобеля «Завирайки». Боже мой! Какая трата силъ, энергіи, ума, здоровья, душевнаго спокойствія, честности, любви и взаимнаго довѣрія— и все изъ-за нѣсколькихъ страничекъ, захватанныхъ чужими руками и никому не нужныхъ! О, вы, мои товарищи по несчастью, вы, рязанскіе плотники, калужскіе каменщики, ярославскіе разпосчики, тульскіе банщики, зарайскіе и псковскіе извозчики, смоленскіе и витебскіе землекопы, вы, простосердечныя кухарки, водовозы, селедочницы и другіе милые люди, не вошедшіе въ число особъ первыхъ четырехъ классовъ, вы всѣ, имѣющіе ростъ — средній, цвѣтъ волосъ — русый, глаза обыкновенные, лицо чистое, но зато не имѣющіе ни одной особой примѣты, вы, невольные странники, которыхъ за утерю вида гонять по этапу съ крайняго юга на крайній сѣверъ моей прекрасной и нѣсуразной родины, — я мысленно обнимаю васъ отъ всего моего сердца въ этотъ весенній день, накануне теплаго, радостнаго праздника!

Но въ тѣ года, когда неслышными шагами подходитъ къ намъ старость,—тогда таинственную, очаровательную, сладкую и грустную власть приобрѣтаютъ надъ нашей душой всѣ вещи, запахи, звуки и слова, говорящіе объ уплывшемъ прошломъ. Для молодости непонятна наша томная, длительная любовь къ далекимъ воспоминаніямъ. И потому-то сейчасъ, въ эту минуту, я искренно благодарю васъ, жирные, хриплые исправники, и васъ, расторопные становые въ густыхъ подусникахъ, и васъ, проницательные урядники, и васъ, толстые швейцары отелей, и васъ, лукавые рыжебородые старшіе дворники, и васъ, умные прыщавые паспортисты (хотя отъ васъ всегда дурно пахло заношеннымъ бѣльемъ и сквернымъ табакомъ, и рука ваша, принимающая тайный рубль, была всегда мокра),—благодарю васъ за то, что вы—сами не зная для чего—такъ заботливо отмѣтили всѣ станціи въ моей длинной жизни.

Пасха—всегда Пасха.

Она одна и та же для всего живущаго: для обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ, для монголовъ, индо-европейцевъ, негровъ и туареговъ, для людей сѣвера и юга, для лошадей, собакъ, рыбъ, жуковъ, деревьевъ и даже чиновниковъ. Свѣтлый, ликующій праздникъ: весна, солнце, новая любовь, пѣсни, тепло и зелень! И вотъ, брезгливо перебирая грязные листы этой диковинной книжки, я радостно и грустно перебираю воспоминанія о моихъ прежнихъ веснахъ.

Москва. Колокольня. Какая веселая, пьянящая, головокружительная пестрота внизу, подъ моими ногами. Небо страшно близко: вотъ-вотъ дотянешься рукой до бѣлаго, пухлаго, лѣниваго облачка. О, верхъ мальчишескаго счастья—наконецъ-то въ моихъ рукахъ веревка отъ самаго главнаго, самаго большого колокола. Грушевидный языкъ его тяжель и долго скрипитъ своимъ ухомъ, пока его

раскачаешь. Ба-амъ! Теперь ужъ больше ничего не видишь, не слышишь и не понимаешь. Въ ушахъ больно отъ мощныхъ мѣдныхъ колебаній. Еще! Еще! Ласточки стрѣлой проносятся мимо тебя. Любительскіе голуби стаей плаваютъ высоко въ воздухѣ..

Кіевъ. Чудесный городъ, весь похожій на сдобную, славою попадью съ масляными глазами и краснымъ ртомъ. Помню, какъ мы, возбужденные тепломъ черной ночи, ароматнымъ вѣтромъ, огнями на улицахъ и этой тревожной, танцующей суетой, ходили изъ церкви въ церковь, изъ костела въ кирку, къ единовѣрцамъ, грекамъ и старообрядцамъ. Ахъ! Красота женскихъ лицъ, освѣщаемыхъ снизу живымъ огнемъ свѣчки, — этотъ блескъ зубовъ и прелесть улыбающихся нѣжныхъ губъ, и яркіе блики въ глазахъ, и тоненькіе пальчики, изгибающіе растопленный воскъ въ смѣшныя завитушки.

Почему-то безпричинно хотѣлось смѣяться и приплясывать. И мотивы ирмосовъ были все такіе веселые: трамъ-трамъ, тра-ля-лямъ! И всѣ смѣялись — смѣялись новой веснѣ, воскресенію, цвѣтамъ, радостямъ своего тѣла!

А вотъ отъ старообрядцевъ насъ попросили уйти... Видитъ Богъ, въ нашемъ смѣхѣ не было никакого зла! Но, когда на клиросѣ бородатые, рыжіе, серьезные мужики запѣли въ унисонъ козлиными голосами, умышленно и неестественно гнусавя и искажая слова:

Христосъ воскресе иза меретавыха,
Самертію на самерти насатупивъ
И гробнымъ животъ дахорахова, —

ну, просто мы были поражены неожиданностью и покатились со смѣху, какъ это было недавно со мной, когда въ моемъ присутствіи одинъ поэтъ-символистъ — человекъ несомнѣннаго, даже исключительнаго таланта — вдругъ зачиталъ что-то о кладбищѣ и о мертвецахъ на мотивъ «чижика»: я зналъ, что мой смѣхъ неучтивъ, но

не могъ усиленіемъ воли побѣдить его. Такъ и у старообрядцевъ... Но все-таки была ночь, и я жилъ, и я этого никогда не забуду. Я до сихъ поръ помню и люблю этихъ серьезныхъ, пѣвшихъ весну людей. А потомъ еще было утро, разливъ Днѣпра, черемуха, немножко любви...

Вижу я также на моемъ паспортѣ скромную помѣтку Сергіева посада. Это — Троицко-Сергіевская лавра. Я люблю этотъ уголокъ, осколокъ Москвы XVI столѣтія, эти красныя и бѣлыя стѣны съ зубцами и бойницами, ёрнический торгъ на широкой площади, расписныя троичныя сани, управляемыя ямщиками въ поддевкахъ и въ круглыхъ шляпахъ съ павлиньими перьями, «Купецъ, пожалуйста!..», и блинные ряды, и безконечное множество толстыхъ, зобастыхъ и сладострастныхъ святыхъ голубей, и монаховъ съ сонными глазами, большимъ засаленнымъ животомъ и пальцами, какъ у новорожденнаго младенца — огурчикомъ, и пряничныхъ коней, и деревянныхъ куколъ — произведенія балбешниковъ, и помню еще многое другое.

Да. Но участвовать въ великомъ праздникѣ мнѣ не удалось. За два дня до Воскресенія Христова, въ четыре часа утра, ко мнѣ постучались. Я побѣжалъ босикомъ, почти голый, по длинному, холодному, коридору (ибо я ждалъ тогда нетерпѣливо извѣстій отъ безконечно дорогого мнѣ человека) и, довѣрчиво отворяя дверь, спросилъ въ восторгѣ:

— Да? Телеграмма?

— Да, — отвѣтили они: — телеграмма, — и вошли:

1) жандармскій унтеръ-офицеръ Богуцкій Тома, 2) два городскихъ дворниковъ и пр., и 3) спустя 10 минутъ мѣстный полицеймейстеръ, мѣстный жандармскій ротмистръ Вороновъ (холеное лицо, безпристрастность, небрежность и — «онъ все знаетъ напередъ»), чохоточный околоточный, хозяинъ моего дома со смѣшной фамиліей Дмитрій Дюпской, понятые.

— Ты его обыскалъ?

— Такъ точно, ваше-ссс...

— Вы можете одѣться.

Но я отвѣтилъ, что я привыкъ всегда ходить дома только въ одной ночной рубашкѣ.

Потомъ онъ сѣлъ за мой письменный столъ и началъ рыться въ дорогихъ мнѣ письмахъ, карточкахъ, записныхъ книжкахъ. Я сѣлъ рядомъ съ нимъ на столъ. Это была также моя привычка. Тогда онъ любезно позволилъ мнѣ «взять стулъ». Но я намекнулъ ему, что я, какъ хозяинъ дома, могъ бы первымъ предложить ему то же самое. Словомъ, у насъ сдѣлались сразу довольно тяжелыя отношенія. Онъ былъ человѣкъ твердый и многосторонне образованный, онъ увидѣлъ въ одной изъ моихъ записныхъ книжекъ слѣдующіе знаки:

| - | - | - - | - |
- | - | - | - - | - -
- | - | - | - - | - |
| - - | - - | - | - |

Онъ спросилъ:

— Да-съ, а это что?

Я отвѣтилъ, болтая ногами:

— Это, г. полковникъ, произошло вотъ какъ. Одинъ начинающій, но, увы, бездарный поэтъ принесъ мнѣ стихи. И я доказывалъ ему на бумагѣ карандашомъ то, что онъ начинаетъ хореемъ, переходитъ въ ямбъ и вдругъ впадаетъ въ трехсложное стихосложеніе.

— Я-ямбъ? — воскликнулъ онъ. — Ямбъ-съ? Это мы знаемъ, какой ямбъ! Богуцкій, пріобщи.

Моя записная книжка пропала. И навѣки.

Много было также пріятнаго и непріятнаго въ городахъ: Крыжополъ, Проскуровъ, Наровчатъ, любезной нашему сердцу Устюжнѣ, въ Теофіполѣ.

Но вотъ какое обольстительное воспоминаніе радуется

меня и пьянить, и я знаю, что такъ будетъ до конца моихъ дней.

Я тогда жилъ въ Мисхорѣ, на южномъ берегу моря, въ пустой дачѣ. Никого кругомъ не было. Зеленѣли кусты. Черные дрозды прилетѣли уже дней пять-шесть тому назадъ и насвистывали своими довольно фальшивыми голосами смѣшные мотивы.

И вотъ наступила эта чудесная пасхальная ночь. Ночь была такъ темна и вѣтеръ такъ силенъ, что я долженъ былъ обнимать ее за талию, помогая ей спускаться внизъ по вьющейся узенькой дорожкѣ.

Мы легли на крупномъ мокромъ пескѣ около самой воды. Море было неспокойно. Это было приблизительно часовъ около 12—2 ночи. Черное небо, порывистый вѣтеръ съ Анатоійскаго берега, свѣтъ только отъ звѣздъ и едва различаемые пѣнные гребни послѣднихъ волнъ.

Маленькая смѣшная подробность: наканунѣ выбросило прибоемъ дельфина. Мы замѣтили его присутствіе только черезъ три минуты, благодаря запаху разложенія.

Мы ушли отъ него въ другое мѣсто. Это была моя послѣдняя Пасха, моя послѣдняя весна. Такъ красиво и нетерпѣливо шуршало около нашихъ ногъ море, такъ неожиданно послушны, готовы и радостны были эти гордые губы...

О, мудрецъ, какъ я понимаю твои великія слова: остановись, мгновенье, ты прекрасно!

Но все проходитъ, и ничто не возвращается. Склонимъ же голову передъ вѣчной судьбой и скажемъ про-себя:

Молодости — радость.

Силѣ — кротость.

Мудрости — молчаніе.

Старости — сладкій, долгій сонъ...

КУСТЪ СИРЕНИ.

Николай Евграфовичъ Алмазовъ едва дождался, пока жена отворила ему двери, и, не снимая пальто, въ фуражкѣ прошелъ въ свой кабинетъ. Жена, какъ только увидѣла его насупившееся лицо со сдвинутыми бровями и нервно закушенной нижней губой, въ ту же минуту поняла, что произошло очень большое несчастье... Она молча пошла слѣдомъ за мужемъ. Въ кабинетѣ Алмазовъ простоялъ съ минуту на одномъ мѣстѣ, глядя куда-то въ уголъ. Потомъ онъ выпустилъ изъ рукъ портфель, который упалъ на полъ и раскрылся, а самъ бросился въ кресло, злобно хрустнувъ сложенными вмѣстѣ пальцами...

Алмазовъ, молодой небогатый офицеръ, слушалъ лекціи въ академіи генеральнаго штаба и теперь только-что вернулся оттуда. Онъ сегодня представлялъ профессору послѣднюю и самую трудную практическую работу—инструментальную съемку мѣстности...

До сихъ поръ всѣ экзамены сошли благополучно, и только одному Богу да женѣ Алмазова было извѣстно, какихъ страшныхъ трудовъ они стоили... Начать съ того, что самое поступленіе въ академію казалось сначала невозможнымъ. Два года подъ рядъ Алмазовъ торжественно

проваливался и только на третій упорнымъ трудомъ одолѣлъ всѣ препятствія. Не будь жены, онъ, можетъ-быть, не найдя въ себѣ достаточно энергии, махнулъ бы на все рукою. Но Вѣрочка не давала ему падать духомъ и постоянно поддерживала въ немъ бодрость... Она приучилась встрѣчать каждую неудачу съ яснымъ, почти веселымъ лицомъ. Она отказывала себѣ во всемъ необходимомъ, чтобы создать для мужа хотя и дешевый, но все-таки необходимый для занятого головной работой человека комфортъ. Она бывала, по мѣрѣ необходимости, его переписчицей, чертежницей, чтицей, репетиторшей и памятной книжкой.

Прошло минутъ пять тяжелаго молчанія, тоскливо нарушаемаго хромымъ ходомъ будильника, давно знакомымъ и надоѣвшимъ: разъ, два, три-три: два чистыхъ удара, третій съ хриплымъ перебоемъ. Алмазовъ сидѣлъ, не снимая пальто и шапки и отворотившись въ сторону... Вѣра стояла въ двухъ шагахъ отъ него, также молча, съ страданіемъ на красивомъ, нервномъ лицѣ. Наконецъ она заговорила первая, съ той осторожностью, съ которой говорятъ только женщины у кровати близкаго трудно-больного человека...

— Коля, ну какъ же твоя работа?.. Плохо?

Онъ передернулъ плечами и не отвѣчалъ.

— Коля, забраковали твой планъ? Ты скажи, все равно, вѣдь вмѣстѣ обсудимъ.

Алмазовъ быстро повернулся къ женѣ и заговорилъ горячо и раздраженно, какъ обыкновенно говорятъ, высказывая долго сдержанную обиду.

— Ну да, ну да, забраковали, если ужъ тебѣ такъ хочется знать. Неужели сама не видишь? Все къ чорту пошло!.. Всю эту дрянъ, — и онъ злобно ткнулъ ногой портфель съ чертежами: — всю эту дрянъ хоть въ печку выбрасывай теперь! Вотъ тебѣ и академія! Черезъ мѣ-

сяцъ опять въ полкъ, да еще съ позоромъ, съ трескомъ. И это изъ-за какого-то поганого пятна... О, чортъ!

— Какое пятно, Коля? Я ничего не понимаю.

Она сѣла на ручку кресла и обвила рукой шею Алмазова. Онъ не сопротивлялся, но продолжалъ смотрѣть въ уголь съ обиженнымъ выраженіемъ.

— Какое же пятно, Коля? — спросила она еще разъ.

— Ахъ, ну, обыкновенное пятно, зеленой краской. Ты вѣдь знаешь, я вчера до трехъ часовъ не ложился, нужно было окончить. Планъ прекрасно вычерченъ и иллюминированъ. Это всѣ говорятъ. Ну, засидѣлся я вчера, усталъ, руки начали дрожать—и посадилъ пятно... Да еще густое такое пятно... жирное. Сталъ подчищать и еще больше размазалъ. Думалъ я, думалъ, что теперь изъ него сдѣлать, да и рѣшилъ кучу деревьевъ на томъ мѣстѣ изобразить... Очень удачно вышло, и разобратъ нельзя, что пятно было. Приношу нынче профессору. «Такъ, такъ, н-да. А откуда у васъ здѣсь, поручикъ, кусты взялись?» Мнѣ бы нужно было такъ и рассказать, какъ все было. Ну, можетъ-быть, засмѣялся бы только... Впрочемъ, нѣтъ, не разсмѣется, — аккуратный такой нѣмецъ, педантъ. Я и говорю ему: «Здѣсь, дѣйствительно, кусты растутъ». А онъ говоритъ: «Нѣтъ, я эту мѣстность знаю, какъ свои пять пальцевъ, и здѣсь кустовъ быть не можетъ». Слово за слово, у насъ съ нимъ завязался крупный разговоръ. А тутъ еще много нашихъ офицеровъ было. «Если вы такъ утверждаете, говорить, что на этой сѣдловинѣ есть кусты, то извольте завтра же ѣхать туда со мной верхомъ... Я вамъ докажу, что вы или небрежно работали, или счертили прямо съ трехверстной карты»...

— Но почему же онъ такъ увѣренно говоритъ, что тамъ нѣтъ кустовъ?

— Ахъ, Господи, почему? Какіе ты, ей-Богу, дѣтскіе

вопросы задаешь. Да потому, что онъ вотъ уже двадцать лѣтъ мѣстность эту знаетъ лучше, чѣмъ свою спальню. Самый безобразнѣйшій педантъ, какіе только есть на свѣтѣ, да еще пѣмецъ вдобавокъ... Ну и окажется въ концѣ концовъ, что я лгу и въ препирательство вступаю... Кромѣ того...

Во все время разговора онъ вытаскивалъ изъ стоявшей передъ нимъ пепельницы горѣлыя спички и ломалъ ихъ на мелкіе кусочки, а когда замолчалъ, то съ озлобленіемъ швырнулъ ихъ на полъ. Видно было, что этому сильному человѣку хочется заплакать.

Мужъ и жена долго сидѣли въ тяжеломъ разумѣ, не произнося ни слова. Но вдругъ Вѣрочка энергичнымъ движеніемъ вскочила съ кресла.

— Слушай, Коля, намъ надо сію минуту ѣхать! Одѣвайся скорѣй.

Николай Евграфовичъ весь сморщился, точно отъ невыносимой физической боли.

— Ахъ, не говори, Вѣра, глупостей. Неужели ты думаешь, я поѣду оправдываться и извиняться. Это значитъ надъ собой прямо приговоръ подписать. Не дѣлай, пожалуйста, глупостей.

— Нѣтъ, не глупости, — возразила Вѣра, топнувъ ногой. — Никто тебя не заставляетъ ѣхать съ извиненіемъ... А просто, если тамъ нѣтъ такихъ дурацкихъ кустовъ, то ихъ надо посадить сейчасъ же.

— Посадить?.. Кусты?.. — вытаращилъ глаза Николай Евграфовичъ.

— Да, посадить. Если ужъ сказалъ разъ неправду, — надо поправлять. Собирайся, дай мнѣ шляпку... Кофточку... Не здѣсь ищешь, посмотри въ шкапу... Зонтикъ!

Пока Алмазовъ, пробовавшій-было возражать, но не выслушанный, отыскивалъ шляпку и кофточку, Вѣра

быстро выдвигала ящики столовъ и комодовъ, вытаскивала корзины и коробочки, раскрывала ихъ и разбрасывала по полу.

— Серьги... Ну, это пустяки... За нихъ ничего не дадутъ... А вотъ это кольцо съ солитеромъ дорогое... Надо непременно выкупить... Жаль будетъ, если пропадетъ. Браслетъ... тоже дадутъ очень мало. Старинный и погнутый... Гдѣ твой серебряный портсигаръ, Коля?

Черезъ пять минутъ всѣ драгоцѣнности были уложены въ ридикюль. Вѣра, уже одѣтая, послѣдній разъ оглядывалась кругомъ, чтобы удостовѣриться: не забыто ли что-нибудь дома.

— Ёдемъ, — сказала она наконецъ рѣшительно.

— Но куда же мы поѣдемъ?—пробовалъ протестовать Алмазовъ.—Сейчасъ темно станетъ, а до моего участка почти десять верстъ.

— Глупости... Ёдемъ!

Раньше всего Алмазовы заѣхали въ ломбардъ. Видно было, что оцѣнщикъ такъ давно привыкъ къ ежедневнымъ зрѣлищамъ человѣческихъ несчастій, что они, во все не трогали его. Онъ такъ методично и долго рассматривалъ привезенныя вещи, что Вѣрочка начинала уже выходить изъ себя. Особенно обидѣлъ онъ ее тѣмъ, что попробовалъ кольцо съ брильянтомъ кислотой и, взвѣсивъ, оцѣнилъ его въ три рубля.

— Да вѣдь это настоящій брильянтъ, — возмущалась Вѣра: — онъ стоитъ тридцать семь рублей и то по случаю.

Оцѣнщикъ съ видомъ усталаго равнодушія закрылъ глаза.

— Намъ это все равно-съ, сударыня. Мы камней во все не принимаемъ, — сказалъ онъ, бросая на чашечку вѣсовъ слѣдующую вещь: — мы оцѣниваемъ только металлы-съ.

Зато старинный и погнутый браслетъ, совершенно неожиданно для Вѣры, былъ оцѣненъ очень дорого. Въ общемъ однако набралось около двадцати трехъ рублей. Этой суммы было болѣе чѣмъ достаточно.

Когда Алмазовы пріѣхали къ садовнику, бѣлая петербургская ночь уже разлилась по небу и въ воздухѣ синимъ молокомъ. Садовникъ, чехъ, маленькій старичокъ въ золотыхъ очкахъ, только-что садился со своей семьей за ужинъ. Онъ былъ очень изумленъ и недоволенъ позднимъ появленіемъ заказчиковъ и ихъ необычной просьбой. Вѣроятно, онъ заподозрѣлъ какую-нибудь мистификацію и на Вѣрочкины настойчивыя просьбы отвѣчалъ очень сухо:

— Извините. Но я ночью не могу посылать въ такую даль рабочихъ. Если вамъ угодно будетъ завтра утромъ — то я къ вашимъ услугамъ.

Тогда оставалось только одно средство: рассказать садовнику подробно всю исторію съ злополучнымъ пятномъ, и Вѣрочка такъ и сдѣлала. Садовникъ слушалъ сначала недовѣрчиво, почти враждебно, но, когда Вѣра дошла до того, какъ у нея возникла мысль посадить кустъ, онъ сдѣлался внимательнѣе и нѣсколько разъ сочувственно улыбался.

— Ну, дѣлать нечего, — согласился садовникъ, когда Вѣра кончила рассказывать: — скажите, какіе вамъ можно будетъ посадить кусты?

Однако изъ всѣхъ породъ, какія были у садовника, ни одна не оказывалась подходящей: волей-неволей пришлось остановиться на кустахъ сирени.

Напрасно Алмазовъ уговаривалъ жену отправиться домой. Она поѣхала вмѣстѣ съ мужемъ за городъ, все время, пока сажали кусты, горячо суежилась и мѣшала рабочимъ, и только тогда согласилась ѣхать домой, когда удостоверилась, что дернъ около кустовъ совершенно

нельзя отличить отъ травы, покрывавшей всю сѣдловинку.

На другой день Вѣра никакъ не могла усидѣть дома и вышла встрѣтить мужа на улицу. Она еще издали, по одной только живой и немного подпрыгивающей походкѣ, узнала, что исторія съ кустами кончилась благополучно... Дѣйствительно, Алмазовъ былъ весь въ пыли и едва держался на ногахъ отъ усталости и голода, но лицо его сіяло торжествомъ одержанной побѣды.

— Хорошо! Прекрасно!—крикнулъ онъ еще за десять шаговъ въ отвѣтъ на тревожное выраженіе жепина лица.—Представь себѣ, пріѣхали мы съ нимъ къ этимъ кустамъ. Ужъ глядѣлъ онъ на нихъ, глядѣлъ, даже листочекъ сорвалъ и пожевалъ. «Что это за дерево?»—спрашиваетъ. Я говорю:—«Не знаю, ваше-ство».—«Березка, должно-быть?»—говоритъ. Я отвѣчаю:—«Должно-быть, березка, ваше-ство». Тогда онъ повернулся ко мнѣ и руку даже протянулъ.—«Извините, говоритъ, меня, по-ручичъ. Должно-быть, я старѣть начинаю, коли забылъ про эти кустики». Славный онъ, профессоръ, и умница такой. Право, мнѣ жаль, что я его обманулъ. Одинъ изъ лучшихъ профессоровъ у насъ. Знанія — просто чудовищныя. И какая быстрота и точность въ оцѣнкѣ мѣстности—удивительно!

Но Вѣрѣ было мало того, что онъ рассказалъ. Она заставляла его еще и еще разъ передавать ей въ подробностяхъ весь разговоръ съ профессоромъ. Она интересовалась самыми мельчайшими деталями: какое было выраженіе лица у профессора, какимъ тономъ онъ говорилъ про свою старость, что чувствовалъ при этомъ самъ Коля...

И они шли домой такъ, какъ будто бы кромѣ нихъ никого на улицѣ не было: держась за руки и безпрестанно смѣясь. Прохожіе съ недоумѣніемъ останавли-

вались, чтобы еще разъ взглянуть на эту странную парочку...

Николай Евграфовичъ никогда съ такимъ аппетитомъ не обѣдалъ, какъ въ этотъ день... Послѣ обѣда, когда Вѣра принесла Алмазову въ кабинетъ стаканъ чаю,— мужъ и жена вдругъ одновременно засмѣялись и поглядели другъ на друга.

— Ты — чему? — спросила Вѣра.

— А ты чему?

— Нѣтъ, ты говори первый, а я потомъ.

— Да такъ, глупости. Вспомнилась вся эта исторія съ сиренью. А ты?

— Я тоже глупости и тоже — про сирень. Я хотѣла сказать, что сирень теперь будетъ навсегда моимъ любимымъ цвѣткомъ...

БѢЛАЯ АКАЦІЯ.

Дорогой старый дружище Вася!

А я васъ все ждалъ и ждалъ. А вы, оказывается, уѣхали изъ Одессы и не забѣжали даже проститься. Неужели вы испугались той потребительницы хлѣба, которая, по моей оплошности, ворвалась диссопансомъ въ наше милое трио (вы, Зиночка и я)? — Успокойтесь же. Это типъ вамъ извѣстный, по частямъ въ разныхъ мѣстахъ хорошо вами описанный. Это — «Халдейская женщина», изъ семейства «собаковыхъ», *specias* — «халда vulgaris».

Удивляетесь ли вы тому, что спустя годъ послѣ свадьбы я пишу такимъ тономъ о своей собственной жещѣ? Не удивляетесь ли еще больше тому, какъ это я, человекъ съ большимъ житейскимъ опытомъ, человекъ проницательный и со вкусомъ, могъ заключить такое чудовищное супружество? Вѣдь вы все хорошо замѣтили — не правда ли? И это нестерпимое жеманство, изображающее, по ея мнѣнію, самый лучшій свѣтскій тонъ, и показную слащавую интимность съ мужемъ при постороннихъ, и ужасный одесскій языкъ, и ея картавое сюсюканье избалованнаго пятилѣтняго младенца, и нелѣпую сцену ревности, которую она закатила нашей бѣдной, кроткой, изящной Зиночкѣ, и ея чудовищную авторитетность невѣжды во всѣхъ отрасляхъ науки, искусства и жизни, и пронзительный голосъ, и это безбожное многословіе, заткнувшее намъ всѣмъ рты, наконецъ, эту трижды дурацкую ссору, гдѣ полѣзло наружу все грязное бѣлье

нашей семейной жизни — одностороннюю ссору, потому что — вы помните? — кричала только она, а я молчалъ съ видомъ христіанскаго мученика, или, вѣрнѣе, съ видомъ побитой собачонки, давно привыкшей къ жестокому и несправедливому обращенію

Но еще удивительнѣе причина, толкнувшая меня на этотъ злосчастный бракъ. Вѣрите ли вы въ колдовство? Ну, конечно, не вѣрите. Такъ вотъ, въ наши прозаическіе дни именно надо мной было совершено чудо, волшебство, очарованіе — называйте, какъ хотите. Я былъ отравленъ, одурманенъ, превращенъ въ слюняваго, восторженнаго и влюбленнаго идіота не чѣмъ инымъ, какъ этой проклятой, чортъ ее побери, бѣлой акаціей.

Вы помните, конечно, очаровательную весну у насъ на сѣверѣ, съ ея тихими, томными, медленно гаснущими зорями, съ неслыханными ароматами травъ и цвѣтовъ, съ соловьиными трелями, съ отраженіями звѣздъ въ спящей водѣ спокойной рѣки, между камышами... со всѣми ея чудесами и поэзіей? Здѣсь на югѣ нѣтъ совсѣмъ весны. Вчера еще деревья были блѣдно-сѣрыми отъ покрывающихъ ихъ почекъ, а ночью прошумѣлъ теплый, крупный дождь, и, глядишь, на утро все блеститъ и трещетъ свѣжей зеленью, и сразу наступило южное лѣто, знойное, душное, назойливое, пыльное...

И цвѣты здѣсь ничѣмъ не пахнутъ, или, вѣрнѣе, пахнутъ не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ. Въ запахѣ сирени чувствуется примѣсь бензина и пыли, резеда отдаетъ нюхательнымъ табакомъ, левкой — капустой, жасминъ — навозомъ.

Но бѣлая акація — дѣло совсѣмъ другого рода. Однажды утромъ неопытный сѣверянинъ идетъ по улицѣ и вдругъ останавливается, изумленный диковиннымъ, незнакомымъ, никогда неслыханнымъ ароматомъ. Какая-то щекощущая радость заключена въ этомъ пряномъ благо-

уханіи, заставляющемъ раздуться ноздри и губы улыбаться. Такъ пахнетъ бѣлая акація.

Однако на другой день совсѣмъ другое впечатлѣніе. Вы чувствуете, что весь городъ, благодаря какой-то модѣ, продушенъ тѣми сладкими, терпкими, крѣпкими, теперешними духами, отъ которыхъ хочется чихать и отъ которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, чихаютъ и вертятъ носомъ собаки. На слѣдующій день пахнетъ уже не духами, а противными, дешевыми, пахучими конфетами, или тѣмъ ужаснымъ душистымъ мыломъ, запахъ котораго на рукахъ не вывѣтривается въ теченіе сутокъ. Еще черезъ день вы начинаете злостно ненавидѣть бѣлую акацію. Ея бѣлыя, висячія гроздья повсюду: въ садахъ, на улицахъ, въ паркахъ и въ ресторанахъ на столикахъ, онѣ вплетены въ гривы извозчичьихъ лошадей, воткнуты въ истрепанные платки мужчинъ и въ волосы женщинъ, украшаютъ вагоны трамваевъ и конокъ, привязаны къ собачьимъ ошейникамъ.

Нѣтъ нигдѣ спасенія отъ этого одуряющаго цвѣтка, и весь городъ на нѣсколько недѣль охваченъ повальнымъ безуміемъ, одержимъ какой-то чудовищной эпидеміей любовной горячки. Таково весеннее свойство этого дьявольскаго растенія. Влюблены положительно всѣ: люди, животныя, деревья, травы и даже, кажется, неодушевленные предметы, влюблены старики, старухи и дѣти, гласные думы, хлѣбные маклеры, бурженники и лапетутники (двѣ загадочныя профессіи, извѣстныя только Одессѣ), гимназисты приготовительнаго класса, телеграфныя барышни, городовые, горничныя, приказчики, биржевые зайцы, булочники, капитаны кораблей, рестораторы, газетчики и даже педагоги. Какая-то неизслѣдованная зараза, какой-то таинственный микробъ заключенъ въ ароматѣ бѣлой акаціи.

На коренныхъ обывателей эта болѣзнь дѣйствуетъ

сравнительно умеренно, — такъ же, какъ на природныхъ жителяхъ Кавказа слабо отражается болотная лихорадка, или на европейцахъ — корь. Но свѣжему, прїѣзжему человеку, особенно сѣверянину, весенніе цвѣты бѣлой акаціи сулятъ преждевременную гибель.

Такъ случилось и со мною. Я напаялъ дачную комнату на одномъ изъ безчисленныхъ одесскихъ Фонтановъ. У моихъ оконъ росла акація, ея вѣтви лѣзли въ открытыя окна, и ея бѣлые цвѣты, похожіе на бѣлыхъ мотыльковъ, сомкнувшихъ поднятыя крылья, сыпались ко мнѣ на полъ, на кровать и въ чай. Когда я обосновался на дачѣ, весенняя эпидемія была уже въ полномъ разгарѣ. По вечерамъ на станцію трамвая выплывало все мѣстное молодое населеніе. Юноши и дѣвицы ходили другъ къ другу навстрѣчу цѣлыми сплошными, тѣсными массами, подобно рыбѣ во время метанія икры. И всѣ смѣялись, и ворковали, и грызли подсолнухи. Надъ вечерней толпой стоялъ сплошной трескъ сѣмечекъ и любовный, бессмысленный говоръ, подобный болботанію тетеревовъ на токовищѣ. И акація, акація, акація... Тутъ-то я и захватилъ мою болѣзнь, постигшую меня въ самой тяжелой формѣ.

Она была дочерью той дамы, хозяйки столовой, гдѣ я питался скумбріей, баклажанами, помидорами и прованскимъ масломъ. Мать была толстая крикунья, съ замасленной горой вмѣсто груди, съ краснымъ лицомъ и руками прачки. Дочь присутствовала въ столовой для украшенія стола. У нея былъ свѣжій цвѣтъ лица, толстыя губы, миндалевидные темные глаза и молодость. Съ матерью была она схожа такъ же, какъ два экземпляра одной и той же книги: экземпляръ свѣжій и экземпляръ подержанный. Но даже и это не остановило меня. Я уподобился лѣтней мухѣ на липкой бумагѣ. Было и сладко и противно... и чувствовалось, что не улетишь.

О томъ, какъ я признался, какъ я дѣлалъ предложеніе мамашѣ и какъ насъ новѣнчали—я ничего не помню. У меня былъ жаръ въ 60 градусовъ, вздорный бредъ, хроническое слюнотеченіе и на лицѣ идіотская улыбка.

Очнулся я только осенью, когда настали холода...

А теперь прошелъ годъ, и опять осень. Идетъ дождь, вѣтеръ дуетъ въ щели оконъ. Бѣлая акація,—чортъ бы ее побралъ!—облысѣвшая, растрепанная, грязная, какъ старая швабра, свѣшиваетъ беспорядочно внизъ свои черныя длинные стручья, и качаетъ головой, и плачетъ слезами обиженной ростовщицы... А я предаюсь грустнымъ размышленіямъ.

Жена моя говоритъ: «тудаю», «сюдою» и «кудою». Она говоритъ: «онъ умеръ на чахотку», «она выше отъ меня ростомъ», «съ тебя люди смѣются», «зачини фортку» (запри калитку), «я за тобой соскучилась».

Но ея увѣренность во всѣхъ вещахъ міра необычайна, и она на мои поправки гордо отвѣчаетъ, что одесскій жаргонъ имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и русскій.

Она знаетъ все, рѣшительно все на свѣтѣ: литературу, музыку, свѣтскіе обычаи, науку, и дрожитъ въ ожиданіи очередного номера Пинкертона. Она считаетъ признакомъ хорошаго тона ходить каждый день на Николаевскій бульваръ или на Дерибасовскую и толкаться тамъ безцѣльно въ человѣческой тѣснотѣ и давкѣ три или четыре часа подъ рядъ, щебеча и улыбаясь. Она любитъ яркіе цвѣта въ одеждахъ, шелкъ и кружева, но сама — неряха. Она хочетъ одѣваться по модѣ, но такъ ее преувеличиваетъ и подчеркиваетъ, что мнѣ стыдно съ нею показаться на люди: мнѣ все кажется, что ее принимаютъ за кокотку. На улицѣ она, какъ дома, ибо давно извѣстно, что улица — родная стихія одессита.

Она скупа, жадна и обжора, она жестока и глупа,

какъ гусеница, она терпѣть не можетъ дѣтей и не уважаетъ старости. Она ругается съ женской прислугой, какъ извозчикъ, на ихъ ужасномъ одесскомъ жаргонѣ, и я вижу, что умственный уровень и тактъ моей жены и тѣ же качества моей кухарки — одинаковы. Она наводняетъ мой домъ своими безчисленными родственниками съ «Пересыпи» и «Молдаванки», и всѣ они одесситы, и всѣ они все знаютъ и все умѣютъ, и всѣ они презираютъ меня, какъ верблюда, какъ вьючную клячу.

Она читаетъ потихоньку мои письма и замѣтки и роется, какъ жандармъ, въ ящикахъ моего письменнаго стола. Она закатываетъ мнѣ ежедневно истерику, симулируетъ обмороки, столбняки, летаргическій сонъ и пугаетъ самоубійствомъ. Она посылаетъ по почтѣ грубыя, ругательныя анонимныя письма какъ мнѣ, такъ и моимъ добрымъ знакомымъ. Она сплетничаетъ обо мнѣ съ прислугой и со всѣмъ городомъ. И она же увѣряетъ меня, что я — чудовище, сожравшее ея невинность и погубившее ея молодость. Она еще не бьетъ меня, но кто знаетъ, что будетъ впереди?

Милый мой! Была бы въ моихъ рукахъ огромная, неограниченная власть — власть, скажемъ, хоть полицейская, — я приказалъ бы вырубить за одну ночь всю бѣлую акацію въ городѣ, вывезти ее въ степь и сжечь. Вырываютъ же ядовитыя растенія, убиваютъ вредныхъ насекомыхъ, сжигаютъ зачумленные дома, и никто не видитъ въ этомъ ничего диковиннаго!

Прощайте же, дорогой мой. Завидую вашей холостой свободѣ, и да хранитъ васъ Аллахъ отъ чаръ бѣлой акаціи. Обнимаю васъ сердечно.

Вашъ — прежде вольный казакъ, а теперь старый мулъ, слѣпая лошадь на молотильномъ приводѣ, дойная корова — N. N.

МАРАБУ.

Я объѣздилъ Швецію, Норвегію, исколесилъ Германію, забрелъ въ Англію, долгое время шатался по грязнымъ римскимъ улицамъ и наконецъ, послѣ двухлѣтнихъ скитаній, попалъ опять въ Россію.

Былъ я тогда волеень, какъ дикарь, ни съ кѣмъ не связанъ, частенько голодець, и слонялся по улицамъ большого южнаго города, дыша полной грудью и привѣтливо улыбаясь небу и солнцу.

Такъ-то вотъ однажды, бездѣльничая, забрелъ я въ большое темное кафэ, спугнулъ дремавшихъ въ первой комнатѣ лакеевъ и прошелъ дальше въ дверь, изъ которой несся ѣдкій запахъ табачнаго дыма и сквернаго кофе.

Войдя въ маленькую, запущенную, плохо освѣщенную комнату, я сдѣлалъ шагъ и остановился пораженный:

Въ клубахъ дыма, за массой пожелтѣвшихъ мраморныхъ столиковъ сидѣли молчаливыя странныя фигуры и, опустивъ длинные носы на столы, думали.

Согнутыя плечи, странные воротники въ видѣ мохнатыхъ пелеринъ и важный сумрачный видъ — все это удивительно напоминало мнѣ рядъ такихъ же птицъ съ длинными носами, воротниками вокругъ длинныхъ голыхъ шей, сидящихъ съ такимъ же глупо-унылымъ видомъ — птицъ марабу.

— Марабу! — весело и привѣтливо воскликнулъ я.

Фигуры не пошевелились, но отъ вѣшалки отдѣлился темный швейцаръ, похожій почему-то тоже на подержаннаго марабу, и сильнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Ихъ нѣтъ-съ!

— Кого нѣтъ? Марабу?

— Такъ точно. Мы всѣхъ знаемъ. А эти не бываютъ. Мнѣ было безпричишно весело.

Я подошелъ къ длинноносому, запыленному старику, спрятавшему согбенныя плечи въ разбухшій воротникъ пальто, и, хлопнувъ его по плечу, отчего столбомъ взвилась пыль, громко закричалъ ему на ухо:

— Марабу!

Старикъ пугливо пошевелился, посмотрѣлъ на меня выпѣтшими глазами и, переведя ихъ на своего сосѣда, прошепталъ:

— Ходите!

Всѣ марабу, кромѣ швейцара, сидѣли за шахматами. Нѣкоторые не играли, но, сидя сбоку играющихъ, тоже сутулились, кивали длинными носами и, не мигая, смотрѣли на фигурки изъ желтаго и чернаго дерева, расположенныя въ страшныхъ, неопытныхъ для меня комбинаціяхъ.

— Марабу, — разсмѣялся я: — ха-ха! Марабу!

Послѣ Англии, Италиі, всего широкаго, безграничнаго свѣта и простора, мнѣ показалась неимоверно странной и дикой, какой-то будто выдуманной — эта темная комната, наполненная молчаливыми, сгорбленными птицами съ длинными свѣшивающимися носами, въ облакахъ сѣрага, зловоннаго дыма.

Я взялъ свободный стулъ, протиснулся среди двухъ закопченныхъ зрителей и, уткнувъ свой носъ въ доску съ точеными фигурками, тоже постарался вообразить себя на нѣсколько минутъ птицею марабу.

По слухамъ, мнѣ было извѣстно, что существуютъ ферзи, кони, туры и пѣшки, а по странной привычкѣ прочитывать отъ бездѣлья всякій вздоръ, я часто на послѣднихъ страницахъ газетъ просматривалъ загадочный для меня шахматный отдѣлъ, удержавъ въ памяти, что почти всякая партія пачиналась съ таинственнаго хода: пѣшка е2 — е4.

Одинъ изъ игроковъ, среди молчанія, тихо поднялъ руку и переставилъ маленькую штучку впередъ на одну клѣтку...

Всѣ зрители и партнеръ сосредоточенно зашевелились, а я, прищуривъ критически глазъ, громко сказалъ:

— Ну и ходъ!

И всѣ медленно обернули свои носы ко мнѣ, а у одного изъ партнеровъ шея во время поворота какъ будто бы даже скрипнула.

— Марабу!—заявилъ я.—Вы сдѣлали скверный ходъ.

— Будьте добры не дѣлать громкихъ замѣчаній и не давать совѣтовъ, — жалобно пропищалъ одинъ изъ игроковъ.

— Мнѣ обидно, что этотъ господинъ сдѣлалъ ходъ, который черезъ шесть ходовъ принесетъ ему большой вредъ!

— Молчите!

— Мнѣ что же... я замолчу...

И опять мертвенная тишина нависла надъ желтыми мраморными столиками.

За сосѣднимъ столикомъ одинъ изъ играющихъ поднялъ желтую, колѣнчатую, какъ лапа марабу, руку и подвинулъ какую-то фигуру. Нужно мнѣ было и туда вмѣшаться.

— Боже!.. — воскликнулъ я въ ужасѣ. — Что онъ дѣлаетъ! Что этотъ человѣкъ дѣлаетъ?!..

— Не мѣшайте! Неужели вы не знаете, что посторонніе не имѣютъ права вмѣшиваться въ игру?

— Въ игру? Я это знаю — въ игру. А это? Развѣ это можно называть игрой? Позоръ какой-то!

— Молчите.

— Молчу.

Комната казалась мнѣ большимъ кладбищемъ. Покойники вылѣзли изъ могилъ и затѣяли страшную, молчаливую игру, запрятавшись въ свои воротники.

— Марabu! — заявилъ я. — Для такой скверной игры вы слишкомъ много думаете. Надо вамъ быть веселѣе!.. Ну, что вы, напримѣръ, старина, сдѣлали за ходъ? Вамъ нужно было коня вотъ сюда поставить.

Одинъ изъ игроковъ нервно качнулъ головой, а другой, сдѣлавшій ходъ, досадливо возразилъ:

— Какъ же его сюда поставить? Вѣдь онъ будетъ убитъ пѣшкой!

— Пусть. Эка важность!

— Для васъ, можетъ-быть, не важно, а я коня даромъ потеряю.

— Нѣтъ, не даромъ. Черезъ 10 ходовъ вы будете имѣть громадное преимущество въ положеніи. Этотъ гамбитъ былъ въ вариантѣ самого профессора Лобачевскаго.

— Ну, я такъ далеко не заглядываю...

— Напрасно.

Одинъ изъ слѣдившихъ за игрой съ любопытствомъ взглянулъ на меня и сказалъ:

— Вотъ тамъ освободился столикъ... Не желаете ли, сыграемъ съ вами партію?

Я важно поднялъ голову, подстрекаемый неутомимымъ бѣсомъ шалости, и сказалъ:

— Если вы играете такъ же, какъ эти господа, то я отказываюсь.

— Почему?

— Потому что съ людьми, шьющими сапоги, у меня очень опредѣленные отношенія: я имъ только заказы-

ваю обувь и ни въ какія другія игры не вступаю! Впрочемъ, чтобы развлечься, я покажу вамъ настоящую игру: пусть десять лучшихъ игроковъ играютъ противъ меня одновременно на десяти доскахъ. Не великъ будетъ для меня трудъ выйти побѣдителемъ...

Мой собесѣдникъ изумленно посмотрѣлъ на меня и, вздрогнувъ, спросилъ:

— Скажите... какъ ваша фамилія?

— Видите ли... пока-что мнѣ не хотѣлось бы открывать фамиліи по причинамъ деликатнаго свойства.

— И вы предлагаете играть съ десятию изъ нашихъ игроковъ одновременно?..

— Безусловно.

— Но извѣстно ли вамъ, что нѣкоторые изъ нихъ брали призы на петербургскихъ состязаніяхъ?

Я пожалъ плечами и отвѣтилъ тономъ невѣроятнаго презрѣнія и высокомерія:

— О! Мнѣ это совсѣмъ безразлично.

Въ послѣднихъ словахъ я былъ совершенно искрененъ: это мнѣ, дѣйствительно, было безразлично.

Господицъ, бесѣдовавшій со мною, всталъ и громко хлопалъ въ ладоши.

Марабу зашевелились, поднявъ носы.

— Господа! Вотъ этотъ молодой человекъ предлагаетъ играть съ десятию игроками одновременно!

— Даже съ двѣнадцатю, — равнодушно сказалъ я.

Всѣ пришли въ движеніе. Многіе изъ играющихъ встали и подошли ко мнѣ ближе, уставившись въ мое лицо съ дикимъ изумленіемъ.

— Кто вы такой? — спросилъ одинъ старикъ, уткнувшись въ меня тусклымъ отъ лѣтъ и шахматовъ взглядомъ.

— Не все ли равно? Игрокъ!..

— И вы будете играть одновременно съ двѣнадцатю?

— Добавьте — съ такими игроками, какъ ваши чемпионы, — презрительно сказалъ я, скрестивъ на груди руки.

Нѣсколько человѣкъ изъ играющихъ записали свои партіи, пошентались и, подойдя ко мнѣ, заявили:

— Мы согласны!

Комната приняла оживленный видъ. Всѣ марабу побросали свои столики, вытянули изъ воротниковъ голыя длинныя шеи, захлопотали, забѣгали... откуда-то появился листъ бумаги, и на немъ нѣкоторые марабу стали записывать крючковатыми руками свои фамилии.

Я сидѣлъ за однимъ изъ столиковъ, окруженный вплотную волнующеюся, говорящей толпой, и равнодушно курилъ папиросу, поглядывая на потолокъ.

Въ сторонѣ нѣсколько человѣкъ суетились, занятые устройствомъ одного общаго стола и установкой двѣнадцати досокъ.

Какой-то молодой человѣкъ въ рыжемъ галстукѣ, очевидно, несмытный, скверный игрокъ, оглядѣлъ съ суевѣрнымъ ужасомъ всѣ доски и, подойдя ко мнѣ, сочувственно, съ влажными глазами, пожалъ мою руку.

— До свиданья, — сказалъ я просто.

— Нѣтъ, не до свиданья... Но я очень вамъ сочувствую... Одному противъ двѣнадцати! — это гениально! Неужели вы выиграете?

Я дружески похлопалъ его по плечу.

— Ничего, старикъ, приободритесь. Дѣло не такое страшное, какъ вы думаете. Чтò, господа, готово?

— Готово. Играющіе, прошу, занять ваши мѣста. Пожалуйста, милостивый государь!

Роль арбитра принялъ на себя старикъ съ тусклыми глазами. Онъ усадилъ игроковъ по одну сторону стола, а мнѣ указалъ на другую сторону, гдѣ не было стульевъ.

— Пожалуйста! Вамъ придется ходить, слѣдя за ходами, отъ этого края до этого.

— Не желаю, — отвѣтилъ я гордо. — Я играю, не

глядя на доску. — И отошелъ въ самый дальній уголъ комнаты.

Двѣнадцать отборныхъ марабу сѣли, какъ дрессированныя птицы, строго въ рядъ и сейчасъ же уткнули профессиональнымъ жестомъ носы въ доски.

— Первый ходъ вашъ, милостивый государь, — обратился ко мнѣ тусклый старикъ.

Мнѣ казалось, что моя шутка доведена до конца. Марабу, чего мнѣ и хотѣлось, выведены изъ своего дремотнаго состоянія. Но какъ мнѣ сейчасъ уйти отъ нихъ, — я не могъ придумать.

Въ запасѣ у меня былъ первый ходъ, оставшійся въ памяти отъ загадочныхъ газетныхъ шахматныхъ отдѣловъ, и я воскликнулъ повелительно:

— Господа! Первый ходъ: e2—e4. Прошу васъ — сдѣлайте за меня.

Двѣнадцать рукъ поднялись къ фигуркамъ, и двѣнадцать фигурокъ на двѣнадцати доскахъ выдвинулись на двѣ клѣтки впередъ. А шершавый и тонкій голосъ перваго партнера справа заскрипѣлъ: e7—e5.

Я внимательно смотрѣлъ издали на доски и, ничего не понявъ, призадумался. Кажется, пора ужъ мнѣ было обратиться въ бѣгство. Но, иронически пожавъ плечами, я рѣшительно заявилъ: b1 — b3...

Всѣ глаза изумленно поднялись на меня.

— Вы, вѣроятно, хотѣли сказать: d1 — c3?

— Я хочу сказать то, что считаю необходимымъ, — сухо процѣдилъ я сквозь зубы.

— Но такого хода не бываетъ!.. Конь не можетъ же быть выдвинутъ по прямой линіи!

Я ядовито улыбнулся.

— Да? Вы такъ полагаете? А знаете ли вы, что такое гамбитъ Марабу?

Комната загудѣла:

— Такого гамбита нѣтъ

— Не-у-же-ли?.. Вы здѣсь сидите въ этой скверной, прокопченной дымомъ дырѣ и, забывъ все на свѣтѣ, въ тупой косности махнули рукой на всѣ завоеванія, сдѣланныя за послѣднее время въ этой великой, хитроумной, благородной, истинно королевской игрѣ, именуемой шахматами...

— Онъ сумасшедшій, — сказалъ кто-то изъ угла.

— Сумасшедшій? — сердито закричалъ я, бѣшено вскакивая. — Да! Во всѣ времена, во всѣхъ случаяхъ всѣхъ новаторовъ, изобрѣтателей, пророковъ, мучениковъ науки, философовъ называли сумасшедшими. Но что отъ этого измѣнилось? Остановился ли прогрессъ? Эйфелева башня попрежнему сіяетъ недосыгаемой высотой, и подземныя желѣзныя дороги все болѣе и болѣе опутываютъ земную кору желѣзной сѣтью. Я утверждаю, что гамбитъ Марабу существуетъ! Онъ разрѣшаетъ дѣлать ходъ конемъ по прямой линіи, и, если вы отказываетесь признавать его — я брошу вамъ въ лицо гласное, громкое обвиненіе: угрюмые кроты, скрытые трусы, совы, испугавшіяся свѣжаго потока воздуха и снопа солнечныхъ лучей, ворвавшихся въ моему лицѣ въ мертвую, застывшую атмосферу тлѣнія и праха! Нѣтъ! Довольно... На воздухъ отсюда!

Подъ негодующіе крики и вопли десятковъ голосовъ я спокойно и хладнокровно подошелъ къ вѣшалкѣ и одѣлся.

Нѣсколько марабу прыгали вокругъ меня, размахивая руками, точно крыльями, и визжа заржавленными голосами, но я, не обращая на это вниманія, надѣлъ шляпу, строго и спокойно выпрямился и не спѣша прошелъ черезъ мрачную, темную комнату, населенную обычно страшными, дремлющими человѣкоподобными птицами, которыя пришли теперь въ бурное, неописуемое волненіе.

Свѣжій воздухъ улицы любовно принялъ меня, и я, сладостно зажмурившись, засмѣялся высокому солнцу...

О ТОМЪ, КАКЪ ПРОФЕССОРЪ ЛЕОПАРДИ СТАВИЛЪ МНѢ ГОЛОСЪ.

Да-съ, господа, поставить правильно голосъ — это не фунтъ изюму, и не баранъ начихалъ, и не котъ заплакалъ, и не тараканъ... я ужъ не помню, что такое тамъ надѣлалъ тараканъ. А я испыталъ, знаете, это удовольствіе собственнымъ животомъ, спиной и горломъ.

Меня въ это пагубное дѣло втравили, понимаете, мои знакомые, у которыхъ я на маленькихъ семейныхъ вечерахъ, такъ себѣ, кое-что пѣлъ: «Проведемте, друзья», «Нелюдимо», «Не искушай» и другія домашнія штуки. Вотъ они мнѣ и стали твердить въ одну дудку: «У тебя голосъ, голосъ, голосъ. Смотри, теперь повсюду открываются голоса. Былъ себѣ обыкновенный адвокатъ, или писмоводитель, или булочникъ, или портной, или учитель чистописанія, а глядь — открылся голосъ — и онъ теперь тысячи загребаешь, и всемірная слава. Главное — падо во-время голосъ поставить. Иди къ профессору Леопарди. Онъ чудесно ставитъ голосъ. Первый мастеръ».

И вотъ я, знаете, пошелъ. Явился. Встрѣчаетъ меня самъ профессоръ. Этакій, знаете, понимаете, мужественный итальянскій старикъ, вершковъ девяти ростомъ, на головѣ грива, золотыя очки, эспаньолка. Поговорили съ нимъ о томъ, что искусство пѣть — великое искусство, что поставить голосъ — это не тараканъ и такъ далѣе, и что въ этомъ дѣлѣ самое главное — терпѣніе и прилежаніе.

Затѣмъ маэстро спрашиваетъ меня:

— Итакъ, начнемъ?

— Начнемъ, профессоръ.

— Ви готовъ?

— Д-д-да!..—отвѣчаю этакъ неувѣренно.

— Завсѣмъ готовъ?

— Н-н-д-да...

— Испытаемъ сначала діафрагма. Держись!

Понимаете: не успѣлъ я моргнуть глазомъ, какъ онъ наноситъ мнѣ звѣрскій ударъ кулакомъ подъ ложечку. Что-то въ животѣ у меня дѣлаетъ — упъ!.. Разѣваю ротъ — не могу вздохнуть. Сгибаюсь, знаете, пополамъ, сажусь на корточки. Вся комната плыветъ мимо меня въ какой-то зеленой мути, а по ней вертятся огненные колеса.

Профессоръ приподымаетъ меня, ласково треплетъ по плечу, даетъ стаканъ воды.

— Нишшево, mon ami, нишшево, нишшево. О, совсѣмъ здоровый діафрагмъ. Другой ученикъ лежитъ на полъ, какъ одинъ кадавръ. Теперь открой пемножко ротъ. Такъ. Еще немножко. О-о! Этихъ четыре зубъ долой, прочь, совсѣмъ прочь. Гланды вырѣзать. Языкъ подрѣзать. Маленькій языкъ немножко — чикъ.

Потомъ онъ, знаете, потащилъ меня къ піанино.

— Теперь попробуемъ голосъ. Пой вотъ это: а-а-а-а, а-а-а-а.

Ну, я, конечно: а-а-а-а, а-а-а-а.

— Не такъ, не такъ. Твой поеть, какъ коровъ. Пой еще одинъ разъ.

Я, понимаете, на него вовсе не обижался, что онъ мнѣ тыкалъ. Я, знаете, заранѣе слыхалъ, что онъ всѣмъ любимымъ ученикамъ говоритъ на ты. А если на вы, то, значить, никакой нѣтъ надежды.

— Пой еще одинъ разъ.

Пою.

— О, чортъ побери, у тебя ни кожъ, ни рожъ, ни воіх. Упирай звукъ на діафрагмъ. Пой такъ, какъ будто у тебя животъ болитъ.

Пою.

— Не такъ, не такъ! Служитель, принесите одинъ полотенць.

Приходитъ служитель. Понимаете, этакая суровая, небритая фигура, въ родѣ сторожа изъ анатомическаго театра, на лицѣ мракъ и отчаянная рѣшимость. Меня обвиваютъ вокругъ талии полотенцемъ, профессоръ беретъ за одинъ конецъ, служитель за другой, оба упираются ногами мнѣ въ бедра и тянутъ каждый въ свою сторону.

— Пой, — кричитъ профессоръ. — Глубже звукъ, ниже, ниже. На діафрагмъ.

Кровь бросается мнѣ въ голову. Я чувствую, какъ краснѣю, потомъ синѣю, глаза у меня выкатываются наружу, и наконецъ я хриплю, какъ удавленникъ.

— О-о! Я такъ и зналъ. Теноръ ди-грація. Теперь попробуемъ свободный звукъ. Высунь вашъ языкъ.

Я, знаете, повинуюсь. Профессоръ тѣмъ же самымъ полотенцемъ обвертываетъ крѣпко мой языкъ и вытягиваетъ его наружу, до соприкосновенія съ верхней пуговицей жилета.

— Пой! Э-э-э-э, э-э-э-э-э...

Пою. Понимаете, кашляю, давлюсь, но пою, пою.

— Теперь развяжемъ немощко челюсти. Открой ротъ.

Открываю. Онъ захватываетъ рукой, какъ тисками, мою нижнюю челюсть и начинаетъ махать ею вверхъ и внизъ, точно дѣйствуя насосомъ.

— Пой! Бэ-бэ-бэ-бэ, бэ-бэ-бэ-бэ.

Потомъ онъ велитъ мнѣ лечь на полъ и говорить:

— Испытаемъ дыханіе. Держи одну ноту... Вотъ эту— фа! Держи прямо, какъ одинъ паровозъ: уууу.

— Уууу...

Тогда, знаете, онъ кладетъ мнѣ на грудь огромную книжищу, на нее другую, третью, четвертую, пятую, шестую.

— Тяни: уууу.

— Уууу...

Тогда онъ, понимаете, поверхъ книгъ заваливаетъ меня чемоданами, ящиками, подушками съ дивана и, сверхъ всего этого, садится самъ, своею персоною.

Я не выдерживаю и прошу пощады.

Профессоръ, повидимому, доволенъ мною, потому что, знаете, этакъ потираетъ руки.

— Теперь послѣдній экзаменъ. Вотъ вѣнскій стулъ. Полѣзай подъ стулъ и садись тамъ.

— Но, профессоръ, это невозможно...

— Мольшатель! Если ты сумѣешь пѣть, сидя подъ стуломъ, ты сумѣешь пѣть во всякій другой position.

Понимаете, никто не вѣритъ этому, когда я рассказываю, но, ей-Богу, я умудрился залѣзть подъ обыкновенный вѣнскій стулъ и сѣсть тамъ, скорчившись въ три погибели, а профессоръ сѣлъ сверху, на сидѣнье, и крикнулъ мнѣ:

— Пой!

— Что именно пѣть, маэстро?

— Что хочешь... Все, что хочешь: арію, дуэтъ, квартетъ... Пой до тѣхъ поръ, пока я не окончу курить мой сигаръ.

И вотъ онъ, знаете, закуриваетъ огромную австрійскую сигару, а я начинаю пѣть, сидя въ такомъ же положеніи, какъ сидитъ музейный недоношенный младенецъ въ банкѣ со спиртомъ. Я пою весь первый актъ изъ «Фауста», эпиталаму изъ «Нерона», прологъ изъ «Пая-

цовъ», куплеты Торреадора, «Вечернюю звѣзду» изъ «Талгейзера»... Онъ все курить... Наконецъ у меня нѣтъ больше голоса. Изъ горла раздается шипѣніе, какъ изъ опорожняемаго сифона съ содовой водой. Онъ все курить. Тогда я, знаете, говорю этакъ робко:

— Не могу больше, маэстро.

Тогда онъ встаетъ, приподнимаетъ стулъ и даетъ мнѣ такой пинокъ ниже спины, что я, понимаете, чрезвычайно долго скольжу въ сидячемъ положеніи по паркету, пока не упираюсь головой въ трюмо. Наконецъ въ недоумѣніи становлюсь на ноги и лепечу:

— Профессоръ...

— Да, профессоръ, чортъ васъ побери, профессоръ!— кричитъ онъ, и на этотъ разъ кричитъ чисто по-русски, безъ малѣйшаго акцента. — Но только профессоръ вовсе не вашего дурацкаго пѣнія, а профессоръ атлетики, бокса, плаванія и фехтованія, имѣющій глубокое несчастье быть однофамильцемъ вашего итальянскаго шарлатана. И такъ какъ ко мнѣ ежедневно, благодаря этому несчастью, съ утра до вечера, ломаются вотъ такіе козлетоны, какъ вы, то я твердо рѣшился проучить хотя одного изъ этихъ идіотовъ. Вы можете, милостивый государь, жаловаться на меня куда угодно, или можете вызвать меня драться на любомъ оружіи, начиная отъ пулемета и кончая французскимъ боксомъ, включая сюда палки, рапиры и джуджитсу. Но теперь — вошь отсюда!

Понимаете, что мнѣ оставалось дѣлать?

И я, знаете, пожалуй презрительно плечами и ушелъ.

СТАТЪИ.

О КНУТЪ ГАМСУНЪ.

I.

«Большая книга вышла изъ печати, цѣлое королевство, маленькій шумный міръ настроеній, голосовъ и образовъ. Ее раскупали и читали. Имя его было у всѣхъ на устахъ, счастье не покидало его... Эту книгу онъ написалъ на чужбинѣ, вдали отъ воспомнаній пережитаго на родинѣ, и она была крѣпка и сильна, какъ вино.

«Милый читатель, это исторія Дидриха и Изелины. Она была написана въ доброе время, во дни ничтожныхъ работъ, когда все легко переносилось, написана съ сильной нѣжностью къ Дидриху, котораго Богъ поразилъ любовью».

Это все говорится о книгѣ Юганнеса, сына мельника, котораго такъ же, какъ и всѣхъ героевъ Гамсуна, Богъ поразилъ прекрасной, трагической, пронизавшей всю его жизнь любовью (Викторія). Но такъ и кажется позволѣ, что Гамсунъ говоритъ здѣсь о другой книгѣ, о своемъ «Панѣ», создавшемъ автору его теперешнюю, чуть ли не всемірную извѣстность.

Первый переводъ этого замѣчательнаго романа появился у насъ около восьми лѣтъ тому назадъ — боюсь ручаться за точность — въ книгоиздательствѣ «Скорпіонъ», въ очень хорошемъ переводѣ Полякова. Потому ли, что

широкая публика относилась тогда еще недоверчиво къ этому издательству съ такимъ претенціознымъ названіемъ и исключительнымъ направлениемъ, или благодаря изысканной аристократической своеобразности, непринужденной простотѣ и глубинѣ, пестротѣ настроеній и повизнѣ формы, которыми блистаетъ это произведеніе, — но только первое изданіе его перевода расходилось довольно медленно. Правда, покойный Чеховъ одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ его, называя этотъ романъ чудеснымъ и изумительнымъ еще въ то время, когда о Гамсунѣ очень мало знали даже на его родинѣ, въ Норвегіи. И если теперь имя Гамсуна дѣйствительно на устахъ у всѣхъ образованныхъ русскихъ читателей, то это явленіе пріятно замѣтить, какъ ростъ художественнаго пониманія и повышения вкуса.

Что такое «Панъ», какъ литературное произведеніе? Если хотите — это романъ, поэма, дневникъ, это листки изъ записной книжки, написанные такъ интимно, точно для одного себя, это восторженная молитва красотѣ міра, безконечная благодарность сердца за радость существованія, но также и гимнъ передъ страшнымъ и прекраснымъ лицомъ бога любви. Романъ написанъ такъ, какъ пишетъ гений: не справляясь о родахъ и видахъ литературы, не думая о границахъ дозволеннаго, приличнаго, принятаго и привычнаго, безъ малѣйшей мысли о авторитетахъ предшественниковъ и требованіяхъ критиковъ. Оттого-то этотъ романъ такъ и напоминаетъ аромат дикаго, невданнаго цвѣтка, распустившагося въ саду неожиданно, влажнымъ весеннимъ утромъ.

Остовъ романа такъ простъ, что его трудно передать, не вызвавъ недоумѣнія у того, кто еще не читалъ его. Нѣкто Томасъ Глагъ, лейтенантъ, охотникъ, странный человекъ съ тяжелымъ, звѣринымъ взглядомъ, проводитъ раннюю весну, лѣто и осень въ горномъ лѣсу на

сѣверѣ Норвегіи, надѣ моремъ. Его друзья — лѣсъ и великое уединеніе. Онъ живетъ въ одинокой лѣсной хижинѣ, почти въ берлогѣ, вмѣстѣ съ собакой «Эзопомъ», добывая пропитаніе охотой и спускаясь внизъ въ маленькій городишко Сирилундъ для того, чтобы купить хлѣба и соли. Случайно онъ знакомится съ дочерью мѣстнаго торговца. Ее зовутъ Эдвардой. Она подростокъ, только что начавшій формироваться въ женщину; она еще держится съ той особенной неуклюжестью, которая свойственна этому дѣвическому возрасту, ступая ногами внутрь, но у нея на блѣдномъ лицѣ пламенный ротъ, и вся она, какъ и Глапъ, изъ тѣхъ немногихъ людей, надѣ которыми любовь повисаетъ, какъ рокъ, и отмѣчаетъ ихъ на всю жизнь неизгладимою печатью.

Они любятъ другъ друга, но гордость, ревность, капризь, подозрительность — всѣ эти средства вѣковѣчной вражды двухъ половъ — обращаютъ ихъ чувство въ сплошное взаимное мучительство. Они расстаются: Эдварда выходитъ замужъ за титулованное ничтожество, Глапъ предается оргіямъ въ своихъ экзотическихъ скитаніяхъ, — но имъ суждено до конца дней стонать подѣ гнетомъ единственной, нераздѣленной страсти.

Въ романѣ есть еще нѣсколько лицъ: отецъ Эдварды, хромоі докторъ, влюбленный въ неѣ, и маленькая самоотверженная женщина — Ева, съ ея трогательной, наивной и горячей любовью къ Глапу. Но главное лицо остается почти неназваннымъ — это могучая сила природы, великій Цанъ, дыханіе котораго слышится и въ морской бурѣ, и въ бѣлыхъ почвахъ съ сѣвернымъ сіяніемъ, ползущимъ вверхъ по лебу, и въ желѣзныхъ очахъ осени, въ шопотѣ листьевъ и въ ихъ молчаніи, и въ зовѣ птицъ и насѣкомыхъ, и въ тайнѣ любви, неудержимо соединяющей людей, животныхъ и цвѣты.

Нѣтъ возможности передать подробно содержаніе этой

книги, съ ея удивительнымъ, самобытнымъ, волнующимъ тембромъ, съ ея прихотливыми отступленіями, съ ея страстными легендами и горячимъ весеннимъ бредомъ, гдѣ сонъ и сонъ во снѣ такъ тонко мѣшались съ дѣйствительностью, что не различишь ихъ. Читаешь романъ во второй, въ пятый, десятый разъ и все находишь въ немъ новыя сокровища поэзіи — точно онъ неисчерпаемъ.

II.

Та же самая нераздѣленная, невознагражденная мучительная любовь, какая была между Эдвардой и Глазомъ, проходитъ почти черезъ всѣ произведенія Гамеуна, какъ будто бы этотъ сюжетъ наиболее близокъ его душѣ. Въ «Панѣ» есть маленькая притча о юношѣ и двухъ дѣвушкахъ. Одна отдала ему все, что онъ просилъ, и ей это ничего не стоило, и онъ даже не благодарилъ ея; но у другой онъ выпрашивалъ ласки, какъ рабъ, какъ нищій, и, если бы ей понадобилась его жизнь, онъ жалѣлъ бы, что она не попросила большаго. Этотъ мотивъ, слегка видоизмѣняемый, звучитъ и въ «Викторіи», и въ романѣ «Подъ осенними звѣздами», и въ «Драмѣ жизни», и въ нѣкоторыхъ небольшихъ рассказахъ. Даже внѣшность Эдварды, ея манера ступать на ходу носками внутрь, ея красный ротъ, блѣдность, высокія бедра — повторяются часто, точно авторъ видитъ передъ собою все тотъ же знакомый образъ.

Вотъ другой романъ — «Викторія». Это исторія безконечно-глубокой, пѣжной, восторженной и мучительной любви между сыномъ мельника и дочерью господъ изъ сосѣдняго замка, — любви, которая начинается съ дѣтскихъ игръ, длится всю жизнь и вдругъ расцвѣтаетъ безсмертнымъ сіяніемъ передъ смертью Викторіи въ ея последнемъ письмѣ.

Юганнесъ дѣлается извѣстнымъ писателемъ. Гамсунъ даже приподнимаетъ передъ читателемъ ту таинственную, закрытую для всѣхъ завѣсу, за которой совершается незримая работа ума и фантазіи, выливающаяся въ талантливыхъ произведеніяхъ. Но для Викторіи Юганнесъ остается все тѣмъ же мальчикомъ съ мельницы, такъ же какъ и она для него — барышней изъ замка, недостижимымъ, высшимъ существомъ. Только смерть открываетъ ей глаза и показываетъ, какъ ничтожны въ сравненіи съ любовью всѣ остальные земныя вещи, понятія и условности.

«Теперь я васъ больше не увижу, — пишетъ умирающая Викторія, эта прежняя барышня изъ замка: — и я раскаиваюсь, что не бросилась передъ вами на землю и не цѣловала вашихъ ногъ и земли, по которой вы ходили, и не высказала вамъ всю свою безконечную любовь»...

«...Да, Юганнесъ, я любила васъ, всю свою жизнь я любила только васъ. Викторія пишетъ эти слова, и Богъ читаетъ ихъ изъ-за моего плеча».

«...Будьте счастливы, Юганнесъ, благодарю васъ за каждый день. Когда я буду отлетать отъ земли, я буду благодарить васъ до послѣдней минуты и про себя шептать ваше имя».

«...У меня не хватаетъ больше силъ писать. Прощай, любовь моя»...

Это плачетъ ся душа въ послѣднія минуты жизни. И теперь еще понятнѣе становятся тѣ огненные слова, которыми Гамсунъ въ этомъ же романѣ говоритъ о любви, вкладывая ихъ въ уста несуществующаго монаха Вендта:

«Что такое любовь? Вѣтерокъ, проносящійся надъ розами, нѣтъ, электрическая искра въ крови.

«Любовь — это пламенная адская музыка, заставляющая танцовать даже сердца стариковъ. Это маргаритки, широко распускающія свои лепестки съ наступленіемъ

ночи, это анемона, которая закрывается от дуновения и от прикосновения умираетъ.

«Такова любовь.

«Она можетъ погубить человѣка, поднять его и снова заклеить позоромъ; сегодня она любитъ меня, завтра тебя, а въ слѣдующую ночь его, — такъ она непостоянна. Но она такъ же тверда, какъ несокрушимая скала; и горитъ неугасаемымъ пламенемъ до самой смерти, потому что любовь вѣчна. Что же такое любовь?»

«О, любовь — это лѣтняя ночь съ небесами, усѣянными звѣздами, и съ благоухающей землей. Почему же она заставляетъ юношу идти окольными тропинками и почему заставляетъ она старика одиноко страдать въ его комнатѣ? Ахъ, любовь превращаетъ сердце человѣка въ роскошный безстыдный садъ, гдѣ растутъ таинственные, наглые грибы.

«Развѣ не она заставляетъ монаха пробираться въ чужіе сады и заглядывать ночью въ окна спящихъ? Развѣ не она дѣлаетъ безумными монахинь и помрачаетъ разумъ принцессъ? Она заставляетъ склонять голову короля до самой земли, такъ что волосы его могутъ дорожную пыль, а уста его бормочутъ безстыдные слова, и онъ смѣется и высовываетъ языкъ.

«Такова любовь.

«Нѣтъ, нѣтъ, она совсѣмъ другая, и она не похожа ни на что на свѣтѣ...

«...Любовь — это первое слово, произнесенное Богомъ, первая мысль, осѣнившая Его. Когда Онъ произнесъ: Да будетъ свѣтъ! — появилась любовь. И все, что Онъ сотворилъ, было такъ прекрасно, что Онъ ничего не хотѣлъ передѣлывать. И любовь стала первоисточникомъ міра и его властелиномъ; по всѣ пути ея покрыты цвѣтами и кровью, цвѣтами и кровью».

Какъ и почти всегда у Гамсуна, въ «Викторин» есть

третье лицо, любящее покорно и самозабвенно, той любовью, которая ни на что не надеется и готова отдать все. Это маленькая Камилла, когда-то спасенная Иоганнесомъ изъ воды на глазахъ у Викторіи.

III.

Въ «Палѣ» и «Викторіи» Гамсуни паходятъ разные аккорды для изображенія любви. Въ чувствѣ Глана и Эдварды слышится могучій призывъ тѣла, трепеть и ошьяненіе страсти, весеннее бурное броженіе въ крови. Любовь Иоганнеса и Викторіи вся обвѣяна нѣжнымъ, цѣломудреннымъ благоуханіемъ.

Но у Гамсуна — этого истиннаго поэта любви и природы — есть также и «роскошные сады, гдѣ растутъ таинственные, наглые грибы». Въ «Голосѣ жизни» молодая прекрасная женщина изъ общества въ день смерти своего стараго мужа приводитъ ночью, прямо съ улицы, человѣка, писателя, знакомаго ей только по имени, къ себѣ въ домъ и со всѣмъ безуміемъ страсти отдается ему въ спальнѣ, гдѣ еще стоятъ двѣ постели, рядомъ съ комнатою, гдѣ еще лежитъ на столѣ покойникъ. И опять новыя пріемы въ этомъ маленькомъ, всего въ пять страницъ, рассказѣ: ни одного сомнѣнія, ни колебанія, ни недомолвокъ, языкъ сжатъ и почти грубъ, и вотъ, несмотря на кажущуюся вымышленность фабулы, получается рассказъ удивительной выпуклости и правдивости, стоящій лучшихъ рассказовъ Мопассана.

Въ романѣ «Голодъ» передана потрясающая, кошмарная исторія человѣка, выброшеннаго обстоятельствами за бортъ благополучнаго существованія. Вишній ужасъ положенія не въ голодѣ и его мученіяхъ, среди большого столичнаго города, не въ судорожныхъ, истеричныхъ поискахъ за работой, не въ ночлегахъ на улицѣ,

а въ тѣхъ реальныхъ мелочахъ жизни, которыя свирѣпѣе физическихъ страданій: въ непереваренномъ бифштексѣ, въ волосахъ, которые вылѣзаютъ отъ голода и лежатъ прядями на одеждѣ и въ умывальномъ тазу, вызывая насмѣшки горничной, въ жалкихъ, унижительныхъ попыткахъ заложить очки и пуговицы отъ жилета, въ этихъ драпыхъ панталонахъ, которыя приходится смачивать водой, чтобы онѣ казались чернѣе и новѣе, въ тощемъ укушенномъ пальцѣ, изъ котораго голодный человекъ высасываетъ свою кровь и плачетъ при этомъ отъ жалости къ самому себѣ.

Но въ сто кратъ ужаснѣе то, что дѣлается внутри этого человека, раздавленнаго голодомъ и одиночествомъ. Съ трепетомъ присутствуешь при томъ, какъ его несчастный мозгъ, обезкровленный голодомъ, приближается въ яркихъ и страшныхъ галлюцинаціяхъ къ безумію, какъ болѣзненно разрушается и падаетъ воля, какъ обостренное вниманіе напряженно и тяжело привязывается къ изнуряющимъ мелочамъ внѣ и внутри себя. Страницы, въ которыхъ описывается ужасъ темноты, налегшій на человека въ камерѣ для безпріютныхъ при полицейскомъ участкѣ, — однѣ изъ самыхъ потрясающихъ страницъ въ міровой литературѣ...

Но и въ это удивительное произведеніе Гамсуна вплетаетъ любовный эпизодъ, по своему психологическому значенію, можетъ-быть, самый глубокій изъ всего написаннаго имъ о любви.

Этотъ оборванный бродяга, похожій на пищаго, находящійся отъ долгаго голода въ постоянной власти болѣзненныхъ фантастическихъ грезъ, встрѣчается случайно на улицѣ съ красивой молодой женщиной — «Илайали», какъ онъ называетъ ее мысленно, по странному капризу. Онъ поражаетъ ея воображеніе и наконецъ чувство своимъ необычнымъ видомъ, своимъ стран-

лымъ языкомъ, какой-то диковинной обособленностью отъ всѣхъ людей, которыхъ она встрѣчала до сихъ поръ. Она готова считать его пьянымъ, немного сумасшедшимъ, можетъ-быть, воромъ или убійцей, и тѣмъ не менѣе почти отдается ему, но когда она узнаётъ о томъ, что онъ только голодный, то страсть смѣняется у нея отвращеніемъ, жалостью и ужасомъ.

Гамсунъ какъ будто бы чуждается внѣшнихъ сторонъ быта, обходя ихъ или пренебрегая ими. Но онъ можетъ быть и прекраснымъ наблюдателемъ. У него есть неоцѣненная особенность, рассказывая о чужой странѣ и чужихъ людяхъ, находить тѣ именно характерныя, мелкія черты, которыя до него никому не бросались въ глаза, и рисовать ихъ сжато, въ двухъ-трехъ словахъ. Таковъ онъ въ рассказахъ: «Въ Преріи», «Уголокъ Парижа», «Въ странѣ чудесъ» и т. д.

«Въ странѣ чудесъ» — это путешествіе по Россіи и главнымъ образомъ по Кавказу. Увы! Талантливый писатель все-таки не избѣжалъ здѣсь исторической клюквы и самовара.

IV.

Гамсунъ не создастъ школы. Онъ слишкомъ оригиналенъ, а подражатели его всегда будутъ смѣшны. Онъ пишетъ такъ же, какъ говоритъ, какъ думаетъ, какъ мечтаетъ, какъ поетъ птица, какъ растетъ дерево. Всѣ его отступленія, сказки, сны, восторги, бредъ, которые были бы пелѣны и тяжелы у другого, составляютъ его тонкую и пышную прелесть. И самый языкъ его неподражаемъ — этотъ небрежный, иштимный, съ грубоватымъ юморомъ, непринужденный и нѣсколько растрепанный разговорный языкъ, которымъ онъ какъ будто бы рассказываетъ свои повѣсти, одинъ-на-одинъ, самому близкому человѣку, и за которымъ такъ и чувствуется живой жестъ,

презрительный блескъ глазъ и нѣжная улыбка. Но имя Гамсуна останется навсегда вмѣстѣ съ именами всѣхъ тѣхъ художниковъ прошедшихъ и грядущихъ вѣковъ, которые возносятъ въ безконечную высь цѣнность человеческой личности, всемогущую силу красоты и прелесть существованія и доказываютъ намъ, что «сильна какъ смерть любовь», и что ничтожны и презрѣнны всѣ усилія окутать ее цѣпями условности. И я безъ преувеличенія скажу, что «Панъ» и «Пѣсня пѣсней» — это только звенья одной и той же цѣпи вѣчныхъ художественныхъ произведеній, ведущихъ къ освобожденію любви.

V.

Я ничего не знаю изъ біографіи Кнута Гамсуна, да и нахожу, что лишнее для читателя путаться въ мелочахъ жизни писателя, ибо это любопытство вредно, мелко и пошло. Но у меня есть его портретъ. Длинное, худое, красивое, нѣсколько суровое лицо, пенсне, внѣшность доктора или адвоката, но подъ спутанными, волнистыми, бѣлокурыми волосами, почти закрывающими лобъ, пристальные глаза смотрятъ тяжелымъ, звѣринымъ взглядомъ лейтенанта Глана.

О ЧЕХОВЪ.

Изъ записной книжки.

Съ увѣренностью можно сказать, что Чеховъ, болѣе чѣмъ кто-либо, показалъ всю гибкость, красоту, изящество и разнообразіе русскаго языка. Однако онъ никогда не прибѣгалъ къ выковыванію новыхъ, искусственныхъ словъ. Заслуга его въ томъ и заключается, что онъ, не переставая, учился языку, гдѣ только могъ. И пельзя утверждать, что эта незримая работа давалась ему очень легко. Юношескіе его рассказы далеко не свободны отъ южно-русскихъ оборотовъ и рѣченій, между тѣмъ какъ послѣднія произведенія изумительны по чистотѣ языка. Чеховскія корректуры свидѣтельствуютъ наглядно о громадной, терпѣливой обработкѣ стиля. Впрочемъ, поглядите также и на рукописи Пушкина.

У Чехова еще долго будутъ учиться языку русскіе писатели.

* * *

Языкъ Толстого напоминаетъ постройку, возводимую великанами: чтобы о ней судить, нужно глядѣть на нее издали. Языкъ Чехова — нѣжное и тонкое плетеніе, которое можно разсматривать и въ лупу.

* * *

Часто Чеховъ любилъ говорить: «Знаете что? Въ Рос-
сіи черезъ десять лѣтъ будетъ конституція».

Теперь Чехову было бы пятьдесятъ лѣтъ — возрастъ
мудрости. Если бы его пощадила судьба, онъ пережилъ
бы съ нами и ужасный конецъ войны, такъ волнова-
вшій его предсмертное сознание, и дни свободъ, и дни
крови, и теперешніе дни — дни усталости, недоувѣрія,
предательства и общественнаго отупѣнія. Богъ знаетъ,
какъ отразились бы грозныя, смѣшныя, жестокія, не-
лѣпыя и печальныя явленія послѣдняго поколѣнія въ
его большой и чуткой душѣ. Но пророчество его испол-
нилось самымъ страннымъ образомъ.

* * *

Широкая публика не доросла до Чехова. Часто слы-
шишь, какъ въ библиотекѣ спрашиваютъ: «Дайте что-
нибудь посмѣшнѣе, на примѣръ, Чехова». Такъ Чеховъ
у публики и слыветъ смѣшнымъ писателемъ. А между-
тѣмъ въ большинствѣ его юмористическихъ рассказовъ
(за исключеніемъ самыхъ раннихъ) всегда скрыта глу-
бокая и печальная мысль. Развѣ въ концѣ концовъ не
трагиченъ образъ чиновника, который нечаянно чихнулъ
на лысину чужого генерала и умеръ отъ перепуга; или
мужика, безсознательно отвинтившаго рельсовыя гайки на
грузила и не понимающаго, за что его судятъ? Или, мо-
жетъ-быть, это ужъ такое свойство русскаго юмора —
таить въ себѣ горечь и слезы?

* * *

Пути русской литературы всегда были отмѣчены, точно
придорожными маяками, внутреннимъ сіяніемъ отдѣльныхъ
личностей, душевнымъ тепломъ тѣхъ праведниковъ, безъ
которыхъ «нѣсть граду стоянія». Въ этомъ смыслѣ Че-

ховъ непосредственно примыкаетъ къ скорбнымъ и кроткимъ обликамъ Гаршина и Успенскаго.

Въ смерти Чехова заключался какой-то глубокой символъ настоящаго литературнаго разброда. Точно, вотъ, ушелъ онъ, и вмѣстѣ съ нимъ исчезла послѣдняя препопа стыда, и люди разнуздались и заголились.

Конечно, здѣсь нѣтъ связи, а скорѣе совпаденіе. Однако я знаю многихъ писателей, которые раньше задумывались надъ тѣмъ, что бы сказалъ объ этомъ Чеховъ? Какъ поглядѣлъ бы на это Чеховъ?

* * *

Чеховъ говорилъ о театрѣ такъ: «Лѣтъ черезъ сто—или совсѣмъ не будетъ театра, или онъ приметъ такія формы, какихъ мы даже себѣ не можемъ представить. Въ такомъ же видѣ, какъ онъ есть теперь, онъ доживаетъ послѣдніе дни».

* * *

Странно однажды отвѣтилъ Чеховъ знакомому, который вышучивалъ при немъ спиритизмъ:

«Я не порицаю, не утверждаю, но и не смѣюсь. Развѣ мы понимаемъ, напримѣръ, настоящую суть телеграфа? Однако посылаемъ депеши».

ЗАМѢТКА О ДЖЕКѢ ЛОНДОНѢ.

Какъ это ни странно, но въ Америкѣ, въ странѣ штампа, дѣловыхъ людей и бездарностей, появился новый писатель — Джекъ Лондонъ. Судя по его біографіи, довольно несвязно переданной переводчицей, онъ самъ былъ рабочимъ въ приполярномъ Клондайкѣ, стало-быть, рылъ землю, добывалъ золото и дружилъ или ссорился съ вымирающими индѣйскими племенами.

И этимъ біографическимъ чертамъ невольно вѣришь, когда читаешь рассказы талантливаго писателя. Въ нихъ чувствуется живая, настоящая кровь, громадный личный опытъ, слѣды перенесенныхъ въ дѣйствительности страданій, трудовъ и наблюденій. Потому-то экзотическія повѣсти Лондона, облеченныя вѣяніемъ искренности и естественнаго правдоподобія, производятъ такое чарующее, неотразимое впечатлѣніе. Этотъ американецъ гораздо выше Бретъ-Гарта; онъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ Киплингомъ — этимъ удивительнымъ бытописателемъ знойной Индіи. Есть между ними, не касаясь тона, стиля и манеры изложенія, и еще разница: Д. Лондонъ гораздо проще, и эта разница въ его пользу.

Покаместъ у насъ есть только два тома его рассказовъ: «Бѣлое безмолвіе» и «Законъ жизни».

«Бѣлое безмолвіе» — это трудно сказать — что: повѣсть или поэма изъ жизни золотопроискателей въ Клондайкѣ, гдѣ

совершаются переѣзды въ 1.000 верстѣ на собакахъ и на оленяхъ, при морозѣ въ 60 градусовъ, гдѣ человѣческая жизнь почти ни во что не считается, гдѣ даже случайно сказанное слово держится крѣпко, какъ законъ.

Одинъ изъ самыхъ очаровательныхъ его разсказовъ заключается въ простой, несложной и очень изящной фавбулѣ: два золотонскателя — англичанинъ и ирландецъ — поссорились изъ-за пустяковъ. Рѣшили стрѣляться. Но старый, опытный человѣкъ, на рукахъ котораго, вѣроятно, запеклось много человѣческой крови, не позволяетъ товарищамъ дѣлать этого. И онъ прибѣгаетъ къ очень простому и остроумному рѣшенію. Онъ говоритъ:

— Стрѣляйтесь, но кто изъ васъ останется живымъ, того я застрѣлю.

А слово этого человѣка было извѣстно во всей области на протяженіи десятковъ тысячъ верстѣ и даже среди индѣйскихъ племенъ. Къ счастью, импровизированная дуэль разошлась.

Но когда товарищъ этого арбитра спросилъ его на ухо: «А въ самомъ дѣлѣ, застрѣлилъ ли бы ты его?» — тотъ отвѣтилъ: «Право, я самъ не знаю».

Я выбралъ наудачу первый попавшійся разсказъ Джека Лондона. Но всѣ они въ томъ же тонѣ и въ веселомъ, беззастѣнчивомъ содержаніи.

Приведу вкратцѣ содержаніе и другого разсказа изъ I-го тома — «Бѣлое безмолвіе», по заглавію котораго названъ и весь томъ. Два золотонскателя и жена одного изъ нихъ, метиска, полуиндіанка, совершаютъ героически тяжелый путь на собакахъ черезъ весь материкъ. До ближайшаго жилья имъ осталось нѣсколько сотенъ верстѣ. Припасы на исходѣ, да и тѣ расхищаютъ собаки, до такой степени озлобленные голодомъ и непосильнымъ трудомъ, что ихъ приходится подчинять себѣ, какъ дикихъ звѣрей. Вокругъ путниковъ снѣгъ и тишина — «бѣлое без-

молвіе». И вотъ одного изъ товарищей—женатаго—постигаетъ роковое несчастіе. На него падаетъ столѣтняя сосна и придавливаетъ къ землѣ, раздробивъ ему позвоночникъ. Напрасно онъ упрашиваетъ своихъ спутниковъ оставить его на произволь судьбы, потому что припасы идутъ къ концу. Они остаются при немъ цѣлыя сутки, до его послѣдняго вздоха. Самая смерть его проста, трогательна и, несмотря на страшныя мученія, героически-спокойна. Для того, чтобы волки не сожрали трупа, его товарищъ прибѣгаетъ къ старому, но необычному для насъ способу похоронъ. Онъ связываетъ двѣ верхушки деревьевъ и прикрѣпляетъ къ нимъ трупъ своего друга. Затѣмъ онъ и женщина продолжаютъ путь.

«Законъ жизни» — это исторія вымиранія индѣйскихъ племенъ подъ натискомъ американской, или, все равно, какъ ее тамъ назвать, европейской культуры.

Вся душа и все сердце Лондона на сторонѣ этихъ вымирающихъ дикарей — гостепріимныхъ, кроткихъ, воинственныхъ, терпѣливо переносящихъ всякую боль, вѣрныхъ въ дружбѣ, но не стѣсняющихся съѣсть трупъ своего отца.

Но спокойный умъ европейца невольно заставляетъ его симпатизировать завоевателямъ этой удивительной и совсѣмъ своеобразной страны.

Тутъ-то Лондонъ начинаетъ двоиться: въ немъ чувствуется фальшь, исходящая не изъ сердца, а отъ европейскаго услужливаго ума.

И тѣмъ не менѣе въ этомъ томѣ есть прекрасные, мужественно-жестокіе, удивительные рассказы.

«Законъ жизни», несомнѣнно, лучшая вещь. И какъ она проста по содержанію. Индѣйское племя уходитъ на новыя мѣста. Остается одинъ лишь дряхлый старикъ. Его не берутъ съ собою, онъ будетъ помѣхой для охотниковъ и лишнимъ ртомъ въ племени. И вотъ онъ

остаётся одинъ среди снѣжной пустыни. У него немного пищи и костеръ, который вотъ-вотъ погаснетъ, а кругомъ уже собираются волки. Но у старика нѣтъ ни страха, ни злобы, ни сожалѣнія. Это законъ жизни, — говоритъ онъ. Такъ же и онъ самъ, будучи когда-то вождемъ, поступалъ съ больными и стариками. Законъ жизни! Медленно, шагъ за шагомъ перебираетъ онъ всю свою жизнь... Наконецъ костеръ тухнетъ...

Таковъ въ большинствѣ рассказовъ этотъ оригинальный и чрезвычайно талантливый писатель, завоевывающій себѣ мировую извѣстность. Въ Россіи онъ мало знакомъ, потому что его мало или лѣниво переводятъ. Главныя его достоинства: простота, ясность, дикая, своеобразная поэзія, мужественная красота изложенія и какая-то особенная, собственная, увлекательность сюжета.

ПАМЯТИ А. И. БОГДАНОВИЧА.

Существуетъ прекрасный, полный героической трогательности рассказъ объ одномъ адъютантѣ Наполеона. Въ разгарѣ сраженія онъ подскакалъ къ императору, пославшему его съ какимъ-то порученіемъ, сдѣлалъ точный, спокойный докладъ, но вдругъ началъ блѣднѣть и шататься въ сѣдлѣ. «Etes vous blessé monsieur?»—спросилъ Наполеонъ. — «Pardon, Sir, je suis mort»,—отвѣтилъ офицеръ и упалъ мертвымъ на шею коня.

Мнѣ вспоминается этотъ рассказъ, когда я думаю о послѣднихъ дняхъ и о смерти Ангела Ивановича Богдановича. До тѣхъ поръ, пока была возможность держаться на ногахъ, онъ мужественно отдавалъ журналу послѣднія крохи жизненной энергіи, преодолевая давнишнюю тяжкую болѣзнь, страданія отъ которой стали подъ конецъ невозможно-жестокими. Оставивъ редакцію, онъ въ тотъ же день слегъ въ постель и черезъ нѣсколько недѣль умеръ.

Однажды вечеромъ, вотъ уже годъ тому назадъ, я засталъ его въ редакціи. Онъ былъ одинъ и сидѣлъ за корректурой, нагнувшись, совсѣмъ приблизивъ къ листу свои слабые глаза въ темныхъ очкахъ. Низко спущенный абажуръ лампы оставлялъ всю комнату въ зеленоватомъ сумракѣ, но въ свѣтломъ кругѣ, падавшемъ на столъ, особенно четко выдѣлялся прямой проборъ мягкихъ во-

лось, блѣдное, безкровное, исхудалое лицо, свѣтлая борода, заостренная книзу, и сухая бѣлая рука, нервно чертившая на поляхъ корректурные знаки. Помню, меня поразило тогда его голосъ; прежде такой отрывистый, рѣшительный, нѣсколько суховатый, — онъ звучалъ теперь глухо и грустно, съ какой-то новой, непривычной, кроткой медлительностью. Тишина, усталость, болѣзнь и близкая смерть вѣяли въ этотъ безмолвный вечерній часъ надъ его склоненной головой.

Можетъ-быть, мало найдется людей, чья судьба преслѣдовала бы съ такимъ ожесточеннымъ постоянствомъ, какъ Богдановича. Въ ранней молодости — суровыя бѣдствія студенческой жизни, безыменная, самоотверженная, не ждущая признанія и не ищущая благодарности борьба за освобожденіе народа, и за нею полицейская травля, обыски, ужасы военного суда 80-хъ годовъ, крѣпость и ссылка; позднѣе — тяжелая, скудно оплачиваемая, изматывающая душу работа въ провинціальной прессѣ; еще позднѣе — десять лѣтъ огромной журнальной дѣятельности въ свирѣпую эпоху гоненія на печать и — что еще хуже! — въ пресловутую эпоху свободы печати. Цензурныя условія и политическое прошлое принуждали Богдановича скрываться за скромными инициалами А. Б. и такимъ образомъ отказаться даже отъ того удовлетворенія авторскому самолюбію, которое такъ певинно и понятно, а для Ангела Ивановича было такъ заслуженно.

Но маленькій, худой, блѣдный человекъ, обладавшій несокрушимой волей, твердо шелъ впередъ наперекоръ судьбѣ. Онъ достигъ многого: скромные инициалы привлекли кругъ отзывчивыхъ и благодарныхъ читателей, имя Богдановича приобрѣло надлежащій вѣсъ и значеніе въ литературномъ мірѣ, счастливая семейная жизнь обѣщала отдыхъ и спокойствіе. Тогда судьба нанесла по-

слѣдній, уже непоправимый ударъ — мучительную, неизлѣчимую, затяжную болѣзнь, — послѣдствіе крѣпостного заключенія и суровой борьбы за жизнь.

Никогда и никто изъ насъ не слыхалъ отъ него ни одной жалобы. На вопросы о здоровьѣ онъ отвѣчалъ точно вскользь, коротко и небрежно, куда-то въ сторону, прекращая этимъ дальнѣйшее любопытство или участіе. Точно такъ же никогда онъ не говорилъ ни слова о себѣ самомъ, о своей жизни или о личныхъ дѣлахъ. Даже обычное, такъ излюбленное людьми мѣстоименіе «я» онъ замѣнялъ въ разговорахъ съ сотрудниками собирательнымъ редакціоннымъ «мы».

Вообще, я не зналъ болѣе молчаливаго человѣка, чѣмъ Богдановичъ, и думаю, что немногословность его происходила равномерно какъ изъ серьезной замкнутости сильнаго, трезваго и осторожнаго характера, такъ и отъ долготѣней привычки къ упорной кабинетной работѣ. На редакціонныхъ собраніяхъ онъ подолгу не произносилъ ни одного слова, слушая или дѣлая видъ, что слушаетъ, вертя въ это время въ пальцахъ карандашъ или нервно покручивая въ одну сторону кончикъ бороды. Но, когда ему приходилось высказываться, онъ говорилъ сжато и быстро, никогда не останавливаясь ни на мгновение для подысканія слова. Въ эти короткія минуты онъ не позволялъ перебивать себя. Онъ произносилъ спокойно: «Виноватъ, я сейчасъ кончу», и продолжалъ свою рѣчь оттуда, гдѣ остановился, съ той непоколебимой дѣловой логичностью, ясностью изложенія и знаніемъ вопроса, которымъ трудно бывало противостоятъ. Передъ большой же публикой онъ, насколько я знаю, никогда не выступалъ, боясь за свои нервы.

Работоспособность его была поразительна. Онъ читалъ въ рукописяхъ статьи почти по всѣмъ отдѣламъ журнала, держалъ ихъ корректуры, велъ громадную дѣловую ве-

реписку, принималъ извѣстныхъ авторовъ, а также де-бютантовъ въ литературѣ, что, между прочимъ, одинаково трудно, длительно и неудобно, писалъ рецензіи и критическія статьи, распредѣлялъ матеріалъ для очередной книжки, сносился съ типографіей, торопилъ брошюровочную. Казалось, въ немъ жила какая-то ненасытная потребность заваливать себя сверхъ головы работой. Кто-то сказалъ про него въ шутку: если бы у Богдановича оставалось время, онъ бы самъ набиралъ статьи, версталъ ихъ и печаталъ.

Какъ настоящій безпримѣрный труженикъ, онъ не терпѣлъ праздной болтовни и высоко цѣнилъ дѣловое время. Потому разговоры его съ авторами отличались лаконичностью. Если писатель во что бы то ни стало жаждалъ прочесть ему немедленно же, вслухъ, свою повѣсть размѣромъ въ три-четыре печатныхъ листа, — онъ говорилъ коротко, но твердо: «Оставьте здѣсь рукопись, мы сами прочтемъ». Возвращая статью автору-неудачнику, онъ говорилъ: «Это намъ не подходитъ», а на настойчивыя просьбы сказать откровенно, почему именно не подходитъ, онъ наконецъ отвѣчалъ съ серьезной, дѣловой откровенностью: «потому что плохо написано». Авторовъ-графомановъ и болѣзненно-обидчивыхъ дамъ-романистокъ онъ избѣгалъ, какъ огня.

Такой образъ дѣйствія очень понятенъ со стороны, но совершенно непонятенъ авторамъ, и вотъ о Богдановичѣ пошло ходячее мнѣніе, какъ о человѣкѣ съ угловатымъ, нетерпѣливымъ и высококомѣрнымъ характеромъ, на что, впрочемъ, онъ не обращалъ никакого вниманія. Однако онъ одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ исключительные таланты Горькаго и Андреева и воспріялъ отъ купели юношескія произведенія многихъ беллетристовъ, пользующихся теперь большой извѣстностью, а тогда — робкихъ, застѣнчивыхъ, уступчивыхъ и признательныхъ

новичковъ. Тѣ, кому слѣдуетъ, поймутъ меня. Правда, онъ никогда не нѣжничалъ, не льстилъ, не предсказывалъ писателю будущности, не распредѣлялъ мѣстъ въ литературномъ пантеонѣ. Онъ просто говорилъ: «Это намъ подходитъ», или: «Ваша рукопись сдана въ наборъ». Эту краткость и сухость тоже относятъ на счетъ его нелюдимости, мизантропіи, самомнѣнія и т. д. А между тѣмъ это была только привычная манера дѣлового и страшно занятаго человѣка. Я утверждаю, что подъ его внѣшней холодной и сухой манерой обращенія таилась истинная, сердечная привязанность къ носителямъ даже незначительныхъ талантовъ. Для него бывало большой радостью, когда «нашъ» сотрудникъ попадалъ въ книжки «Знанія», получая такимъ образомъ нѣкоторый патентъ на экзамень, выдержанный во второй классъ. И—хотя это всегда отзывалось впоследствии проигрышемъ для журнала—онъ всячески содѣйствовалъ, насколько это отъ него зависѣло, тому, чтобы экзаменующійся получилъ удовлетворительный баллъ и былъ принятъ.

Но были два предмета его постоянныхъ волненій и нѣжной заботливости — это «нашъ журналъ» и «нашъ читатель». Оба они были для А. И. реальными, почти живыми существами. Имъ онъ отдавалъ всю свою душу, о нихъ думалъ съ утра до вечера, ради нихъ усугублялъ свою осторожную недовѣрчивость испытаннаго журналиста. Поэтому онъ и бывалъ такъ упрямо-безпощаденъ къ перебѣжчикамъ, къ людямъ съ подмоченной репутаціей, къ писателямъ-флюгерамъ, готовымъ писать какъ, гдѣ и что угодно: здѣсь его антипатіи стояли незыблемой стѣной. Наконецъ — и только при нарушеніи интересовъ любимаго журнала — на Богдановича изрѣдка, раза два-три въ годъ, находили припадки настоящей, не знающей границъ ярости, тѣмъ болѣе страшной, что она оттѣнялась всегдашнимъ спокойствіемъ. Въ одномъ изъ по-

добныхъ настроеній Богдановичъ однажды такъ объяснился съ придирчивымъ цензоромъ, что редакція журнала съ этой поры не рѣшалась болѣе утруждать его объясненіями по дѣламъ печати. Безкорыстный джентльменъ, уступчивый въ вопросахъ денежныхъ и издательскихъ, онъ становился деспотичнымъ и вспыльчивымъ, когда дѣло касалось репутаціи и чести его знамени — журнала.

Несмотря на громаднѣйшій трудъ по журналу, Ангель Ивановичъ читалъ поразительно много и, что еще дороже, обладалъ исключительною памятью, въ которой множество самыхъ разнообразныхъ знаній укладывались легко и въ порядкѣ. Никто легче его не обличалъ плагиаторовъ. Это былъ настоящій энциклопедическій умъ, живой справочникъ, въ которомъ умѣщались даже такія свѣдѣнія, которыя были совсѣмъ далеки отъ спеціальнаго медицинскаго образованія Ап. И — ча и отъ его писательской профессіи. Онъ удивлялъ иногда точными и обширными познаніями въ военномъ искусствѣ, въ конскомъ и атлетическомъ спортѣ, въ православномъ богослуженіи, хотя самъ былъ католикомъ, въ естественныхъ наукахъ, въ математикѣ, въ медицинѣ, въ исторіи, въ музыкѣ, въ политической экономіи, въ живописи и во многомъ другомъ. Но мнѣнія свои онъ высказывалъ всегда кратко и притомъ въ самой скромной формѣ: «если я не ошибаюсь»... «насколько помню»... «какъ мнѣ кажется».

Многимъ, изъ знавшихъ Богдановича лишь издали, поверхностно, покажется невѣроятнымъ, чтобы этотъ болѣзненный, глубоко-серьезный, молчаливый человекъ могъ страстно любить наиболѣе яркія, самыя цвѣтныя стороны жизни. Еще за пять лѣтъ до своей смерти онъ неизмѣнно ходилъ смотрѣть откуда-то съ Канавки на военные майскіе парады и совершенно искренно, даже наивно восхищался голосомъ дьякона Малинина на Смоленскомъ

кладбищѣ во время заупокойной обѣдни по В. П. Острогорскомъ. Онъ съ удовольствіемъ, въ видѣ отдыха, читалъ Шерлока Холмса, Дюма-отца и вообще романы съ приключеніями; онъ былъ поклонникомъ физическаго здоровья, мускульной силы, ловкости, красоты, нормальной чувственности, отваги, легендарнаго героизма и переносилъ эти симпатіи на свои сужденія о литературѣ. Я помню, какъ трогательно, наивно и смѣшно, съ необыкновенной серьезностью онъ отозвался заочно объ одномъ романистѣ, принесшемъ въ журналъ свое произведение: «Романъ такъ себѣ, мы его напечатаемъ, но ужасно жалко, что авторъ такой плюгавый на видѣ». Яркость и сочность красокъ, здоровая и простая художественность, сила изображенія и мѣткость взгляда болѣе всего прельщали его въ произведеніяхъ беллетристики.

Но болѣзнь и усталость брали свое, все болѣе суживая кругъ личной жизни. За послѣдній годъ мы ни разу не видали даже тѣни улыбки на строгомъ лицѣ Богдановича. Въ обращеніи его съ людьми проглядывала утомленность и сумрачная, но мягкая грусть. Журнальныя невзгоды, въ родѣ колебаній подписки, неизбежныхъ внутреннихъ неурядицъ, административныхъ нападковъ и т. д., уже не возбуждали въ немъ, какъ раньше, мгновенныхъ, хотя и рѣдкихъ взрывовъ негодованія — онъ принималъ ихъ съ покорной тоской, затаенной подъ внѣшней выдержанной холодностью. И самая политическая ненависть, прежде такъ глубоко возмущавшая и колебавшая его усталую душу, подъ конецъ улеглась и устоялась въ безповоротное презрѣніе и молчаливую брезгливость.

Угадывалъ ли онъ, предчувствовалъ ли свой близкій конецъ? Никто изъ насъ не сумѣетъ отвѣтить на это, потому что никого онъ не пускалъ въ свою замкнутую душу. Но до послѣднихъ минутъ главнымъ центромъ его сознанія, важнѣйшимъ интересомъ его угасавшей жизни были

все тѣ же два одухотворенныя въ его глазахъ существа— «нашъ журналъ» и «нашъ читатель». Имъ онъ остался вѣренъ до смерти.

Храбрый солдатъ покидаетъ свой постъ только тогда, когда изъ его рукъ само вываливается знамя и глаза заволакиваетъ холодный туманъ. Преклонимся передъ этимъ образомъ героизма. Но также снимемъ шляпы и опустимъ головы передъ ежедневнымъ, незамѣтнымъ, будничнымъ самоотверженіемъ, идущимъ вплоть до могилы. Это я говорю тому читателю, на служеніе которому Богдановичъ сжегъ свою жизнь.

ПАМЯТИ ЧЕХОВА.

Онъ между нами жилъ...

Бывало, въ раннемъ дѣтствѣ, вернешься послѣ долгихъ лѣтнихъ каникулъ въ пансіонъ. Все сѣро, казарменно, пахнетъ свѣжей масляной краской и мастикой, товарищи грубы, начальство недоброжелательно. Пока день — еще крѣпишься кое-какъ, хотя сердце — нѣтъ-нѣтъ — и сожмется внезапно отъ тоски. Занимаютъ встрѣчи, поражаютъ переменны въ лицахъ, оглушаютъ шумъ и движеніе.

Но, когда настанетъ вечеръ, и возня въ полутемной спальнѣ уляжется, — о, какая нестерпимая скорбь, какое отчаяніе овладѣваютъ маленькой душой! Грызешь подушку, подавляя рыданія, шепчешь милыя имена и плачешь, плачешь жаркими слезами, и знаешь, что никогда не насытишь ими своего горя. И вотъ тогда-то понимаешь впервые весь потрясающій ужасъ двухъ неумолимыхъ вещей: невозвратимости прошлаго и чувства одиночества. Кажется, что сейчасъ же съ радостью отдалъ бы всю остальную жизнь, перенесъ бы всяческія мученія за одинъ только день того свѣтлаго, прекраснаго существованія, которое никогда не повторится. Кажется, ловилъ бы каждое милое, заботливое слово и заключалъ бы его навсегда въ памяти, вливалъ бы въ душу медленно и жадно, капля по каплѣ, каждую ласку. И жестоко

терзаешься мыслью, что по небрежности, въ суетѣ, и потому что время представлялось неисчерпаемымъ, — ты не воспользовался каждымъ часомъ, каждымъ мгновениемъ, промелькнувшимъ напрасно.

Дѣтскія скорби жгучи, но онѣ растаютъ во снѣ и исчезнутъ съ завтрашнимъ солнцемъ. Мы, взрослые, не чувствуемъ ихъ такъ страстно, но помнимъ дольше и скорбимъ глубже. Вскорѣ послѣ похоронъ Чехова, возвращаясь съ панихиды, бывшей на кладбищѣ, одинъ большой писатель сказалъ простыя, но полныя значенія слова:

— Вотъ похоронили мы его, и уже проходить безнадежная острота этой потери. Но понимаете ли вы, что навсегда, до конца дней нашихъ, останется въ насъ ровное, тупое, печальное сознаніе, что Чехова нѣтъ?

И вотъ теперь, когда его нѣтъ, особенно мучительно чувствуешь, какъ драгоценно было каждое его слово, улыбка, движеніе, взглядъ, въ которыхъ свѣтилась его прекрасная, избранная, аристократическая душа. Жалѣешь, что не всегда былъ внимателенъ къ тѣмъ особеннымъ мелочамъ, которыя иногда сильнѣе и интимнѣе говорятъ о внутреннемъ человѣкѣ, чѣмъ крупныя дѣла. Упрекаешь себя въ томъ, что изъ-за толкотни жизни не успѣлъ запомнить, записать много интереснаго, характернаго, важнаго. И въ то же время знаешь, что эти чувства раздѣляютъ съ тобою всѣ тѣ, кто былъ близокъ къ нему, кто истинно любитъ его, какъ человѣка несравненнаго душевнаго изящества и красоты, кто съ вѣчной признательностью будетъ чтить его память, какъ память одного изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ писателей.

Къ любви, къ нѣжной и тонкой печали этихъ людей я обращаю настоящія строки.

I.

Ялтинская дача Чехова стояла почти за городомъ, глубоко подъ бѣлой и пыльной аутской дорогой. Не знаю, кто ее строилъ, но она была, пожалуй, самымъ оригинальнымъ зданіемъ въ Ялтѣ. Вся бѣлая, чистая, легкая, красиво-несимметричная, построенная внѣ какого-нибудь опредѣленнаго архитектурнаго стиля, съ вышкой въ видѣ башни, съ неожиданными выступами, со стеклян-ной верандой внизу и съ открытой террасой вверху, съ разбросанными то широкими, то узкими окнами, — она походила бы на зданія въ стилѣ *moderne*, если бы въ ея планѣ не чувствовалась чья-то внимательная и оригинальная мысль, чей-то своеобразный вкусъ. Дача стояла въ углу сада, окруженная цвѣтникомъ. Къ саду, со стороны противоположной шоссе, примыкало, отдѣленное низкой стѣнкой, старое, заброшенное татарское кладбище, всегда зеленое, тихое и безлюдное, со скромными каменными плитами на могилахъ.

Цвѣтничокъ былъ маленькій, далеко не пышный, а фруктовый садъ еще очень молодой. Росли въ немъ груши и яблони-дички, абрикосы, персики, миндаль. Въ послѣдніе годы садъ уже началъ приносить кое-какіе плоды, доставляя Антону Павловичу много заботъ и трогательнаго, какого-то дѣтскаго удовольствія. Когда наступало время сбора миндальныхъ орѣховъ, то ихъ снимали и въ чеховскомъ саду. Лежали они обыкновенно маленькой горкой въ гостиной на подоконникѣ, и, кажется, ни у кого не хватало жестокости брать ихъ, хотя ихъ и предлагали.

А. П. не любилъ и немного сердился, когда ему говорили, что его дача слишкомъ мало защищена отъ пыли, летящей сверху, съ аутскаго шоссе, и что садъ плохо снабженъ водою. Не любя вообще Крыма, а въ особен-

ности Ялты, онъ съ особенной, ревнивой любовью относился къ своему саду. Многие видѣли, какъ онъ иногда по утрамъ, сидя на корточкахъ, заботливо обмазывалъ сѣрой стволы розъ или выдергивалъ сорныя травы изъ клумбъ. А какое бывало торжество, когда среди лѣтней засухи наконецъ шелъ дождь, наполнявшій водою запасныя глиняныя цистерны!

Но не чувство собственника сказывалось въ этой хлопотливой любви, а другое, болѣе мощное и мудрое сознание. Какъ часто говорилъ онъ, глядя на свой садъ прищуренными глазами:

— Послушайте, при мнѣ здѣсь посажено каждое дерево, и, конечно, мнѣ это дорого. Но и не это важно. Вѣдь здѣсь же до меня былъ пустырь и нелѣпые овраги, всѣ въ камняхъ и въ чертополохѣ. А я вотъ пришелъ и сдѣлалъ изъ этой дичи культурное, красивое мѣсто. Знаете ли? — прибавлялъ онъ вдругъ съ серьезнымъ лицомъ, тономъ глубокой вѣры. — Знаете ли, черезъ триста-четыреста лѣтъ вся земля обратится въ цвѣтущій садъ. И жизнь будетъ тогда необыкновенно легка и удобна.

Эта мысль о красотѣ грядущей жизни, такъ ласково, печально и прекрасно отозвавшаяся во всѣхъ его послѣднихъ произведеніяхъ, была и въ жизни одной изъ самыхъ его задушевныхъ, наиболѣе лелѣемыхъ мыслей. Какъ часто, должно-быть, думалъ онъ о будущемъ счастіи человѣчества, когда, по утрамъ, одинъ, молчаливо подрѣзывалъ свои розы, еще влажные отъ росы, или внимательно осматривалъ раненый вѣтромъ молодой побѣгъ. И сколько было въ этой мысли кроткаго, мудраго и покорнаго самозабвенія!

Нѣтъ, это не была заочная жажда существованія, идущая отъ ненасытимаго человѣческаго сердца и цѣпляющаяся за жизнь, это не было — ни жадное любопытство

къ тому, что́ будетъ послѣ меня, ни завистливая ревность къ далекимъ поколѣніямъ. Это была тоска исключительно тонкой, прелестной и чувствительной души, непомѣрно страдавшей отъ пошлости, грубости, скуки, праздности, насилія, дикости — отъ всего ужаса и темноты современныхъ будней. И потому-то подъ конецъ его жизни, когда пришла къ нему огромная слава и сравнительная обеспеченность, и преданная любовь къ нему, всего, что́ было въ русскомъ обществѣ умнаго, талантливаго и честнаго, — онъ не замкнулся въ недостижимости холоднаго величія, не впалъ въ пророческое учительство, не ушелъ въ ядовитую и мелочную вражду къ чужой извѣстности. Нѣтъ, вся сумма его большого и тяжелаго житейскаго опыта, всѣ его огорченія, скорби, радости и разочарованія выразились въ этой прекрасной, тоскливой, самоотверженной мечтѣ о грядущемъ, близкомъ, хотя и чужомъ счастіи.

— Какъ хороша будетъ жизнь черезъ триста лѣтъ!

И потому-то онъ съ одинаковой любовью ухаживалъ за цвѣтами, точно видя въ нихъ символъ будущей красоты, и слѣдилъ за новыми путями, пролагаемыми человѣческимъ умомъ и знаніемъ. Онъ съ удовольствіемъ глядѣлъ на новыя зданія оригинальной постройки и на большіе морскіе пароходы, живо интересовался всякимъ послѣднимъ изобрѣтеніемъ въ области техники и не скучалъ въ обществѣ специалистовъ. Онъ съ твердымъ убѣжденіемъ говорилъ о томъ, что преступленія, въ родѣ убійства, воровства и прелюбодѣянія, становятся все рѣже, почти исчезаютъ въ настоящемъ интеллигентномъ обществѣ, въ средѣ учителей, докторовъ, писателей. Онъ вѣрилъ въ то, что грядущая, истинная культура обогородитъ человѣчество

Разсказывая о чеховскомъ садѣ, я позабылъ упомянуть, что посрединѣ его стояли качели и деревянная

скамейка. И то и другое осталось отъ «Дяди Вани», съ которымъ Художественный театръ прїѣзжалъ въ Ялту, прїѣзжалъ, кажется, съ исключительной цѣлью показать больному тогда А. П — чу постановку его пьесы. Обоими предметами Чеховъ чрезвычайно дорожилъ и, показывая ихъ, всегда съ признательностью вспоминалъ о миломъ вниманіи къ нему Художественнаго театра. Здѣсь у мѣста также упомянуть, что эти прекрасные артисты своей исключительной деликатной чуткостью къ чеховскому таланту и дружной преданностью ему самому много скрасили послѣдніе дни незабвеннаго художника.

II.

Во дворѣ жили: ручной журавль и двѣ собаки. Надо замѣтить, что Антонъ Павловичъ очень любилъ всѣхъ животныхъ, за исключеніемъ, впрочемъ, кошекъ, къ которымъ онъ питалъ непреодолимое отвращеніе. Собаки же пользовались его особымъ расположеніемъ. О покойной «Каштанкѣ», о мелеховскихъ таксахъ «Бромѣ» и «Хинѣ» онъ вспоминалъ такъ тепло и въ такихъ выраженіяхъ, какъ вспоминаютъ объ умершихъ друзьяхъ. «Славный народъ — собаки!» — говорилъ онъ иногда съ добродушной улыбкой.

Журавль былъ важная, степенная птица. Къ людямъ онъ относился вообще недовѣрчиво, но велъ тѣсную дружбу съ Арсеніемъ, набожнымъ слугой Антона Павловича. За Арсеніемъ онъ бѣгалъ всюду, по двору и по саду, причемъ уморительно подпрыгивалъ на ходу и махалъ растопыренными крыльями, исполняя характерный журавлиный танецъ, всегда смѣшившій Антона Павловича.

Одну собаку звали «Тузикъ», а другую — «Каштанъ», въ честь прежней, исторической «Каштанки», носившей

это имя. Ничѣмъ, кромѣ глупости и лѣности, этотъ «Каштанъ», впрочемъ, не отличался. По внѣшнему виду онъ былъ толстъ, гладокъ и неуклюжъ, свѣтло-шоколаднаго цвѣта, съ бессмысленными желтыми глазами. Вслѣдъ за «Гузикомъ» онъ лаялъ на чужихъ, но стоило его поманить и почмокать ему, какъ онъ тотчасъ же переворачивался на спину и начиналъ угодливо извиваться по землѣ. Антонъ Павловичъ легонько отстранялъ его палкой, когда онъ лѣзъ съ нѣжностями, и говорилъ съ притворной суровостью:

— Уйди же, уйди, дуракъ... Не приставай...

И прибавлялъ, обращаясь къ собесѣднику, съ досадой, но со смѣющимися глазами:

— Не хотите ли, подарю пса? Вы не повѣрите, до чего онъ глупъ.

Но однажды случилось, что «Каштанъ», по свойственной ему глупости и неповоротливости, попалъ подъ колеса фаэтона, который раздавилъ ему ногу. Бѣдный песъ прибѣжалъ домой на трехъ лапахъ, съ ужасающимъ воемъ. Задняя нога вся была исковеркана, кожа и мясо прорваны почти до кости, лилась кровь. Антонъ Павловичъ тотчасъ же промылъ рану теплой водой съ содой, присыпалъ ее іодоформомъ и перевязалъ марлевымъ бинтомъ. И надо было видѣть, съ какой нѣжностью, какъ ловко и осторожно прикасались его большіе милые пальцы къ ободранной ногѣ собаки, и съ какой сострадательной укоризной бранилъ онъ и уговаривалъ визжавшаго «Каштана»:

— Ахъ, ты, глупый, глупый... Ну какъ тебя угораздило?... Да тише ты... легче будетъ... дурачокъ...

Приходится повторить избитое мѣсто, но несомнѣнно, что животные и дѣти инстинктивно тянулись къ Чехову. Иногда приходила къ А. П. одна больная барышня, приводившая съ собою дѣвочку лѣтъ 3 — 4-хъ, сиротку,

которую она взяла на воспитаніе. Между крошечнымъ ребенкомъ и пожилымъ, грустнымъ и больнымъ человекомъ, знаменитымъ писателемъ, установилась какая-то особенная, серьезная и довѣрчивая дружба. Подолгу сидѣли они рядомъ на скамейкѣ, на верандѣ; А. П. внимательно и сосредоточенно слушалъ, а она безъ умолку лепетала ему свои дѣтскія смѣшныя слова и путалась ручонками въ его бородѣ.

Съ большой и сердечной любовью относились къ Чехову и всѣ люди попроще, съ которыми онъ сталкивался: слуги, разносчики, носильщики, странники, почтальоны — и не только съ любовью, но и съ тонкой чуткостью, съ бережностью и съ пониманіемъ. Не могу не рассказать здѣсь одного случая, который передаю со словъ очевидца, маленькаго служащаго въ «Русскомъ О-вѣ Пароходства и Торговли», человека положительнаго, немногословнаго и, главное, совершенно непосредственнаго въ воспріятіи и передачѣ своихъ впечатлѣній.

Это было осенью. Чеховъ, возвращавшійся изъ Москвы, только-что пріѣхалъ на пароходъ изъ Севастополя въ Ялту и еще не успѣлъ сойти съ палубы. Былъ промежутокъ той сумятицы, криковъ и безтолочи, которые всегда подымаются вслѣдъ за тѣмъ, какъ опустятъ сходни. Въ это-то суматошное время татаринъ-носильщикъ, всегда услуживавшій А. П. — чу и увидѣвшій его еще издали, раньше другихъ успѣлъ взобраться на пароходъ, разыскалъ вещи Чехова и уже готовился нести ихъ внизъ, какъ на него внезапно налетѣлъ бравый и свирѣпый помощникъ капитана. Этотъ человекъ не ограничился одними непристойными ругательствами, но въ порывѣ начальственнаго гнѣва ударилъ бѣднаго татарина по лицу.

«И вотъ тогда произошла сверхъестественная сцена, — рассказывалъ мой знакомый. — Татаринъ бросаетъ вещи

на палубу, бьетъ себя въ грудь кулаками и, вытаращивъ глаза, лѣзетъ на помощника. И въ то же время кричитъ на всю пристань:

«— Что? Ты бьешься? Ты думаешь, ты меня ударилъ? Ты — вотъ кого ударилъ!

«И показываетъ пальцемъ на Чехова. А Чеховъ, знаетъ ли, блѣдный весь, губы вздрагиваютъ. Подходить къ помощнику и говоритъ ему тихо такъ, раздѣльно, но съ необычайнымъ выраженіемъ: «Какъ вамъ не стыдно!» Повѣрите ли, ей-Богу, будь я на мѣстѣ этого мореплавателя, — лучше бы мнѣ двадцать разъ въ морду плюнули, чѣмъ услышать это: «какъ вамъ не стыдно». И на что ужъ морякъ былъ толстокожъ, но и того проняло: заметался-заметался, забормоталъ что-то и вдругъ испарился. И ужъ больше его на палубѣ не видѣли».

III.

Кабинетъ въ ялтинскомъ домѣ у А. П. былъ небольшой, шаговъ 12 въ длину и 6 въ ширину, скромный, но дышавшій какой-то своеобразной прелестью. Прямо противъ входной двери — большое квадратное окно въ рамѣ изъ цвѣтныхъ желтыхъ стеколъ. Съ лѣвой стороны отъ входа, около окна, перпендикулярно къ нему — письменный столъ, а за нимъ маленькая ниша, освѣщенная сверху, изъ-подъ потолка, крошечнымъ оконцемъ; въ нишѣ — турецкій диванъ. Съ правой стороны, посрединѣ стѣны — коричневый кафельный каминъ; наверху, въ его облицовкѣ, оставлено небольшое, незадѣланное плиткой мѣстечко, и въ немъ небрежно, но мило написано красками вечернее поле съ уходящими вдаль стогами — это работа Левитана. Дальше, по той же сторонѣ, въ самомъ углу — дверь, сквозь которую видна холостая спальня Антона Павловича, — свѣтлая, веселая комната,

сіяющая какой-то дѣвической чистотой, бѣлизной и невинностью. Стѣны кабинета — въ темныхъ съ золотомъ обояхъ, а около письменнаго стола виситъ печатный плакатъ: «Просить не курить». Сейчасъ же возлѣ входной двери, направо — шкапъ съ книгами. На каминѣ нѣсколько бездѣлушекъ и между ними прекрасно сдѣланная модель парусной шкуны. Много хорошенькихъ вещицъ изъ кости и изъ дерева на письменномъ столѣ; почему-то преобладаютъ фигуры слоновъ. На стѣнахъ портреты — Толстого, Григоровича, Тургенева. На отдѣльномъ маленькомъ столикѣ, на вѣрообразной подставкѣ, множество фотографій артистовъ и писателей. По обоимъ бокамъ окна спускаются прямая, тяжелая, темная занавѣски, на полу большой, восточнаго рисунка, коверъ. Эта драпировка смягчаетъ всѣ контуры и еще больше темнитъ кабинетъ, но благодаря ей ровнѣе и пріятнѣе ложится свѣтъ изъ окна на письменный столъ. Пахнетъ тонкими духами, до которыхъ А. П. всегда былъ охотникъ. Изъ окна видна открытая подковообразная лощина, спускающаяся далеко къ морю, и самое море, окруженное амфитеатромъ домовъ. Слева же, справа и сзади громоздятся полукольцомъ горы. По вечерамъ, когда въ гористыхъ окрестностяхъ Ялты зажигаются огни и когда во мракѣ эти огни и звѣзды надъ ними такъ близко сливаются, что не отличаешь ихъ другъ отъ друга, — тогда вся окружающая мѣстность очень напоминаетъ иные уголки Тифлиса...

Всегда бываетъ такъ: познакомишься съ человѣкомъ, изучишь его наружность, походку, голосъ, манеры, и все-таки всегда можешь вызвать въ памяти его лицо такимъ, какимъ его видѣлъ въ самый первый разъ, совсѣмъ другимъ, отличнымъ отъ настоящаго. Такъ и у меня, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ знакомства съ А. П., сохранился въ памяти тотъ Чеховъ, какимъ я его увидѣлъ впервые,

въ общей залѣ Лондонской гостиницы въ Одессѣ. Показался онъ мнѣ тогда почти высокаго роста, худощавымъ, но широкимъ въ костяхъ, нѣсколько суровымъ на видъ. Слѣдовъ болѣзни въ немъ тогда не было замѣтно, если не считать его походки, — слабой и точно на немного согнутыхъ колѣняхъ. Если бы меня спросили тогда, на кого онъ похожъ съ перваго взгляда, я бы сказалъ: «на земскаго врача или на учителя провинціальной гимназіи». Но было въ немъ также что-то простоватое и скромное, что-то чрезвычайно русское, народное—въ лицѣ, въ говорѣ и въ оборотахъ рѣчи, была также какая-то кажущаяся московская студенческая небрежность въ манерахъ. Именно такое первое впечатлѣніе выносили многіе, и я въ томъ числѣ. Но спустя нѣсколько часовъ я увидѣлъ совсѣмъ другого Чехова, — именно того Чехова, лицо котораго никогда не могла уловить фотографія и которое, къ сожалѣнію, не понялъ и не прочувствовалъ ни одинъ изъ писавшихъ съ него художниковъ. Я увидѣлъ самое прекрасное и тонкое, самое одухотворенное человѣческое лицо, какое только мнѣ приходилось встрѣчать въ моей жизни.

Многіе впоследствии говорили, что у Чехова были голубые глаза. Это ошибка, но ошибка до страннаго общаго всѣмъ, знавшимъ его. Глаза у него были темные, почти каріе, при чемъ раекъ праваго глаза былъ окрашенъ значительно сильнѣе, что придавало взгляду А. П., при нѣкоторыхъ поворотахъ головы, выраженіе разсѣянности. Верхнія вѣки нѣсколько нависали надъ глазами, что такъ часто наблюдается у художниковъ, охотниковъ, моряковъ, словомъ, у людей съ сосредоточеннымъ зрѣніемъ. Благодаря пенснэ и манерѣ глядѣть сквозь низъ ея стекль, нѣсколько приподнявъ кверху голову, лицо А. П. часто казалось суровымъ. Но надо было видѣть Чехова въ иныя минуты (увы, столь рѣдкія въ послѣдніе годы), когда имъ овладѣвало веселье, и когда онъ, быстрымъ

движеніемъ руки сбрасывая пенснэ и покачиваясь взадъ и впередъ на креслѣ, разражался милымъ, искреннимъ и глубокимъ смѣхомъ. Тогда глаза его становились полукруглыми и лучистыми, съ добрыми морщинками у наружныхъ угловъ, и весь онъ тогда напоминалъ тотъ юношескій извѣстный портретъ, гдѣ онъ изображенъ почти безбородымъ, съ улыбающимся, близорукимъ и наивнымъ взглядомъ нѣсколько исподлобья. И вотъ — удивительно — каждый разъ, когда я гляжу на этотъ снимокъ, я не могу отдѣлаться отъ мысли, что у Чехова глаза были действительно голубые.

Обращалъ вниманіе въ наружности А. П. его лобъ — широкій, бѣлый и чистый, прекрасной формы: лишь въ самое послѣднее время на немъ легли между бровями, у переносья, двѣ вертикальныя, задумчивыя складки. Уши у Чехова были большія, некрасивой формы, но другія такія умныя, интеллигентныя уши я видѣлъ еще лишь у одного человѣка — у Толстого.

Однажды лѣтомъ, пользуясь добрымъ настроеніемъ Антона Павловича, я сдѣлалъ съ него нѣсколько снимковъ ручнымъ фотографическимъ аппаратомъ. Но, къ несчастію, лучшіе изъ нихъ и чрезвычайно похожіе вышли совсѣмъ блѣдными, благодаря слабому освѣщенію кабинета. Про другіе же, болѣе удачныя, самъ А. П. сказалъ, посмотрѣвъ на нихъ:

— Ну, знаете ли, это не я, а какой-то французъ.

Помнится мнѣ теперь очень живо пожатіе его большой, сухой и горячей руки, — пожатіе, всегда очень яркое, мужественное, но въ то же время сдержанное, точно скрывающее что-то. Представляю также себѣ и его почеркъ: тонкій, безъ нажимовъ, ужасно мелкій, съ перваго взгляда — небрежный и некрасивый, но, если къ нему приглядѣться, — очень ясный, нѣжный, изящный и характерный, какъ и все, что въ немъ было.

IV.

Вставалъ А. П., по крайней мѣрѣ лѣтомъ, довольно рано. Никто даже изъ самыхъ близкихъ людей не видалъ его небрежно одѣтымъ; также не любилъ онъ разныхъ домашнихъ вольностей, въ родѣ туфель, халатовъ и тужурокъ. Въ восемь-девять часовъ его уже можно было застать ходящимъ по кабинету или за письменнымъ столомъ, какъ всегда, безукоризненно, изящно и скромно одѣтаго.

Повидимому, самое лучшее время для работы приходилось у него отъ утра до обѣда, хотя пишущимъ его, кажется, никому не удавалось заставить: въ этомъ отношеніи онъ былъ необыкновенно скрытенъ и стыдливъ. Зато нерѣдко въ хорошія теплыя утра его можно было видѣть на скамейкѣ за домомъ, въ самомъ укромномъ мѣстѣ дачи, гдѣ вдоль бѣлыхъ стѣнъ стояли кадки съ олеандрами и гдѣ имъ самимъ былъ посаженъ кипарисъ. Тамъ сидѣлъ онъ иногда по часу и болѣе, одинъ, не двигаясь, сложивъ руки на колѣняхъ и глядя впередъ, на море.

Около полудня и позднѣе домъ его начиналъ наполняться посѣтителями. Въ это же время на желѣзныхъ рѣшеткахъ, отдѣляющихъ усадьбу отъ шоссе, висли цѣлыми часами, разипувъ рты, дѣвицы въ бѣлыхъ войлочныхъ, широкополыхъ шляпахъ. Самые разнообразные люди пріѣзжали къ Чехову: ученые, литераторы, земскіе дѣятели, доктора, военные, художники, поклонники и поклонницы, профессоры, свѣтскіе люди, сенаторы, священники, актеры — и Богъ знаетъ, кто еще. Часто обращались къ нему за совѣтомъ, за протекціей, еще чаще съ просьбой о просмотрѣ рукописи; являлись развязные газетные интервьюеры и просто любопытствующие; были и такіе, которые посѣщали его съ единственной цѣлью «направить этотъ большой, но заблудшій талантъ въ пад-

лежащую, идейную сторону». Приходила просящая бѣдность — и настоящая и мнимая. Эти никогда не встрѣчали отказа. Я не считаю себя въ правѣ упоминать о частныхъ случаяхъ, но твердо и навѣрно знаю, что щедрость Чехова, особенно по отношенію къ учащейся молодежи, была несравненно шире того, что ему позволяли его болѣе чѣмъ скромныя средства.

Бывали у него люди всѣхъ слоевъ, всѣхъ лагерей и оттѣнковъ. Несмотря на утомительность такого постоянного человѣческаго круговорота, тутъ было нѣчто и привлекательное для Чехова: онъ изъ первыхъ рукъ, изъ первоисточниковъ, знакомился со всѣмъ, что дѣлалось въ данную минуту въ Россіи. О, какъ ошибались тѣ, которые въ печати и въ своемъ воображеніи называли его человѣкомъ равнодушнымъ къ общественнымъ интересамъ, къ мятущейся жизни интеллигенціи, къ жгучимъ вопросамъ современности. Онъ за всѣмъ слѣдилъ пристально и вдумчиво; онъ волновался, мучился и болѣлъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ болѣли лучшіе русскіе люди. Надо было видѣть, какъ въ проклятыя, черныя времена, когда при немъ говорили о нелѣпыхъ, темныхъ и злыхъ явленіяхъ нашей общественной жизни, — надо было видѣть, какъ сурово и печально сдвигались его густыя брови, какимъ страдальческимъ дѣлалось его лицо, и какая глубокая, высшая скорбь свѣтилась въ его прекрасныхъ глазахъ.

Здѣсь уместно вспомнить объ одномъ фактѣ, который, по-моему, прекрасно освѣщаетъ отношеніе Чехова къ глушностямъ русской дѣйствительности. У многихъ въ памяти его отказъ отъ званія почетнаго академика, извѣстны и мотивы этого отказа, но далеко не всѣ знаютъ его письмо въ академію по этому поводу — прекрасное письмо, написанное съ простымъ и благороднымъ достоинствомъ, со сдержаннымъ негодованіемъ великой души.

«Въ декабрѣ прошлаго года я получилъ извѣщеніе объ избраніи А. М. Пѣшкова въ почетные академики, и я не замедлилъ повидаться съ А. М. Пѣшковымъ, который тогда находился въ Крыму, первый принесъ ему извѣстіе объ избраніи и первый поздравилъ его. Затѣмъ, немного погодя, въ газетахъ было напечатано, что, въ виду привлеченія Пѣшкова къ дознанію по 1035 ст., выборы признаются недѣйствительными, при чемъ было точно указано, что это извѣщеніе исходитъ изъ Академіи Наукъ, а такъ какъ я состою почетнымъ академикомъ, то это извѣщеніе частью исходило и отъ меня. Я поздравлялъ сердечно и я же признавалъ выборы недѣйствительными—такое противорѣчіе не укладывалось въ моемъ сознаніи, примирить съ нимъ свою совѣсть я не могъ. Знакомство съ 1035 ст. ничего не объяснило мнѣ. И послѣ долгаго размышленія я могъ прійти только къ одному рѣшенію, крайне для меня тяжелому и прискорбному, а именно, просить о сложеніи съ меня званія почетнаго академика.

«А. Чеховъ».

Странно—до чего не понимали Чехова! Онъ — этотъ «неисправимый пессимистъ», — какъ его опредѣляли, — никогда не уставалъ надѣяться на свѣтлое будущее, никогда не переставалъ вѣрить въ незримую, но упорную и плодотворную работу лучшихъ силъ нашей родины. Кто изъ знавшихъ его близко не помнитъ этой обычной, излюбленной его фразы, которую онъ такъ часто, иногда даже совсѣмъ не въ ладъ разговору, произносилъ вдругъ своимъ увѣреннымъ тономъ:

— Послушайте, а знаете что? Вѣдь въ Россіи черезъ десять лѣтъ будетъ конституція.

Да, даже и здѣсь звучалъ у него тотъ же мотивъ о радостномъ будущемъ, ждущемъ человѣчество, который отозвался во всѣхъ его произведеніяхъ послѣднихъ лѣтъ.

Надо сказать правду: далеко не всѣ посѣтители щадили время и нервы А. П. — ча, а иные такъ просто были безжалостны. Помню я одинъ случай, поразительный, почти анекдотически-невѣроятный по тому огромному запасу пошлости и неделикатности, который обнаружило лицо артистическаго, какъ будто бы, званія.

Было хорошее, не жаркое, безвѣтреное лѣтнее утро. А. П. чувствовалъ себя на рѣдкость въ легкомъ, живомъ и безпечномъ настроеніи. И вотъ появляется, точно съ неба, толстый господинъ (оказавшійся впоследствии архитекторомъ), посылаетъ Чехову свою визитную карточку и проситъ свиданія. А. П. принимаетъ его. Архитекторъ входитъ, знакомится и, не обращая никакого вниманія на плакатъ: «просятъ не курить», не спрашивая позволенія, закуриваетъ вонючую, огромную рижскую сигару. Затѣмъ, отвѣсивъ, какъ неизбѣжный долгъ, нѣсколько булыжныхъ комплиментовъ хозяину, онъ приступаетъ къ приведенному его дѣлу.

Дѣло же заключается въ томъ, что сынокъ архитектора, гимназистъ III-го класса, бѣжалъ на-дняхъ по улицѣ и, по свойственной мальчикамъ привычкѣ, хватался на бѣгу рукой за все, что попадалось: за фонари, тумбы, заборы. Въ концѣ концовъ онъ напоролся рукой на колючую проволоку и сильно оцарапалъ ладонь. «Такъ вотъ, видите ли, глубокоуважаемый А. П., — заключилъ свой рассказъ архитекторъ: — я бы очень просилъ васъ напечатать объ томъ въ корреспонденціи. Хорошо, что Коля ободралъ только ладонь, но вѣдь это — случай! Онъ могъ бы задѣть какую-нибудь важную артерію — и что бы тогда вышло?» — «Да, все это очень прискорбно, — отвѣтилъ Чеховъ: — но, къ сожалѣнію, я ничѣмъ не могу вамъ помочь. Я не пишу, да никогда и не писалъ корреспонденцій. Я пишу только рассказы». — «Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Вставьте это въ рассказъ, — обрадовался архи-

текторъ. — Пропечатайте этого домовладѣльца съ полной фамиліей. Можете даже и мою фамилію проставить, я и на это согласенъ... Или нѣтъ... все-таки лучше мою фамилію не цѣликомъ, а просто поставьте литеру: господинъ С. Такъ, пожалуйста... А то вѣдь у насъ только и осталось теперь два настоящихъ либеральныхъ писателя — вы и г. П.» (и тутъ архитекторъ назвалъ имя одного извѣстнаго литературнаго закрыщика).

Я не сумѣлъ передать и сотой доли тѣхъ ужасающихъ пошлостей, которыя наговорилъ оскорбленный въ родительскихъ чувствахъ архитекторъ, потому что за время своего визита онъ успѣлъ докурить сигару до конца, и потомъ долго приходилось провѣтривать кабинетъ отъ ея зловоннаго дыма. Но, едва онъ накопецъ удалился, А. П. вышелъ въ садъ совершенно разстроенный, съ красными пятнами на щекахъ. Голосъ у него дрожалъ, когда онъ обратился съ упрекомъ къ своей сестрѣ Маріи Павловнѣ и къ сидѣвшему съ ней на скамейкѣ знакомому:

— Гоепода, неужели вы не могли избавить меня отъ этого человѣка? Прислали бы сказать, что меня зовутъ куда-нибудь. Онъ же меня измучилъ!

Помню также, — и это, каюсь, отчасти моя вина, — какъ пріѣхалъ къ нему выразить свое читательское одобрѣніе нѣкій самоувѣренный штатскій генералъ, который, вѣроятно, желая доставить Чехову удовольствіе, началъ, широко разставивъ колѣни и упершись въ нихъ кулаками вывороченныхъ рукъ, всячески поносить одного молодого писателя, громадная извѣстность котораго только еще начинала расти. И Чеховъ тотчасъ же сжался, ушелъ въ себя и все время сидѣлъ съ опущенными глазами, съ холоднымъ лицомъ, не проронивъ ни одного слова. И только по быстрому укоряющему взгляду, который онъ бросилъ при прощаніи на знакомаго, приведеннаго гене-

рала, можно было видѣть, какъ много огорченія принесъ ему этотъ визитъ.

Такъ же стыдливо и холодно относился онъ и къ похваламъ, которыя ему расточали. Бывало, уйдетъ въ нишу, на диванъ, рѣсницы у него дрогнутъ и медленно опустятся, и уже не поднимаются больше, а лицо сдѣлается неподвижнымъ и сумрачнымъ. Иногда, если эти неумѣренные восторги исходили отъ болѣе близкаго ему человѣка, онъ старался обратить разговоръ въ шутку, свернуть его на другое направленіе. Вдругъ скажетъ ни съ того ни съ сего, съ легкимъ смѣшкомъ:

— Ужасно люблю читать, что обо мнѣ одесскіе репортеры пишутъ.

— Почему такъ?

— Смѣшно очень. Все врутъ. Ко мнѣ прошлой весной явился одинъ изъ нихъ въ гостиницу. Просить интервью. А у меня какъ разъ времени не было. Я и говорю: «Извините, я теперь занятъ. Да, впрочемъ, пишите, что вздумается. Мнѣ все равно». Ну, ужъ онъ и написалъ. Меня даже въ жаръ бросило.

А однажды онъ съ самымъ серьезнымъ лицомъ сказалъ:

— Что вы думаете: меня вѣдь въ Ялтѣ каждый извозчикъ знаетъ. Такъ и говорятъ: «А-а! Чеховъ? Это который читатель? Знаю». Почему-то называютъ меня читателемъ. Можетъ-быть, они думаютъ, что я по покойникамъ читаю? Вотъ вы бы, батенька, спросили когда-нибудь извозчика, чѣмъ я занимаюсь...

V.

Въ часъ дня у Чехова обѣдали внизу, въ прохладной и свѣтлой столовой, и почти всегда за столомъ бывалъ кто-нибудь приглашенный. Трудно было не поддаваться обая-

нію этой простой, милой, ласковой семьи. Тутъ чувствовалась постоянная нѣжная заботливость и любовь, но не отягощенная ни однимъ пышнымъ или громкимъ словомъ, — удивительная деликатность, чуткость и вниманіе, но никогда не выходящія изъ рамокъ обыкновенныхъ, какъ будто умышленно будничныхъ отношеній. И, кромѣ того, всегда замѣчалась истинно-чеховская боязнь всего надутаго, приподнятаго, неискренняго и пошлаго. Было въ этой семьѣ очень легко, тепло и уютно, и я совершенно понимаю одного писателя, который говорилъ, что онъ влюбленъ разомъ во всѣхъ Чеховыхъ.

Антонъ Павловичъ ѣлъ чрезвычайно мало и не любилъ сидѣть за столомъ, а все, бывало, ходилъ отъ окна къ двери и обратно. Часто послѣ обѣда, оставшись въ столовой съ кѣмъ-нибудь одинъ-на-одинъ, Евгенія Яковлевна (мать А. П.) говорила тихонько, съ безпокойной тоской въ голосѣ:

— А Антоша опять ничего не ѣлъ за обѣдомъ.

Онъ былъ очень гостепріименъ, любилъ, когда у него оставались обѣдать, и умѣлъ угощать на свой особенный ладъ, просто и радушно. Бывало, скажетъ кому-нибудь, остановившись у него за стуломъ:

— Послушайте, выпейте водки. Я, когда былъ молодой и здоровый, любилъ. Собираешь цѣлое утро грибы, устанешь, едва домой дойдешь, а передъ обѣдомъ выпьешь рюмки двѣ или три. Чудесно!..

Послѣ обѣда онъ пилъ чай наверху, на открытой террасѣ, или у себя въ кабинетѣ, или спускался въ садъ и сидѣлъ тамъ на скамейкѣ, въ пальто и съ тросточкой, надвинувъ на самыя глаза мягкую черную шляпу и поглядывая изъ-подъ нея полей прищуренными глазами.

Эти же часы бывали самыми людными. Постоянно спрашивали по телефону, можно ли видѣть А. П. — ча, постоянно кто-нибудь пріѣзжалъ. Приходили незнакомые,

съ просьбами о карточкахъ, о надписяхъ на книгахъ. Бывали здѣсь и смѣшныя курьезы.

Одинъ «тамбовскій помѣщикъ», какъ окрестилъ его Чеховъ, пріѣхалъ къ нему за врачебной помощью. Тщетно А. П. увѣрялъ, что онъ давно бросилъ практику и отсталъ въ медицинѣ, напрасно рекомендовалъ обратиться къ болѣе опытному доктору, — «тамбовскій помѣщикъ» стоялъ на своемъ: никакимъ докторамъ, кромѣ Чехова, онъ не хочетъ вѣрить. Волей-неволей пришлось дать ему нѣсколько незначительныхъ, совершенно невинныхъ совѣтовъ. Прощаясь, «тамбовскій помѣщикъ» положилъ на столъ два золотыхъ и, какъ его ни уговаривалъ А. П., ни за что не соглашался взять ихъ обратно. Антонъ Павловичъ принужденъ былъ уступить. Онъ сказалъ, что, не желая и не считая себя въ правѣ брать эти деньги, какъ гонораръ, онъ возьметъ ихъ на нужды ялтинскаго благотворительнаго общества, и тутъ же написалъ расписку въ ихъ полученіи. Оказывается, только того и нужно было «тамбовскому помѣщику». Съ сіяющимъ лицомъ, бережно спрятавъ онъ расписку въ бумажникъ и тогда ужъ признался, что единственной цѣлью его посѣщенія было желаніе пріобрѣсти автографъ Чехова. Объ этомъ оригинальномъ и настойчивомъ пациентѣ А. П. рассказывалъ мнѣ самъ — полусмѣясь, полусердито.

Повторяю, многіе изъ этихъ посѣтителей порядкомъ донимали Чехова и даже раздражали его, но, по свойственной ему изумительной деликатности, онъ со всѣми оставался ровень, терпѣливо-внимателенъ, доступенъ всѣмъ, желавшимъ его видѣть. Эта деликатность доходила порою до той трогательной черты, которая граничитъ съ безволіемъ. Такъ, напримѣръ, одна добрая и суетливая дама, большая поклонница Чехова, подарила ему, кажется, въ день его именинъ, огромнаго сидячаго моиса, сдѣланнаго изъ раскрашеннаго гипса, аршина въ

полтора высотой отъ земли, т.-е. разъ въ пять больше натурального роста. Мопса этого посадили внизу на площадкѣ, около столовой, и онъ сидѣлъ тамъ съ разъяренной мордой и оскаленными зубами, пугая всѣхъ забывавшихъ о немъ своей неподвижностью.

— Знаете, я самъ этого каменнаго пса боюсь, — признавался Чеховъ. — А убрать его какъ-то неловко, обидятся. Пусть ужъ тутъ живетъ.

И вдругъ, съ глазами, загоравшимися лучистымъ смѣхомъ, онъ прибавлялъ неожиданно, по своему обыкновению:

— А вы замѣтили, что въ домахъ у богатыхъ евреевъ такіе гипсовые мопсы часто сидятъ около камина?

Въ иные дни его просто угнетали всякіе хвалители, порицатели, поклонники и даже совѣтчики. «У меня такая масса посѣтителей, — жаловался онъ въ одномъ письмѣ, — что голова ходитъ кругомъ. Трудно писать». Но все-таки онъ не оставался равнодушнымъ къ искреннему чувству любви и уваженія и всегда отличалъ его отъ празднои и льстивой болтовни. Какъ-то разъ онъ вернулся въ очень веселомъ настроеніи духа съ набережной, гдѣ онъ изрѣдка прогуливался, и съ большимъ оживленіемъ рассказывалъ:

— У меня была сейчасъ чудесная встрѣча. На набережной вдругъ подходитъ ко мнѣ офицеръ-артиллеристъ, совсѣмъ молодой еще, подпоручикъ. — «Вы А. П. Чеховъ?» — «Да, это я. Что вамъ угодно?» — «Извините меня за навязчивость, но мнѣ такъ давно хочется пожать вашу руку!» И покраснѣлъ. Такой чудесный малый, и лицо милое. Пожали мы другъ другу руки и разошлись.

Всего лучше чувствовалъ себя А. П. къ вечеру, часамъ къ семи, когда въ столовой опять собирались къ чаю и легкому ужину. Здѣсь иногда—но годъ отъ году все рѣже и рѣже — воскресалъ въ немъ прежній Чеховъ, не-

истоцимо веселый, остроумный, съ кипучимъ, прелестнымъ юношескимъ юморомъ. Тогда онъ импровизировалъ цѣлыя исторіи, гдѣ дѣйствующими лицами являлись его знакомые, и особенно охотно устраивалъ воображаемыя свадьбы, которыя иногда кончались тѣмъ, что на другой день утромъ, сидя за чаемъ, молодой мужъ говорилъ вскользь, небрежнымъ и дѣловымъ тономъ:

— Знаешь, милая, а послѣ чаю мы съ тобой одѣнемся и поѣдемъ къ нотаріусу. Къ чему тебѣ лишнія заботы о твоихъ деньгахъ?

Придумывалъ онъ удивительныя — чеховскія — фамиліи, изъ которыхъ я теперь — увы! — помню только одного миѳическаго матроса Кошкодавленко. Любилъ онъ также, шутя, старить писателей. «Что вы говорите, — Бунинъ мой сверстникъ, — увѣрялъ онъ съ напускной серьезностью. — Телешовъ тоже. Онъ уже старый писатель. Вы спросите его сами: онъ вамъ расскажетъ, какъ мы съ нимъ гуляли на свадьбѣ у И. А. Бѣлоусова. Когда это было!» Одному талантливому беллетристу, серьезному, идейному писателю, онъ говорилъ: «Послушайте же, вѣдь вы на двадцать лѣтъ меня старше. Вѣдь вы же раньше писали подъ псевдонимомъ Несторъ Кукольникъ»...

Но никогда отъ его шутокъ не оставалось занозъ въ сердцѣ, такъ же какъ никогда въ своей жизни этотъ удивительно-нѣжный человекъ не причинилъ сознательно даже самаго маленькаго страданія ничему живущему.

Послѣ ужина онъ неизмѣнно задерживалъ кого-нибудь у себя въ кабинетѣ на полчаса или на часъ. На письменномъ столѣ зажигались свѣчи. И потомъ, когда уже все расходились, и онъ оставался одинъ, то еще долго свѣтился огонь въ его большомъ окнѣ. Писалъ ли онъ въ это время, или разбирался въ своихъ памятныхъ книжкахъ, заноса впечатлѣнія дня—это, кажется, не было никому извѣстно.

VI.

Вообще, мы почти ничего не знаем не только о тайнах его творчества, но даже и о внешних, привычных приемах его работы. В этом отношении А. П. был до странного скрытен и молчалив. Помню, как-то мимоходом он сказал очень значительную фразу:

— Только спаси васъ Богъ читать кому-нибудь свои произведенія, пока они не напечатаны. Даже въ корректурѣ не читайте.

Такъ онъ и самъ поступалъ постоянно, хотя иногда дѣлалъ исключенія для жены и сестры. Раньше, говорятъ, онъ былъ щедрѣе на этотъ счетъ.

Это было въ то время, когда онъ писалъ очень много и очень быстро. Онъ самъ говорилъ, что писалъ тогда по рассказу въ день. Объ этомъ же рассказывала и Е. Я. Чехова. «Бывало, еще студентомъ, Антоша сидитъ утромъ за чаемъ и вдругъ задумается, смотритъ иногда прямо въ глаза, а я знаю, что онъ ужъ ничего не видитъ. Потомъ достанетъ изъ кармана книжку и пишетъ быстро-быстро. И опять задумается»...

Но въ послѣдніе годы Чеховъ сталъ относиться къ себѣ все строже и все требовательнѣе: держалъ рассказы по нѣскольку лѣтъ, не переставая ихъ исправлять и переписывать, и все-таки, несмотря на такую кропотливую работу, послѣднія корректуры, возвращавшіяся отъ него, бывали кругомъ испещрены знаками, помѣтками и вставками. Для того, чтобы окончить произведеніе, онъ долженъ былъ писать его, не отрываясь. «Если я надолго оставляю рассказъ, — говорилъ онъ какъ-то: — то уже не могу потомъ приняться за его окончаніе. Мнѣ надо тогда начинать снова».

Гдѣ онъ черпалъ свои образы? Гдѣ находилъ свои наблюденія и сравненія? Гдѣ онъ выковывалъ свой ве-

ликолюбный, единственный въ русской литературѣ языкъ? Онъ никому не повѣрялъ и не обнаруживалъ своихъ творческихъ путей. Говорятъ, послѣ него осталось много записныхъ книжекъ; можетъ-быть, въ нихъ со временемъ найдутся ключи къ этимъ сокровеннымъ тайнамъ? А можетъ-быть, онѣ и навсегда останутся неразгаданными? Кто знаетъ? Во всякомъ случаѣ мы должны довольствоваться въ этомъ направленіи только осторожными намеками и предположеніями.

Я думаю, что всегда, съ утра до вечера, а можетъ-быть, даже и ночью, во снѣ и безсонницѣ, совершалась въ немъ незримая, но упорная, порою даже бессознательная работа, — работа взвѣшиванія, опредѣленія и запоминанія. Онъ умѣлъ слушать и спрашивать, какъ никто, но часто, среди живого разговора, можно было замѣтить, какъ его внимательный и доброжелательный взглядъ вдругъ дѣлался неподвижнымъ и глубокимъ, точно уходилъ куда-то внутрь, созерцая нѣчто таинственное и важное, совершавшееся въ его душѣ. Тогда-то А. П. и дѣлалъ свои странные, поражавшіе неожиданностью, совсѣмъ не идущіе къ разговору вопросы, которые такъ смущали многихъ. Только-что говорили и еще продолжаютъ говорить о неомарксистахъ, а онъ вдругъ спрашиваетъ: «Послушайте, вы никогда не были на конскомъ заводѣ? Непремѣнно поѣзжайте. Это интересно». Или вторично предлагаетъ вопросъ, на который только-что получилъ отвѣтъ.

Внѣшней, механической памятью Чеховъ не отличался. Я говорю про ту мелочную память, которою такъ часто обладаютъ въ сильной степени женщины и крестьяне и которая состоитъ въ запоминаніи того, кто какъ былъ одѣтъ, носить ли бороду и усы, какая была цѣпочка отъ часовъ и какіе сапоги, какого цвѣта волосы. Просто эти детали были для него неважны и неинтересны. Но

зато онъ сразу бралъ всего человѣка, опредѣлялъ быстро и вѣрно, точно опытный химикъ, его удѣльный вѣсъ, качество и порядокъ и уже зналъ, какъ очертить его главную, внутреннюю суть двумя-тремя штрихами.

Однажды Чеховъ съ легкимъ неудовольствіемъ говорилъ о своемъ хорошемъ знакомомъ, извѣстномъ ученомъ, который, несмотря на давнюю дружбу, нѣсколько утѣснялъ А. П. — чае своей многословностью. Какъ только пріѣдетъ въ Ялту, сейчасъ же является къ Чехову и сидитъ съ утра до обѣда; въ обѣдь уѣдетъ къ себѣ въ гостиницу на полчаса, а тамъ опять пріѣзжаетъ и сидитъ до глубокой ночи, и все говоритъ, говоритъ, говоритъ... И такъ каждый день.

И вдругъ, быстро обрывая этотъ рассказъ, точно увлекаемый новой, интересной мыслью, А. П. прибавлялъ оживленно:

— А вѣдь никто не догадывается, что самое характерное въ этомъ человѣкѣ. А я вотъ знаю. То, что онъ профессоръ и ученый съ европейскимъ именемъ — это для него второстепенное. Главное то, что онъ считаетъ себя въ душѣ замѣчательнымъ актеромъ и глубоко вѣритъ въ то, что только по волѣ случая онъ не пріобрѣлъ на сценѣ міровой извѣстности. Дома онъ постоянно читаетъ вслухъ Островскаго.

Однажды, улыбаясь своему воспоминаію, онъ вдругъ замѣтилъ:

— Знаете, Москва — самый характерный городъ. Въ пей все неожиданно. Выходимъ мы какъ-то весеннимъ утромъ съ публицистомъ С — нымъ изъ Большого Московскаго. Это было послѣ длиннаго и веселаго ужина. Вдругъ С — нъ тащитъ меня къ Иверской, здѣсь же, напротивъ. Вынимаетъ пригоршню мѣди и начинаетъ одѣлять нищихъ — ихъ тамъ десятки. Сунетъ копеечку и бормочетъ: «О здравіи раба Божія Михаила». Это его

Михаиломъ зовутъ. И опять: «Раба Божія Михаила, раба Божія Михаила»... А самъ въ Бога не вѣритъ... Чудакъ...

Тутъ я долженъ подойти къ щекотливому мѣсту, которое, можетъ-быть, не всѣмъ понравится. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что Чеховъ съ одинаковымъ вниманіемъ и съ одинаковымъ проникновеннымъ любопытствомъ разговаривалъ съ ученымъ и съ разносчикомъ, съ просящимъ на бѣдность и съ литераторомъ, съ крупнымъ земскимъ дѣятелемъ и съ сомнительнымъ монахомъ, и съ приказчикомъ, и съ маленькимъ почтовымъ чиновникомъ, отсылавшимъ ему корреспонденцію. Не оттого ли у него въ разказахъ профессоръ говоритъ и думаетъ именно какъ старый профессоръ, а бродяга—какъ истый бродяга? И не оттого ли у него тотчасъ же послѣ его смерти отыскалось такое множество «закадычныхъ» друзей, за которыхъ онъ, по ихъ словамъ, былъ готовъ въ огонь и въ воду?

Думается, что онъ никому не раскрывалъ и не отдавалъ своего сердца вполнѣ (была, впрочемъ, легенда о какомъ-то его близкомъ, любимомъ другѣ, чиновникѣ изъ Таганрога), но ко всѣмъ относился благодушно, безразлично въ смыслѣ дружбы и въ то же время съ большимъ, можетъ-быть, бессознательнымъ интересомъ.

Свои чеховскія словечки и эти изумительныя по своей сжатости и мѣткости черточки бралъ онъ нерѣдко прямо изъ жизни. Выраженіе «не идравится мнѣ это», перешедшее такъ быстро изъ «Архіерея» въ обиходъ широкой публики, было имъ почерпнуто отъ одного мрачнаго бродяги, полупьяницы, полупомѣшаннаго, полупророка. Также, помню, разговорились мы съ нимъ какъ-то о давно уже умершемъ московскомъ поэтѣ, и Чеховъ съ яркостью вспомнилъ и его, и его сожительницу, и его пустыя комнаты, и его сень-бернара «Дружка», страдавшаго вѣчнымъ разстройствомъ желудка. «Какъ же, отлично

помню, — говорилъ А. П., весело улыбаясь: — въ пять часовъ къ нему всегда входила эта женщина и спрашивала: «Людоръ Иванычъ, а Людоръ Иванычъ, а что, вамъ не пора пиво пить?» Я тогда же неосторожно сказалъ: — «Ахъ, такъ вотъ откуда это у васъ въ «Палатѣ № 6»? — «Ну да, оттуда». — отвѣтилъ А. П. съ неудовольствіемъ.

Были у него также знакомы изъ тѣхъ средостѣнныхъ купчихъ, которыя, несмотря на милліоны, и на самыя модныя платья, и на внѣшній интересъ къ литературѣ, говорили «едеяль» и «принципально». Иныя изъ нихъ часами изливались передъ Чеховымъ: какія у нихъ необыкновенно тонкія, «нервенныя» натуры, и какой бы замѣчательный романъ могъ сдѣлать «гинеяльный» писатель изъ ихъ жизни, если бы все рассказать. А онъ ничего, сидѣлъ себѣ и молчалъ, и слушалъ съ видимымъ удовольствіемъ, — только подъ усами у него скользила чуть замѣтная, почти неуловимая улыбка.

Я не хочу сказать, что онъ искалъ, подобно многимъ другимъ писателямъ, моделей. Но мнѣ думается, что онъ всюду и всегда видѣлъ матеріалъ для наблюденій, и выходило у него это поневолѣ, можетъ-быть, часто противъ желанія, въ силу давно изощренной и никогда неискоренимой привычки вдумываться въ людей, анализировать ихъ и обобщать. Въ этой сокровенной работѣ было для него, вѣроятно, все мученіе и вся радость вѣчнаго бессознательнаго процесса творчества.

Ни съ кѣмъ не дѣлился онъ своими впечатлѣніями, такъ же какъ никому не говорилъ о томъ, что и какъ собирается онъ писать. Также чрезвычайно рѣдко сказывался въ его рѣчахъ художникъ и беллетристъ. Онъ, отчасти нарочно, отчасти инстинктивно, употреблялъ въ разговорѣ обыкновенныя, среднія, общія выраженія, не прибѣгая ни къ сравненіямъ ни къ картинамъ. Онъ бе-

регъ свой сокровища въ душѣ, не позволяя имъ расточаться въ словесной пѣнѣ, и въ этомъ была громадная разница между нимъ и тѣми беллетристами, которые рассказываютъ свои темы гораздо лучше, чѣмъ ихъ пишутъ.

Происходило это, думаю, отъ природной сдержанности, но также и отъ особенной стыдливости. Есть люди, органически не переносящіе, болѣзненно стыдящіеся слишкомъ выразительныхъ позъ, жестовъ, мимики и словъ, и этимъ свойствомъ А. П. обладалъ въ высшей степени. Здѣсь-то, можетъ-быть, и кроется разгадка его кажущагося безразличія къ вопросамъ борьбы и протеста и равнодушія къ интересамъ злободневнаго характера; волновавшимъ и волнующимъ всю русскую интеллигенцію. Въ немъ жила боязнь пафоса, сильныхъ чувствъ и неразлучныхъ съ ними нѣсколько театральныхъ эффектовъ. Съ однимъ только я могу сравнить такое положеніе: нѣкто любитъ женщину со всѣмъ пыломъ, нѣжностью и глубиной, на которые способенъ человѣкъ тонкихъ чувствъ, огромнаго ума и таланта. Но никогда онъ не рѣшится сказать объ этомъ пышными, выпренными словами и даже представить себѣ не можетъ, какъ это онъ станетъ на колѣни и прижметъ одну руку къ сердцу, и какъ заговоритъ дрожащимъ голосомъ перваго любовника. И потому онъ любитъ и молчитъ, и страдаетъ молча, и никогда не отважится выразить то, что развязно и громко, по всѣмъ правиламъ декламации, изъясняетъ фатъ средняго пошиба.

VII.

Къ молодымъ, начинающимъ писателямъ Чеховъ былъ неизмѣнно участливъ, внимателенъ и ласковъ. Никто отъ него не уходилъ подавленнымъ его огромнымъ талан-

томъ и собственной малозначительностью. Никому никогда не сказалъ онъ: «Дѣлайте, какъ я, смотрите, какъ я поступаю». Если кто-нибудь въ отчаяніи жаловался ему: «Развѣ стòить писать, если на всю жизнь останешься «нашимъ молодымъ» и «подающимъ надежды», — онъ отвѣчалъ спокойно и серьезно:

— Не всѣмъ же, батенька, писать, какъ Толстой.

Внимательность его бывала иногда прямо трогательной. Одинъ начинающій писатель пріѣхалъ въ Ялту и остановился гдѣ-то за Ауткой, на окраинѣ города, нанявъ комнатку въ шумной и многочисленной греческой семьѣ. Какъ-то онъ пожаловался Чехову, что въ такой обстановкѣ трудно писать, — и вотъ Чеховъ настоялъ на томъ, чтобы писатель непременно приходилъ къ нему съ утра и занимался у него внизу, рядомъ со столовой. «Вы будете внизу писать, а я вверху, — говорилъ онъ со своей очаровательной улыбкой. — И обѣдать будете также у меня. А когда кончите, непременно прочтите мнѣ, или, если уѣдете, пришлите хотя бы въ корректурѣ».

Читалъ онъ удивительно много и всегда все помнилъ, и никого ни съ кѣмъ не смѣшивалъ. Если авторы спрашивали его мнѣнія, онъ всегда хвалилъ, и хвалилъ не для того, чтобы отвязаться, а потому что зналъ, какъ жестоко подрѣзаетъ слабыя крылья рѣзкая, хотя бы и справедливая критика, и какую бодрость и надежду вливаетъ иногда незначительная похвала. «Читалъ вашъ рассказъ. Чудесно написано», — говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ грубоватымъ и задушевымъ голосомъ. Впрочемъ, при нѣкоторомъ довѣріи и болѣе близкомъ знакомствѣ, и въ особенности по убѣдительной просьбѣ автора, онъ высказывался, хотя и съ осторожными оговорками, но опредѣленнѣе, пространнѣе и прямѣе. У меня хранятся два его письма, написанныя одному и тому же белле-

тристу, по поводу одной и той же повѣсти. Вотъ выдержка изъ перваго:

«Дорогой N., повѣсть получилъ и прочелъ, большое вамъ спасибо. Повѣсть хороша, прочелъ я ее въ одинъ разъ, какъ и предыдущую, и получилъ одинаковое удовольствіе»...

Но такъ какъ авторъ не удовольствовался одной похвалой, то вскорѣ онъ получилъ отъ А. П. другое письмо:

«Вы хотите, чтобы я говорилъ только о недостаткахъ, и этимъ ставите меня въ затруднительное положеніе. Въ этой повѣсти недостатковъ нѣтъ, и если можно не соглашаться, то лишь съ особенностями ея, нѣкоторыми. Напримеръ, героевъ своихъ, актеровъ, вы трактуете по старинкѣ, какъ трактовались они уже лѣтъ сто всѣми писавшими о нихъ, — ничего новаго. Во-вторыхъ, въ первой главѣ вы заняты описаніемъ наружностей—опять-таки по старинкѣ, описаніемъ, безъ котораго можно обойтись. Пять опредѣленно изображенныхъ наружностей утомяютъ вниманіе и въ концѣ концовъ теряютъ свою цѣнность. Бритые актеры похожи другъ на друга, какъ ксендзы, и остаются похожими, какъ бы старательно вы ни изображали ихъ. Въ-третьихъ, грубоватый тонъ, излишества въ изображеніи пьяныхъ. Вотъ и все, что я могу вамъ сказать въ отвѣтъ на вашъ вопросъ о недостаткахъ; больше ужъ ничего придумать не могу».

Къ тѣмъ изъ писателей, съ которыми у него возникала хоть какая-нибудь духовная связь, онъ всегда относился бережно и внимательно. Никогда онъ не упустилъ случая сообщить извѣстіе, которое, онъ зналъ, будетъ пріятно или полезно.

«Дорогой N., — писалъ онъ одному знакомому: — симъ извѣщаю васъ, что вашу повѣсть читалъ Л. Н. Толстой, и что она ему очень понравилась. Будьте добры,

пошлите ему вашу книжку по адресу: Кореизъ, Таврич. губ., и въ заглавіи подчеркните рассказы, которые вы находите лучшими, чтобы онъ, читая, началъ съ нихъ. Или книжку пришлите мнѣ, а я ужъ передамъ ему».

Къ пишущему эти строки онъ также проявилъ однажды милую любезность, сообщивъ письмомъ, что въ «Словарѣ русскаго языка, издаваемомъ Академіей Наукъ, въ шестомъ выпускѣ второго тома, который (т.-е. выпускъ) я сегодня получилъ, показались наконецъ и вы. Такъ, на страницѣ такой-то и т. д.».

Все это, конечно, мелочи, но въ нихъ сквозитъ такъ много участія и заботливости, что теперь, когда нѣтъ уже больше этого изумительнаго художника и прекраснаго человѣка, его письма пріобрѣтаютъ значеніе какой-то далекой, невозвратимой ласки.

— Пишите, пишите какъ можно больше, — говорилъ онъ начинающимъ беллетристамъ. — Не бѣда, если у васъ не совсѣмъ выходитъ. Потомъ будетъ выходить лучше. А главное — не тратьте понапрасну молодости и упругости: теперь вамъ только и работать. Смотрите: вотъ вы пишете чудесно, а лексиконъ у васъ маленькій. Нужно набираться словъ и оборотовъ, а для этого необходимо писать каждый день.

И онъ самъ неустанно работалъ надъ собой, обогащая свой прелестный, разнообразный языкъ отовсюду: изъ разговоровъ, изъ словарей, изъ каталоговъ, изъ ученыхъ сочиненій, изъ священныхъ книгъ. Запасъ словъ у этого молчаливаго человѣка былъ необычайно громаденъ.

— Слушайте: ѣздите почаще въ III классъ, — совѣтовалъ онъ. — Я жалѣю, что болѣзнь мѣшаетъ мнѣ теперь ѣздить въ III классъ. Тамъ иногда услышишь замѣчательно интересныя вещи.

Удивлялся онъ также тѣмъ писателямъ, которые по

цѣлымъ годамъ не видятъ ничего, кромѣ сосѣдняго бренд-мауэра изъ оконъ своихъ петербургскихъ кабинетовъ. И часто онъ говорилъ съ оттѣнкомъ нетерпѣнія: . . .

— Не понимаю, отчего вы—молодой, здоровый и свободный—не поѣдете, напримѣръ, въ Австралію (Австралія была почему-то его излюбленной частью свѣта) или въ Сибирь? Какъ только мнѣ станетъ получше, я непременно опять поѣду въ Сибирь. Я тамъ былъ, когда ѣздилъ на Сахалинъ. Вы и представить себѣ не можете, батенька, какая это чудесная страна. Совсѣмъ особое государство. Знаете, я убѣжденъ, что Сибирь когда-нибудь совершенно отдѣлится отъ Россіи, вотъ такъ же, какъ Америка отдѣлилась отъ метрополіи. Поѣзжайте же, поѣзжайте туда непременно...

— Отчего вы не напишете пьесу? — спрашивалъ онъ иногда. — Да напишите же, въ самомъ дѣлѣ. Каждый писатель долженъ написать по крайней мѣрѣ четыре пьесы.

Но тутъ же онъ соглашался, что драматическій родъ сочиненій теряетъ съ каждымъ днемъ интересъ въ наше время. «Драма должна или выродиться совсѣмъ, или принять совсѣмъ новыя, невиданныя формы, — говорилъ онъ. — Мы себѣ и представить не можемъ, чѣмъ будетъ театръ черезъ сто лѣтъ».

Бывали у А. П. иногда маленькія противорѣчія, которыя въ немъ казались особенно привлекательными и въ то же время имѣли глубокой внутренней смыслъ. Такъ было однажды съ вопросомъ о записныхъ книжкахъ. Чеховъ только-что съ увлеченіемъ убѣждалъ насъ не обращаться къ ихъ помощи, полагаясь во всемъ на память и на воображеніе. «Крупное само останется, — доказывалъ онъ: — а мелочи вы всегда изобрѣтете или отыщете». Но вотъ, спустя часъ, кто-то изъ присутствующихъ, прослужившій случайно годъ на сценѣ, сталъ раз-

сказывать о своихъ театральныхъ впечатлѣніяхъ и между прочимъ упомянулъ о такомъ случаѣ. Идетъ дневная репетиція въ садовомъ театрѣ маленькаго провинціального городка. Первый любовникъ, въ шляпѣ и въ клѣтчатыхъ панталонахъ, руки въ карманахъ, расхаживаетъ по сценѣ, рисуясь передъ случайной публикой, забредшей въ зрительную залу. Энженю-комикъ, его «театральная» жена, тоже находившаяся на сценѣ, обращается къ нему: «Саша, какъ это ты вчера напѣвалъ изъ «Паяцовъ»? Насвищи, пожалуйста». Первый любовникъ поворачивается къ ней, медленно мѣрять ее съ ногъ до головы уничтожающимъ взоромъ и говоритъ жирнымъ актерскимъ голосомъ: «Что-ò? Свистать на сценѣ? А въ церкви ты будешь свистать? Такъ знай же, что сцена— тотъ же храмъ!»

Послѣ этого разказа А. П. сбросилъ пенснэ, откинулся на спинку кресла и захохоталъ своимъ громкимъ, яснымъ смѣхомъ. И тотчасъ же полѣзъ въ боковой ящикъ стола за записной книжкой. «Постойте, постойте, какъ вы это рассказывали? Сцена — это храмъ?..» И записалъ весь анекдотъ.

Въ сущности, даже и противорѣчія во всемъ этомъ не было, и самъ А. П. потомъ объяснилъ это. «Не надо записывать сравненій, мѣткихъ черточекъ, подробностей, картинъ природы — это должно появиться само собой, когда будетъ нужно. Но голый фактъ, рѣдкое имя, техническое названіе надо занести въ книжку — иначе забудется, разсѣется».

Нерѣдко вспоминалъ Чеховъ тѣ тяжелыя минуты, которыя ему доставляли редакціи серьезныхъ журналовъ до той поры, пока съ легкой руки «Сѣвернаго Вѣстника» онъ не завоевалъ ихъ окончательно.

— Въ одномъ отношеніи вы всѣ должны быть мнѣ благодарны, — говорилъ онъ молодымъ писателямъ. — Это я

открылъ путь для авторовъ мелкѣхъ разсказовъ. Прежде, бывало, принесешь въ редакцію рукопись, такъ ее даже читать не хотятъ. Только посмотрятъ съ пренебреженіемъ. «Что? Это называется — произведеніемъ? Да вѣдь это короче воробьиного носа. Нѣтъ, намъ такихъ штукъ не надо». А я вотъ добился и другимъ указалъ дорогу. Да это еще что, такъ ли со мной обращались! Имя мое сдѣлали нарицательнымъ. Такъ и остряли, бывало: «Эхъ вы, Че-хо-вы!» Должно-быть, это было смѣшно.

Антонъ Павловичъ держался высокаго мнѣнія о современной литературѣ, т.-е., собственно говоря, о техникѣ теперешняго письма. «Всѣ нынче стали чудесно писать, плохихъ писателей вовсе нѣтъ, — говорилъ онъ рѣшительнымъ тономъ. — И оттого-то теперь все труднѣе становится выбиться изъ неизвѣстности. И, знаете, кто сдѣлалъ такой переворотъ? — Мопассанъ. Онъ, какъ художникъ слова, поставилъ такія огромныя требованія, что писать по старинкѣ сдѣлалось уже больше невозможнымъ. Попробуйте-ка вы теперь перечитать нѣкоторыхъ нашихъ классиковъ, ну хоть Писемскаго, Григоровича или Островскаго, нѣтъ, вы попробуйте только, и увидите, какое это все старье и общія мѣста. Зато возьмите, съ другой стороны, нашихъ декадентовъ. Это они лишь притворяются больными и безумными, — они всѣ здоровые мужики. Но писать — мастера».

Въ то же время онъ требовалъ отъ писателей обыкновенныхъ житейскихъ сюжетовъ, простоты изложенія и отсутствія эффектныхъ колѣпецъ. «Зачѣмъ это писать, — недоумѣвалъ онъ: — что кто-то сѣлъ на подводную лодку и поѣхалъ къ сѣверному полюсу искать какого-то примиренія съ людьми, а въ это время его возлюбленная съ драматическимъ воплемъ бросается съ колокольни? Все это неправда, и въ дѣйствительности этого

не бываетъ. Надо писать просто: о томъ, какъ Петръ Семеновичъ женился на Марьѣ Ивановнѣ. Вотъ и все. И потомъ, зачѣмъ эти подзаголовки: психическій этюдъ, жанръ, новелла? Все это однѣ претензіи. Поставьте заглавіе попроще, — все равно, какое придетъ въ голову, — и больше ничего. Также поменьше употребляйте кавычекъ, курсивовъ и тире — это манерно».

Еще училъ онъ, чтобы писатель оставался равнодушенъ къ радостямъ и огорченіямъ своихъ героевъ. «Въ одной хорошей повѣсти, — рассказывалъ онъ: — я прочелъ описаніе приморскаго ресторана въ большомъ городѣ. И сразу видно, что автору въ диковинку и эта музыка, и электрическій свѣтъ, и розы въ петлицахъ, и что онъ самъ любитъ на нихъ. Такъ — нехорошо. Нужно стоять внѣ этихъ вещей, и хотя знать ихъ хорошо, до мелочи, но глядѣть на нихъ какъ бы съ презрѣніемъ, сверху внизъ. И выйдетъ вѣрно».

VIII.

Сынъ Альфонса Додэ въ своихъ воспоминаніяхъ объ отцѣ упоминаетъ о томъ, что этотъ талантливый французскій писатель полшутя называлъ себя «продавцомъ счастья». Къ нему постоянно обращались люди разныхъ положеній за совѣтомъ и за помощью, приходили со своими огорченіями и заботами, и онъ, уже прикованный къ креслу неизлѣчимой, мучительной болѣзью, находилъ въ себѣ достаточно мужества, терпѣнія и любви къ человѣку, чтобы войти душой въ чужое горе, утѣшить, успокоить и ободрить.

Чеховъ, конечно, по своей необычайной скромности и по отвращенію къ фразѣ, никогда не сказалъ бы о себѣ ничего подобнаго, но какъ часто приходилось ему выслушивать тяжелыя исповѣди, помогать словомъ и дѣ-

ломъ, протягивать падающему свою нѣжную и твердую руку. Въ своей удивительной объективности стоя выше частныхъ горестей и радостей, онъ все зналъ и видѣлъ. Но ничто личное не мѣшало его проникновенію. Онъ могъ быть добрымъ и щедрымъ, не любя, ласковымъ и участливымъ—безъ привязанности, благодѣтелемъ—не рассчитывая на благодарность. И въ этихъ чертахъ, которыя всегда оставались неясными для его окружающихъ, кроется, можетъ-быть, главная разгадка его личности.

Пользуясь позволеніемъ одного моего друга, я приведу коротенькій отрывокъ изъ чеховскаго письма. Дѣло въ томъ, что этотъ человекъ переживалъ большую тревогу во время первой беремености горячо любимой жены и, по правдѣ сказать, порядочно докучалъ А. П. своей болью. И вотъ Чеховъ однажды написалъ ему:

«Скажите вашей женѣ, чтобы не беспокоилась, все обойдется благополучно. Роды будутъ продолжаться часовъ 20, а потомъ наступитъ блаженнѣйшее состояніе, когда она будетъ улыбаться, а вамъ будетъ хотѣться плакать отъ умиленія. 20 часовъ — это обыкновенный максимумъ для первыхъ родовъ».

Какое тонкое вниманіе къ чужой тревогѣ слышится въ этихъ немногихъ, простыхъ строчкахъ. Но еще характернѣе то, что, когда впоследствии, уже сдѣлавшись счастливымъ отцомъ, этотъ мой пріятель спросилъ, вспоминая о письмѣ, откуда Чеховъ такъ хорошо знаетъ эти чувства, А. П. отвѣтилъ спокойно, даже равнодушно:

— Да вѣдь, когда я жилъ въ деревнѣ, мнѣ же постоянно приходилось принимать у бабъ. Все равно—и тамъ такая же радость.

Если бы Чеховъ не былъ такимъ замѣчательнымъ писателемъ, онъ былъ бы прекраснымъ врачомъ. Доктора, приглашавшіе его изрѣдка на консультаціи, отзывались о немъ, какъ о чрезвычайно вдумчивомъ наблюдателѣ и

находчивомъ, проницательномъ діагностѣ. Да и не было бы ничего удивительнаго въ томъ, если бы его діагнозъ оказался совершеннѣе и глубже діагноза, поставленнаго какой-нибудь модной знаменитостью. Онъ видѣлъ и слышалъ въ человѣкѣ — въ его лицѣ, голосѣ и походкѣ — то, что было скрыто отъ другихъ, что не поддавалось, ускользало отъ глаза средняго наблюдателя.

Самъ онъ предпочиталъ совѣтовать, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда къ нему обращались, средства испытанныя, простыя, по преимуществу домашнія. Между прочимъ чрезвычайно удачно лѣчилъ онъ дѣтей.

Вѣрилъ онъ въ медицину твердо и крѣпко, и ничто не могло пошатнуть этой вѣры. Помню я, какъ однажды онъ разсердился, когда кто-то началъ свысока третировать медицину, по роману Золя — «Докторъ Паскаль».

— Золя вашъ ничего не понимаетъ и все выдумываетъ у себя въ кабинетѣ, — сказалъ онъ, волнуясь и покашливая. — Пусть бы онъ поѣхалъ и посмотрѣлъ, какъ работаютъ наши земскіе врачи, и что они дѣлаютъ для народа.

И кто же не знаетъ, какими симпатичными чертами, съ какой любовью сквозь внѣшнюю жесткость и какъ часто описывалъ онъ этихъ чудныхъ тружениковъ, этихъ неизвѣстныхъ и пезамѣтныхъ героевъ, сознательно осуждающихъ свои имена на забвеніе? Описывалъ, даже не щадя ихъ.

IX.

Есть изреченіе: смерть каждаго человѣка на него похожа. Невольно вспоминаешь его, когда думаешь о послѣднихъ годахъ жизни Чехова, о послѣднихъ его дняхъ, даже о послѣднихъ минутахъ. Даже въ самую его похороны судьба внесла, по какой-то роковой послѣдовательности, много чисто чеховскихъ чертъ.

Боролся онъ съ неумолимой болѣзью долго, страшно долго, но переносилъ ее мужественно, просто и терпѣливо, безъ раздраженія, безъ жалобъ, почти безъ словъ. За послѣднее время лишь мимоходомъ, небрежно упоминаетъ онъ въ письмахъ о своемъ здоровьѣ. «Здоровье мое поправилось, хотя все еще хожу съ компрессомъ...» «Только-что перенесъ плевритъ, но теперь мнѣ лучше...» «Здоровье мое не важно... пишу понемногу...»

Не любилъ онъ говорить о своей болѣзни и сердился, когда его спрашивали. Только, бывало, и узнаешь что-нибудь отъ Арсенія. «Сегодня утромъ очень плохо было—кровь шла»,—скажетъ онъ шопотомъ, покачивая головой. Или Евгенія Яковлевна сообщитъ по секрету съ тоской въ голосъ:

— А сегодня Антоша опять всю ночь ворочался и кашлялъ. Мнѣ черезъ стѣнку все слышно.

Зналъ ли онъ размѣры и значеніе своей болѣзни? Я думаю, зналъ, но безтрепетно, какъ врачъ и мудрецъ, глядѣлъ въ глаза надвигавшейся смерти. Были разныя мелкія обстоятельства, указывавшія на это. Такъ, на примѣръ, одной дамѣ, жаловавшейся ему на бессоницу и нервное разстройство, онъ сказалъ спокойно, съ едва лишь уловимымъ оттѣнкомъ покорной грусти:

— Видите ли: пока у человѣка хороши легкія — все хорошо.

Умеръ онъ просто, трогательно и сознательно. Говорятъ, послѣднія его слова были: «ich sterbe!». И послѣдніе его дни были омрачены глубокой скорбью за Россію, были взволнованы ужасомъ кровопролитной, чудовищной японской войны...

Точно сонъ, припоминаются его похороны. Холодный, сѣренькій Петербургъ, путаница съ телеграммами, маленькая кучка народа на вокзалѣ, «вагонъ для устриць», станціонное начальство, никогда не слыхавшее о Чеховѣ

и видѣвшее въ его тѣлѣ только желѣзнодорожный грузъ... Потомъ, какъ контрастъ, Москва, стихійное горе, тысячи точно осиротѣвшихъ людей, заплаканныя лица. И наконецъ могила на Новодѣвичьемъ кладбищѣ, вся заваленная цвѣтами, рядомъ со скромной могилой «вдовы казака Ольги Кукаретниковой».

Вспоминается мнѣ панихида на кладбищѣ на другой день его похоронъ. Былъ тихій іюльскій вечеръ, и старыя липы надъ могилами, золотыя отъ солнца, стояли не шевелясь. Тихой, покѣрной грустью, глубокими вздохами звучало пѣніе нѣжныхъ женскихъ голосовъ. И было тогда у многихъ въ душѣ какое-то растерянное, тяжелое недоумѣніе.

Расходились съ кладбища медленно, въ молчаніи. Я подошелъ къ матери Чехова и безъ словъ поцѣловалъ ея руку. И она сказала усталымъ, слабымъ голосомъ:

— Вотъ горе-то у насъ какое... Нѣтъ Антоши...

О, эта потрясающая глубина простыхъ, обыкновенныхъ, истинно-чеховскихъ словъ! Вся громадная бездна утраты, вся невозвратимость совершившагося событія открылась за нами. Нѣтъ! Утѣшенія здѣсь были бы безсильны. Развѣ можетъ истощиться, успокоиться горе тѣхъ людей, души которыхъ такъ близко прикасались къ великой душѣ избранника?

Но пусть облегчитъ ихъ неутолимую тоску сознание, что ихъ горе — и наше общее горе. Пусть смягчится оно мыслью о незабвенности, о безсмертіи этого прекраснаго, чистаго имени. Въ самомъ дѣлѣ: пройдутъ годы и столѣтія, и время сотретъ даже самую память о тысячахъ тысячъ живущихъ нынѣ людей. Но далекіе грядущіе потомки, о счастья которыхъ съ такой очаровательной грустью мечталъ Чеховъ, произнесутъ его имя съ признательностью и съ тихой печалью о его судьбѣ.

ПАМЯТИ Н. Г. МИХАЙЛОВСКАГО (Гарина).

(Читано на вечерѣ, посвященномъ памяти Н. Г. Михайловскаго).

Вопреки обыкновенію всѣхъ воспоминателей, я не могу похвастаться ни близкой дружбой съ покойнымъ Николаемъ Георгіевичемъ, ни долготѣннымъ знакомствомъ съ нимъ, ни знаніемъ интимныхъ сторонъ его жизни. Но мнѣ хочется уловить и передать въ немногихъ словахъ тѣ живыя черты, которыя остались въ моей памяти отъ нѣсколькихъ встрѣчъ съ этимъ человѣкомъ необычайно широкой души, красиваго, свободнаго таланта и рѣдкаго изящества.

Странно-многозначительны, почти фатальны по сопоставленію, были — моя первая встрѣча съ нимъ и послѣдняя.

Познакомился я съ Н. Г. Михайловскимъ въ расцвѣтѣ его кипучей дѣятельности, въ дни счастливыхъ, удачныхъ начинаній и грандіозныхъ плановъ, въ пору особеннаго блеска и плодовитости его таланта. Это было въ Ялтѣ, весною, на дачѣ С. Я. Елпатьевскаго, на большой бѣлой террасѣ, которая точно плавала надъ красивымъ гористымъ южнымъ городомъ, надъ темными, узкими кипарисами и надъ веселымъ, голубымъ моремъ. Былъ сіяющій, радостный, великолѣпный день. Издалека изъ городского сада доносились бодрые звуки мѣднаго

оркестра. Легкія турецкія кочермы и фелюги лѣниво покачивались, точно нѣжась въ малахитовой водѣ бухты. Сладко благоухали тяжелые сиіе гроздья цвѣтущей глициніи. И во многолюдномъ обществѣ, собравшемся за завтракомъ на бѣлой террасѣ въ этотъ веселый полдень, было какое-то праздничное веселье, сверкаль молодой, яркій смѣхъ, кипѣла безпричинная, горячая радость жизни.

Тутъ присутствовало нѣсколько писателей, два художника, начинающая художница, очень извѣстная пѣвица, два марксиста — оба, точно по формѣ, въ пенсаэ, въ синихъ блузахъ, подпоясанныхъ кожанымъ кушакомъ, и въ широкополыхъ войлочныхъ шляпахъ, — мѣстный помѣщикъ-винодѣль съ женою, оба красивые, молодые, нѣсколько инженеровъ-практикантовъ и еще кто-то изъ совсѣмъ зеленой, смѣшливой, непосѣдливой молодежи.

И я отлично помню, какъ вошелъ Николай Георгіевичъ. У него была стройная, худощавая фигура, рѣшительно-небрежныя, быстрыя, точныя и красивыя движенія и замѣчательное лицо, изъ тѣхъ лицъ, которыя никогда потомъ не забываются. Всего плѣнительнѣе былъ въ этомъ лицѣ контрастъ между преждевременной сѣдиной густыхъ волнистыхъ волосъ и совсѣмъ юношескимъ блескомъ живыхъ, смѣлыхъ, прекрасныхъ, слегка пасмѣшливыхъ глазъ — голубыхъ съ большими черными зрачками. Голова благородной формы сидѣла изящно и легко на тонкой шеѣ, а лобъ — наполовину бѣлый, наполовину коричневый отъ весенняго загара — обращалъ вниманіе своими чистыми, умными линіями.

Онъ вошелъ и уже черезъ пять минутъ овладѣль разговоромъ и сдѣлался центромъ общества. Но видно было, что онъ самъ не прилагалъ къ этому никакихъ усилій. Таково было обаяніе его личности, прелесть его улыбки, его живой, непринужденной, увлекательной рѣчи.

Въ эту пору Николай Георгіевичъ былъ запятъ изы-

сканіемъ для постройки электрической желѣзной дороги черезъ весь Крымскій полуостровъ отъ Севастополя до Симферополя черезъ Ялту. Этотъ огромный планъ давно уже привлекалъ вниманіе инженеровъ, но никогда не выходилъ изъ области мечтаній. Михайловскій первый вдохнулъ въ него живую душу и по чести можетъ быть названъ его отцомъ и инициаторомъ. Онъ нерѣдко говорилъ своимъ знакомымъ, полушутя-полусерьезно, о томъ, что постройка этой дороги будетъ для него лучшимъ посмертнымъ памятникомъ, и что два лишь дѣла онъ хотѣлъ бы видѣть при своей жизни оконченными: это — электрискій путь по Крыму и повѣсть «Инженеры». Но — увы! — первое начинаніе было прекращено внезапной паникой японской войны, а второе — смертью.

Какимъ онъ былъ инженеромъ-строителемъ, я не знаю. Но спеціалисты увѣряютъ, что лучшаго изыскателя и инициатора — болѣе находчиваго, изобрѣтательнаго и остроумнаго — трудно себѣ представить. Его дѣловые проекты и предположенія всегда отличались пламенной, сказочной фантазіей, которую одинаково трудно было какъ исчерпать, такъ и привести въ исполненіе. Онъ мечталъ украсить путь своей желѣзной дороги гротами, замками, башнями, постройками въ мавританскомъ стилѣ, арками и водопадами, хотѣлъ извлечь электрическую энергію изъ исторической Черной рѣчки и дѣйствительно думалъ создать безпримѣрный волшебный памятникъ изъ простого коммерческаго предпріятія.

Такимъ онъ былъ во всѣ свои дни. Веселый размахъ, пылкая, нетерпѣливая мысль, сказочное, блестящее творчество. Этотъ человекъ провелъ яркую, пеструю, огромную жизнь. Онъ — то бывалъ милліонеромъ, то сидѣлъ безъ копейки денегъ, въ долгахъ. Онъ исколесилъ всю Россію, участвовалъ въ сотняхъ предпріятій, богатѣлъ, разорялся и повсюду оставлялъ золотые слѣды: слѣды

своей необузданной, кипящей мысли и своихъ денегъ, которыя лились у него между пальцами.

По какому-то особенному свойству души онъ не умѣлъ отказывать ни въ одной просьбѣ, и этимъ широко пользовались всѣ, кому дѣйствительно была нужда и кому просто было не лѣнь. И эта черта въ немъ происходила не такъ отъ безпорядочной широты натуры, какъ отъ сердечной, теплой, истинной доброты. Онъ умеръ совершеннымъ бѣднякомъ, но для всѣхъ, близко его знавшихъ, не тайна, что незадолго до смерти онъ самъ, по личному почину, предложилъ и отдалъ около десяти тысячъ на одно идейное дѣло.

Но часто, очень часто среди этихъ жизненныхъ переменъ онъ мечталъ со вздохомъ о томъ, какое было бы для него счастье, если бы онъ могъ навсегда развязаться со всѣми дѣлами, проектами и постройками и отдаться цѣликомъ единственному любимому дѣлу — литературѣ. Ее одну онъ любилъ всей своей душой, любилъ съ трогательной нѣжностью, скромно и почтительно. Два мѣсяца спустя послѣ нашего знакомства, я провелъ нѣсколько вечеровъ у него въ Кастрополѣ, гдѣ былъ сосредоточенъ его инженерный штабъ, и мы неоднократно говорили съ нимъ на литературныя темы. Я долженъ сказать, что ни у одного изъ писателей я не встрѣчалъ такого безкорыстія, такого отсутствія зависти и самомнѣнія, такого благожелательнаго, родственнаго отношенія къ собратьямъ по искусству.

Мнѣ ярко памятны эти дни въ Кастрополѣ на берегу моря. Къ обѣду и ужину всѣ инженеры и студенты вмѣстѣ съ Н. Г.—чемъ и его семьей сходились къ общему столу въ длинную аллею, сплетенную изъ виноградныхъ лозъ. Отношенія у Н. Г.—чако всѣмъ товарищамъ, начиная съ главнаго помощника и кончая послѣднимъ чертежникомъ или конторщикомъ, были одинаковы просты, дружественны

и пріятны, съ легкимъ оттѣнкомъ добродушной шутки. Помню одну характерную мелочь. Среди младшихъ товарищей Михайловскаго была одна барышня съ дипломомъ инженера. Она только-что пріѣхала изъ Парижа, окончивъ Ecole des Ponts et Chaussées. И была, кажется, первой женщиной въ Россіи, исполнявшей инженерныя работы. Она была очень мила, застѣнчива, трудолюбива, носила широкія шаровары, но работа въ горахъ, на солнечномъ припекѣ, давалась ей съ трудомъ. Надо сказать — дѣло прошлое — инженеры порядочно-таки травили какъ ее, такъ и вообще высшій женскій трудъ — и травили не всегда добродушно. И я часто бывалъ свидѣтелемъ, какъ Н. Г. — чѣ умѣлъ мягко, но настойчиво прекращать ихъ шутки, когда замѣчалъ, что онѣ причиняютъ боль этой барышнѣ.

По вечерамъ мы долго, большимъ обществомъ, сидѣли у него на балконѣ, не зажигая огня, въ темныхъ сумеркахъ, когда кричали цикады, благоухала бѣлая акація и блестѣли при лунѣ листья магнолій. И вотъ тутъ-то иногда Н. Г. импровизировалъ свои прелестныя дѣтскія сказки. Онъ говорилъ ихъ тихимъ голосомъ, медленно, съ оттѣнкомъ недоумѣнія, какъ рассказываютъ обыкновенно сказки дѣтямъ. И мнѣ не забыть никогда этихъ очаровательныхъ минутъ, когда я присутствовалъ при томъ, какъ рождается мысль, и какъ облекается она въ нѣжныя, изящныя формы.

Повторяю, я мало зналъ покойнаго писателя. Къ тому немногому, что я сказалъ, я могу прибавить, что Н. Г. безконечно любилъ дѣтей. Несмотря на то, что у него было одиннадцать своихъ ребятишекъ, онъ съ настоящей, истинно-отеческой лаской и вниманіемъ относился и къ тремъ своимъ пріемнымъ дѣтямъ. Онъ любилъ цвѣты, музыку, красоту слова, красоту природы и женскую нѣжную красоту. У него — современнаго литератора — была

душа эллина. Лишь что-нибудь исключительно-пошрое, вульгарное, мѣщанское могло внести въ его всегдашнюю добродушную легкую насмѣшку злобу и презрѣніе.

Таковъ онъ былъ въ то лѣто, передъ войною. Затѣмъ я видѣлъ его мелькомъ раза три-четыре: на желѣзной дорогѣ, въ гостяхъ, гдѣ-то на литературныхъ собраніяхъ, но ни разу больше мнѣ не удавалось разговаривать съ нимъ. Но послѣдняя наша встрѣча потрясла меня своей неожиданностью.

Это было зимою. Я присутствовалъ на вечерѣ, въ обществѣ писателей и художниковъ, въ помѣщеніи издательства «Шиповникъ». Говорили, что и Гаринъ долженъ прійти немного позднѣе; но раньше онъ предполагалъ зайти на нѣсколько минутъ въ редакцію какой-то газеты, помѣщавшейся въ томъ же домѣ, этажомъ выше. И вотъ вдругъ приходитъ сверху растерянный слуга и говоритъ, что Михайловскій умеръ скоропостижно въ редакціи. Я пошелъ туда. Онъ лежалъ на диванѣ, лицомъ вверхъ, съ закрытыми тяжелыми, темными вѣками. Лицо его точно постарѣло безъ этихъ живыхъ, молодыхъ глазъ, но было таинственно-прекрасно и улыбалось вѣчной улыбкой знанія.

Пожилая дама сидѣла у него въ ногахъ и безъ словъ, неподвижно и молча глядѣла ему въ лицо, точно разговаривая съ нимъ мысленно. Я пожалъ его руку. Она была холодна и тверда. И—помню—сознавая его смерть умомъ, я никакъ не могъ понять сердцемъ, почему холодъ и оцѣпенѣніе смерти овладѣли именно этимъ живымъ, энергичнымъ тѣломъ, этой пылкой творческой мыслью, этой изящной, избранной душой.

РЕДІАРДЪ КИПЛИНГЪ.

Страна, дѣлающая лучшую въ мірѣ сталь, варящая лучшей во всемъ свѣтѣ эль, изготовляющая лучшіе бифштексы, выводящая лучшихъ лошадей, создавшая священную неприкосновенность семейнаго очага, изобрѣтшая почти всѣ виды спорта; страна, національный гимнъ которой кончается прекрасными словами, заставляющими насъ, русскихъ, плакать отъ безсильнаго волненія —

Никогда, никогда, никогда
Англичанинъ не будетъ рабомъ —

только такая страна, страна мудраго и безсердечнаго эгоизма, желѣзной англо-саксонской энергіи, презрительной государственной обособленности и безпримѣрно-жестокій колониальной политики, страна, гордо пишущая мѣстоименіе «Я» съ большой буквы, но ревниво охраняющая каждую мелочь старины, начиная съ официальнаго цѣлованія руки у короля и кончая вѣткой остролиста на рождественскомъ столѣ, — только такая страна могла породить свою теперешнюю національную славу — Редіарда Киплинга.

Трое англійскихъ писателей — Киплингъ, Уэльсъ и Конанъ-Дойль завоевали въ настоящее время всемірное вниманіе. Въ ихъ трудѣ съ особенной яркостью сказывается та добросовѣстная техника, та терпѣливая, выработанная

вѣками культуры выдумка, объ отсутствіи которой у русскихъ писателей меланхолически вздыхалъ Тургеневъ.

Но безконечно-увлекательный, умный, изобрѣтательный Уэльсъ все-таки имѣлъ предшественниковъ въ лицѣ многихъ авторовъ фантастически-научныхъ путешествій и приключеній. Но Конанъ-Дойль, заповнившій весь земной шаръ детективными разсказами, все-таки умѣщается вмѣстѣ со своимъ Шерлокомъ Холмсомъ, какъ въ футляръ, въ небольшое гениальное произведеніе Э. По — «Преступленіе въ улицѣ Моргъ».

Киплингъ же совершенно самостоятеленъ. Онъ оригиналенъ, какъ никто другой, въ современной литературѣ. Могущество средствъ, которыми онъ обладаетъ въ своемъ творествѣ, прямо неисчерпаемо. Волшебная увлекательность фабулы, необычайная правдоподобность разсказа, поразительная наблюдательность, остроуміе, блескъ діалога, сцены гордаго и простого героизма, точный стиль, или, вѣрнѣе, десятки точныхъ стилей, экзотичность темъ, бездна знаній и опыта и многое, многое другое составляютъ художественныя данныя Киплинга, которыми онъ властвуетъ съ неслыханной силой надъ умомъ и воображеніемъ читателя.

И тѣмъ не менѣе на прекрасныхъ произведеніяхъ Киплинга нѣтъ двухъ самыхъ вѣрныхъ отпечатковъ генія — вѣчности и всечеловѣчества. Въ его разсказахъ — особенно если прочитаешь всѣ, безъ перерыва, залпомъ — чувствуется не геній, родина котораго міръ, а Киплингъ — англичанинъ, только англичанинъ, и притомъ англичанинъ нашихъ дней. И какъ бы ни былъ читатель очарованъ этимъ волшебникомъ, онъ видитъ изъза его строчекъ настоящаго культурнаго сына жестокой, алчной, купеческой, современной Англій, джингоиста, безпощадно травившаго буровъ, ради возвеличенія британскаго престижа во всѣхъ странахъ и моряхъ, «надъ ко-

торыми никогда не заходитъ солнце»; поэта, вдохновлявшаго англійскихъ наемныхъ солдатъ на грабежъ, кровопролитіе и насиліе своими патріотическими пѣснями. Кровь такъ и хлещетъ во всѣхъ произведеніяхъ Киплинга, но что значать нѣсколько тысячъ человѣческихъ жизней, если ими покупается величіе и мощь гордой Англій? И—повторяю — только узость идеаловъ Киплинга, стѣсненныхъ слѣпымъ націонализмомъ, мѣшаетъ признать его гениальнымъ писателемъ.

Читая его, невольно вспоминаешь и другого англійскаго писателя — Диккенса, этого «самаго христіанскаго изъ всѣхъ писателей», какъ выразился о немъ Достоевскій, Диккенса, умѣвшаго видѣть совсѣмъ съ другой точки зрѣнія добрую, старую, веселую Англію. Нигдѣ не будутъ чужими и навсегда останутся памятными и близкими, какъ ушедшіе изъ жизни добрые, вѣрные друзья, его безчисленные персонажи, очерченные съ беззлобнымъ, простосердечнымъ, теплымъ юморомъ: м-ръ Пикквикъ въ золотыхъ очкахъ, оба Уэллера, капитанъ Куттль съ желѣзнымъ крючкомъ, тетушка Копперфильда и ея старый, добродушный другъ, маленькая Дорритъ, м-ръ Микоберъ, славные моряки, честные кушцы, преданные веселые слуги, проказливые студенты. Даже отрицательные типы Диккенса, въ родѣ Урїи Гипа, черстваго Домби, плутова-таго м-ра Джингля въ зеленомъ фракѣ, жестокаго Мордстона, разныхъ старыхъ каторжниковъ, воровъ и мошенниковъ, являются намъ смягченными, благодаря горю, раскаянію или примиряющей смерти. И какъ мила и добродушна эта домашняя, уютная, патріархальная Англія Диккенса, съ ея семейными праздниками, почтовыми дорогами, гостепріимными трактирами, съ архаическими судами и конторами, съ прелестными старыми обычаями и крѣпкимъ, соленымъ, какъ морской вѣтеръ, добротнымъ юморомъ.

Но Киплинга не волнуютъ и не умиляютъ эти тихія, бытовыя, семейныя картины. По натурѣ онъ завоеватель, хищникъ и рабовладѣлецъ, самый яркій представитель той Англии, которая желѣзными руками опоясала весь земной шаръ и давить его во имя своей славы, богатства и могущества. Большинство его рассказовъ переноситъ насъ въ Индію, гдѣ съ наибольшей силой и жестокостью сказывается неутолимая англійская алчность. Киплингъ смѣло и ревниво вѣритъ въ высшую культурную миссію своей родины и закрываетъ глаза на ея несправедливости. Посмотрите на офицеровъ и на чиновниковъ въ этихъ рассказахъ. Всѣ они — люди долга, самоотверженные служаки, глубокіе патриоты. Они мокнутъ въ болотахъ, болѣютъ лихорадкой, изнываютъ въ нестерпимомъ зноѣ, падаютъ отъ изнеможенія надъ работой или сходятъ съ ума. Въ маленькомъ желѣзнодорожномъ чиновникѣ, въ офицерѣ, въ лѣсничемъ, въ продовольственномъ комиссарѣ Киплингъ искусной рукой открываетъ черты такого скромнаго самопожертвованія и такого безкорыстнаго героизма, — и все это во благо и процвѣтаніе далекой отчизны, — что сердце англійскаго читателя не можетъ не сжаться отъ радостной гордости и умиленія.

Другая среда, не менѣе любовно описываемая Киплингомъ, — это англійскіе солдаты въ Индіи. Надо ли говорить о томъ, что Томми Аткинсъ выходитъ изъ-подъ пера великаго мастера въ самыхъ задушевныхъ, привлекательныхъ краскахъ? Онъ, правда, грубоватъ и немного ворчунъ, и не прочь выпить лишнее, но зато обожаетъ своего начальника-офицера, какъ существо высшей, полубожеской расы, всегда готовъ положить жизнь за товарища, радъ войнѣ, точно празднику, и съ гордымъ достоинствомъ носитъ званіе слуги «Вдовы», какъ онъ съ интимною почтительностью называетъ свою королеву. Объ одномъ только не упоминаетъ Киплингъ при всемъ своемъ

пристрастіи къ доброму, славному Томми — это о жестокости его къ побѣжденнымъ и о его истеричности.

Затѣмъ остается еще третій элементъ въ индійскихъ разсказахъ Киплинга: мѣстное населеніе. Но и оно служить въ его чудесныхъ рукахъ все той же узкой и великой цѣли — прославленію и возвеличенію англійской завоевательной миссіи. Цвѣтные слуги, готовые на смерть за своихъ обожаемыхъ сагибовъ, искусные шпіоны изъ индусовъ, съ дѣтства приучаемые къ своей позорной службѣ, туземные полки, свирѣпствующие въ избіеніи строитивыхъ сородичей, — вотъ что вызываетъ сочувствіе и благословеніе Киплинга. Но всякій бунтовщикъ, дерзающій возставать противъ попечительной и разумной англійской власти, презрительно рисуется авторомъ, какъ разбойникъ, вѣроломный трусъ и мошенникъ.

Такимъ-то образомъ въ Киплингѣ англичанинъ заслоняетъ художника и человѣка. Но это и все, что ему можно поставить въ упрекъ и что — повторяю — кидается въ глаза лишь при слишкомъ пристальномъ и усердномъ изученіи этого автора. Но, независимо отъ своего патриотическаго пристрастія, Киплингъ развертываетъ передъ нами всю сказочную, феерическую Индію, ослѣпляя насъ яркими красками, подавляя и ошеломляя какимъ-то чудовищнымъ водопадомъ изъ людей, странъ, событій, костюмовъ, обычаевъ, преданій, войны, любви, племенной мести, безумія, бреда, величія и паденія. Онъ ведетъ насъ черезъ всю Индію, показывая намъ то жизнь офицеровъ и солдатъ въ казармахъ и въ горныхъ лагеряхъ, то ужасы голоднаго года, то афридія, рыщущаго по всей странѣ изъ города въ городъ за врагомъ, котораго онъ долженъ непременно задушить однѣми голыми руками, безъ оружія, то индійскую гетеру, «представительницу самой древней профессіи», то погонщика слоновъ, то охоту на тигра, то магометанскій Байрамъ и

рѣзнію мусульманъ съ индусами въ стѣнахъ стараго города; то страшный кошмаръ переутомленнаго чиновника, то разливъ Ганга, стремящійся разрушить мостъ, то древнихъ боговъ Индіи, держащихъ совѣтъ на островѣ, то уголокъ гаремной жизни, то маякъ, то владѣтельнаго раджу, по-европейски образованнаго и по-азіатски жестокаго, то безпечную, полную крови и приключеній жизнь трехъ англійскихъ солдатъ: Лиройда, Мультиани и Ортериса, къ которымъ авторъ такъ часто возвращается во многихъ разсказахъ.

И какъ намъ ни странно, какъ отъ насъ ни далека эта прятная, фантастическая пестрая жизнь — Киплингу невольно вѣришь во всемъ, что онъ разсказываетъ. Эта правдоподобность, достовѣрность разсказа и составляетъ ту тайну очарованія, которая приковываетъ къ книгамъ Киплинга несокрушимыми волнующими узами. Для этого у Киплинга, при всей необычности, исключительности фабулы, есть много приемовъ, изъ которыхъ многіе врядъ ли поддаются учету. У него, на примѣръ, есть особая, своеобразная манера вводить читателя въ среду и интересы своихъ героевъ. Для этого онъ начинаетъ повѣствованіе такъ просто, такъ небрежно и даже иногда такъ сухо, какъ будто вы давнымъ-давно знаете и этихъ людей и эти причудливыя условія жизни, какъ будто сегодня Киплингъ продолжаетъ вамъ разсказывать о томъ, что вы сами видѣли и слышали вчера. Благодаря такому «вводу» — вы долго испытываете какое-то недоумѣніе, почти непониманіе, заставляющее васъ безпокойно напрягать память и часто возвращаться назадъ, къ уже прочитаннымъ строчкамъ. Но маленькими, бѣглыми, точно случайными штрихами авторъ, незамѣтно для васъ самихъ, все яснѣе и яснѣе очерчиваетъ мѣстность, среду, взаимныя отношенія людей и фигуры самихъ людей, и когда вы наконецъ противъ воли совершенно ориен-

тировались, то вы уже цѣликомъ захвачены рассказомъ, вы свой всѣмъ его героямъ, вы его не читаете, а живете въ немъ.

Кромѣ того Киплингъ увлекаетъ и заставляетъ вѣрить себѣ благодаря еще одной сторонѣ своего таланта. Онъ обладаетъ самыми колоссальными и разнообразными знаніями. Ему знакомы мельчайшія бытовые черты изъ жизни офицеровъ, чиновниковъ, солдатъ, докторовъ, землемѣровъ, моряковъ; онъ знаетъ самыя сложныя подробности сотенъ профессій и ремеслъ; ему извѣстны всѣ тонкости любого спорта; онъ поражаетъ своими научными и техническими познаніями. Но онъ никогда не утомляетъ своимъ огромнымъ багажомъ. Онъ лишь пользуется имъ въ такой мѣрѣ и такъ искусно, что вы готовы повѣрить, что именно самъ Киплингъ ловилъ треску вмѣстѣ съ рыбаками на сѣверѣ Атлантическаго океана, и несъ службу на маякѣ, и метался въ жестокой индійской лихорадкѣ, и участвовалъ въ кровавыхъ карательныхъ экспедиціяхъ, и строилъ мосты, и велъ, какъ машинистъ, желѣзнодорожные поѣзда, и т. д. и т. д. А въ этомъ довѣріи заключается одна изъ тайнъ поразительнаго обаянія его рассказовъ и его большой и заслуженной славы.

УМЕРЪ СМЪХЪ.

Уже послѣднія извѣстія о здоровьѣ Марка Твэна были тревожны. Тяжело больной, почти умирающей, приѣхалъ онъ на родину. Съ парохода его снесли на носилкахъ. На особомъ поѣздѣ онъ былъ доставленъ въ свой домъ. А сегодня мы узнали по телеграфу о его смерти.

Смерть его, какъ чловѣка, совсѣмъ не вызываетъ сожалѣній. Это былъ ясный, безоблачный закатъ. Умереть, прожить красиво, гармонично и правдиво цѣлыхъ три четверти вѣка, умереть, сохранивъ до конца своихъ дней свѣжесть мысли, тонкость улыбки и нѣжность души, умереть у себя дома, зная, что любящая, дружеская рука закроетъ тебѣ глаза въ самую послѣднюю, можетъ быть, тяжелую минуту, умереть, не оставивъ за собою ни одного вздоха, ни разочарованія по пережитой славѣ — да! такъ умереть могъ только избранникъ и любимецъ судьбы.

Но горько и страшно думать о томъ, что вмѣстѣ съ Клеменсомъ ушла—и, я думаю, безвозвратно—та смѣющаяся печаль, та окропленная свѣтлыми слезами веселость, которую мы зовемъ юморомъ.

«Видимый міру смѣхъ и незримыя слезы».

«А моимъ герольдомъ будетъ юморъ со смѣющейся слезкой въ щитѣ!»

Мы, теперешніе люди, оглушенные ревомъ автомоби-

лей, звонками телефоновъ, хрипомъ граммофоновъ и гудѣніемъ экспрессовъ, мы, ослѣпленные электрическими огнями вывѣсокъ и кинематографовъ, одурманенные газетой и политикой — развѣ мы смѣемся когда-нибудь? Мы — или дѣлаемъ кислую гримасу, которая должна сойти за усмѣшку, или катаемся отъ щекотки въ припадкахъ истерического хохота, или судорожно лаемъ на жизнь, отплевываясь желчью. Но тотъ свѣтлый смѣхъ, за который Достоевскій называлъ Диккенса «самымъ христіанскимъ изъ писателей» и который такъ плѣнялъ Пушкина въ раннихъ гоголевскихъ повѣстяхъ — этотъ смѣхъ почти на нашихъ глазахъ растаялъ и испарился. Онъ начался громоподобнымъ веселымъ смѣхомъ гомеровскихъ боговъ, смѣхомъ, заставлявшимъ колебаться горы, и окончился вчера въ тотъ моментъ, когда на лицѣ Марка Твэна легла вѣчная улыбка мудрости.

Что насъ смѣшитъ теперь? Оперетка, въ которой всѣ герои помѣнялись нижнимъ бѣльемъ? Французскій анекдотъ изъ области спальни и клозета? Зрѣлище толстаго старика, проваливающегося въ кинематографъ изъ третьяго этажа въ подвальный? Имитация національнаго говора? Пародія? Шаржъ? Пародія на шаржъ? Право, если гдѣ и остался сейчасъ грубый, примитивный, пожалуй, даже не въ мѣру просоленный юморъ — такъ это въ старыхъ клоунскихъ пантомимахъ...

У Твэна, у этого настоящаго потомка англо-саксонской расы, было многое отъ Диккенса, также какъ у Диккенса — отъ Шекспира и Стерна. Точное, здоровое и прилежное наблюденіе жизни, мужественное сердце, спокойная любовь къ родинѣ — и рядомъ съ нею широкая всечеловѣчность, свободное пониманіе прелести шутки, порою — простонародная грубоватость, чисто-мужская покровительственная нѣжность къ дѣтямъ и женщинамъ, легкое преувеличеніе въ сторону лирическаго и трогатель-

наго и чрезмѣрное — въ сторону смѣшного и порочнаго, а въ глубинѣ — неистощимаая любовь къ человѣку.

Такъ мыслить, чувствовать и смѣяться мы уже не умѣемъ и не можемъ. Твэнъ и по годамъ былъ намъ дѣдушкой. Надолго, если не навсегда, мы осуждены переходить отъ двухсложнаго анекдота къ бѣшеной сатирѣ. Но истинный, здоровый и беззлобный смѣхъ умеръ въ трескотнѣ и пыли города.

Объ этомъ думали уже многіе и думали часто. Но, мнѣ кажется, никогда мы, до кончины М. Твэна, не постигали такъ просто и жестоко простой мысли о повсемѣстной смерти смѣха.

О ТОМЪ, КАКЪ Я ВИДѢЛЪ ТОЛСТОГО НА ПАРОХОДѢ „СВ. НИКОЛАЙ.“

(Читано 12 октября 1908 г. на вечерѣ имени Толстого,
въ Тенишевской залѣ).

Не такъ давно я имѣлъ счастье говорить съ человѣкомъ, который въ раннемъ дѣтствѣ видѣлъ Пушкина. У него въ памяти не осталось ничего, кромѣ того, что это былъ блондинъ, маленькаго роста, некрасивый, вертлявый и очень смущенный тѣмъ вниманіемъ, которое ему оказывало общество. Увѣряю васъ, что на этого человека я глядѣлъ, какъ на чудо. Пройдетъ лѣтъ 50—60, и на тѣхъ людей, которые видѣли Толстого при его жизни (да продлитъ Богъ его дни!), будутъ также глядѣть, какъ на чудо. И потому я считаю не лишнимъ рассказать о томъ, какъ весной 1905 года я видѣлъ Толстого.

Сергѣй Яковлевичъ Елпатьевскій предупредилъ меня, что завтра утромъ Толстой уѣзжаетъ изъ Ялты. Ясно помню чудесное утро, веселый вѣтеръ, море, — спокойное, сверкающее, — и пароходъ «Святой Николай», куда я забрался за часъ до приѣзда Льва Николаевича. Онъ приѣхалъ въ двуконномъ экипажѣ съ поднятымъ верхомъ. Коляска остановилась. И вотъ изъ коляски показалась старческая нога въ высокомъ болотномъ сапогѣ, ища подножки. потомъ медленно, по-старчески, вышелъ

онъ. На немъ было коротковатое драповое пальто, высокіе сапоги, подержанная шляпа котелкомъ. И этотъ костюмъ, вмѣстѣ съ сѣдыми иззелена волосами и длинной струящейся бородой, производилъ смѣшное и трогательное впечатлѣніе. Онъ былъ похожъ на стараго еврея, изъ тѣхъ, которые такъ часто встрѣчаются на юго-западѣ Россіи.

Меня ему представили. Я не могу сказать, какого цвѣта у него глаза, потому что я былъ очень растерянъ въ эту минуту, да и потому, что цвѣту глазъ я не придаю почти никакого значенія. Помню пожатіе его большой, холодной, негнущейся, старческой руки. Помню поразившую меня неожиданность: вмѣсто громаднаго маститаго старца, въ родѣ микель-анджеловскаго Моисея, я увидѣлъ средняго роста старика, осторожнаго и точнаго въ движеніяхъ. Помню его утомленный, старческой, тонкій голосъ. И вообще онъ производилъ впечатлѣніе очень стараго и больнаго человѣка. Но я уже видѣлъ, какъ эти выцвѣтшіе отъ времени, спокойные глаза съ маленькими острыми зрачками безсознательно, по привычкѣ, вбирали въ себя и ловкую бѣготню матросовъ, и подъемъ лебедки, и толпу на пристани, и небо, и солнце, и море, и, кажется, души всѣхъ насъ, бывшихъ въ это время на пароходѣ.

Здѣсь былъ очень интересный моментъ: доктора Волкова, пріѣхавшаго вмѣстѣ съ Толстымъ, приняли, благодаря его косматой и плоской прическѣ, за Максима Горькаго, и вся пароходная толпа хлынула за нимъ. Въ это время Толстой, какъ будто даже обрадовавшись минутной свободѣ, прошелъ на носъ корабля, туда, гдѣ ютятся переселенцы, армяне, татары, беременныя женщины, рабочіе, потертые дьяконы, и я видѣлъ чудесное зрѣлище: передъ нимъ съ почтеніемъ разступались люди, не имѣвшіе о немъ никакого представленія. Онъ шелъ,

какъ истинный царь, который знаетъ, что ему нельзя не дать дороги. Въ эту минуту я вспомнилъ отрывокъ церковной пѣсни: «Се бо идетъ царь славы». И не могъ я также не припомнить милаго разсказа моей матери, старинной, убѣжденной москвички, о томъ, какъ Толстой идетъ гдѣ-то по одному изъ московскихъ переулковъ, зимнимъ погожимъ вечеромъ, и какъ всѣ идущіе навстрѣчу снимаютъ передъ нимъ шляпы и шапки, въ знакъ добровольнаго преклоненія. И я понялъ съ изумительной наглядностью, что единственная форма власти, допустимая для челоуѣка, это—власть творческаго генія, добровольно принятая, сладкая, волшебная власть.

Потомъ прошло еще пять минутъ. Приѣхали новые знакомые Льва Николаевича, и я увидѣлъ новаго Толстого, — Толстого, который чуть-чуть кокетничалъ. Ему вдругъ сдѣлалось 30 лѣтъ: твердый голосъ, ясный взглядъ, свѣтскія манеры. Съ большимъ вкусомъ и очень выдержанно разсказывалъ онъ слѣдующій анекдотъ:

— Вы знаете, я на-дняхъ былъ боленъ. Приѣхала какая-то депутація, кажется, изъ Тамбовской губерніи, но я не могъ ихъ принять у себя въ комнатѣ, они представлялись мнѣ, проходя предъ окномъ... и вотъ... Можетъ, вы помните у меня, въ «Плодахъ просвѣщенія», толстую барыню? Можетъ-быть, читали? Такъ вотъ она подходитъ и говоритъ: «Многоуважаемый Левъ Николаевичъ, позвольте принести вамъ благодарность за тѣ бессмертныя произведенія, которыми вы порадовали русскую литературу...» Я уже вижу по ея глазамъ, что она ничего не читала моего. Я спрашиваю: что же вамъ особенно понравилось? Молчитъ. Кто-то ей шепчетъ сзади: «Война и миръ», «Дѣтство и отрочество»... Она краснѣетъ, растерянно бѣгаетъ глазами и наконецъ лепечетъ въ совершенномъ смущеніи: — «Ахъ, да... Дѣтство отрока... Военный миръ... и другія...»

Въ это время пришли какіе-то англичане, и вотъ я опять увидалъ новаго Толстого, выдержаннаго, корректнаго европейскаго аристократа, очень спокойнаго, щеголявшаго безукоризненнымъ англійскимъ произношеніемъ.

Вотъ впечатлѣніе, которое вынесъ я отъ этого человека въ теченіе 10—15 минутъ. Мнѣ кажется, что, если бы я слѣдилъ за нимъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ такъ же былъ бы неуловимъ.

Но я понялъ въ эти нѣсколько минутъ, что одна изъ самыхъ радостныхъ и свѣтлыхъ мыслей — это жить въ то время, когда живетъ этотъ удивительный человекъ. Что высоко и цѣнно чувствовать и себя также человекомъ. Что можно гордиться тѣмъ, что мы мыслимъ и чувствуемъ съ нимъ на одномъ и томъ же прекрасномъ русскомъ языкѣ. Что человекъ, создавшій прелестную дѣвушку Наташу, и курчаваго Ваську Денисова, и стараго мерина Холстомѣра, и суку Милку, и Фру-фру, и холоднодерзкаго Долохова, и «круглаго» Платона Каратаева; воскресившій намъ вновь Наполеона, съ его подрагивающей ляжкой, и масоновъ, и солдатъ, и казаковъ вмѣстѣ съ очаровательнымъ дядей Ерошкой, отъ котораго такъ уютно пахло немножко кровью, немножко табакомъ и чихиремъ, — что этотъ многообразный человекъ, таинственною властью заставляющій насъ и плакать, и радоваться, и умиляться, — есть истинный, радостно признанный властитель. И что власть его — подобная творческой власти Бога — останется навѣки, останется даже тогда, когда ни насъ, ни нашихъ дѣтей, ни внуковъ не будетъ на свѣтѣ.

Вотъ приблизительно и все, что я успѣлъ продумать и перечувствовать между вторымъ и третьимъ звонкомъ, пока отвалилъ отъ ялтинской пристани тяжелый, неуклюжій грузовой пароходъ «Св. Николай».

Вспоминаю еще одну маленькую, смѣшную и трогательную подробность:

Когда я сбѣгалъ со сходенъ, мнѣ встрѣтился капитанъ парохода, совсѣмъ незнакомый мнѣ человекъ.

Я спросилъ:

— А вы знаете, кого вы везете?

И вотъ я увидѣлъ, какъ сразу просіяло его лицо въ крѣпкой радостной улыбкѣ, и, быстро пожавъ мою руку (такъ какъ ему было некогда), онъ крикнулъ:

— Конечно, Толстого!

И это имя было какъ будто какое-то магическое объединяющее слово, одинаково понятное на всѣхъ долготяхъ и широтахъ земного шара.

Конечно, Льва Толстого!

Отъ всей полноты любящей и благодарной души желаю ему многихъ лѣтъ здоровой, прекрасной жизни. Пусть, какъ добрый хозяинъ, взрастившій роскошный садъ на пользу и радость всему человѣчеству, будетъ онъ долго-долго на своемъ царственномъ закатѣ созерцать золотые плоды — труды рукъ своихъ.

НАШЕ ОПРАВДАНИЕ.

Точно золотыя звенья одной волшебной цѣпи, начатой Пушкинымъ и увѣнчанной Толстымъ, точно сіяющія звѣзды одного вѣчнаго созвѣдія, горятъ надъ нами въ неизмѣримой высотѣ безсмертія прекрасныя имена великихъ русскихъ писателей. Въ нихъ наша совѣсть, въ нихъ наша истинная гордость, наше оправданіе, честь и надежда. И, глядя на нихъ сквозь черную ночь, когда наша многострадальная родина раздирается злобой, униженіемъ, отчаяніемъ и униженіемъ, мы все-таки твердо вѣримъ, что не погибнетъ народъ, родившій ихъ, и не умретъ языкъ, ихъ воспитавшій.

Какое странное, глубокое волнение охватываетъ душу, когда подумаешь, что еще вчера Толстой жилъ между нами, былъ доступенъ живому общенію съ людьми, говорилъ, улыбался, страдалъ... Но вотъ прошло нѣсколько часовъ, — и онъ уже отодвинулся отъ насъ на столѣтія, сталъ достояніемъ міровой исторіи, обратился въ легенду.

Онъ и при жизни былъ окруженъ легендой. Удивительную по своему значенію фразу сказала мнѣ вчера одна старообрядка, казачка, женщина интеллигентная, искренняя и глубоко вѣрующая. «Вы и представить себѣ не можете, — говорила она: — какъ у насъ на Дону люди старой вѣры почитаютъ имя Толстого, даже тѣ, которые ни одной его строчки не прочли, даже неграмотные; онъ

для нихъ какой-то символъ чистоты и справедливости». И дальше она прибавила: «Наши поны его похоронили бы торжественно».

Да и правда: сколько милліоновъ людей въ минуты паденія, тяжелыхъ рѣшеній, раскаянія, душевной тоски, отчаянія—вспоминало объ этомъ имени, какъ объ якорѣ надежды. Сколько сотенъ тысячъ тянулось въ Ясную Поляну и получало тамъ совѣтъ, утѣшеніе, поддержку. Правда, приходили порой со зломъ, съ пустяками, съ однимъ празднымъ любопытствомъ, но вѣдь и къ святымъ отцамъ являлись часто глумливцы и попрошайки. Я вѣрю: пройдетъ очень немного лѣтъ, отпадетъ, какъ шелуха, и забудется все клеветническое, легкомысленное и низменное, что прилипало къ чудесному имени Толстого, и оно засіяетъ въ сладостной, прекрасной человѣческой легендѣ, точно обвѣянное поэзіей тысячелѣтій.

Какъ полна, богата, разнообразна и свѣтла была его жизнь. Вся она прошла передъ нами, преломленная, точно въ волшебной хрустальной призмѣ, въ его произведеніяхъ и словахъ — вся, отъ младенческихъ лѣтъ до послѣдняго его вздоха.

Охота, война, любовь, болѣзнь, семейная жизнь, рожденіе дѣтей, свѣтское общество, бремя славы, томленія духа, подвигъ — все совмѣстилось въ этой поразительной жизни, и почти все онъ отдалъ намъ, претворивъ въ безконечно-художественные образы, въ которыхъ все — правда.

«Герой моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ, — правда». Вотъ безцѣнные слова Толстого, одинаково измѣряющія и его бытіе и его творчество.

Оттого-то вся его жизнь и представляется намъ, какъ

ничья другая жизнь, подобной стройному кругу, гдѣ конецъ гармонично впадаетъ въ начало. И какой трогательной простотой, какой глубиной красоты и правдивости звучать его послѣднія слова, произнесенныя на маленькой станціи за нѣсколько минутъ передъ смертью!.. Это — тихій, скорбный и нѣжный аккордъ, заключившій великую симфонію. Это — предсмертный шопоть Николаеньки, странника Гриши, Пьера Безухова, Константина Левина, князя Неклюдова, старика Акима...

Какъ древній Великій Поэтъ, который, достигнувъ глубочайшей старости, повторялъ ученикамъ непрестанно одно лишь наставленіе: «Дѣти, любите другъ друга, дѣти, любите другъ друга», — такъ и Толстой въ послѣдніе годы жизни, не уставая, училъ письменно и словесно любви, прощенію и смиренію. И многихъ умиляла, подымала, очищала эта кроткая проповѣдь.

Но безконечно цѣннѣе, милѣе и ближе намъ Толстой — творецъ, Толстой — художникъ, Толстой — величайшій изъ мастеровъ прихотливаго, непокорнаго, великолѣпнаго русскаго слова. Онъ показывалъ намъ, слѣпымъ и скучнымъ, какъ прекрасны земля, небо, люди и звѣри. Онъ говорилъ намъ, недоувѣрчивымъ и скучнымъ, о томъ, что каждый человѣкъ можетъ быть добрымъ, сострадательнымъ, интереснымъ и красивымъ душою. Онъ убѣждалъ насъ, что слово есть величайшее средство общенія между людьми. И всей безконечной прелестью своего художественнаго генія онъ точно сказалъ намъ: «Смотрите, какъ лучезарно-прекрасенъ и какъ великъ человѣкъ».

Никакія литературныя поученія еще не спасли и не поколебали ни одного читателя. Но великія художественныя произведенія, какъ и имена ихъ творцовъ, сближаютъ и соединяютъ миллионы душъ незримыми, тонкими, но крѣпкими узами.

Въ настоящую минуту вниманіе и чувства всего обра-

зованнаго міра прикованы къ маленькому холмику, около пруда, въ старомъ яснополянскомъ паркѣ. Не будемъ оплакивать его. Отъ временныхъ вещей Толстой ушелъ въ вѣчность и безсмертіе, совершивъ болѣе того, что могъ человекъ. Съ тихимъ благоговѣніемъ склонимъ головы и опустимъ глаза передъ великимъ событіемъ, которое пронеслось надъ нами. Скажемъ тихо, съ глубокою благодарностью: «Почивай съ міромъ, сокровище наше, слава наша, оправданіе наше!»

* * *

«Слова мудрыхъ остры, какъ иглы, крѣпки, какъ вбитые гвозди, и составители ихъ — всѣ отъ Единого Пастыря». — Такъ сказалъ Соломонъ.

8 ноября 1910 г.

ФАРАОНОВО ПЛЕМЯ.

Мы присутствуемъ при вырожденіи цыганской пѣсни, вѣрнѣе — при ея скучной, медленной старческой копчинѣ. Пройдетъ еще четверть вѣка, и о ней не останется даже воспоминанія. Древніе, полевые, таборные напѣвы, переходившіе изъ рода въ родъ, изъ клана въ кланъ, по памяти и по слуху, исчезли и забылись, никѣмъ не подобранные любовно и не записанные тщательно. Старинные романсы вышли изъ моды — ихъ не воскресишь. Современные романсы живутъ, какъ мотыльки-однодневки: сегодня ихъ гнусавятъ шарманки и откашливаютъ граммофоны, а завтра отъ нихъ нѣтъ и слѣда.

Жалѣть объ этомъ, или не жалѣть? Правда, съ цыганщиной какъ-то ужъ черезчуръ тѣсно связано наше безобразное и нелѣпое прошлое: время крѣпостничества и дикаго барства, времена выкупныхъ платежей, взяточничества, всякихъ концессій и откуповъ, интендантскихъ оргій и банковскихъ растратъ. Но и въ прошломъ было кое-что милое, о чемъ поневолѣ вздохнешь съ тайной и сладостной грустью: были Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ и молодой офицеръ Толстой, были декабристы и массоны, были романтическія дѣвушки и отважные мужчины, были женскія шляпы кибиточками, мушки, шаловливые анекдоты прабабушекъ, мебель краснаго дерева, клавесины, давно забытая учтивость, медленные и важные танцы, похищеніе певѣсть и дуэли черезъ платокъ, была граціозно-неуклюжая, уютная и живая старина.

Была и цыганская пѣсня. И о ней такъ же невольно вздохнешь, какъ вздохнешь о глупыхъ слезахъ и о радостяхъ дѣтства, о смѣшныхъ и прекрасныхъ восторгахъ первой любви, о пылкомъ и великодушномъ задорѣ ранней молодости, о безумно растраченныхъ силахъ, которыя когда-то казались неисчерпаемыми.

Почти сто лѣтъ держалось увлеченіе цыганской пѣсней. Недаромъ же этому увлеченію отдали искреннюю и страстную дань два самыхъ великихъ русскихъ человека XIX столѣтія, одинъ — озарившій его начало, другой — увѣнчавшій его конецъ, одинъ — Пушкинъ, другой — Толстой.

Совсѣмъ недавно, всего лишь нѣсколько дней тому назадъ, какой-то внимательный поклонникъ свѣтлой памяти Пушкина нашелъ наконецъ знаменитый нащокинскій домикъ. Исторія этого домика, конечно, извѣстна каждому. Павелъ Воиновичъ Нащокинъ, другъ молодого Пушкина, изъ барской прихоти выстроилъ и постоянно украшалъ, со свойственной ему широтою натуры, оригинальную игрушку, точную копію своего московскаго двухъ-этажнаго дома, копію, которая свободно умѣщалась на ломберномъ столѣ.

Конечно, эта вещь драгоцѣнна, какъ памятникъ старины и кропотливаго искусства, но она несравненно болѣе дорога намъ, какъ почти живое свидѣтельство той обстановки, мебели, забавъ, безобидныхъ кутежей, цыганскаго пѣнія, беззаботныхъ шутокъ, и въ то же время внимательной и истинной дружбы — словомъ, той среды, въ которой попросту и такъ охотно жилъ Пушкинъ. И мнѣ кажется, что за жизнью этого человека, ушедшаго больше, чѣмъ за исторію — въ легенду, — гораздо точнѣе и любовнѣе можно слѣдить по нащокинскому домику, чѣмъ по современнымъ ему портретамъ бюстамъ и даже по его посмертной маскѣ.

Вотъ бильярдная, гдѣ одинъ изъ игроковъ мѣлитъ кій, а другой — играетъ. Позы и костюмы игроковъ сдѣланы такъ искусно, что производятъ совсѣмъ живое впечатлѣніе.

Вотъ столовая, кухня, винный погребъ, гостиная, и каждая деталь поражаетъ вниманіемъ, терпѣніемъ и тщательной обработкой. Все, начиная отъ человѣческихъ фигуръ и кончая обыкновенной обѣденной утварью, соблюдено тщательно и любовно.

Вотъ Пушкинъ въ его излюбленномъ, недосягаемомъ кабинетѣ, читаетъ стихи, полусидя-полустоя, опершись на столъ. На немъ киргизская шитая шапочка, въ рукахъ листъ рукописи; на переднемъ планѣ сидитъ Гоголь, скорбившись, охвативъ колѣна руками, благоговѣйный и задумчивый. Дальше чья-то фигура — говорятъ, что это портретъ Нащокина.

И еще одна замѣчательная подробность: гостиная, старинныя клавикорды, аккомпаниаторша... впереди на небольшой софѣ сидитъ Ольга Андреевна, подруга Нащокина, дочь знаменитой Стеши, Степаниды Сидоровны, съ гитарой въ рукахъ, а еще дальше, точно невольно, остановился въ полушагѣ и вдумчиво затихъ Пушкинъ, очарованный цыганской пѣсней.

«Новый Годъ встрѣтилъ я съ цыганами, — пишетъ Пушкинъ князю Вяземскому отъ 2 января 1831 г.: — и съ Танюшею, настоящей Татьяной-пьяной. Она пѣла пѣсню, въ таборѣ сложенную, на голосъ: «Пріѣхали сани»

Д. — Митюша	⎧ Давыдовъ съ ноздрями, Вяземскій съ очками, Гагаринъ съ усами, Дѣвокъ испугали И всѣхъ разогнали, и пр.
В. — Петруша	
Г. — Федюша	

«Знаешь ли ты эту пѣсню?»

Этотъ Новый Годъ былъ мальчишникомъ великаго поэта.

объявленнаго тогда женихомъ красавицы Гончаровой. А дальше его ждали узы семейной жизни, тяжесть придворнаго положенія, долги, разочарованія, усталость, вражда, клевета, рознь съ друзьями. Но раньше онъ былъ своимъ человѣкомъ, любимымъ гостемъ, кумомъ и сватомъ у московскихъ цыганъ въ Грузинахъ, гдѣ и до сихъ поръ цыганскіе хоры имѣютъ постоянное пристанище. Сама Татьяна сравнительно недавно умерла въ глубокой старости. Она многое забыла изъ своей пестрой и большой жизни, но Пушкина ярко помнила и говорила о немъ со слезами.

Толстой неоднократно въ своихъ произведеніяхъ возвращается къ цыганской пѣснѣ. Въ «Войнѣ и мирѣ», въ «Двухъ гусарахъ» проходятъ цыгане. Появляются они и въ «Живомъ трупѣ», и надо сказать, что сцены у цыганъ — лучшія мѣста пьесы. Незадолго до своей смерти Толстой, такъ прямолинейно отрицавшій величіе цивилизаціи, обмолвился въ бесѣдѣ съ однимъ журналистомъ словами, смыслъ которыхъ приблизительно таковъ, что изъ всѣхъ завоеваній человѣческихъ культуръ, въ сущности ненужныхъ и вредныхъ, ему жаль было бы расстаться съ музыкой и... «вотъ еще съ цыганской пѣсней»... Это подъ конецъ жизни. А въ прежнее время, говорятъ, Тургеневъ жаловался на Толстого, который вскорѣ послѣ севастопольской кампаніи остановился у него на нѣсколько дней и отравлялъ ему существованіе неправильнымъ образомъ жизни и цыганскими хорами.

Упомянемъ еще о другомъ Толстомъ, — Алексѣѣ, поэтѣ, о Полонскомъ, Лѣсковѣ, Апухтинѣ, Фетѣ, Писемскомъ. Вспомнимъ многихъ носителей знатныхъ именъ, клавшихъ къ ногамъ цыганокъ свои гербы и родовыя состоянія, увозившихъ ихъ тайкомъ изъ табора, стрѣлявшихъ изъ-за нихъ на дуэляхъ... Было, стало-быть, какое-то непобѣдимое, стихійное очарованіе въ старин-

ной цыганской пѣснѣ, очарованіе, заставлявшее людей плакать, безумствовать, восторгаться, дѣлать широкіе жесты и совершать жестокіе поступки. Не сказывалась ли здѣсь та примѣсь кочевой монгольской крови, которая бродитъ въ каждомъ русскомъ? Недаромъ же русскіе и любятъ такъ трагично, и поютъ такъ печально, и такъ дико бродятъ по необозримымъ равнинамъ своей удивительной, несуразной родицы!

Теперь, повторяю, цыганская пѣсня умираетъ. То, что мнѣ доводилось слышать у цыганъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ въ Пензѣ, въ Москвѣ въ манежѣ и въ Москвѣ же у Яра и въ Стрѣльнѣ — было, увы, послѣдними блестками цыганскаго пѣнія: «Я васъ люблю», «Въ часъ роковой», «Очи черныя», «Береза». Тогда уже старыя знатоки вздыхали о прежнихъ временахъ, о знаменитой Пишѣ, о Грушѣ, о Стешѣ, о другой Стешѣ, и о Зинѣ, о настоящихъ фамиліяхъ Соколовыхъ, Оедоровыхъ, Шишкиныхъ, Масальскихъ. «Что за хоръ пѣвалъ у Яра, онъ былъ Пишей знаменитъ, и Соколовская гитара до сихъ поръ въ ушахъ звенитъ».

Но то, что мы теперь слышимъ съ эстрады и съ подмостковъ подъ названіемъ цыганскаго романса, совсѣмъ потеряло связь съ таборомъ, съ духомъ и кровью загадочнаго кочевого племени. «Ухарь купецъ» и «Ай-да тройка» заѣли цыганское пѣніе. Подите лѣтомъ въ цыганскій таборъ, расположенный гдѣ-нибудь въ лѣсу подъ Москвой или Петербургомъ. Вы услышите нелѣпыя слова на мотивъ нѣмецкихъ вальсовъ, увидите кафешантаннныя жесты. Старинной пѣсни вы не допроситесь — ея не знаютъ, знаетъ развѣ какая-нибудь древняя, полуслѣпая, полуглухая старуха, высохшая и почернѣвшая, какъ прошлогодняя корка черного хлѣба. Но и она только прослезится, если ей напомнить слова, и безнадежно махнетъ рукой. — «Теперь надъ этими пѣснями

смѣются... Глупыя, говорятъ, пѣсни... Теперь пошли все модныя»...

Но какъ были прекрасны эти глупыя пѣсни! Богъ знаетъ, изъ какихъ прошедшихъ тысячелѣтій, изъ какихъ южныхъ странъ вынесъ ихъ этотъ загадочный, таинственный народъ, это фараоново племя, какъ называютъ его въ средней Россіи? Изъ Индіи? Египта? Южной Европы? Въ бродячей жизни, среди чуждыхъ языковъ мѣнялись и мѣшались слова, выпадали строки и строфы, но какой горячей кровью, страстной тоской и пламенной любовью, какой древней первобытной красотой вѣетъ отъ восточной вязи этихъ пѣсенъ... Именно въ этой экзотической прелести и заключалось обаяніе цыганскихъ пѣсенъ, дѣйствовавшихъ, какъ колдовство, въ этихъ пѣсняхъ, подобныхъ краснымъ розамъ на снѣгу.

Такую пѣсню я слышалъ трижды. Сначала — лѣтъ шесть-семь тому назадъ. Я съ двумя пріятелями проводилъ глухую, скучную, сугробную зиму въ одномъ дикомъ монастырскомъ посадѣ. На его окраинѣ ютились зазимовавшіе цыгане — два или три табора. Цыгане давно уже отъ холода, бѣдности, тоски, осѣдлой жизни и бездѣлья перессорились между собою и враждовали — таборъ противъ табора, изба противъ избы. Но любовь къ пѣснѣ понемногу объединила всѣхъ: мужчинъ и женщинъ, запѣвалъ и плясуній. Старый цыганъ Иванъ Николаевичъ былъ большимъ и рѣдкостнымъ любителемъ полевыхъ старинныхъ пѣсенъ, онъ и управлялъ хоромъ. По ночамъ его маленькая, косая, тѣсная, темная избенка наполнялась народомъ.

Угощеніе было самое простое: чай, бублики, немного вина, колбаса, сыръ, леденцы дѣтямъ.

Запѣвала дочь Ивана Николаевича — Маша, некрасивая, длинноносая, съ лицомъ порченнымъ оспой и съ прекрасными темными глазами, горячими, пугливыми, ласко-

выми. Она заводила какую-нибудь таборную пѣсню, а ѣя отецъ, перегнувшись черезъ столъ, пристально вонзался въ нее черными глазами, сверкавшими среди желтыхъ бѣлковъ, и въ любимыхъ мѣстахъ умоляюще шепталъ: «Романеесь, Маша, романеесь» (по-цыгански). И вдругъ вмѣстѣ съ хоромъ подхватывалъ припѣвъ своимъ ужаснымъ, охрипшимъ, но необыкновенно вѣрнымъ голосомъ, и вся маленькая комната утопала въ странномъ, дикомъ и восхитительномъ смѣтеніи множества женскихъ и мужскихъ голосовъ. Словъ почти никакихъ не было въ припѣвѣ, — были звуки, похожіе на звонъ колокольчика, на стоны, на радостные выкрики... И вотъ вылетала плясунья Дупяша, синеволосая красавица въ красной шелковой рваной кофтѣ, и хоръ, разгоряченный пѣсней и пляской, доходилъ до безумія. Тогда хотѣлось невольно плакать и веселиться.

Пѣли они, помню, «Аюдяка Романеесь», «Кановела», «Соса Гриша», «Какъ за рѣчкой», «Шэль-мэ-верстэ», «Протазоре, прокариэ». «Протазоре» — необычайной красоты пѣсня. Она подходитъ и на пасхальные греческіе ирмосы и на русскую плясовую, въ то же время какимъ-то древнимъ вакхическимъ восторгомъ охватываетъ она душу. Пѣли также однажды «Старовѣрочку». Тогда за нами увязался мѣстный отставной полицеймейстеръ, добродушный человекъ, немного фрондерецъ, любитель литературы и отвлеченныхъ разговоровъ за столомъ... «Старовѣрочка» — диковинная пѣсня съ грустнымъ запѣвомъ и съ дьявольскимъ хоромъ, гдѣ тоска причудливо мѣшается съ бѣшенымъ разгуломъ. Цыгане особенно разошлись въ этотъ вечеръ, и я помню, какъ подъ ихъ крики, взвизгиванія и причудливые безконечно разнообразные переборы несложной, но неуловимой мелодіи быстро слиялъ нашъ почтенный гость. Онъ вышелъ изъ избы блѣдный, пошатываясь, и едва-едва нашель въ темныхъ сѣняхъ вы-

ходную дверь. Я провожалъ его и слышалъ, какъ онъ растерянно бормоталъ, нащаривая дверную ручку: «Да... вотъ такъ старовѣрочка... вотъ такъ шту-учка».

Другой разъ я слышалъ — увы! — лишь въ граммофонѣ, — Варю Панину. Заочно понимаю, какая громадная сила и красота таилась въ этомъ глубокомъ, почти мужскомъ голосѣ.

Въ третій разъ пришлось намъ случайно забрести на Черную рѣчку, въ квартиру покойнаго Николая Ивановича Шишкина. Чавалы и цыганки какъ-то очень скоро оцѣнили, что ихъ слушаютъ настоящіе любители... Началъ хоръ съ модныхъ пѣсень, а кончилъ настоящей цыганской, таборной пѣсней. Я никогда не забуду этого внезапнаго, сильнаго, страстнаго и сладкаго впечатлѣнія. Точно въ комнатѣ, гдѣ пахло модными духами, вдругъ повѣялъ сильный ароматъ какого-то дикаго цвѣтка, повилики, полыни или шиповника. И не я одинъ это почувствовалъ. Я слышалъ, какъ притихли понемногу очарованные зрители, и долго ни одного звука, ни шороха не раздавалось въ громадной комнатѣ, кромѣ этого милого, нѣжнаго, тоскующаго и пламеннаго мотива, лившагося, какъ свѣтлое красное вино. Изъ тридцати присутствовавшихъ врядъ ли одинъ понималъ слова пѣсни, но каждый шилъ душою ея первобытную, звѣриную, инстинктивную прелесть.

Ой да, ой да беда
Прэлэндэ накачалась:
Чай разнесчастна
Навязалась.

Богъ вѣсть, гдѣ и какъ родился этотъ унылый, странный и роковой напѣвъ. Первоначальныя слова пѣсенки сильно пострадали отъ устной передачи во время столѣтнихъ кочевокъ. Но смыслъ ея простъ, и силенъ, и прекрасенъ, какъ любовныя пѣсни туареговъ, канаковъ или по-

линезийцевъ. Я тогда же попросилъ доставить мнѣ переводъ. Вотъ онъ приблизительно:

Ахъ, какая бѣда
На насъ напала,
Несчастливая дѣвушка
Меня полюбила.

Дальше, вѣроятно, выпалъ одинъ куплетъ. Но видно, что существуетъ какая-то преграда взаимной любви. Цыганъ эту преграду опрокидываетъ просто и рѣшительно. Онъ грозитъ табору:

Ой, если не отдадите
Мнѣ ее по чести,
Увезу
Насильно...

Затѣмъ, повидимому, въ пѣснѣ опять идетъ перерывъ. Въ послѣднемъ куплетѣ цыганъ уже увозитъ свою милую:

Ой, мои сѣрые,
Сѣрые да еще гнѣдые-рыжіе,
Надъ нами только Богъ.
Пусть благословить!

Такова эта маленькая пѣсня, вложенная въ мелодію, похожую на арабскіе мотивы, мелодію, которая кажется очень легкой сначала, но которую не повторишь... И сквозь нее точно видишь и чувствуешь эту ночную погрою, этихъ взмыленныхъ и одичавшихъ лошадей, съ блестящими глазами—сѣрыхъ, рыжихъ и гнѣдыхъ, своихъ или украденныхъ, это все равно, крѣпкій запахъ лошадиного пота и здороваго человѣческаго тѣла, и выкраденную дѣвушку, которая, разметавъ по вѣтру волосы, прижалась къ безумно скачущему похитителю...

Какая странная штука судьба! На другой день Николай Ивановичъ умеръ. Умеръ, какъ любимецъ судьбы, во спѣ, отъ паралича сердца. И въ той же самой квартирѣ, гдѣ подъ его гитару пѣлись огненные цыганскія пѣсни, я доцѣловалъ его холодный мертвый лобъ.

НЕМНОЖКО ФИНЛЯНДІИ.

По одну сторону вагона тянется безъ конца рыжее, кочковатое, снѣжное болото, по другую — низкій, густой соснякъ, и такъ — болѣе полусутокъ. За Бѣлоостровомъ уже съ трудомъ понимаютъ по-русски. Къ полудню поѣздъ проходитъ вдоль голыхъ, гранитныхъ громадъ, и мы въ Гельсингфорсъ.

Такъ близко отъ С.-Петербурга, и вотъ — настоящій европейскій городъ. Съ вокзала выходимъ на широкую площадь, величиной съ половину Марсова поля. Налѣво — массивное зданіе изъ сѣраго гранита, немного похожее на церковь въ готическомъ стилѣ. Это новый финскій театръ. Направо — строго выдержанный національный Athenaeum. Мы находимся въ самомъ сердцѣ города.

Идемъ въ гору по Michelsgatan. Такъ какъ улица узка, а дома на ней въ 4 — 5 этажей, то она кажется темноватой, но тѣмъ не менѣе производитъ парядное и солидное впечатлѣніе. Большинство зданій въ стилѣ модернъ, но съ готическимъ оттѣнкомъ. Фасады домовъ безъ карнизовъ и орнаментовъ; окна расположены несимметрично, они часто бываютъ обрамлены со всѣхъ четырехъ сторонъ каменнымъ гладкимъ плинтусомъ, точно вставлены въ каменное паспарту. На углахъ зданія высятся полукруглыя башни, надъ ними, такъ же какъ надъ чердачными окнами, островерхія крыши. Передъ параднымъ вхо-

домъ устроена лоджія, и что въ родѣ глубокой пещеры изъ темнаго гранита, съ массивными дверями, украшенными красной мѣдью, и съ электрическими фонарями, старинной средневѣковой формы, въ видѣ ящичковъ изъ волнистаго пузыристаго стекла.

Уличная толпа культурна и хорошо знаетъ правую сторону. Асфальтовые тротуары широки, городовые стройны, скромно-щеголеваты и предупредительно-вѣжливы, на извозчикахъ синія пальто съ бѣлыми металлическими пуговицами, нѣтъ крика и суеты, нѣтъ разносчиковъ и нищихъ.

Пріятно видѣть въ этомъ многолюдьѣ дѣтей. Они идутъ въ школу, или изъ школы: въ одной рукѣ книги и тетрадки; въ другой коньки; крѣпкія ножки, обтянутыя черными чулками, видны изъ-подъ юбокъ и штанишекъ по колѣно. Дѣти чувствуютъ себя настоящими хозяевами города. Они идутъ во всю ширину тротуара, звонко болтая и смѣясь, трепля рыжими косичками, блестя румянцемъ щекъ и голубизною глазъ. Взрослые охотно и бережно даютъ имъ дорогу. Такъ повсюду въ Гельсингфорсѣ.

Мнѣ кажется, можно смѣло предсказать мощную будущность тому народу, въ средѣ котораго выработалось уваженіе къ ребенку. Я невольно вспоминаю разсказъ моего хорошаго пріятеля, доктора Андреева, о японскихъ дѣтяхъ. Разсказъ относится ко времени задолго до русско-японской войны:

«Идетъ, представьте себѣ, по самой людной улицѣ въ Нагасакахъ этакій огарышъ, лѣтъ 5 — 6, въ отцовскомъ цилиндрѣ, надвинутомъ чуть не по плечи, въ туфляхъ и въ керимонѣ. Но керимонъ распахнутъ настежь, и подъ нимъ ровно ничего нѣтъ, кромѣ прелестнаго, голаго, загорѣлаго дѣтскаго тѣльца. Малышъ небрежно шествуетъ по срединѣ тротуара съ потухшей папирос-

кой въ зубахъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на человѣческую суету вокругъ себя. Никому даже въ голову не придетъ толкнуть его, или разсердиться, или просто выразить нетерпѣнїе. Вотъ нагоняетъ его взрослый японецъ — дѣловой, торопливый, запыхавшійся человекъ. Ребенокъ въ уличной давкѣ окончательно застопорилъ всею дорогу. Взрослый мечется пальво-направо — ничего не выходитъ. Тогда, смѣясь, хватается онъ мальчугана подъ мышки, несетъ его съ десятокъ-два шаговъ, пока не найдетъ свободнаго мѣста, шутиливо перевертываетъ его вокругъ себя, ставитъ бережно къ стѣнкѣ и поспѣшно идетъ дальше. А ребенокъ не только не выражаетъ испуга или недоувѣрїя — нѣтъ, онъ даже не потрудился взглянуть, кто это заставилъ его совершить воздушное путешествіе — до того онъ увѣренъ въ своей безопасности и въ неприкосновенности своей священной особы и такъ всецѣло занятъ онъ своей потухшей папироской».

Не могу я не вспомнить при этомъ, какъ однажды осенью мы собирались везти изъ деревни въ Петербургъ одну очень хорошо мнѣ знакомую дѣвицу трехъ съ половиной лѣтъ. Она плакала и кричала въ отчаянїи:

— Не хочу ѣхать въ Петербургъ! Тамъ все толкаются и все гадко пахнутъ.

Для меня вотъ такія живыя мелочи дороже самыхъ убѣдительныхъ статистическихъ цифръ. Въ нихъ мелькаетъ настоящая душа народа.

Стѣить, напримѣръ, посмотреть, какъ лѣтомъ, въ полдень, возвращаются изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ финскія молочницы. На каждой станціи вплоть до Перкїярви высыпаютъ онѣ веселыми гурьбами съ множествомъ пустыхъ жестяныхъ сосудовъ, перекинутыхъ по обѣ стороны черезъ плечо. И каждую изъ женщинъ уже дожидають на платформѣ свои. Кто-нибудь помогаетъ ей

сойти со ступенекъ вагона, другой — мужъ или братъ — предупредительно освобождаетъ ее отъ ноши, домашній песъ вертится тутъ же, прыгаетъ передними лапами всѣмъ на платье, возбужденно лаетъ и бурно машетъ пушистымъ хвостомъ, завернутымъ девяткой.

Въ Финляндіи женщина всегда можетъ быть увѣрена, что ей уступятъ мѣсто въ вагонѣ, въ трамваѣ, въ дилижансѣ. Но ей также уступили мѣсто и въ государственномъ сеймѣ, и финны справедливо гордятся тѣмъ, что въ этомъ дѣлѣ имъ принадлежитъ починъ. Они первые въ Старомъ Свѣтѣ послали четырехъ женщинъ блюсти высшіе интересы страны вмѣстѣ съ достойнѣйшими. Имнѣ кажется, что между встрѣчей, оказанной молочницѣ изъ Усикирко, и выборами женщинъ въ сеймъ есть нѣкоторая отдаленная связь, какъ между первой и послѣдней ступенькой длинной лѣстницы.

Женскій трудъ примѣняется самымъ широкимъ образомъ. Въ конторахъ, банкахъ, магазинахъ, въ аптекахъ повсюду занимаются женщины. Во всѣхъ ресторанахъ, равинталахъ и бодегахъ прислуживаютъ милостивныя дѣвушки, прекрасно одѣтыя и чрезвычайно приличные. Домашняя прислуга исключительно женская. Не рѣдкость увидать женщину-парикмахера. Но что особенно поражаетъ своею странностью російскихъ козероговъ. такъ это женщины, услуживающія въ баняхъ, не только женскихъ, въ мужскихъ.

Когда русскіе говорятъ о Финляндіи, то ужъ непременно вспоминаютъ и объ этой непонятной на нашъ взглядъ отрасли ремесла, вспоминаютъ, надо сознаться, съ ужимками, съ худо скрытымъ любопытствомъ, съ притворнымъ возмущеніемъ: «Чортъ знаетъ, что за безобразіе!» Однако никакого безобразія въ этомъ нѣтъ. Услуживаетъ вамъ серьезная, дѣловая женщина, лѣтъ 35, одѣтая въ безукоризненное желтое, холстинковое платье;

на шеѣ у нея крахмальный воротничокъ; короткіе рукава, собранные пышнымъ буфомъ гораздо выше локтей, оставляютъ голыми сильныя ловкія руки. Ни лишнихъ словъ, ни жеманства, ни улыбки. Она васъ переводитъ изъ паровой ванны подъ душъ и въ бассейнъ, мылить, моетъ, массируетъ, обтираетъ, взвѣшиваетъ на вѣсахъ и серьезно приговариваетъ три коротенькихъ словечка: «варъ шо гуть», т.-е. — будьте такъ добры. И нашъ російскій козерогъ быстро подчиняется этой спокойной дѣловитости.

Въ Финляндіи совсѣмъ нѣтъ проституціи, по крайней мѣрѣ явной, покровительствуемой, или, какъ выражаются, терпимой закономъ. Говорятъ, что милостивыя фрекенъ изъ ресторановъ и кофеенъ не отличаются чрезмерной строгостью нравовъ. Мнѣ рассказывалъ объ этомъ русскій офицеръ, служившій въ Финляндіи, повидимому, большой сердцеѣдъ, но и онъ утверждалъ, что благосклонность этихъ дѣвицъ не имѣетъ расчетливаго характера и въ худшемъ случаѣ вознаграждается духами, конфетами, перчатками, шляпкой или платьемъ. И надо сказать, что всѣ ресторанныя фрекенъ одѣты нарядно и со вкусомъ.

Тотъ же офицеръ говорилъ, что въ Гельсингфорсѣ однако существуетъ тайная проституція, но довольно страннаго характера — дневная. Ищутъ встрѣчь на улицахъ и въ воротахъ домовъ въ самый разгаръ городской жизни—въ 3—4 часа пополудни, когда Сѣверная эспланада представляетъ собою подобіе прогуливающагося Невскаго проспекта. Оставляю это свѣдѣніе на его офицерской совѣсти, хотя долженъ прибавить, что то же самое подтвердилъ, и даже съ большей убѣдительностью, одинъ гельсингфорскій студентъ, родомъ финнъ.

Съ сожалѣніемъ долженъ я признать, что въ большемъ количествѣ женщины въ Финляндіи не произво-

дять очаровательнаго впечатлѣнія. Еще тамъ, гдѣ скаывается шведская кровь, попадаются красивыя, тонкія фигуры, нѣжныя и смѣлыя черты лица, прелестныя, пышныя, золотистыя и соломенные волосы, маленькія руки и ноги. Чистокровныя финки, увы, некрасивы... Тѣла нескладныя, съ короткими ногами, съ квадратной, сутулой спиной, шея ушла внутрь между плечъ, лица широкоскулыя, рты безформенныя, веснушки, аляповатые носы, разноцвѣтныя, рыже-бурые, жидкіе волосы. Но что ужъ грѣха таить: совершенно такого же характера красота и великорусскихъ женщинъ, за исключеніемъ развѣ Поволжья.

Мужчины въ Финляндіи бѣлобрысы и суровы. Но у мужчинъ и у женщинъ одинаково прекрасны глаза — спокойныя, смѣлыя, свѣтлоясно-голубыя. Мужскія лица прежде времени старятся. И, когда я гляжу на ихъ корявыя, некрасивыя черты, среди которыхъ сіяютъ изъ рѣзкихъ, глубокихъ морщинъ чистые, синіе глаза, я невольно думаю объ общей картинѣ этой страны, гдѣ между гранитныхъ, дикихъ громадъ, на высотахъ, тихо дремлютъ, отражая небо, прозрачныя озера. Кстати, національные цвѣта молодой Финляндіи — бѣлый съ голубымъ. Символы снѣга и горныхъ озеръ, покрывающихъ родную землю.

Финны — это настоящій, крѣпкій, медлительный, серьезный мужицкій народъ. Вглядитесь внимательно въ лицо любого финскаго франта, идущаго по эспланадѣ въ блестящемъ цилиндрѣ, въ модномъ пальто съ хризантемой въ петличкѣ. Тотъ же крестьянскій обликъ, тѣ же выдавшіяся скулы, тѣ же сжатые, молчаливыя губы подковой, тѣ же глубоко сидящіе, маленькіе голубые, холодные глаза, рѣзкія полосы морщинъ вокругъ рта и носа, упрямые, сильные, бритые подбородки. Такъ сразу и читаешь въ лицѣ этого щеголевататаго джентльмена ту,

длинную, многовѣковую исторію завоеванія суровой природы, черезъ которую прошли его предки, среди жестокаго климата, на скудной землѣ, усѣянной огромными камнями, подъ ревъ водопадовъ, въ короткіе часы лѣта и длинныя зимнія ночи.

Финляндія поистинѣ демократична. Демократична во все не тѣмъ, что въ ней при выборахъ въ сеймъ побѣдили соціалъ-демократы, а потому, что ея дѣти составляютъ одинъ цѣльный, здоровый, работающій народъ, а не какъ въ Россіи, нѣсколько классовъ, изъ которыхъ высшій носитъ на себѣ самый утонченный цвѣтъ европейской полировки, а низшій ведетъ жизнь пещернаго человѣка. И, кажется, въ этой-то народности — я бы сказалъ: просто народности — и коренится залогъ прочнаго, крѣпкаго хозяйственнаго будущаго Финляндіи.

Трогательно, иногда чуть-чуть смѣшно лежитъ на этой мужицкой внѣшности слѣдъ старинной феодальной шведской культуры. Въ глубинѣ страны незнакомыя дѣти, встрѣчаясь съ вами, привѣтствуютъ васъ: мальчики кланяются, дѣвочки дѣлаютъ на ходу наивный книксенъ. Присѣдаетъ женская прислуга, присѣдаетъ съ какимъ-то страннымъ, коротенькимъ пискомъ пожилая хозяйка. Но когда, уѣзжая, вы дадите горничной нѣсколько мелкихъ серебряныхъ монетъ, она непременно протянетъ вамъ дружески жесткую, сильную руку для пожатія.

Здѣсь любятъ цвѣты и при каждомъ семейномъ случаѣ, въ каждый праздникъ дарятъ ихъ другъ другу. Во всякомъ домѣ, во всякомъ, даже самомъ плохонькомъ, третьеразрядномъ ресторанѣ вы увидите на столахъ и на окнахъ цвѣты въ горшкахъ, корзинахъ и вазахъ. Въ маленькомъ Гельсингфорсѣ больше цвѣточныхъ магазиновъ, чѣмъ въ Петербургѣ. А по воскресеньямъ утромъ на большой площади у взморья происходитъ большой торгъ цвѣтами, привозимыми изъ окрестностей. Деше-

визна ихъ поразительна: 3 марки стòитъ большущій кустъ цвѣтущей азалии. За полторы марки (50 копеекъ съ небольшимъ) вы можете пріобрѣсти небольшую корзину съ ландышами, гіацинтами, нарциссами. И это въ исходѣ зимы.

На Рождествѣ, на елку дарятъ другъ другу подарки. Здѣсь опять-таки сказывается практическій духъ мужиковатаго народа: дарятъ исключительно домашнія, необходимыя вещи, большею частью своего издѣлія. Особенно принято дарить мужчинамъ теплый нижній вязаный костюмъ. Этотъ костюмъ обтягиваетъ вплотную все тѣло, онъ вяжется цѣлымъ отъ шеи до подошвъ и застегивается на спинѣ. Большинство мужчинъ носятъ подъ одеждой такое теплое трико, и понятно, почему финны такъ легко одѣваются даже въ сильные морозы.

О поголовной грамотности финновъ всѣ, конечно, слышали, но, можетъ-быть, не всѣ видѣли ихъ начальныя народныя школы. Мнѣ привелось осмотрѣть довольно подробно новое городское училище, находящееся на окраинѣ города, въ Tölö.

Это дворецъ, выстроенный года 3 — 4 тому назадъ, въ три этажа, съ сажеными квадратными окнами, съ лѣстницами какъ во дворцѣ, по всѣмъ правиламъ современной широкой гигіены.

Я обходилъ классныя помѣщенія сейчасъ же послѣ того, какъ окончились въ нихъ занятія. Всякій изъ насъ, конечно, помнитъ тотъ ужасный, нестерпимый зловонный воздухъ, который застаивается въ классахъ нашихъ гимназій, корпусовъ и реальныхъ училищъ послѣ трехъ-четыреухъ уроковъ. О городскихъ школахъ и говорить нечего! И потому я буквально былъ пораженъ той чистотой воздуха, которая была въ учебныхъ комнатахъ финскаго низшаго училища. Достигается это, конечно, примѣненіемъ самой усовершенствованной вентиляціи,

но главнымъ образомъ тѣмъ, что финны вообще не боятся свѣжаго воздуха и при всякомъ удобномъ случаѣ оставляютъ окна открытыми настежь. Всякая мелочь, служащая для удобства и пользы школьниковъ, обдумана здѣсь съ замѣчательной любовью и заботливостью. Форма скамеекъ и чернильницъ, ландкарты, коллекціи, физическій и естественный кабинеты, окраска стѣнъ, громадная высота комнатъ, пропасть свѣта и воздуха и наконецъ даже такая мелочь, какъ цвѣты на окнахъ, — цвѣты, которые съ большимъ удовольствіемъ приносятъ въ школу сами ученики, — все это трогательно свидѣтельствуется о внимательномъ и разумномъ, серьезномъ и любовномъ отношеніи къ дѣлу.

Подобной гимнастической залы, какъ въ этой четырехклассной низшей школѣ, я не видалъ нигдѣ въ Россіи, по богатству и остроумію приборовъ и по той щеголеватой чистотѣ, въ которой она содержится. Около гимнастической залы есть маленькій коридорчикъ, и въ немъ вдоль обѣихъ стѣнъ длинные шкапы со множествомъ маленькихъ ячеекъ. Надъ каждой ячейкой написана фамилія ученика или ученицы, и тамъ лежатъ гимнастическія туфли, всѣ одинаковаго образца, легкія, полотняныя съ веревочными подошвами.

Спортъ здѣсь въ большомъ почетѣ, но опять-таки спортъ разумный и даже, если хотите, патріотическій.

Почти ни одного мальчишку вы не увидите здѣсь на улицѣ безъ коньковъ въ рукахъ. По праздникамъ дѣвушки, студенты, приказчики, конторщики, очень часто пожилые и даже толстые и сѣдые люди, отправляются съ лыжами куда-нибудь на край города. Повсюду въ витринахъ фотографовъ вы увидите моментальные снимки съ знаменитыхъ прыжковъ въ 32 метра длиной и болѣе. Съ изумленіемъ видишь на фотографіи, какъ человекъ на лыжахъ, въ тепломъ трико и въ вязаной ша-

почкѣ колпакомъ, окончивъ разбѣгъ по горѣ до края обрыва, летитъ въ силу инерціи по воздуху высоко надъ головами стоящихъ внизу людей.

Лѣтомъ финская молодежь собирается въ гимнастическія общества, занимается бѣгомъ взапуски, метаніемъ дисковъ и копій, прыжками въ ширину и въ длину и въ особенности плаваньемъ, въ которомъ финны не имѣютъ соперниковъ въ Европѣ. Я скажу, не преувеличивая, что черезъ такую здоровую, вольную школу, воспитывающую духъ и тѣло, проходитъ каждый финнъ.

Ихъ женщины и дочери не меньше мужчинъ любятъ конькобѣжный и лыжный спортъ и также не боятся ни мороза ни сквозного вѣтра. Я никогда не могу забыть той дѣвочки лѣтъ 12 — 13, которая однажды, при морозѣ въ 16⁰, проходила мимо памятника поэту Рунебергу съ открытой по ключицы шеей, съ небольшимъ суконнымъ беретомъ на головѣ и копыками подъ мышкой. Не могу сказать, чтобы она была красива, но столько свѣжести, бодрости, ловкой увѣренности въ движеніи было въ ней, что я невольно залюбовался. Крѣпкая, здоровая, славная сѣверная кровь!

Тутъ же кряду мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ и о финскомъ искусствѣ. Я нѣсколько дней провелъ въ гельсингфорскомъ Atheneum'ѣ, въ этомъ великолѣпномъ національномъ музеѣ искусства. Я былъ тогда влюбленъ — я не могу подобрать другого слова — въ триптихъ Галепа на мотивъ изъ Калевалы. Я знаю, если бы судьба занесла меня опять въ Гельсингфорсъ, я первымъ долгомъ прямо съ вокзала побѣжалъ бы на свиданіе съ этимъ изумительнымъ произведеніемъ. Какая громадная грядущая сила, еще не развернувшаяся, но уже поднимающаяся мощной волной, таится однако въ этихъ неуклюжихъ, корявыхъ пасынкахъ природы. Искусство ихъ, повидимому, только еще пробуетъ голость,

точно молодой соловей-первогодокъ, но Галепъ, Эдельфельдъ, Теренфельдъ — это уже художники, у которыхъ не грѣхъ поучиться европейскимъ мастерамъ.

И публика, посѣщающая Athenicum, поражаетъ нашъ русскій глазъ, привыкшій видѣть въ нашихъ музеяхъ, картинныхъ галлерейхъ, на выставкахъ исключительно парядную салонную публику. Въ гельсингфорскомъ Athenicum'ѣ вы увидите въ праздникъ самыхъ сѣрыхъ труженниковъ, — рабочихъ, разносчиковъ, прислугу, — но одѣтыхъ въ самое лучшее, праздничное платье.

Конечно, трудно многое сказать о странѣ, въ которой былъ только мимоходомъ, но все, что я видѣлъ, укрѣпляетъ во мнѣ мысль, что финны — мирный, большой, серьезный, стойкій народъ, къ тому же народъ, отличающійся крѣпкимъ здоровьемъ, любовью къ свободѣ и нѣжной привязанностью къ своей суровой родинѣ. Я совершенно чуждъ политикѣ и никогда не хотѣлъ бы быть въ роли предсказателя или устроителя судебъ народовъ. Но, когда я читаю или слышу о той газетной травлѣ противъ финновъ, которая совершается якобы во имя достоинства русскаго имени и безграничности русскихъ владѣній во всѣ страны магнитнаго поля, мнѣ каждый разъ хочется сказать относительно Финляндіи: ежа голой спиной не убьешь.

Слава Богу, теперь мало-по-малу улучшаются отношенія между финнами и тѣми изъ русскихъ, которые посѣщаютъ ихъ родину. Я и мои друзья, безъ всякихъ рекомендацій, встрѣчали повсюду: въ Гельсингфорсѣ, въ Выборгѣ, на Иматрѣ и въ другихъ мѣстностяхъ, самый радужный, любезный и предупредительный пріемъ. Случалось, что мы попадали въ магазинъ, гдѣ хозяева не понимали ни по-русски, ни по-нѣмецки, ни по-французски. Мы же, съ своей стороны, не владѣли ни финскимъ ни шведскимъ языками. И каждый разъ намъ любезно пригла-

шали изъ какого-нибудь сосѣдняго магазина безкорыстнаго и любезнаго переводчика. Однако недалеко то время, когда финны притворялись глухими, и нѣмыми, и слѣпыми, едва заслышавъ русскую рѣчь. Это было въ эпоху крутыхъ мѣръ генералъ-губернатора Бобрикова.

И то сказать, хорошо было наше обрусительное культуртрегерство. Помню, лѣтъ пять тому назадъ мнѣ пришлось съ писателями Бунинымъ и Федоровымъ прѣхать на одинъ день на Иматру. Назадъ мы возвращались поздно ночью. Около 11 часовъ поѣздъ остановился на станціи Антреа, и мы вышли закусить. Длинный столъ былъ уставленъ горячими кушаньями и холодными закусками. Тутъ была свѣжая лососина, жареная форель, холодный ростбифъ, какая-то дичь, маленькіе, очень вкусные биточки и тому подобное. Все это было необычайно чисто, аппетитно и нарядно. И тутъ же по краямъ стола возвышались горками маленькія тарелки, лежали грудями ножи и вилки, и стояли корзиночки съ хлѣбомъ.

Каждый подходилъ, выбиралъ, что ему правилось, закусывалъ, сколько ему хотѣлось, затѣмъ подходилъ къ буфету и, по собственной доброй волѣ, платилъ за ужинъ ровно одну марку (37 коп.). Никакого надзора, никакого недоувѣрія. Наши русскія сердца, такъ глубоко привыкшія къ паспорту, участку, принудительному попеченію старшаго дворника, ко всеобщему мошенничеству и подозрительности, были совершенно подавлены этой широкой взаимной вѣрой. Но когда мы возвратились въ вагонъ, то насъ ждала прелестная картина въ истинно-русскомъ жанрѣ.

Дѣло въ томъ, что съ нами ѣхали два подрядчика по каменнымъ работамъ. Всѣмъ извѣстенъ этотъ типъ кулака изъ Мещовскаго уѣзда, Калужской губерніи: широкая, лоснящаяся, скуластая красная морда, рыжіе волосы, выющіеся изъ-подъ картуза, рѣденькая бороденка,

плутоватый взглядъ, набожность на пятиалтынный, горячій патриотизмъ и презрѣніе ко всему не-русскому — словомъ, хорошо знакомое истинно-русское лицо.

Надо было послушать, какъ они издѣвались надъ бѣдными финнами.

— Вотъ дурачье, такъ дурачье. Вѣдь этакіе болваны, чортъ ихъ знаетъ! Да вѣдь я, ежели подсчитать, на три рубля на семь гривенъ съѣлъ у нихъ, у подлецовъ... Эхъ, сволочь! Мало ихъ бьютъ, сукиныхъ сыновъ! Одно слово — чухощы.

А другой подхватилъ, давясь отъ смѣха:

— А я... нарочіо стаканъ кокнулъ, а потомъ взялъ въ рыбину и плюнулъ.

— Такъ ихъ и надо, сволочей! Распустили анаѣемъ! Ихъ надо во какъ держать!

И тѣмъ болѣе пріятно подтвердить, что въ этой милой, широкой, полусвободной странѣ уже начинаютъ понимать, что не вся Россія состоитъ изъ подрядчиковъ Мещовскаго уѣзда, Калужской губерніи.

РАЗСКАЗЫ.

БѢЛЫЙ ПУДЕЛЬ.

I.

Узкими горными тропинками, отъ одного дачнаго поселка до другого, пробиралась вдоль южнаго берега Крыма маленькая бродячая труппа. Впереди обыкновенно бѣжалъ, свѣсивъ на бокъ длинный розовый языкъ, бѣлый пудель Арто, стриженный наподобіе льва. У перекрестковъ онъ останавливался и, махая хвостомъ, вопросительно оглядывался назадъ. По какимъ-то, ему одному извѣстнымъ признакамъ онъ всегда безошибочно узнавалъ дорогу и, весело болтая мохнатыми ушами, кидался галопомъ впередъ. За собакой шелъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ Сергѣй, который держалъ подъ лѣвымъ локтемъ свернутый коверъ для акробатическихъ упражненій, а въ правой несъ тѣсную и грязную клѣтку со щегломъ, обученнымъ вытаскивать изъ ящика разноцвѣтныя бумажки съ предсказаніями на будущую жизнь. Наконецъ сзади плелся старшій членъ труппы — дѣдушка Мартынъ Лодыжкинъ, съ шарманкой на скрюченной спинѣ.

Шарманка была старинная, страдавшая хрипотой, кашлемъ и перенесшая на своемъ вѣку не одинъ десятокъ починокъ. Играла она двѣ вещи: унылый нѣмецкій вальсъ Лаунера и галопъ изъ «Путешествія въ Китай» — обѣ бывшія въ модѣ лѣтъ 30 — 40 тому назадъ,

но теперь всеми позабытыя. Кроме того были въ шарманкѣ двѣ предательскія трубы. У одной — дискантовой — пропаль голосъ; она всемъ не играла, и поэтому, когда до нея доходила очередь, то вся музыка пачинала какъ бы заикаться, прихрамывать и спотыкаться. У другой трубы, издававшей низкій звукъ, не сразу открывался клапанъ: разъ загудѣвъ, она тянула одну и ту же басовую ноту, заглушая и сбивая все другіе звуки, до тѣхъ поръ, пока ей вдругъ не приходило желаніе замолчать. Дѣдушка самъ сознавалъ эти недостатки своей машины и иногда замѣчалъ шутливо, но съ оттенкомъ тайпой грусти:

— Что подѣлаешь?.. Древній органъ... простудный... Заиграешь — дачники обижаются: «Фу, — говорятъ, — гадость какая!» А вѣдь пьесы были очень хорошія, модныя, но только нынѣшніе господа нашей музыки всемъ не обожаютъ. Имъ сейчасъ «Гейшу» подавай, «Подъ двуглавымъ орломъ», изъ «Продавца птицъ» — вальсъ. Опять-таки трубы эти... Носилъ я органъ къ мастеру — и чинить не беретъся. Надо, говоритъ, новыя трубы ставить, а лучше всего; говоритъ, продай ты свою кислую дребедень въ музей... въ родѣ какъ какой-нибудь памятникъ... Ну, да ужъ ладно! Кормила она насъ съ тобой, Сергѣй, до сихъ поръ, Богъ дастъ, и еще покормитъ.

Дѣдушка Мартынъ Лодыжкинъ любилъ свою шарманку такъ, какъ можно любить только живое, близкое, пожалуй, даже родственное существо. Свыкнувшись съ ней за многіе годы тяжелой бродячей жизни, онъ сталъ наконецъ видѣть въ пей что-то одухотворенное, почти сознательное. Случалось иногда, что ночью, во время ночлега, гдѣ-нибудь на грязномъ постояломъ дворѣ, шарманка, стоявшая на полу, рядомъ съ дѣдушкинымъ изголовьемъ, вдругъ издавала слабый звукъ, печальный,

одинокій и дряжащій, точно старческой вздохъ. Тогда Лодыжкинъ тихо гладилъ ее по рѣзному боку и шепталъ ласково :

— Что, братъ? Жалуешься?... А ты терпи...

Столько же, сколько шарманку, можетъ-быть, даже немного больше, онъ любилъ своихъ младшихъ спутниковъ въ вѣчныхъ скитаніяхъ: пуделя Арто и маленькаго Сергѣя. Мальчика онъ взялъ пять лѣтъ тому назадъ «напрокатъ» у забулдыги, вдоваго сапожника, обязавшись ему за это уплачивать по два рубля въ мѣсяцъ. Но сапожникъ вскорѣ умеръ, и Сергѣй остался навѣки связаннымъ съ дѣдушкой и душой и мелкими житейскими интересами.

II.

Тропинка шла вдоль высокаго прибрежнаго обрыва, извиваясь въ тѣни столѣтнихъ маслинъ. Море иногда мелькало между деревьями, и тогда казалось, что, уходя въ даль, оно въ то же время подымается вверхъ спокойной могучей стѣной, и цвѣтъ его былъ еще синѣе, еще гуще въ узорчатыхъ прорѣзахъ, среди серебристо-зеленой листвы. Въ травѣ, въ кустахъ кизила и дикаго шиновника, въ виноградникахъ и на деревьяхъ, — повсюду заливались цикады; воздухъ дрожалъ отъ ихъ звенящаго, однообразнаго, неумолчнаго крика. День выдался знойный, безвѣтреный, и накалившаяся земля жгла подошвы ногъ.

Сергѣй, шедшій по обыкновенію впереди дѣдушки, остановился и ждалъ, пока старикъ не поровняется съ нимъ.

— Ты что, Сережа? — спросилъ шарманщикъ.

— Жара, дѣдушка Лодыжкинъ... нѣтъ никакого терпѣнья! Искупаться бы...

Старикъ на ходу привычнымъ движеніемъ плеча по-

правиль на спинѣ шарманку и вытеръ рукавомъ вспотѣвшее лицо.

— На что бы лучше! — вздохнулъ онъ, жадно поглядывая внизъ, на прохладную синеву моря. — Только вѣдь послѣ купанья еще больше разморить. Миѣ одинъ знакомый фельдшеръ говорилъ: соль эта самая на человѣка дѣйствуетъ... значить, моль, расслабляетъ... Соль-то морская...

— Враль, можетъ-быть? — съ сомнѣніемъ замѣтилъ Сергѣй.

— Ну, вотъ, враль! Зачѣмъ ему врать? Человѣкъ солидный, непьющій... домишко у него въ Севастополѣ. Да потомъ здѣсь и спуститься къ морю негдѣ. Подожди, дойдемъ ужотко до Мисхора, тамъ и пополощемъ тѣлеса свои грѣшныя. Передъ обѣдомъ оно лестно, искупаться-то... а потомъ, значить, поспать трошки... и отличное дѣло...

Арто, услышавшій сзади себя разговоръ, повернулся и подбѣжалъ къ людямъ. Его голубые добрые глаза щурились отъ жары и глядѣли умильно, а высунутый длинный языкъ вздрагивалъ отъ частаго дыханія.

— Чтò, братъ, песикъ? Тепло? — спросилъ дѣдушка.

Собака напряженно зѣвнула, завивъ языкъ трубочкой, затряслась всѣмъ тѣломъ и тонко взвизгнула.

— Н-да, братецъ ты мой, ничего не подѣлаешь... Сказано: въ потѣ лица твоего, — продолжалъ настаивательно Лодыжкинъ. — Положимъ, у тебя, примѣрно сказать, не лицо, а морда, а все-таки... Ну, пошелъ, пошелъ впередъ, нечего подъ ногами вертѣться... А я, Сережа, признаться сказать, люблю, когда эта самая теплынь. Органъ вотъ только мѣшаетъ, а то, кабы не работа, легъ бы гдѣ-нибудь на травѣ, въ тѣни, пузомъ, значить, вверхъ, и полеживай себѣ. Для нашихъ старыхъ костей это самое солнце — первая вещь.

Тропинка спустилась внизъ, соединившись съ широкой, твердой, какъ камень, ослѣпительно-бѣлой дорогой. Здѣсь начинался старинный графскій паркъ, въ густой зелени котораго были разбросаны красивыя дачи, цвѣтники, оранжереи и фонтаны. Лодыжкинъ хорошо зналъ эти мѣста; каждый годъ обходилъ онъ ихъ одно за другимъ во время винограднаго сезона, когда весь Крымъ наполняется нарядной, богатой и веселой публикой. Яркая роскошь южной природы не трогала старика, но зато многое восхищало Сергѣя, бывшаго здѣсь впервые. Магноліи, съ ихъ твердыми и блестящими, точно лакированными листьями и бѣлыми, съ большую тарелку величиной, цвѣтами; бесѣдки, сплошь затканныя виноградомъ, свѣсившимъ внизъ тяжелыя гроздья; огромные многовѣковые платаны съ ихъ свѣтлой корой и могучими кропами; табачныя плантаціи, ручьи и водопады, и повсюду — на клумбахъ, на изгородяхъ, на стѣнахъ дачъ — яркія, великолѣпныя душистыя розы, — все это не переставало поражать своей живой цвѣтущей прелестью наивную душу мальчика. Онъ высказывалъ свои восторги вслухъ, ежеминутно теребя старика за рукавъ.

— Дѣдушка Лодыжкинъ, а дѣдушка, глянь-ко-сь, въ фонталѣ-то золотыя рыбы!.. Ей-Богу, дѣдушка, золотыя, умереть мнѣ на мѣстѣ! — кричалъ мальчикъ, прижимаясь лицомъ къ рѣшеткѣ, огораживающей садъ съ большимъ бассейномъ посрединѣ. — Дѣдушка, а персики! Вопа сколько! На одномъ деревѣ!

— Иди-иди, дурашка, чего ротъ разинулъ! — подталкивалъ его шутливо старикъ. — Погоди, вотъ дойдемъ мы до города Новороссійскаго и, значитъ, опять подадимся на югъ. Тамъ, дѣйствительно, мѣста, — есть на что посмотреть. Сейчасъ, примѣрно сказать, пойдутъ тебѣ Сочи, Адлеръ, Туапсе, а тамъ, братецъ ты мой, Сухумъ, Батумъ... Глаза раскосишь глядѣвши... Скажемъ, при-

мѣрно, — пальма. Удивленіе! Стволъ у нея мохпатый, на манеръ войлока, а каждый листъ такой большой, что намъ съ тобой обоимъ укрыться впору.

— Ей-Богу?—радостно удивился Сергѣй.

— Постой, самъ увидишь. Да мало ли тамъ чего? Апельцынь, напрымѣрь, или хоть, скажемъ, тотъ же лимонъ... Видалъ, небось, въ лавочкѣ?

— Ну?

— Просто такъ себѣ и растеть въ воздухѣ. Безъ ничего, прямо на деревѣ, какъ у насъ, значитъ, яблоко или груша... И народъ тамъ, братецъ, совсѣмъ диковинный: турки, персюки, черкесы разные, все въ халатахъ и съ кинжалами... Отчаянный народишка! А то бывають тамъ, братецъ, эѳіопы. Я ихъ въ Батумѣ много разъ видѣлъ.

— Эѳіопы? Знаю. Это которые съ рогами,—увѣренно сказалъ Сергѣй.

— Роговъ, положимъ, у нихъ нѣтъ, это враки. Но черные, какъ сапогъ, и даже блестятъ. Губищи у нихъ красныя, толстенныя, а глазищи бѣлыя, а волосы курчавыя, какъ на черномъ баранѣ.

— Страшные, поди... эѳіопы-то эти?

— Какъ тебѣ сказать? Съ непривычки оно точно... опасаясь немного, ну, а потомъ видишь, что другіе люди не боятся, и самъ станешь посмѣлѣе... Много тамъ, братецъ мой, всякой всячины. Придемъ — самъ увидишь. Одно только плохо — лихорадка. Потому кругомъ болота, гниль, а притомъ же жарыща. Тамошнимъ-то жителямъ ничего, не дѣйствуетъ на нихъ, а пришлому человѣку приходится плохо. Одначе будетъ намъ съ тобой, Сергѣй, языками трепать. Лѣзь-ка въ калитку. На этой дачѣ господа живутъ очень хорошіе... Ты меня спроси: ужъ я все знаю!

Но дещь выдался для нихъ неудачный. Изъ однихъ

мѣсть ихъ прогоняли, едва завидѣвъ издали, въ другихъ, при первыхъ же хриплыхъ и гнусавыхъ звукахъ шарманки, досадливо и нетерпѣливо махали на нихъ съ балконовъ руками, въ третьихъ прислуга заявляла, что «господа еще не пріѣхамши». На двухъ дачахъ имъ, правда, заплатили за представленіе, но очень мало. Впрочемъ, дѣдушка никакой низкой платой не гнушался. Выходя изъ ограды на дорогу, онъ съ довольнымъ видомъ побрякивалъ въ карманѣ мѣдяками и говорилъ добродушно :

— Двѣ да пять, итого семь копеекъ... Что жъ, братъ Сереженька, и это деньги. Семь разъ по семи,—вотъ онъ и полтинникъ набѣжалъ, значить, всѣ мы трое сыты, и ночлегъ у насъ есть, и старичку Лодыжкину по его слабости можно рюмочку пропустить, недуговъ многихъ ради... Эхъ, не понимаютъ этого господя! Двугривенный дать ему жалко, а пятакъ стыдно... ну и велѣть итти прочь. А ты лучше дай хошь три копейки... Я вѣдь не обижаюсь, я ничего... зачѣмъ обижаться?

Вообще Лодыжкинъ былъ скромнаго нрава и, даже когда его гнали, не ропталъ. Но сегодня и его вывела изъ обычнаго благодушнаго спокойствія одна красивая, полная, съ виду очень добрая дама, владѣлица прекрасной дачи, окруженной садомъ съ цвѣтами. Она внимательно слушала музыку, еще внимательнѣе глядѣла на акробатическія упражненія Сергѣя и на смѣшныя «штучки» Арто, послѣ этого долго и подробно спрашивала мальчика о томъ, сколько ему лѣтъ и какъ его зовутъ, гдѣ онъ выучился гимнастикѣ, кѣмъ ему приходится старикъ, чѣмъ занимались его родители и т. д.; потомъ приказала подождать и ушла въ комнаты.

Она не появлялась минутъ десять, а то и четверть часа, и чѣмъ дальше тянулось время, тѣмъ болѣе разрастались у артистовъ неопредѣленные, но заманчивыя

надежды. Дѣдушка даже шепнулъ мальчугану, прикрывъ изъ осторожности ротъ ладонью, какъ щиткомъ:

— Ну, Сергѣй, счастье наше, ты только слушай меня: я, братъ, все знаю. Можетъ-быть, изъ платья что-нибудь дастъ или изъ обуви. Это ужъ вѣрно!..

Наконецъ барыня вышла на балконъ, швырнула сверху въ подставленную шляпу Сергѣя маленькую бѣлую монетку и тотчасъ же скрылась. Монета оказалась старымъ, стертымъ съ обѣихъ сторонъ и вдобавокъ дырявымъ гривенникомъ. Дѣдушка долго съ недоумѣніемъ разсматривалъ ее. Онъ уже вышелъ на дорогу и отошелъ далеко отъ дачи, но все еще держалъ гривенникъ на ладони, какъ будто взвѣшивая его.

— Н-да-а... Ловко! — произнесъ онъ, внезапно остановившись. — Могу сказать... А мы-то, три дурня, старались. Ужъ лучше бы она хоть пуговицу дала, что ли. Ту, по крайности, куда-нибудь пришить можно. А что я съ этой дрянью буду дѣлать? Барыня, небось, думаетъ: все равно старикъ кому-нибудь ее ночью спустить, потихоньку, значить. Нѣтъ-съ, очень ошибаетесь, сударыня. Старикъ Лодыжкинъ такой гадостью заниматься не станетъ. Да-съ! Вотъ вамъ вашъ драгоценный гривенникъ! Вотъ!

И онъ съ негодованіемъ и съ гордостью бросилъ монету, которая, слабо звякнувъ, зарылась въ бѣлую дорожную пыль.

Такимъ образомъ старикъ съ мальчикомъ и съ собакой обошли весь дачный поселокъ и ужъ собирались сойти къ морю. По лѣвую сторону оставалась еще одна, послѣдняя дача. Ея не было видно изъ-за высокой бѣлой стѣны, надъ которой, съ той стороны, возвышался плотный строй тонкихъ запыленныхъ кипарисовъ, похожихъ на длинныя черно-сѣрыя веретена. Только сквозь широкія чугунныя ворота, похожія своей причудливою

рѣзьбой на кружево, можно было разсмотрѣть уголокъ свѣжаго, точно зеленый яркій шелкъ, газона, округлыя цвѣточныя клумбы и вдали, на заднемъ планѣ, крытую, сквозную аллею, всю обвитую густымъ виноградомъ. Посрединѣ газона стоялъ садовникъ, поливавшій изъ длиннаго рукава розы. Онъ прикрылъ пальцемъ отверстие трубы, и отъ этого въ фонтанѣ безчисленныхъ брызгъ солнце играло всѣми цвѣтами радуги.

Дѣдушка собирался-было пройти мимо, но, заглянувъ въ ворота, остановился въ недоумѣніи.

— Подожди-ка, малость, Сергѣй,—окликнулъ онъ мальчика. — Никакъ тамъ люди шевелятся? Вотъ такъ исторія. Сколько лѣтъ здѣсь хожу—и никогда ни души. А ну-ка, вали, братъ Сергѣй!

— «Дача Дружба», постороннимъ входъ строго воспрещается, — прочиталъ Сергѣй надпись, искусно выбитую на одномъ изъ столбовъ, поддерживавшихъ ворота.

— Дружба?..—переспросилъ неграмотный дѣдушка.— Во-во! Это самое настоящее слово — дружба. Весь день у насъ заколодило, а ужъ тутъ мы съ тобой возьмемъ. Это я носомъ чую, на манеръ, какъ охотничій песъ. Арто, иси, собачій сынъ. Вали смѣло, Сережа. Ты меня всегда спрашивай: ужъ я все знаю!

III.

Дорожки сада были усыпаны ровнымъ крупнымъ гравіемъ, хрустѣвшимъ подъ ногами, а съ боковъ обставлены большими розовыми раковинами. На клумбахъ, надъ пестрымъ ковромъ изъ разноцвѣтныхъ травъ, возвышались диковинные яркіе цвѣты, отъ которыхъ сладко благоухалъ воздухъ. Въ фонтанахъ журчала и плескалась прозрачная вода; изъ красивыхъ вазъ, висѣвшихъ въ воздухѣ между деревьями, спускались гирляндами внизъ вьющіяся растенія, а передъ домомъ, на мраморныхъ стол-

бахъ, стояли два блестящіе зеркальные шара, въ которыхъ странствующая труппа отразилась вверхъ ногами, въ смѣшномъ, изогнутомъ и растянутомъ видѣ.

Передъ балкономъ была большая утоптанная площадка. Сергѣй разстелилъ на ней свой коврикъ, а дѣдушка, установивъ шарманку на палкѣ, уже приготовился вертѣть ручку, какъ вдругъ неожиданное и странное зрѣлище привлекло ихъ вниманіе.

На террасу изъ внутреннихъ комнатъ выскочилъ какъ бомба, издавая пронзительные крики, мальчикъ лѣтъ восьми или десяти. Онъ былъ въ легкомъ матросскомъ костюмчикѣ, съ обнаженными руками и голыми колѣнками. Бѣлокурые волосы, всѣ въ крупныхъ локонахъ, растрепались у него небрежно по плечамъ. Слѣдомъ за мальчикомъ выбѣжало еще шесть человѣкъ: двѣ женщины въ фартукахъ; старый толстый лакей во фракѣ, безъ усовъ и безъ бороды, но съ длинными сѣдыми бакенбардами; сухопарая, рыжая, красноносая дѣвица въ синемъ клѣтчатомъ платьѣ; молодая, болѣзненнаго вида, но очень красивая дама въ кружевномъ голубомъ капотѣ и наконецъ толстый лысый господинъ въ чесунчовой парѣ и въ золотыхъ очкахъ. Всѣ они были сильно встревожены, махали руками, говорили громко и даже толкали другъ друга. Сразу можно было догадаться, что причиной ихъ безпокойства является мальчикъ въ матросскомъ костюмѣ, такъ внезапно вылетѣвшій на террасу.

Между тѣмъ виновникъ этой суматохи, ни на секунду не прекращая своего визга, съ разбѣгу повалился животомъ на камешный полъ, быстро перекатился на спину и съ сильнымъ ожесточеніемъ принялся дрыгать руками и ногами во всѣ стороны. Взрослые засуетились вокругъ него. Старый лакей во фракѣ прижималъ съ умоляющимъ видомъ обѣ руки къ накрахмаленной рубашкѣ, трясъ своими длинными бакенбардами и говорилъ жалобно:

— Батюшка, баринъ!.. Николай Аполлоновичъ!.. Не извольте огорчать маменьку-съ — встаньте... Будьте столь добренькіе — выкушайте-съ. Микстурка очень сладенькая, одинъ суропъ-съ. Извольте подняться...

Женщины въ фартукахъ всплескивали руками и щебетали скоро-скоро, подобострастными и испуганными голосами. Красноносая дѣвица кричала съ трагическими жестами что-то очень трогательное, но совершенно непонятное, очевидно, на иностранномъ языкѣ. Разсудительнымъ басомъ уговаривалъ мальчика господинъ въ золотыхъ очкахъ; при этомъ онъ наклонялъ голову то на одинъ, то на другой бокъ и степенно разводилъ руками. А красивая, болѣзненная дама томно стонала, прижимая тонкій кружевной платокъ къ глазамъ.

— Ахъ, Трилли, ахъ, Боже мой!.. Ангелъ мой, я умоляю тебя. Послушай же, мама тебя умоляетъ. Ну, прими же, прими лѣкарство; увидишь, тебѣ сразу-сразу станетъ легче: и животикъ пройдетъ и головка. Ну, сдѣлай это для меня, моя радость! Ну, хочешь, Трилли, мама станетъ передъ тобой на колѣни? Ну, вотъ, смотри, я на колѣняхъ передъ тобой. Хочешь, я тебѣ подарю золотой? Два золотыхъ? Пять золотыхъ, Трилли? Хочешь живого ослика? Хочешь живую лошадку?.. Да скажите же ему что-нибудь, докторъ!..

— Послушайте, Трилли, будьте же мужчиной, — загудѣлъ толстый господинъ въ очкахъ.

— Ай-яй-яй-я-а-а-а! — вопилъ мальчикъ, извиваясь по балкону и отчаянно болтая ногами.

Несмотря на свое крайнее волненіе, онъ все-таки норовилъ попадать каблуками въ животы и въ ноги возмущенныхъ вокругъ него людей, которые отъ этого, впрочемъ, довольно ловко уклонялись.

Сергѣй, долго глядѣвшій съ любопытствомъ и удивленіемъ на эту сцену, тихонько толкнулъ старика въ бокъ.

— Дѣдушка Лодыжкинъ, что же это такое съ нимъ? — спросилъ онъ шопотомъ. — Никакъ драть его будутъ?

— Ну вотъ, драть... Такой самъ всякаго поѣкетъ. Просто, — блажной мальчишка. Больной, должно-быть.

— Шамашедшій? — догадался Сергѣй.

— А я почему знаю. Тише!..

— Ай-яй-а-а! Дряни! Дураки!.. — надрывался все громче и громче мальчикъ.

— Начинай, Сергѣй. Я знаю! — распорядился вдругъ Лодыжкинъ и съ рѣшительнымъ видомъ завертѣлъ ручку шарманки.

По саду понеслись гнусавые, сильные, фальшивые звуки стариннаго галопа. Всѣ на балконѣ разомъ встрепенулись, даже мальчикъ замолчалъ на нѣсколько секундъ.

— Ахъ, Боже мой, они еще больше разстроятъ бѣднаго Трилли! — воскликнула плачевно дама въ голубомъ капотѣ. — Ахъ, да прогоните же ихъ, прогоните скорѣе! И эта грязная собака съ ними. У собакъ всегда такія ужасныя болѣзни. Что же вы стоите, Иванъ, точно монументъ?

Она съ усталымъ видомъ и съ отвращеніемъ замаха платкомъ на артистовъ, сухопарая красноносая дѣвица сдѣлала страшные глаза, кто-то угрожающе зашипѣлъ... Человѣкъ во фракѣ быстро и мягко скатился съ балкона и съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, широко растопыривъ въ стороны руки, подбѣжалъ къ шарманщику.

— Эт-то что за безобразіе! — захрипѣлъ онъ сдавленнымъ, испуганнымъ и въ то же время начальственно-сердитымъ шопотомъ. — Кто позволилъ? Кто пропустилъ? Маршъ! Вонъ!..

Шарманка, уныло пискнувъ, замолкла.

— Господинъ хорошій, дозвольте вамъ объяснить... — началъ-было деликатно дѣдушка.

— Никакихъ! Маршъ! — закричалъ съ какимъ-то даже свистомъ въ горлѣ фрачный человѣкъ.

Его толстое лицо мигомъ побагровѣло, а глаза невѣроятно-широко раскрылись, точно вдругъ вылѣзли наружу, и заходили колесомъ. Это было настолько страшно, что дѣдушка невольно отступилъ на два шага назадъ.

— Собирайся, Сергѣй, — сказалъ онъ, поспѣшно вскидывая шарманку на спину. — Идемъ!

Но не успѣли они сдѣлать и десяти шаговъ, какъ съ балкона понеслись новые оглушительные крики:

— Ай-яй-яй! Мнѣ! Хочу-у! А-а-а! Д-а-й! Позвать! Мнѣ!

— Но, Трилли!.. Ахъ, Боже мой, Трилли! Ахъ, да воротите же ихъ! — застонала нервная дама. — Фу, какъ вы всѣ безтолковы!.. Иванъ, вы слышите, что вамъ говорятъ? Сейчасъ же позовите этихъ нищихъ!..

— Послушайте! Вы! Эй, какъ васъ? Шарманщики! Вернитесь! — закричало съ балкона нѣсколько голосовъ.

Толстый лакей съ разлетающимися въ обѣ стороны бабенбардами, подпрыгивая, какъ большой резиновый мячъ, бѣгомъ бросился вслѣдъ уходящимъ артистамъ.

— Пост!.. Музыканты! Слушайте-ка, назадъ!.. Назадъ!.. — кричалъ онъ, задыхаясь и махая обѣими руками. — Старичокъ почтенный, — схватилъ онъ, наконецъ, за рукавъ дѣдушку: — заворачивай оглобли! Господа будутъ вашъ пантоминъ смотрѣть. Живо!..

— Н-ну, дѣла! — вздохнулъ, покрутивъ головой, дѣдушка, однако приблизился къ балкону, снялъ шарманку, укрѣпилъ ее передъ собою на палкѣ и заигралъ галопъ съ того самаго мѣста, на которомъ его только-что прервали.

Суета на балконѣ затихла. Барыня съ мальчикомъ и господинъ въ золотыхъ очкахъ подошли къ самымъ периламъ; остальные почтительно оставались на заднемъ

планѣ. Изъ глубины сада пришелъ садовникъ въ фартукѣ и сталъ неподалеку отъ дѣдушки. Откуда-то выльзшій дворникъ помѣстился позади садовника. Это былъ огромный бородатый мужчина съ мрачнымъ, узколобымъ, рябымъ лицомъ. Одѣтъ онъ былъ въ новую розовую рубашку, по которой шли косыми рядами крупныя черныя горошины.

Подъ хриплые, заикающіеся звуки галопъ Сергѣй разостлалъ на землѣ коврикъ, быстро скинулъ съ ногъ парусиновые панталоны (они были сшиты изъ стараго мѣшка и сзади, на самомъ широкомъ мѣстѣ, украшались четырехугольнымъ заводскимъ клеймомъ), сбросилъ съ себя старую куртку и остался въ старенькомъ нитяномъ трико, которое, несмотря на многочисленныя заплаты, ловко охватывало его тонкую, но сильную и гибкую фигуру. У него уже выработались, путемъ подражанія взрослымъ, приемы заправскаго акробата. Взбѣгая на коврикъ, онъ на ходу приложилъ руки къ губамъ, а потомъ широкимъ театральнымъ движеніемъ размахнулъ ихъ въ стороны, какъ бы посылая публикѣ два стремительныхъ поцѣлуя.

Дѣдушка одной рукой непрерывно вертѣлъ ручку шарманки, извлекая изъ нея дребезжащій, кашляющій мотивъ, а другой бросалъ мальчику разные предметы, которые тотъ искусно подхватывалъ на лету. Репертуаръ у Сергѣя былъ небольшой, но работалъ онъ хорошо, «чисто», какъ говорятъ акробаты, и съ охотой. Онъ подкидывалъ вверхъ пустую пивную бутылку, такъ что она нѣсколько разъ перевертывалась въ воздухѣ, и вдругъ, поймавъ ее горлышкомъ на край тарелки, нѣсколько секундъ держалъ ее въ равновѣсіи; жонглировалъ четырьмя костяными шариками, а также двумя свѣчками, которыя онъ одновременно ловилъ въ подсвѣчники; потомъ игралъ сразу тремя различными предметами—вѣе-

ромъ, деревянной сигарой и дождевымъ зонтомъ. Всѣ они летали у него по воздуху, не прикасаясь къ землѣ, и вдругъ; сразу, зонть оказался надъ головой, сигара—во рту, а вѣеръ кокетливо обмахивалъ лицо. Въ заключеніе Сергѣй самъ нѣсколько разъ перекувырнулся на коврѣ, сдѣлалъ «лягушку», показалъ «американскій узелъ» и походилъ на рукахъ. Истощивъ весь запасъ своихъ «трюковъ», онъ опять бросилъ въ публику два поцѣлуя и, тяжело дыша, подошелъ къ дѣдушкѣ, чтобы замѣнить его у шарманки.

Теперь была очередь Арто. Песъ это отлично зналъ и уже давно скакалъ въ волненіи всѣми четырьмя лапами на дѣдушку, вылѣзавшаго бокомъ изъ лямки, и лаялъ на него отрывистымъ, нервнымъ лаемъ. Почему знать, можетъ-быть, умный пудель хотѣлъ этимъ сказать, что, по его мнѣнію, безразсудно заниматься акробатическими упражненіями, когда Реомюръ показываетъ 32 градуса въ тѣни? Но дѣдушка Лодыжкинъ съ хитрымъ видомъ вытащилъ изъ-за спины тонкій кизилевый хлыстикъ. «Такъ я и зналъ!»—съ досадою пролаялъ въ послѣдній разъ Арто и лѣниво, непокорно поднялся на заднія ноги, не сводя моргающихъ глазъ съ хозяина.

— Служить, Арто! Такъ, такъ, такъ... — проговорилъ старикъ, держа надъ головой пуделя хлысть. — Перевернись. Такъ. Перевернись... Еще, еще... Танцуй, собачка, танцуй!.. Садись! Что-ò? Не хочешь? Садись, тебѣ говорятъ. А-а... то-то! Смотри! Теперь поздоровайся съ почтеннѣйшей публикой. Ну! Арто! — грозно возвысилъ голосъ Лодыжкинъ.

«Гавъ!» — брехнулъ съ отвращеніемъ пудель. Потомъ поглядѣлъ, жалобно моргая глазами, на хозяина и добавилъ еще два раза: «гавъ! гавъ!»

— Нѣтъ, не понимаетъ меня мой старикъ! — слышалось въ этомъ недовольномъ лаѣ.

— Вотъ это — другое дѣло. Вѣжливость прежде всего. Ну, а теперь немножко попрыгаемъ, — продолжалъ старикъ, протягивая невысоко надъ землею хлысть. — Алле! Нечего, братъ, языкъ-то высовывать. Алле!.. Гопъ! Прекрасно. А пу-ка еще, нохъ ейнъ маль... Алле!.. Гопъ! Алле! Гопъ! Чудесно, собачка. Придемъ домой, я тебѣ морковки дамъ. А, ты морковку не кушаешь? Я и забылъ совсѣмъ. Тогда возьми мою чилиндру и попроси у господъ. Можетъ-быть, они тебѣ преподаряютъ что-нибудь повкуснѣе.

Старикъ поднялъ собаку на заднія лапы и всунулъ ей въ ротъ свой древній, засаленный картузь, который онъ съ такимъ тонкимъ юморомъ называлъ «чилиндрой». Держа картузь въ зубахъ и жеманно переступая присѣдающими ногами, Арто подошелъ къ террасѣ. Въ рукахъ у болѣзненной дамы появился маленькій перламутровый кошелекъ. Всѣ окружающіе сочувственно улыбались.

— Чтò? Не говорилъ я тебѣ? — задорно шепнулъ дѣдушка, наклоняясь къ Сергѣю. — Ты меня спроси: ужъ я, братъ, все знаю. Никакъ не меньше рубля.

Въ это время съ террасы раздавался такой отчаянный, рѣзкій, почти нечеловѣческій вопль, что растерявшійся Арто выронилъ изо рта шапку и вприпрыжку, съ поджатымъ хвостомъ, боязливо оглядываясь назадъ, бросился къ ногамъ своего хозяина.

— Хочу-у-а-а! — закатывался, топая ногами, кудрявый мальчикъ. — Мнѣ! Хочу! Собаку-у-у! Трилли хочеть соба-а-аку-у...

— Ахъ, Боже мой! Ахъ! Николай Аполлонычъ!.. Батюшка-баринъ!.. Успокойся, Трилли, умоляю тебя! — опять засуетились люди на балконѣ.

— Собаку! Подай собаку! Хочу! Дряни, черти, дураки! — выходилъ изъ себя мальчикъ.

— Но, ангель мой, не разстраивай себя! — залепе-

тала надъ нимъ дама въ голубомъ капотѣ. — Ты хочешь погладить собачку? Ну, хорошо, хорошо, моя радость, сейчасъ. Докторъ, какъ вы полагаете, можно Трилли погладить эту собаку?

— Вообще говоря, я не совѣтовалъ бы, — развелъ тотъ руками: — но если надежная дезинфекція, напри- мѣръ, борной кислотой или слабымъ растворомъ карбо- ловки, то-о... вообще...

— Соба-а-аку!

— Сейчасъ, моя прелесть, сейчасъ. Итакъ, докторъ, мы прикажемъ вымыть ее борной кислотой и тогда... Но, Трилли, не волнуйся же такъ! Старикъ, подведите, по- жалуйста, вашу собаку сюда. Не бойтесь, вамъ запла- тять. Слушайте, она у васъ не больная? Я хочу спро- сить, она не бѣшеная? Или, можетъ-быть, у нея эхи- нококки?

— Не хочу погладить, не хочу! — ревъль Трилли, пуская ртомъ и носомъ пузыри. — Хочу совсѣмъ! Ду- раки, черти! Совсѣмъ мнѣ! Хочу самъ играть... На- всегда!

— Послушайте, старикъ, подойдите сюда, — силилась перекричать его барыня. — Ахъ, Трилли, ты убьешь маму своимъ крикомъ. И зачѣмъ только пустили этихъ музы- кантовъ! Да подойдите же ближе, еще ближе... еще, вамъ говорятъ!.. Вотъ такъ... Ахъ, не огорчайся же, Трилли, мама сдѣлаетъ все, что хочешь. Умоляю тебя. Миссъ, да успокойте же наконецъ ребенка... Док- торъ, прошу васъ... Сколько же ты хочешь, старикъ?

Дѣдушка снялъ картузъ. Лицо его приняло почтительно- жалкое выраженіе.

— Сколько вашей милости будетъ угодно, барыня, ваше высокопревосходительство... Мы люди маленькіе, намъ всякое даяніе — благо... Чай, сами старичка не обидите...

— Ахъ, какъ вы безтолковы! Трилли, у тебя заболитъ горлышко. Вѣдь поймите, что собака ваша, а не моя. Ну, сколько? Десять? Пятнадцать? Двадцать?

— А-а-а! Хочу-у! Дайте собаку, дайте собаку, — взвизгивалъ мальчикъ, толкая лакея въ круглый животъ ногой.

— То-есть... простите, ваше сіятельство, — замаялся Лодыжкинъ. — Я — человекъ старый, глупый... Сразу-то мнѣ не понять... къ тому же и глуховать малость... т.-е. какъ это вы изволите говорить?... За собаку?..

— Ахъ, мой Богъ!.. Вы, кажется, нарочно притворяетесь идиотомъ? — вскипѣла дама. — Няня, дайте поскорѣе Трилли воды! Я васъ спрашиваю русскимъ языкомъ, за сколько вы хотите продать вашу собаку? Понимаете, вашу собаку, собаку...

— Собаку! Соба-аку! — залился громче прежняго мальчикъ.

Лодыжкинъ обидѣлся и надѣлъ на голову картузь.

— Собаками, барыня, не торгую-сь, — сказалъ онъ холодно и съ достоинствомъ. — А этотъ песъ, сударыня, можно сказать, насъ двоихъ, — онъ показалъ большимъ пальцемъ черезъ плечо на Сергѣя:—насъ двоихъ кормить, поить и одѣваетъ. И никакъ этого невозможно, что, напримѣръ, продать.

Трилли между тѣмъ кричалъ съ пронзительностью паровознаго свистка. Ему подали стаканъ воды, но онъ яростно выплеснулъ его въ лицо гуверпанткѣ.

— Да послушайте же, безумный старикъ!.. Нѣтъ вещи, которая бы не продавалась, — настаивала дама, стискивая свои виски ладонями. — Миссъ, вытрите поскорѣе лицо и дайте мнѣ мой мигренинъ. Можетъ-быть, ваша собака стоить сто рублей? Ну, двѣсти? Триста? Да отвѣчайте же, истуканъ! Докторъ, скажите ему что-нибудь, ради Бога.

— Собирайся, Сергѣй, — угрюмо проворчалъ Лодыжкинъ. — Исту-ка-нъ... Арто, иди сюда!..

— Э-э, постой-ка, любезный, — начальственнымъ басомъ протянулъ толстый господинъ въ золотыхъ очкахъ. — Ты бы лучше не ломался, мой милый, вотъ что тебѣ скажу. Собакѣ твоей десять рублей красная цѣна, да еще вмѣстѣ съ тобой на придачу... Ты подумай, осель, сколько тебѣ даютъ!

— Покорнѣйше васъ благодарю, баринъ, а только... — Лодыжкинъ, кряхтя, вскинулъ шарманку за плечи. — Только никакъ это дѣло не выходитъ, чтобы, значить, продавать. Ужъ вы лучше гдѣ-нибудь другого кобелька поищите... Счастливо оставаться... Сергѣй, иди впередъ!

— А паспортъ у тебя есть? — вдругъ грозно взревѣлъ докторъ. — Я васъ знаю, каналы!

— Дворникъ! Семень! Гоните ихъ! — закричала съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ барыня.

Мрачный дворникъ въ розовой рубахѣ со зловѣщимъ видомъ приблизился къ артистамъ. На террасѣ поднялся страшный, разноголосый гамъ: ревѣлъ благимъ матомъ Трилли, стонала его мать, скороговоркой причитали нянька съ поднянькой, густымъ басомъ, точно разсерженный шмель, гудѣлъ докторъ. Но дѣдушка и Сергѣй ужъ не имѣли времени посмотреть, чѣмъ все это кончится. Предшествуемые изрядно струсившимъ пуделемъ, они почти бѣгомъ спѣшили къ воротамъ. А слѣдомъ за ними шелъ дворникъ, подталкивая старика сзади, въ шарманку, и говорилъ угрожающимъ голосомъ:

— Шляетесь здѣсь, лабарданцы! Благодарите еще Бога, что по шеѣ, старый хрѣнъ, не заработалъ. А въ другой разъ придешь, такъ и знай, стѣсняться съ тобой не стану, намнѣ загривокъ и стащу къ господину вряднику. Шантрапа!

Долгое время старикъ и мальчикъ шли молча, но вдругъ,

точно по уговору, взглянули другъ на друга и разсмѣялись: сначала захохоталъ Сергѣй, а потомъ, глядя на него, но съ нѣкоторымъ смущеніемъ, улыбнулся и Лодыжкинъ.

— Что, дѣдушка Лодыжкинъ? Ты все знаешь? — поддразнилъ его лукаво Сергѣй.

— Да-а, братъ. Обмишулились мы съ тобой, — покачалъ головой старый шарманщикъ. — Язвительный однако мальчугашка... Какъ его, такого, вырастили, шутъ его возьми? Скажите на милость: двадцать пять человѣкъ вокругъ него танцы танцуютъ. Ну ужъ, будь въ моей власти, я бы ему прописа-алъ ижу. Подавай, говоритъ, собаку? Этакъ что же? Онъ и луну съ неба захочетъ, такъ подавай ему и луну? Поди сюда, Арто, поди, моя собаченька. Ну, и денекъ сегодня задался. Удивительно!

— На что лучше! — продолжалъ ехидничать Сергѣй. — Одна барыня платье подарила, другая цѣлковый дала. Все ты, дѣдушка Лодыжкинъ, напередъ знаешь.

— А ты помалкивай, огарокъ, — добродушно отрызнулся старикъ. — Какъ отъ дворника-то улепетывалъ, помнишь? Я думалъ, и не догнать мнѣ тебя. Серьезный мужчина — этотъ дворникъ.

Выйдя изъ парка, бродячая труппа спустилась крутой, сыпучей тропинкой къ морю. Здѣсь горы, отступивъ немного назадъ, дали мѣсто неширокой плоской полосѣ, покрытой ровными, обточенными прибоемъ камнями, о которые теперь съ тихимъ шелестомъ ласково плескалось море. Саженьяхъ въ двухстахъ отъ берега кувыркались въ водѣ дельфины, показывая изъ нея на мгновение свои жирныя, круглыя спины. Вдали на горизонтѣ, тамъ, гдѣ голубой атласъ моря окаймлялся темно-синей бархатной лептой, неподвижно стояли стройные, чуть-чуть розовые на солнцѣ, паруса рыбачьихъ лодокъ.

— Тутъ и выкупаемся, дѣдушка Лодыжкинъ, — ска-

залъ рѣшительно Сергѣй. На ходу онъ уже успѣлъ, прыгая то на одной, то на другой ногѣ, стащить съ себя панталоны. — Давай, я тебѣ пособлю оргѧнъ снять.

Онъ быстро раздѣлся, звонко хлопнулъ себя ладонями по голому, шоколадному отъ загара тѣлу и бросился въ воду, подымая вокругъ себя бугры кипящей пѣны.

Дѣдушка раздѣвался не торопясь. Прикрывъ глаза ладонью отъ солнца и щурясь, онъ съ любовной усмѣшкой глядѣлъ на Сергѣя.

«Ничего себѣ, растеть паренекъ, — думалъ Лодыжкинъ: — даромъ, что костлявый — вонъ всѣ ребра видать, а все-таки будетъ парень крѣпкій».

— Эй, Сережка! Ты больно далече-то не плавай. Морская свинья утащить.

— А я ее за хвостъ! — крикнулъ издали Сергѣй.

Дѣдушка долго постоялъ на солнышкѣ, щупая у себя подъ мышками. Въ воду онъ сошелъ очень осторожно и, прежде чѣмъ окунуться, старательно мочилъ себѣ красное лысое темя и впалые бока. Тѣло у него было желтое, дряблое и безсильное, ноги — поразительно тонкія, а спина съ выдавшимися острыми лопатками была сгорблена отъ долголѣтняго тасканія шарманки.

— Дѣдушка Лодыжкинъ, гляди! — крикнулъ Сергѣй.

Онъ перекувырнулся въ водѣ, закинувъ себѣ ноги черезъ голову. Дѣдушка, уже влѣзшій въ воду по поясъ и присѣдавшій въ ней съ блаженнымъ кряхтѣніемъ, крикнулъ тревожно:

— Ну, а ты не балуйся, поросенокъ. Смотри! Я т-тебя!

Арто неистово лаялъ и скакалъ по берегу. Его безпокоило, что мальчикъ заплылъ такъ далеко. «Къ чему показывать свою храбрость? — волновался пудель. — Есть земля — и ходи по землѣ. Гораздо спокойнѣе».

Онъ и самъ залѣзъ — было въ воду по брюхо и два-

три раза лакнулъ ее языкомъ. Но соленая вода ему не понравилась, а легкія волны, шуршавшія о прибрежный гравій, пугали его. Онъ выскочилъ на берегъ и опять принялся лаять на Сергѣя. «Къ чему эти дурацкіе фокусы? Сидѣлъ бы у берега, рядомъ со старикомъ. Ахъ, сколько безпокойства съ этимъ мальчишкой!»

— Эй, Сережа, вылѣзай, что ли, въ самомъ дѣлѣ, будетъ тебѣ! — позвалъ старикъ.

— Сейчасъ, дѣдушка Лодыжкинъ, — отозвался мальчикъ. — Смотри, какъ я пароходомъ плыву. У-у-у-ухъ!

Онъ наконецъ подплылъ къ берегу, но, прежде чѣмъ одѣться, схватилъ на руки Арто и, вернувшись съ нимъ въ море, бросилъ его далеко въ воду. Собака тотчасъ же поплыла назадъ, выставивъ наружу только одну морду со всплывшими наверхъ ушами, громко и обиженно фыркая. Выскочивъ на сушу, она затряслась всѣмъ тѣломъ, и тучи брызгъ полетѣли на старика и на Сергѣя.

— Постой-ка, Сережа, никакъ это къ намъ? — сказалъ Лодыжкинъ, пристально глядя вверхъ, на гору.

По тропинкѣ быстро спускался внизъ, неразборчиво крича и махая руками, тотъ самый мрачный дворникъ въ розовой рубахѣ съ черными горошинами, который четверть часа назадъ гналъ странствующую трупку съ дачи.

— Что ему надо? — спросилъ съ недоумѣніемъ дѣдушка.

IV.

Дворникъ продолжалъ кричать, сбѣгая внизъ неловкой рысью, причемъ рукава его рубахи трепались по вѣтру, а пазуха надувалась, какъ парусъ.

— О-го-го!.. Подождите трошки!..

— А чтобъ тебя намочило да не высушило, — сер-

дито проворчалъ Лодыжкинъ. — Это онъ опять насчетъ Артошки.

— Давай, дѣдушка, накладемъ ему! — храбро предложилъ Сергѣй.

— А ну тебя, отвяжись... И что это за люди, прости Господи...

— Вы вотъ что... — началъ запыхавшійся дворникъ еще издали. — Продавайте, что ли, пса-то? Ну, никакого сладу съ панычомъ. Реветъ, какъ теля. «Подай да подай собаку»... Барыня послала, купи, говорить, чего бы ни стоило.

— Довольно даже глупо это со стороны твоей барыни! — разсердился вдругъ Лодыжкинъ, который здѣсь, на берегу, чувствовалъ себя гораздо увѣреннѣе, чѣмъ на чужой дачѣ. — И опять-таки какая она мнѣ такая барыня? Тебѣ, можетъ-быть, барыня, а мнѣ двоюродное наплевать. И пожалуйста... я тебя прошу... Уйди ты отъ насъ, Христа ради... и того... и не приставай.

Но дворникъ не унимался. Онъ сѣлъ на камни, рядомъ со старикомъ, и говорилъ, неуклюже тыча передъ собой пальцами:

— Да пойми же ты, дуракъ-человѣкъ...

— Отъ дурака и слышу, — спокойно отрѣзалъ дѣдушка.

— Да постой... не къ тому я это... Вотъ, право, репей какой... Ты подумай: ну что тебѣ собака? Подобралъ другого щенка, выучилъ стоять дыбки, вотъ тебѣ и снова песъ. Ну? Не правду, что ли, я говорю? А?

Дѣдушка внимательно завязывалъ ремень вокругъ штановъ. На настойчивые вопросы дворника онъ отвѣтилъ съ дѣланнымъ равнодушіемъ:

— Бреши дальше... Я потомъ сразу тебѣ отвѣчу.

— А тутъ, братъ ты мой, сразу — цифра! — горячился дворникъ. — Двѣсти, а не то триста цѣлковыхъ въ разѣ!

Ну, обыкновенно миѣ кое-что за труды... Но ты подумай только: три сотенныхъ! Вѣдь это сразу можно бакалейную открыть...

Говоря такимъ образомъ, дворникъ вытащилъ изъ кармана кусокъ колбасы и швырнулъ его пуделю. Арто поймалъ его на лету, проглотилъ въ одинъ пріемъ и искаательно завилялъ хвостомъ.

— Кончилъ? — коротко спросилъ Лодыжкинъ.

— Да тутъ долго и кончатъ нечего. Давай пса — и по рукамъ.

— Та-акъ-съ, — насмѣшливо протянулъ дѣдушка. — Продать, значить, собачку?

— Обыкновенно — продать. Чего вамъ еще? Главное, панычъ у насъ такой скаженный *). Чего захотѣлось, такъ весь домъ перебулгачить. Подавай — и все тутъ. Это еще безъ отца, а при отцѣ... святители вы наши!.. всѣ вверхъ ногами ходятъ. Баринъ у насъ инженеръ, можетъ - быть, слышали, господинъ Обольяниновъ? По всей Россіи желѣзныя дороги строятъ. Мельонеръ! А мальчишка-то у насъ одинъ. И озоруетъ. Хочу пони живую — на тебѣ пони. Хочу лодку — на тебѣ всамдѣлишнюю лодку. Какъ есть ни въ чемъ, ни въ чемъ отказу...

— А луну?

— То-есть въ какихъ это смыслахъ?

— Говорю, луну опъ ни разу съ неба не захотѣлъ?

— Ну вотъ... тоже скажешь — луну! — сконфузился дворникъ. — Такъ какъ же, милъ человекъ, лады у насъ, что ли?

Дѣдушка, который успѣлъ уже въ это время напялить на себя коричневый, позеленѣвшій на швахъ шиджакъ, гордо выпрямился, насколько ему позволяла вѣчно согнутая спина.

*) Сумасшедшій (малороссійское слово).

— Я тебѣ одно скажу, парень, — началъ онъ не безъ торжественности. — Примѣрно, ежели бы у тебя былъ братъ, или, скажемъ, другъ, который, значить, съ самага сыздѣтства. Постои, друже, ты собакѣ колбасу даромъ не сгравляй... самъ лучше скушай... этимъ, братъ, ее не подкупишь. Говорю, ежели бы у тебя былъ самый что ни на есть вѣрный другъ... который сыздѣтства... То за сколько бы ты его, примѣрно, продалъ?

— Прировнялъ тоже!..

— Вотъ те и прировнялъ. Ты такъ и скажи своему барину, который желѣзную дорогу строить, — возвысилъ голосъ дѣдушка. — Такъ и скажи: не все, молъ, продается, что покупается. Да! Ты собаку-то лучше не гладь, это ни къ чему. Арто, иди сюда, собачій сынъ, я т-тебѣ! Сергѣй, собирайся.

— Дуракъ ты старый, — не вытерпѣлъ наконецъ дворникъ.

— Дуракъ, да отъ роду такъ, а ты хамъ, Іуда, продажная душа, — выругался Лодыжкинъ. — Увидишь свою генеральшу, кланяйся ей, скажи: отъ нашихъ, молъ, съ любовью низкій поклонъ. Свертывай коверъ, Сергѣй! Э-эхъ, спина моя, спинушка! Пойдемъ.

— Значить, та-акъ! — многозначительно протянулъ дворникъ.

— Съ тѣмъ и возьмите! — задорно отвѣтилъ старикъ.

Артисты пошлелись вдоль морского берега, опять вверхъ, по той же дорогѣ. Оглянувшись случайно назадъ, Сергѣй увидѣлъ, что дворникъ слѣдитъ за ними. Видъ у него былъ задумчивый и угрюмый. Онъ сосредоточенно чесалъ всей пятерней, подъ съѣхавшей на глаза шапкой, свой лохматый рыжій затылокъ.

V.

У дѣдушки Лодыжкина былъ давнымъ-давно примѣченъ одинъ уголокъ между Мисхоромъ и Алупкой, книзу отъ нижней дороги, гдѣ отлично можно было позавтракать. Туда онъ и повелъ своихъ спутниковъ. Неподалеку отъ моста, перекинутаго черезъ бурливый и грязный горный потокъ, выбѣгала изъ-подъ земли, въ тѣни кривыхъ дубовъ и густого орѣшника, говорливая, холодная струйка воды. Она продѣлала въ почвѣ круглый неглубокій водоемъ, изъ котораго сбѣгала въ ручей тонкой змѣйкой, блестящей въ травѣ, какъ живое серебро. Около этого родника по утрамъ и по вечерамъ всегда можно было застать набожныхъ турокъ, пившихъ воду и творившихъ свои священные омовенія.

— Грѣхи наши тяжкіе, а запасы скудные, — сказалъ дѣдушка, садясь въ прохладѣ подъ орѣшникомъ. — Ну-ка, Сережа, Господи, благослови!

Онъ вынулъ изъ холщеваго мѣшка хлѣбъ, десятокъ красныхъ помидоровъ, кусокъ бессарабскаго сыра «брынзы» и бутылку съ прованскимъ масломъ. Соль была у него завязана въ узелокъ тряпочки сомнительной чистоты. Передъ ѣдой старикъ долго крестился и что-то шепталъ. Потомъ онъ разломилъ краюху хлѣба на три неровныя части: одну, самую большую, онъ протянулъ Сергѣю (малый растеть — ему надо ѣсть), другую, поменьше, оставилъ для пуделя, самую маленькую взялъ себѣ.

— Во имя Отца и Сына. Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ, — шепталъ онъ, суетливо распредѣляя порціи и поливая ихъ изъ бутылки масломъ. — Вкушай, Сережа!

Не торопясь, медленно, въ молчаніи, какъ ѣдятъ настоящіе труженики, принялись трое за свой скромный обѣдъ. Слышно было только, какъ жевали три пары че-

люстей. Арто Ёль свою долю въ сторонкѣ, растянувшись на животѣ и положивъ на хлѣбъ обѣ переднія лапы. Дѣдушка и Сергѣй поочередно макали въ соль спѣлые помидоры, изъ которыхъ текъ по ихъ губамъ и рукамъ красный, какъ кровь, сокъ, и заѣдали ихъ сыромъ и хлѣбомъ. Насытившись, они напились воды, подставляя подъ струю источника жестяную кружку. Вода была прозрачная, прекрасная на вкусъ и такая холодная, что отъ нея кружка даже запотѣла снаружи. Дневной жаръ и длинный путь изморили артистовъ, которые встали сегодня чуть свѣтъ. У дѣдушки слипались глаза. Сергѣй зѣвалъ и потягивался.

— Что, братику, развѣ намъ лечь поспать на минутку? — спросилъ дѣдушка. — Дай-ка я въ послѣдній разъ водицы попью. Ухъ, хорошо! — крякнулъ онъ, отнимая отъ кружки ротъ и тяжело переводя дыханіе, между тѣмъ какъ свѣтлыя капли бѣжали съ его усовъ и бороды. — Если бы я былъ царемъ, все бы эту воду пилъ... съ утра бы до ночи! Арто, пси, сюда! Ну вотъ, Богъ напиталъ, никто не видалъ, а кто и видѣлъ, тотъ не обидѣлъ... Охъ-охъ-охонюшки-и!

Старикъ и мальчикъ легли рядомъ на травѣ, подмостивъ подъ головы свои старые пиджаки. Надъ ихъ головами шумѣла темная листва корявыхъ, раскидистыхъ дубовъ. Сквозь нее синѣло чистое голубое небо. Ручей, сбѣгавшій съ камня на камень, журчалъ такъ однообразно и такъ вкрадчиво, точно завораживалъ кого-то своимъ усыпительнымъ лепетомъ. Дѣдушка нѣкоторое время ворочался, кряхтѣлъ и говорилъ что-то, но Сергѣю казалось, что голосъ его звучитъ изъ какой-то мягкой и сонной дали, а слова были непонятны, какъ въ сказкѣ.

— Перво дѣло — куплю тебѣ костюмъ: розовое трико съ золотомъ... туфли тоже розовыя, атласныя... Въ

Кіевѣ, въ Харьковѣ или, на примѣръ, скажемъ, въ городѣ Одессѣ — тамъ, братъ, во какіе цирки!.. Фонарей видимо-невидимо... все электричество горитъ... Народу, можетъ-быть, тысячъ пять, а то и больше... почему я знаю? Фамилію мы тебѣ сочинимъ непременно итальянскую. Что такая за фамилія Естифеевъ, или, скажемъ, Лодыжкинъ? Чепуха одна — нѣтъ никакого въ ней воображенія. А мы тебя въ афишѣ запустимъ — Антонию, или, на примѣръ, тоже хорошо — Энрико или Альфонзо...

Дальше мальчикъ ничего не слыхалъ. Нѣжная и сладкая дремота овладѣла имъ, сковавъ и обезсиливъ его тѣло. Заснулъ и дѣдушка, потерявшій вдругъ нить своихъ любимыхъ послѣобѣденныхъ мыслей о блестящемъ цирковомъ будущемъ Сергѣя. Одинъ разъ ему сквозь сонъ показалось, что Арто на кого-то рычитъ. На мгновеніе въ его затуманенной головѣ скользнуло полусознательное и тревожное воспоминаніе о давешнемъ дворникѣ въ розовой рубахѣ, но, разморенный сномъ, усталостью и жарой, онъ не смогъ встать, а только лѣниво, съ закрытыми глазами, окликнулъ собаку:

— Арто... куда? Я т-тебя, бродяга!

Но мысли его тотчасъ же спутались и расплылись въ тяжелыхъ и безформенныхъ видѣніяхъ.

Разбудилъ дѣдушку голосъ Сергѣя. Мальчикъ бѣгалъ назадъ и впередъ по той сторонѣ ручья, пронзительно свисталъ и кричалъ громко, съ безпокойствомъ и испугомъ:

— Арто, иси! Назадъ! Фью, фью, фью! Арто, назадъ!

— Ты что, Сергѣй, вопишь? — недовольно спросилъ Лодыжкинъ, съ трудомъ расправляя затекшую руку.

— Собаку мы проспали, вотъ что! — раздраженнымъ голосомъ, грубо отвѣтилъ мальчикъ. — Пропала собака.

Онъ рѣзко свистнулъ и еще разъ закричалъ протяжно:

— Арто-о-о!

— Глушости ты выдумываешь!.. Вернется, — сказалъ дѣдушка. Однако онъ быстро всталъ на ноги и сталъ кричать собаку сердитымъ, сильнымъ со сна, старческимъ фальцетомъ:

— Арто, сюда, собачій сынъ!

Онъ торопливо, мелкими, путающимися шажками перебѣжалъ черезъ мостъ и поднялся вверхъ по шоссе, не переставая звать собаку. Передъ нимъ лежало видное глазу на полверсты, ровное, ярко-бѣлое полотно дороги, но на немъ — ни одной фигуры, ни одной тѣни.

— Арто! Ар-то-шень-ка! — жалобно завылъ старикъ. Но вдругъ онъ остановился, нагнулся низко къ дорогѣ и присѣлъ на корточки.

— Да-а, вотъ оно какое дѣло-то! — произнесъ старикъ упавшимъ голосомъ. — Сергѣй! Сережа, поди-ка сюда.

— Ну, что тамъ еще? — грубо отозвался мальчикъ, подходя къ Лодыжкину. — Вчерашній день нашелъ?

— Сережа... что это такое?.. Вотъ это, что это такое? Ты понимаешь? — еле слышно спрашивалъ старикъ.

Онъ глядѣлъ на мальчика жалкими, растерянными глазами, а его рука, показывавшая прямо въ землю, ходила во всѣ стороны.

На дорогѣ въ бѣлой пыли валялся довольно большой, недоѣденный огрызокъ колбасы, а рядомъ съ нимъ во всѣхъ направленіяхъ отпечатались слѣды собачьихъ лапъ.

— Свелъ вѣдь, подлець, собаку! — испуганно прошепталъ дѣдушка, все еще сидя на корточкахъ. — Не кто, какъ онъ — дѣло ясное... Помнишь, давеча у моря-то онъ все колбасой прикармливалъ.

— Дѣло ясное, — мрачно и со злобой повторилъ Сергѣй.

Широко раскрытые глаза дѣдушки вдругъ наполнились крупными слезами и быстро замигали. Онъ закрылъ ихъ руками.

— Что же намъ теперь дѣлать, Сереженька? А? Дѣлать-то намъ что теперь? — спрашивалъ старикъ, качаясь назадъ и впередъ и беспомощно всхлипывая.

— Что дѣлать, что дѣлать! — сердито передразнилъ его Сергѣй. — Вставай, дѣдушка Лодыжкинъ, пойдёмъ!..

— Пойдёмъ, — уныло и покорно повторилъ старикъ, подымаясь съ земли. — Ну что жъ, пойдёмъ, Сереженька!

Вышедшій изъ терпѣнія Сергѣй закричалъ на старика, какъ на маленькаго:

— Будеть тебѣ, старикъ, дурака-то валять. Гдѣ это видано всамдѣлѣ, чтобы чужихъ собакъ заманивать? Чего ты глазами на меня хлопаешь? Не правду я говорю? Прямо придемъ и скажемъ: «Подавай назадъ собаку!» А нѣтъ — къ мировому, вотъ и весь сказъ.

— Къ мировому... да... конечно... Это вѣрно, къ мировому... — съ бессмысленной, горькой улыбкой повторялъ Лодыжкинъ. Но глаза его неловко и конфузливо забѣгали. — Къ мировому... да... Только вотъ что, Сереженька... не выходитъ это дѣло... чтобы къ мировому...

— Какъ это не выходитъ? Законъ одинъ для всѣхъ. Чего имъ въ зубы смотрѣть? — нетерпѣливо перебилъ мальчикъ.

— А ты, Сережа, не того... не сердись на меня. Собаку-то намъ съ тобой не вернуть. — Дѣдушка таинственно понизилъ голосъ. — Насчетъ пачпорта я опасаюсь. Слыхалъ, что давеча господинъ говорилъ? Спрашиваетъ: «А пачпортъ у тебя есть?» Вотъ она какая исторія. А у меня, — дѣдушка сдѣлалъ испуганное лицо и зашепталъ еле слышно: — у меня, Сережа, пачпортъ-то чужой.

— Какъ чужой?

— То-то вотъ — чужой. Свой я потерялъ въ Таганрогѣ, а можетъ-быть, украли его у меня. Года два я потомъ крутился: прятался, взятки давалъ, писалъ про-

шенія... Наконецъ, вижу, нѣтъ никакой моей возможности, живу точно заяцъ — всякаго опасуюсь. Покою во-все не стало. А тутъ въ Одессѣ, въ ночлежкѣ, под-вернулся одинъ грекъ. «Это, говоритъ, сущіе пустяки. Клади, говоритъ, старикъ, на столъ двадцать пять ру-блей, и я тебя навѣки пачпортомъ обезпечу». Раски-нулъ я умомъ туда-сюда. Эхъ, думаю, пропадай моя го-лова. Давай, говорю. И съ тѣхъ поръ, милый мой, вотъ я и живу по чужому пачпорту.

— Ахъ, дѣдушка, дѣдушка! — глубоко, со слезами въ груди вздохнулъ Сергѣй. — Собаку мнѣ ужъ больно жалко... Собака-то ужъ хороша очень...

— Сереженька, родной мой! — протянулъ къ нему ста-рикъ дрожащія руки. — Да будь только у меня пач-портъ настоящій, развѣ бы я поглядѣлъ, что они гене-ралы? За горло бы взялъ!.. «Какъ такъ? Позвольте! Ка-кое имѣете полное право чужихъ собакъ красть? Какой-такой законъ на это есть?» А теперь намъ крышка, Се-режа. Приду я въ полицію — первое дѣло: «Подавай пач-портъ! Это ты самарскій мѣщанинъ Мартынъ Лодыж-кинъ?» — «Я, вашескродіе». А я, братецъ, и не Лодыж-кинъ вовсе и не мѣщанинъ, а крестьянинъ Иванъ Дуд-кинъ. А кто таковъ этотъ Лодыжкинъ — одинъ Богъ его вѣдаетъ. Почему я знаю, можетъ, воришка какой, или бѣглый каторжникъ? Или, можетъ-быть, даже убивецъ? Нѣтъ, Сережа, ничего мы тутъ не сдѣлаемъ... Ничего, Сережа...

Голосъ у дѣдушки оборвался и захлебнулся. Слезы опять потекли по глубокимъ, коричневымъ отъ загара, морщинамъ. Сергѣй, который слушалъ ослабѣвшаго ста-рика молча, съ плотно сжатыми бровями, блѣдный отъ волненія, вдругъ взялъ его подъ мышки и сталъ по-дымать.

— Пойдемъ, дѣдушка, — сказалъ онъ повелительно и

ласково въ то же время. — Къ чорту пачпортъ, пойдёмъ! Не ночевать же намъ на большой дорогѣ.

— Милый ты мой, родной, — приговаривалъ, трясясь всѣмъ тѣломъ, старикъ. — Собачка-то ужъ очень затѣйная... Артошенька-то нашъ... Другой такой не будетъ у насъ...

— Ладно, ладно... Вставай, — распорядился Сергѣй. — Дай я тебя отъ пыли-то очищу. Совсѣмъ ты у меня раскисъ, дѣдушка.

Въ этотъ день артисты больше не работали. Несмотря на свой юный возрастъ, Сергѣй хорошо понималъ все роковое значеніе этого страшнаго слова «пачпортъ». Поэтому онъ не настаивалъ больше ни на дальнѣйшихъ розыскахъ Арто, ни на мировомъ, ни на другихъ рѣшительныхъ мѣрахъ. Но, пока онъ шелъ рядомъ съ дѣдушкой до ночлега, съ лица его не сходило новое, упрямое и сосредоточенное выраженіе, точно онъ задумалъ про себя что-то чрезвычайно серьезное и большое.

Не сговариваясь, по, очевидно, по одному и тому же тайному побужденію, они нарочно сдѣлали значительный крюкъ, чтобы еще разъ пройти мимо «Дружбы». Передъ воротами они задержались немного, въ смутной надеждѣ увидѣть Арто или хоть услышать издали его лай.

Но рѣзныя ворота великолѣпной дачи были плотно закрыты, и въ тѣнистомъ саду подъ стройными, печальными кипарисами стояла важная, невозмутимая, торжественная тишина.

— Гос-спо-да! — шипящимъ голосомъ произнесъ старикъ, вкладывая въ это слово всю ѣдкую горечь, переполнившую его сердце.

— Будетъ тебѣ, пойдёмъ, — сурово приказалъ мальчикъ и потянулъ своего спутника за рукавъ.

— Сереженька, можетъ, убѣжить отъ нихъ еще Ар-

тошка-то?—вдругъ опять всхлипнулъ дѣдушка. —А? Какъ ты думаешь, милый?

Но мальчикъ не отвѣтилъ старику. Онъ шелъ впередъ большими, твердыми шагами. Его глаза упорно смотрѣли внизъ на дорогу, а тонкія брови сердито сдвинулись къ переносью.

VI.

Молча дошли они до Алупки. Дѣдушка всю дорогу кряхтѣлъ и вздыхалъ, Сергѣй же сохранялъ на лицѣ злое, рѣшительное выраженіе. Они остановились на ночлегъ въ грязной турецкой кофейной, носившей блестящее названіе «Блдызь», что значитъ по-турецки «звѣзда». Въ стѣ съ ними ночевали греки — каменотесы, землекопы— турки, нѣсколько человѣкъ русскихъ рабочихъ, перебивавшихся подневнымъ трудомъ, а также нѣсколько темныхъ, подозрительныхъ бродягъ, которыхъ такъ много шатается по югу Россіи. Всѣ они, какъ только кофейная закрылась въ опредѣленный часъ, разлеглись на скамьяхъ, стоявшихъ вдоль стѣнъ, и прямо на полу, причемъ тѣ, что были поопытнѣе, положили, изъ нелишней предосторожности, себѣ подъ голову все, что у нихъ было наиболѣе цѣннаго изъ вещей и изъ платья.

Было далеко за полночь, когда Сергѣй, лежавшій на полу рядомъ съ дѣдушкой, осторожно поднялся и сталъ безшумно одѣваться. Сквозь широкія окна лился въ комнату блѣдный свѣтъ мѣсяца, стелился косымъ, дрожащимъ переплетомъ по полу и, падая на спящихъ вполвалку людей, придавалъ ихъ лицамъ страдальческое и мертвое выраженіе.

— Ты куда носью ходишь, малцукъ?—сонно окликнулъ Сергѣя у дверей хозяйнѣ кофейной, молодой турокъ Ибрагимъ.

— Пропусти. Надо!—сурово, дѣловымъ тономъ отвѣтилъ Сергѣй.—Да вставай, что ли, турецкая лопатка!

Зѣвая, почесываясь и укоризненно причмокивая языкомъ, Ибрагимъ отперъ двери. Узкія улицы татарскаго базара были погружены въ густую темно-синюю тѣнь, которая покрывала зубчатымъ узоромъ всю мостовую и касалась подножій домовъ другой, освѣщенной стороны, рѣзко бѣлѣвшей въ лунномъ свѣтѣ своими низкими стѣнами. На дальнихъ окраинахъ мѣстечка лаяли собаки. Откуда-то съ верхняго шоссе доносился звонкій и drobный топотъ лошади, бѣжавшей иноходью.

Миновавъ бѣлую, съ зеленымъ куполомъ, въ видѣ луковицы, мечеть, окруженную молчаливой семьей темныхъ кипарисовъ, мальчикъ спустился по тѣсному кривому переулку на большую дорогу. Для легкости Сергѣй не взялъ съ собой верхней одежды, оставшись въ одномъ трико. Мѣсяцъ свѣтилъ ему въ спину, и тѣнь мальчика бѣжала впереди его чернымъ, страннымъ, укороченнымъ силуэтомъ. По обоимъ бокамъ шоссе притаился темный курчавый кустарникъ. Какая-то птичка кричала въ немъ однообразно, черезъ ровные промежутки, тонкимъ, нѣжнымъ голосомъ: «Сплю!.. Сплю!..» И казалось, что она покорно сторожитъ въ ночной тишинѣ какую-то печальную тайну, и бессильно борется со сномъ и усталостью, и тихо, безъ надежды, жалуется кому-то: «Сплю, сплю!..» А надъ темными кустами и надъ синеватыми шапками дальнихъ лѣсовъ возвышался, упираясь своими двумя зубцами въ небо, Ай-Петри,—такой легкой, рѣзкой, воздушный, какъ будто онъ былъ вырѣзанъ изъ гигантскаго куска серебрянаго картона.

Сергѣю было немного жутко среди этого величаваго безмолвія, въ которомъ такъ отчетливо и дерзко раздавались его шаги, но въ то же время въ сердцѣ его разливалась какая-то щекочущая, головокружительная

отвага. На одномъ поворотѣ вдругъ открылось море. Огромное, спокойное, оно тихо и торжественно зыбилось. Отъ горизонта къ берегу тянулась узкая, дрожащая серебряная дорожка; среди моря она пропадала, — лишь кое-гдѣ изрѣдка вспыхивали ея блески, — и вдругъ, у самой земли широко расплескивалась живымъ, сверкающимъ металломъ, опоясывая, точно галунъ, весь берегъ.

Беззвучно проскользнулъ Сергѣй въ деревянную калитку, ведущую въ паркъ. Тамъ, подъ густыми деревьями, было совсѣмъ темно. Издали слышался шумъ неугомоннаго ручья и чувствовалось его сырое, холодное дыханіе. Отчетливо застучала подъ ногами деревянная настилка моста. Вода подъ нимъ была черная и страшная. Вотъ наконецъ и высокія чугунныя ворота; узорчатая, точно кружево, и обвитая ползучими стеблями глициній. Лунный свѣтъ, прорѣзавшись сквозь чащу деревьевъ, скользилъ по рѣзбѣ воротъ слабыми фосфорическими пятнами. По ту сторону былъ мракъ и чутко-пугливая тишина.

Было нѣсколько мгновеній, въ теченіе которыхъ Сергѣй испытывалъ въ душѣ колебаніе, почти страхъ. Но онъ поборолъ въ себѣ эти томительныя чувства и прошепталъ:

— А все-таки я полѣзу! Все равно!

Взобратся ему было нетрудно. Изящныя чугунныя завитки, составлявшіе рисунокъ воротъ, служили вѣрными точками опоры для цѣпкихъ рукъ и маленькихъ мускулистыхъ ногъ. Надъ воротами на большой высотѣ перекинулась со столба на столбъ широкая каменная арка. Сергѣй ощупью взлѣзъ на нее, потомъ, лежа на животѣ, спустилъ ноги внизъ, на другую сторону, и сталъ понемногу стлкивать туда же все туловище, не переставая искать ногами какого-нибудь выступа. Такимъ образомъ онъ уже совсѣмъ перевѣсилъ черезъ арку, держась за ея край только пальцами вытянутыхъ рукъ, но его ноги

все еще не встрѣчали опоры. Онъ не могъ сообразить тогда, что арка надъ воротами выступала внутрь гораздо дальше, чѣмъ кнаружи, и по мѣрѣ того, какъ затекали его руки, и какъ тяжелѣе свисало внизъ обезсилѣвшее тѣло, ужасъ все сильнѣе проникалъ въ его душу.

Наконецъ онъ не выдержалъ. Его пальцы, цѣплявшіеся за острый уголь, разжались, и онъ стремительно полетѣлъ внизъ.

Онъ слышалъ, какъ заскрежеталъ подъ нимъ крупный гравій, и почувствовалъ острую боль въ колѣняхъ. Нѣсколько секундъ онъ стоялъ на четверенькахъ, оглушенный паденіемъ. Ему казалось, что сейчасъ проснутся все обитатели дачи, прибѣжитъ мрачный дворникъ въ розовой рубахѣ, подыметъ крикъ, суматоха... Но, какъ и прежде, въ саду была глубокая, важная тишина. Только какой-то низкій, монотонный, жужжащій звукъ разносился по всему саду:

«Жжу... жжу... жжу»...

«Ахъ, вѣдь это шумитъ у меня въ ушахъ!»—догадался Сергѣй. Онъ поднялся на ноги; все было страшно, таинственно, сказочно-красиво въ саду, точно наполненномъ ароматными снами. На клумбахъ тихо шатались, съ неясной тревогой наклоняясь другъ къ другу, словно перешептываясь и подглядывая, едва видимые въ темнотѣ цвѣты. Стройные, темные, пахучіе кипарисы медленно кивали своими острыми верхушками съ задумчивымъ и укоряющимъ выраженіемъ. А за ручьемъ, въ чащѣ кустовъ, маленькая усталая птичка боролась со сномъ и съ покорной жалобой повторяла:

«Сплю!.. Сплю!.. Сплю!..»

Ночью, среди перепутавшихся на дорожкахъ тѣней, Сергѣй не узнавалъ мѣста. Онъ долго бродилъ по скрипящему гравію, пока не вышелъ къ дому.

Никогда въ жизни мальчикъ не испытывалъ такого му-

чительнаго ощущенія полной безпомощности, заброшенности и одиночества, какъ теперь. Огромный домъ казался ему наполненнымъ безпощадными, притаившимися врагами, которые тайно, съ злобной усмѣшкой слѣдили изъ темныхъ оконъ за каждымъ движеніемъ маленькаго, слабаго мальчика. Молча и нетерпѣливо ждали враги какого-то сигнала, ждали чьего-то гнѣвнаго, оглушительно-грознаго приказанія.

— Только не въ домѣ... въ домѣ ея не можетъ быть! — прошепталь, какъ сквозь сонъ, мальчикъ. — Въ домѣ она выть станетъ, надоѣстъ...

Онъ обошелъ дачу кругомъ. Съ задней стороны, на широкомъ дворѣ было расположено нѣсколько построекъ, болѣе простыхъ и незатѣйливыхъ съ виду, очевидно, предназначенныхъ для прислуги. Здѣсь такъ же, какъ и въ большомъ домѣ, ни въ одномъ окнѣ не было видно огня; только мѣсяць отражался въ темныхъ стеклахъ мертвымъ, неровнымъ блескомъ. «Не уйти мнѣ отсюда, никогда не уйти!..» — съ тоской подумаль Сергѣй. Вспомнился ему на мигъ дѣдушка, старая шарманка, ночлеги въ кофейныхъ, завтраки у прохладныхъ источниковъ. «Ничего, ничего этого больше не будетъ!» — печально повторилъ про себя Сергѣй. Но, чѣмъ безнадежнѣе становились его мысли, тѣмъ болѣе страхъ уступалъ въ его душѣ мѣсто какому-то тупому и спокойно-злобному отчаянію.

Тонкій, словно стонущій визгъ вдругъ коснулся его слуха. Мальчикъ остановился, не дыша, съ напряженными мускулами, вытянувшись на цыпочкахъ. Звукъ повторился. Казалось, онъ исходилъ изъ каменнаго подвала, около котораго Сергѣй стоялъ и который сообщался съ наружнымъ воздухомъ рядомъ грубыхъ, маленькихъ четырехугольныхъ отверстій безъ стеколъ. Ступая по какой-то цвѣточной куртинѣ, мальчикъ подошелъ къ стѣнѣ, приложилъ лицо къ одной изъ отдушинъ и свист-

нуль. Тихій, сторожкій шумъ слышался гдѣ-то внизу, но тотчасъ же затихъ.

— Арто! Артошка!—позвалъ Сергѣй дрожащимъ шопотомъ.

Неистовый, срывающійся лай сразу наполнилъ весь садъ, отозвавшись во всѣхъ его уголкахъ. Въ этомъ лаѣ, вмѣстѣ съ радостнымъ привѣтомъ, смѣшивались и жалоба, и злость, и чувство физической боли. Слышно было, какъ собака изо всѣхъ силъ рвалась въ темномъ подвалѣ, силясь отъ чего-то освободиться.

— Арто! Собакушка!.. Артошенька!..—вторилъ ей плачущимъ голосомъ мальчикъ.

— Цыцъ, окаянная!—раздался снизу звѣрскій басовый крикъ. — У, каторжная!

Что-то стукнуло въ подвалѣ. Собака залилась длиннымъ прерывистымъ воемъ.

— Не смѣй бить! Не смѣй бить собаку, проклятый! — закричалъ въ изступленіи Сергѣй, царапая ногтями каменную стѣну.

Все, что произошло потомъ, Сергѣй помнилъ смутно, точно въ какомъ-то ужасномъ горячечномъ бреду. Дверь подвала широко съ грохотомъ распахнулась, и изъ нея выбѣжалъ дворникъ. Въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, бо-сой, бородатый, блѣдный отъ яркаго свѣта луны, свѣтившей прямо ему въ лицо, онъ показался Сергѣю великаномъ, разъяреннымъ сказочнымъ чудовищемъ.

— Кто здѣсь бродить? Застрѣлю! — загрохоталъ, точно громъ, его голосъ по саду. — Воры! Грабятъ!

Но въ ту же минуту изъ темноты раскрытой двери, какъ бѣлый прыгающій комокъ, выскочилъ съ лаемъ Арто. На шеѣ у него болтался обрывокъ веревки.

Впрочемъ, мальчику было не до собаки. Грозный видъ дворника охватилъ его сверхъестественнымъ ужасомъ; связалъ его ноги, парализовалъ все его маленькое, слабое

тѣло. Но, къ счастью, этотъ столбнякъ продолжался недолго. Почти безсознательно Сергѣй испустилъ пронзительный, долгій, отчаянный вопль и наугадъ, не видя дороги, не помня себя отъ страха, пустился бѣжать прочь отъ подвала.

Онъ мчался, какъ птица, крѣпко и часто ударяя о землю ногами, которыя внезапно сдѣлались крѣпкими, точно двѣ стальные пружины. Рядомъ съ нимъ скакалъ, заливаясь радостнымъ лаемъ, Арто. Сзади тяжело грохоталъ по песку дворникъ, яростно рычащій какія-то ругательства.

Съ размаху Сергѣй наскочилъ на ворота; но мгновенно не подумалъ, а скорѣе инстинктивно почувствовалъ, что здѣсь дороги нѣтъ. Между каменной бѣлой стѣной и растущими вдоль нея кипарисами была узкая темная лазейка. Не раздумывая, подчиняясь одному чувству страха, Сергѣй, нагнувшись, юркнулъ въ нее и побѣжалъ вдоль стѣны. Острыя иглы кипарисовъ, густо и тѣдно пахнувшихъ смолой, хлестали его по лицу. Онъ слотыкался о корни, падалъ, разбивая себѣ въ кровь руки, но тотчасъ же вставалъ, не замѣчая даже боли, и опять бѣжалъ впередъ, согнувшись почти вдвое, не слыша своего крика. Арто кинулся слѣдомъ за нимъ.

Такъ бѣжалъ онъ по узкому коридору, образованному съ одной стороны—высокой стѣной, съ другой—тѣснымъ строемъ кипарисовъ, бѣжалъ, точно маленькій, обезумѣвшій отъ ужаса звѣрекъ, попавшій въ безконечную западню. Во рту у него пересохло, и каждое дыханіе колело въ груди тысячью иголокъ. Топотъ дворника доносился то справа, то слѣва, и потерявшій голову мальчикъ бросался то впередъ, то назадъ, нѣсколько разъ пробѣгая мимо воротъ и опять ныряя въ темную, тѣсную лазейку.

Наконецъ Сергѣй выбился изъ силъ. Сквозь дикій ужасъ

имъ стала постепенно овладѣвать холодная, мертвая тоска, вялое равнодушіе ко всякой опасности. Онъ сѣлъ подѣ дерево, прижался къ его стволу изнемогшимъ отъ усталости тѣломъ и зажмурилъ глаза. Все ближе и ближе хрустѣлъ песокъ подѣ грузными шагами врага. Арто тихо повизгивалъ, уткнувъ морду въ колѣни Сергѣя.

Въ двухъ шагахъ отъ мальчика зашумѣли вѣтви, раздвигаемыя руками. Сергѣй безсознательно поднялъ глаза кверху и вдругъ, охваченный невѣроятною радостью, вскочилъ однимъ толчкомъ на ноги. Онъ только теперь замѣтилъ, что стѣна напротивъ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, была очень низкая, не болѣе полутора аршинъ. Правда, верхъ ея былъ утыканъ вмазанными въ известку бутылочными осколками, но Сергѣй не задумался надъ этимъ. Мигомъ схватилъ онъ поперекъ туловища Арто и поставилъ его передними лапами на стѣну. Умный песъ отлично понялъ его. Онъ быстро вскарабкался на стѣну, замахалъ хвостомъ и побѣдно залаялъ.

Слѣдомъ за нимъ очутился на стѣнѣ и Сергѣй, какъ разъ въ то время, когда изъ разступившихся вѣтвей кипарисовъ выглянула большая темная фигура. Два гибкихъ, ловкихъ тѣла—собаки и мальчика—быстро и мягко прыгнули внизъ, на дорогу. Вслѣдъ имъ понеслась, подобно грязному потоку, скверная, свирѣпая ругань.

Былъ ли дворникъ менѣе проворнымъ, чѣмъ два друга, усталъ ли онъ отъ круженья по саду, или просто не надѣялся догнать бѣглецовъ, но онъ не преслѣдовалъ ихъ больше. Тѣмъ не менѣе они долго еще бѣжали безъ отдыха,—оба сильные, ловкіе, точно окрыленные радостью избавленія. Къ пуделю скоро вернулось его обычное легкомысліе. Сергѣй еще оглядывался боязливо назадъ, а Арто уже скакалъ на него, восторженно болтая ушами и обрывкомъ веревки, и все изловчался лизнуть его съ разбѣга въ самыя губы.

Мальчикъ пришелъ въ себя только у источника, у того самаго, гдѣ наканунѣ днемъ они съ дѣдушкой завтракали. Припавши вмѣстѣ ртами къ холодному водоему, собака и человекъ долго и жадно глотали свѣжую, вкусную воду. Они отталкивали другъ друга, приподнимали на минуту кверху головы, чтобы перевести духъ, причемъ съ ихъ губъ звонко капала вода, и опять съ новой жаждой приникали къ водоему, не будучи въ силахъ отъ него оторваться. И когда они наконецъ отвалились отъ источника и пошли дальше, то вода плескалась и булькала въ ихъ переполненныхъ животахъ. Опасность миновала, всѣ ужасы этой ночи прошли безъ слѣда, и имъ обоимъ весело и легко было идти по бѣлой дорогѣ, ярко освѣщенной луной, между темными кустарниками, отъ которыхъ уже тянуло утренней сыростью и сладкимъ запахомъ освѣженнаго листа.

Въ кофейной «Ылдызъ» Ибрагимъ встрѣтилъ мальчика съ укоризненнымъ шопотомъ:

— И сто ти се сляесься, малцукъ? Сто ти се сляесься? Вай-вай-вай, нехоросо...

Сергѣй не хотѣлъ будить дѣдушку, но это сдѣлалъ за него Арто. Онъ въ одно мгновеніе отыскалъ старика среди груды валявшихся на полу тѣлъ и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться, облизалъ ему съ радостнымъ визгомъ щеки, глаза, носъ и ротъ. Дѣдушка проснулся, увидѣлъ на шеѣ пуделя веревку, увидѣлъ лежащаго рядомъ съ собой, покрытаго пылью мальчика, и понялъ все. Онъ обратился-было къ Сергѣю за разъясненіями, но не могъ ничего добиться. Мальчикъ уже спалъ, разметавъ въ стороны руки и широко раскрывъ ротъ.

ЛАВРЫ.

Сказочка.

— Почтеннѣйшая публика, прекрасныя дамы и милостивые господа! Я тоже, съ вашего позволенія, расскажу свою исторію, изъ которой вы ясно увидите, какъ непрочна земная красота, и какъ хрупка и преходяща слава.

Этотъ голосъ раздался изъ самой глубины обширной помойной ямы, гдѣ въ кислой, вонючей тьмѣ догнивали остатки овощей, картофельная шелуха, безобразныя тряпки, кости, веревки, лимонныя корки, бумажки, окурки и рыбьи внутренности, гдѣ громоздились въ кучѣ разбитыя бутылки, проволока, жестянки и пустыя спичечныя коробки, и гдѣ хозяйничали вволю огромныя бурья крысы, мудрыя и злыя животныя, съ голыми хвостами и острыми черными глазками.

— Позвольте, кто это говоритъ?—спросила надменно растерзанная грецкая губка, у которой было блестящее прошлое, проведенное въ уборной хорошенькой женщины.

— Это я, лавровый листъ,—отозвался скромный голосъ. — Меня, къ сожалѣнію, не совсѣмъ видно, потому что я сверху придавленъ старымъ башмакомъ и засыпанъ какимъ-то мусоромъ. Но, если судьбѣ будетъ угодно когда-нибудь извлечь меня изъ этихъ нѣдръ на поверхность, я, конечно, сочту долгомъ представиться всѣмъ моимъ высокочтимымъ сосѣдямъ. Я получилъ хорошее воспитаніе,

вращался въ большомъ обществѣ и потому знаю свѣтскія обязанности.

«Такъ вотъ моя исторія, милостивые государыни и государи:

«Я происхожденіемъ южанинъ и выросъ на южномъ берегу Крыма въ большой зеленой кадкѣ, обитой желѣзными обручами. Какъ сквозь какую-то волшебную пелену вспоминаю я небо, море, горы и стрекотаніе цикадъ въ жаркія ночи. Помню благоуханіе глициній, струившихъ внизъ свои голубые водопады, и благоуханіе маленькихъ бѣлыхъ вьющихся розъ, пахнувшихъ фіалкой, и сладкій лимонный ароматъ магнолій, огромные бѣлые цвѣты которыхъ были точно выточены изъ слоновой кости, и роскошный, страстный, горячій запахъ тысячъ штамбовыхъ розъ: бѣлыхъ, желтыхъ, палевыхъ, розовыхъ, пунцовыхъ и темно-пурпурныхъ.

«Я былъ тогда молодъ и мало смыслилъ въ дѣлахъ житейскихъ, такъ же мало, какъ и сотня моихъ братьевъ, происшедшихъ отъ одного и того же ствола. Впервые о великомъ значеніи лавровыхъ листьевъ я узналъ въ томный лѣтній вечеръ, когда мимо насъ проходила дѣвушка въ бѣломъ платьѣ вмѣстѣ съ гимназистомъ. У дѣвушки въ рыжихъ волосахъ горѣло пушистымъ золотомъ заходящее солнце, а у гимназиста былъ мрачный видъ и поясъ, спущенный ниже бедеръ, отчего ноги его казались до смѣшного короткими.

«— Посмотрите, Коля,—это вѣдь лавры!—закричала дѣвушка въ восторгѣ.—Настоящіе лавры! Тѣ самые лавры, которыми награждали поэтовъ и побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ, которые не давали спать Мильтіаду, которыми увѣнчали Петрарку...

«Но гимназистъ былъ, какъ я потомъ узналъ, влюбленъ, разочарованъ, оставленъ на второй годъ въ четвертомъ классѣ и кромѣ того принадлежалъ къ пар-

ги а. а., т.-е. былъ «атчаяннымъ анархистомъ». Онъ сорвалъ одинъ листокъ, растеръ его между пальцами, понюхалъ и сказалъ суровымъ басомъ:

«— И которые кладутъ въ супъ...

«Прошло три лѣта. Я уже порядочно вытянулся и достигъ юношескаго возраста, когда наше деревцо пересадили въ другую кадку, гораздо бѣльшихъ размѣровъ, и вотъ однажды осеннимъ утромъ закутали насъ въ рокожу, обвязали мочалками и отправили на сѣверъ. Ёхали мы и на телѣгѣ, и на пароходѣ, и по желѣзной дорогѣ, и опять на телѣгѣ, и, по правдѣ сказать, это было пренепріятное путешествіе среди постоянной духоты, темноты и качки.

«Такъ мы и пріѣхали въ этотъ большой городъ, гдѣ протекла вся моя шумная и разнообразная жизнь, и гдѣ подъ конецъ моихъ дней я имѣю высокую честь бесѣдовать съ такимъ почтеннымъ собраніемъ.

«Помѣстили насъ въ зимнемъ саду, въ большомъ пышномъ домѣ, похожемъ на дворецъ. Надъ нами была стеклянная крыша, и южная стѣна теплицы была тоже изъ стеклянныхъ рамъ, но искусственный газонъ, узенькія дорожки, посыпанныя пескомъ, и фонтанъ надъ бассейномъ изъ ноздреватаго камня должны были напоминать о настоящей природѣ.

«Нѣсколько разъ въ годъ во дворцѣ бывали блестящіе балы. Тогда лавровыя деревья вмѣстѣ съ пальмами и другими большими растеніями перетаскивались изъ зимняго сада въ комнаты, на лѣстницу и даже на подъѣздъ, покрытый, какъ шатромъ, полосатымъ тикомъ. Какое общество я перевидалъ въ эти дни, какія прекрасныя женщины, выхоленные въ лучшихъ человѣческихъ оранжереяхъ, пробѣгали мимо меня наверхъ по ступенямъ, устланнымъ толстымъ краснымъ ковромъ, перебирая своими маленькими ножками въ бѣлыхъ атласныхъ туфель-

кахъ. Какія плечи, руки, кружева, жемчужныя ожерелья на обнаженныхъ шеяхъ. Какіе ленты, звѣзды, бакеенбарды, шпоры, мундиры, фраки, цвѣты въ петличкахъ, какая чудесная музыка, свѣтъ, запахъ духовъ!

«И все это прошло, какъ сонъ. Однажды зимнимъ днемъ, когда снѣгъ шелъ такъ густо-густо и такими огромными хлопьями, какъ будто бы кто-то тамъ наверху уничтожалъ всю свою корреспонденцію, накопившуюся за тысячу лѣтъ, пришли мужики и перенесли насъ въ большую пустую комнату, посрединѣ которой лежалъ на черномъ возвышеніи, въ длинномъ серебряномъ ящикѣ, сѣдой чело-вѣкъ съ закрытыми глазами и съ блѣднымъ лицомъ, улыбающимся мудрой и благодарной улыбкой. Приходили и уходили люди, очень много людей, пѣли, говорили параспѣвъ, опять пѣли, и вся комната наполнялась тогда синимъ пахучимъ дымомъ, въ которомъ тепло и мглисто мерцали огоньки свѣчей. И было очень странно видѣть, какъ всѣ глядѣли на лежавшаго и говорили только о немъ и пѣли только про него, а онъ все лежалъ и лежалъ, не открывая глазъ и тихо улыбаясь.

«Когда его унесли и запахъ синяго дыма еще стоялъ въ пустой комнатѣ, пришли веселые люди въ красныхъ рубашкахъ и замазали бѣлой краской оконныя стекла. А меня съ моими братьями взяли на плечи двое рабочихъ и понесли черезъ весь городъ въ цвѣточный магазинъ. Несмотря на холодъ, весело было мнѣ глядѣть сверху на экипажи и вагоны и на головы тысячной толпы.

«Но въ цвѣточномъ магазинѣ я пробылъ недолго. Насъ купилъ какой-то трактирщикъ и поставилъ въ залѣ между столиками, въ сомнительной компаніи съ искусственными пальмами. Плохая это была жизнь. Насъ часто забывали поливать, а въ нашу кадку каждый день набрасывали пропасть сигарныхъ и папиросныхъ окурковъ. По вечерамъ игралъ органъ, визжали скрипки, въ воздухѣ вы-

сѣлъ чадъ и дымъ, а въ стеклянномъ акваріумѣ стояли неподвижно, едва пошевеливая плавниками, большія, темныя, издыхающія рыбы. Время отъ времени слышалъ я знакомыя фразы о Мильтиадѣ и Петраркѣ, но только скупчалъ отъ нихъ. Время и жизненный опытъ состарили меня.

«Потомъ хозяинъ нашъ разорился. Кто-то скупилъ за долги и органъ, и столики, и бѣлыя салфетки, и акваріумъ. Но растеній новый владѣлецъ не любилъ. И мы опять попали въ цвѣточный магазинъ.

«Не буду распространяться подробно объ этомъ тускломъ времени. Скажу только, что часто брали насъ напрокатъ и украшали нами то лѣстницы во время платныхъ баловъ, то церкви, то рестораны подѣ Новый годъ, то кухмистерскія въ свадебные вечера. Всего и не упомяну.

«Но разъ глубокой осенью пришли въ магазинъ двое: дѣвушка въ непромокаемомъ плащѣ и краснощека, курчавый, веселый и шумный студентъ, въ которомъ я узналъ прежняго мрачнаго гимназиста, свидѣтеля моего дѣтства. Они заказывали лавровый вѣнокъ, небольшой, простой лавровый вѣнокъ и къ нему широкую красную ленту съ надписью золотыми буквами: на одной половинѣ—«генію русской сцены», а на другой—«отъ учащейся молодежи».

«Да, это былъ мой смертный приговоръ. Въ тотъ же день меня отстригли отъ родного ствола и сплели въ кружокъ съ другими листьями. А вечеромъ человекъ въ красномъ фракѣ съ золотыми пуговицами пронесъ меня между двумя рядами сидящихъ людей, передалъ другому человеку, а этотъ передалъ третьему, который нагнулся сверху, чтобы взять меня. Этотъ третій, сильно освѣщенный огнями, былъ въ черномъ бархатномъ камзолѣ, въ черныхъ чулкахъ въ обтяжку и въ бѣлокуромъ парикѣ. Онъ улыбался счастливо, искательно, гордо и неестественно, и вотъ я увидѣлъ съ высоты много сотенъ

человѣческихъ лицъ, какъ смутно-блѣдныя пятна. Одни пятна, пятна, пятна. Я услышалъ ревъ и плескъ толпы, и убѣдился, что лицо, къ которому я прикасался, было влажно и горячо. И долгое время на моей нижней сторонѣ сохранялся жирный розовый мазокъ грима.

«Такъ началась наша общая жизнь съ этимъ бритымъ рослымъ человѣкомъ и продолжалась много-много лѣтъ. Жили мы и въ большихъ, просторныхъ комнатахъ гостиницъ, и на чердакахъ, и въ подвалахъ. Когда временами бритый человѣкъ терялъ равновѣсiе и пошатывался, то онъ снималъ насъ съ гвоздя, прижималъ къ губамъ и мочилъ слезами. «Этотъ скромный вѣнокъ — самый лучший даръ признательныхъ и чистыхъ сердецъ! — восклицалъ онъ блеющимъ голосомъ. — Положите его со мной въ могилу». А иногда кричалъ своему слугѣ: «Убери къ чорту этотъ банный вѣникъ, вышвырни его за окошко!». Но въ концѣ концовъ все-таки вышвыривать насъ не позволялъ.

«Но... все проходитъ и все повторяется въ этомъ мiрѣ. Однажды черныя лошади съ бѣлыми султанами на головахъ повезли моего бритаго человѣка, лежавшаго подъ балдахиномъ въ узкомъ ящикѣ, на край города. Мы съ другими вѣнками ѣхали сзади него на маленькой повозочкѣ, а позади насъ шла толпа. Люди опять попѣли, поговорили, покадили знакомымъ мнѣ синимъ дымкомъ, опустили въ яму бритаго человѣка и разъѣхались.

«Прошло лѣто, осень, и наступила зима. Надъ бритымъ человѣкомъ положили мраморную плиту и поставили часовенку. Какая-то дама въ черномъ навѣщала насъ изрѣдка и смахивала пыль съ вѣнковъ. Вѣнки были разные: изъ иммортелей, и изъ живыхъ цвѣтовъ, и изъ зеленой жести, и изъ крашеной матерiи. Были и серебряные вѣнки, но ихъ увезли сейчасъ же послѣ того, какъ зарыли бритаго человѣка въ землю. А мы все такъ и висѣли по стѣн-

камъ часовни, разрушаясь отъ времени, отъ вѣтра и отъ сырости.

«И однажды дама въ черномъ сказала сторожу:

«— Пожалуй, надо убрать нѣкоторые вѣнки. Ужъ очень некрасиво. Вотъ этотъ, этотъ и тотъ...

«И правда, у всѣхъ у насъ видъ былъ неказистый: краски слиняли, цвѣты сморщились, листья покоробились и обломались. Въ тотъ же день сторожъ забралъ насъ и свалилъ въ темную, холодную каморку позади своего жилья, вмѣстѣ со всякимъ хламомъ.

«Сколько я тамъ пролежалъ времени, я не могу сказать. Можетъ-быть, недѣлю, можетъ-быть, десять лѣтъ. Время точно остановилось: да и я самъ уже былъ почти мертвецомъ. Какъ-то зашелъ къ сторожу знакомый старьевщикъ, и насъ вытащили на свѣтъ Божій. Перебирая всякую рухлядь, онъ взялъ въ руки лавровый вѣнокъ, поглядѣлъ на него съ усмѣшкой, понюхалъ и сказалъ:

«— Ничего... Годится и этотъ. Еще пахнетъ.

«Онъ ощипалъ вѣнокъ, вымылъ листья, чтобы придать имъ свѣжій видъ, и отнесъ въ мелочную лавочку, и я долго пролежалъ на полочкѣ въ бумажномъ мѣшечкѣ, пока не пришла однажды утромъ кухарка изъ дома напротивъ.

«— На копейку перцу, на три луку, на копейку лавроваго листа, на три копеечки соли, — просыпала она скороговоркой.

«Толстая потная рука опустилась въ тюрикъ и бросила меня на вѣсы. Черезъ часъ я уже кипѣлъ въ супѣ, а вечеромъ меня выплеснули въ грязное ведро, а дворникъ отнесъ меня на помойку. Здѣсь и окончилась моя долгая, пестрая жизнь, начавшаяся такъ поэтично...»

Разсказчикъ помолчалъ и прибавилъ со вздохомъ:

— Все проходитъ въ этомъ мѣрѣ...

Слушатели молчали задумчиво. Молчали, поводя усами, бурыя умныя крысы съ голыми хвостами. Одинъ только древній шагреновый переплетъ, когда-то облакавшій очень глубокомысленную книгу, сказалъ наставительно:

— Все проходить, но ничто не пропадаетъ.

Но старый башмакъ зѣвнулъ во весь свой разодранный ротъ и сказалъ лѣниво:

— Ну, это, знаете ли, не утѣшительно...

О ПУДЕЛЬ.

У меня въ домѣ теперь живетъ черный кобель-пудель. Его зовутъ «Негодяй».

Такъ его прозвали вовсе не для того, чтобы оскорбить его собачье достоинство. А просто, въ то время, когда у него чесались зубы, онъ грызъ ножки столовъ и стульевъ, жевалъ разные любимые портреты и возвращалъ ихъ въ замусленномъ и гнусномъ видѣ, врывался, какъ бѣшеный, въ курятникъ домовладѣлицы и выгонялъ оттуда всѣхъ куръ и громко кричалъ на нихъ; отъ этого онѣ носились по двору, кудахтали и роняли перья.

Однажды онъ вконецъ испортилъ намъ любимый фикусъ.

Однажды во время домашняго маленькаго концерта онъ влетѣлъ въ комнату и такъ скверно началъ аккомпанировать извѣстному скрипачу, что этотъ скрипачъ больше уже къ намъ не заходилъ и врядъ ли когда-нибудь зайдетъ.

Я уже не говорю о тѣхъ непріятностяхъ, которыя онъ причинялъ прислугѣ. И даже, кажется, потихоньку его били въ кухнѣ за это.

Сегодня утромъ я предложилъ ему хлѣба съ масломъ; но онъ осторожно и, видимо, только изъ вѣжливости слизалъ одно масло и опять улегся у меня въ ногахъ и глядѣлъ на меня грустными, вопрошающими глазами.

Я хорошо знаю, что ему исполняется теперь годъ, и стало-быть, время собакѣ гулять, но я такъ же твердо знаю и то, что въ этомъ бѣдномъ животномъ проснулось сознание, и что животное отъ этого несчастно.

Неутомимо, вѣжливо, настойчиво тянетъ онъ меня выйти вмѣстѣ съ нимъ на улицу и непременно сѣсть на извозчика и поѣхать, а онъ въ это время будетъ бѣжать рядомъ съ экипажемъ и лаять на колесо, которое вертится! Потомъ онъ забѣжитъ впередъ и будетъ прыгать съ лаемъ на лошадиную морду.

Въ это время онъ говоритъ ей:

— Пожалуйста, остановись, дай мнѣ обдумать, почему колесо вертится, я не могу этого понять, я хочу это понять!

Но это не трогаетъ лошадь; въ ней еще живы большіе животные инстинкты, которыми мы, люди, пользуемся такъ равнодушно, т.-е. пользуемся ея силой, памятью мѣстности, очень большой нервностью, красотой ея формъ, ея глупостью, ея неприхотливымъ питаніемъ.

Она бѣжитъ подъ кнутомъ въ слѣпомъ ужасѣ и думаетъ объ овсѣ.

И вотъ бѣдный черный пудель опять возвращается ко мнѣ, вспрыгивая на пролетку, садится рядомъ со мной и плачетъ:

— Объясни же мнѣ, ты, умный, непостижимый для меня волшебникъ, ты, который умѣешь дѣлать чудеса, зажигать огонь, которому такъ легко достается пища, взгляда котораго я не могу перенести, — объясни мнѣ: отчего колесо вертится? Зачѣмъ я существую на этомъ свѣтѣ? Почему такъ непреодолимо я привязанъ къ тебѣ, и не лучше ли было бы мнѣ бѣгать исхудалымъ и злымъ волкомъ въ лѣсной трущобѣ, спать подъ корнями дерева и съ наслажденіемъ лакать кровь зайца, которому я перекусилъ горло?

Милая, добрая, бѣдная собачка, другъ мой!.. Въ томъ-то и дѣло, что и мнѣ живется не лучше, чѣмъ тебѣ. Въ томъ-то и дѣло, что и я цѣлую край усыпанной звѣздами ризы Бога и спрашиваю Его въ тоскѣ и мученіяхъ:

— Что такое время? Что такое движеніе? Зачѣмъ я такъ бессмысленно и мало живу? И отчего каждый шагъ моей жизни отравленъ страданіемъ? Даже иногда и сладкимъ страданіемъ!?

Милый мой, добрый песъ, намъ на это никто не дастъ отвѣта.

И можетъ-быть, Онъ самъ теперь плачетъ гдѣ-нибудь, обливаясь слезами, томясь отъ ужаса и боли и отъ того, что въ Немъ проснулось сознаніе.

А можетъ-быть, все это до такой степени просто, что мы съ тобой, съ нашими мученіями, смѣшны? Можетъ-быть, сидитъ гдѣ-нибудь этакій хитрецъ и отлично знаетъ, что все дѣло заключается въ изящной, простой и очень несложной алгебраической формулѣ?

Сидитъ и знаетъ, но изъ проказливости не расскажетъ намъ съ тобой, милый, черный пёсикъ «Негодяй».

Никогда не расскажетъ!

ЧУДЕСНЫЙ ДОКТОРЪ.

Слѣдующій разсказъ не есть плодъ досужаго вымысла: — Все описанное мною дѣйствительно произошло въ Кіевѣ лѣтъ около тридцати тому назадъ и до сихъ поръ свято, до мельчайшихъ подробностей, сохраняется въ преданіяхъ того семейства, о которомъ пойдетъ рѣчь. Я съ своей стороны лишь измѣнилъ имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ этой трогательной исторіи да придалъ устному разсказу письменную форму.

— Гришъ, а Гришъ! Гляди-ка, поросенокъ - то... Смѣется... Да-а! А во рту-то у него!.. Смотри, смотри... травка во рту, ей-Богу, травка!.. Вотъ штука-то!

И двое мальчугановъ, стоящихъ передъ огромнымъ, изъ цѣльнаго стекла, окномъ гастрономическаго магазина, принялись неудержимо хохотать, толкая другъ друга въ бокъ локтями, но невольно приплясывая отъ жестокой стужи. Они уже болѣе пяти минутъ торчали передъ этой великолѣпной выставкой, возбуждавшей въ одинаковой степени ихъ умы и желудки. Здѣсь, освѣщенные яркимъ свѣтомъ висящихъ лампъ, возвышались цѣлыя горы красныхъ крѣпкихъ яблоковъ и апельсиновъ; стояли правильныя пирамиды мандариновъ, нѣжно золотившихся сквозь окутывающую ихъ папиросную бумагу; протянулись на блюдахъ, уродливо разинувъ рты и выпучивъ глаза, огромныя колченыя и маринованныя рыбы; ниже,

окруженные гирляндами колбасъ, красовались сочные разрѣзанные окорока съ толстымъ слоемъ розоватаго сала... Безчисленное множество баночекъ и коробочекъ съ солеными, вареными и копчеными закусками довершало эту эффектную картину, глядя на которую оба мальчика на минуту забыли о двѣнадцатиградусномъ морозѣ и о важномъ порученіи, возложенномъ на нихъ матерью, — порученіи, окончившемся такъ неожиданно и такъ плачевно.

Старшій мальчикъ первый оторвался отъ созерцанія очаровательнаго зрѣлища. Онъ дернулъ брата за рукавъ и произнесъ сурово:

— Ну, Володя, идемъ, идемъ... Нечего тутъ...

Одновременно подавивъ тяжелый вздохъ (старшему изъ нихъ было только десять лѣтъ, и къ тому же оба съ утра ничего не ѣли, кромѣ пустыхъ щей) и кинувъ послѣдній влюбленно-жадный взглядъ на гастрономическую выставку, мальчуганы торопливо побѣжали по улицѣ. Иногда сквозь запотѣвшія окна какого-нибудь дома они видѣли елку, которая издали казалась громадной гроздью яркихъ, сіяющихъ пятенъ, иногда они слышали даже звуки веселой польки... Но они мужественно гнали отъ себя прочь соблазнительную мысль: остановиться на нѣсколько секундъ и прильнуть глазкомъ къ стеклу.

По мѣрѣ того, какъ шли мальчики, все малолюднѣе и темнѣе становились улицы. Прекрасные магазины, сіяющія елки, рысаки, мчавшіеся подъ своими синими и красными сѣтками, визгъ полозьевъ, праздничное оживленіе толпы, веселый гулъ окриковъ и разговоровъ, разрумяненные морозомъ, смѣющіяся лица нарядныхъ дамъ—все осталось позади. Потянулись пустыри, кривые, узкіе переулки, мрачные, неосвѣщенные косогоры... Наконецъ они достигли покосившагося ветхаго дома, стоявшаго особнякомъ; низъ его — собственно подвалъ — былъ камен-

ный, а верхъ—деревянный. Обойдя тѣснымъ, облебянѣлымъ и грязнымъ дворомъ, служившимъ для всѣхъ жильцовъ естественной помойной ямой, они спустились внизъ, въ подвалъ, прошли въ темнотѣ общимъ коридоромъ, отыскали ощупью свою дверь и отворили ее.

Уже болѣе года жили Мерцаловы въ этомъ подземельѣ. Оба мальчугана давно успѣли привыкнуть и къ этимъ закоптѣлымъ, плачущимъ отъ сырости стѣнамъ, и къ мокрымъ отрепкамъ, сушившимся на протянутой черезъ комнату веревкѣ, и къ этому ужасному запаху керосиноваго чада, дѣтскаго грязнаго бѣлья и крысъ — настоящему запаху нищеты. Но сегодня, послѣ всего, что они видѣли на улицѣ, послѣ этого праздничнаго ликованія, которое они чувствовали повсюду, ихъ маленькія дѣтскія сердца сжались отъ остраго, недѣтскаго страданія. Въ углу, на грязной широкой постели лежала дѣвочка лѣтъ семи; ея лицо горѣло, дыханіе было коротко и затруднительно, широко раскрытые блестящіе глаза смотрѣли пристально и безцѣльно. Рядомъ съ постелью, въ люлькѣ, привѣшенной къ потолку, кричалъ, морщась, надрываясь и захлебываясь, грудной ребенокъ. Высокая, худая женщина, съ изможденнымъ, усталымъ, точно почернѣвшимъ отъ горя лицомъ, стояла на колѣняхъ около больной дѣвочки, поправляя ей подушку и въ то же время не забывая подталкивать локтемъ качающуюся колыбель. Когда мальчики вошли и слѣдомъ за ними стремительно ворвались въ подвалъ бѣлые клубы морознаго воздуха, — женщина обернула назадъ свое встревоженное лицо.

— Ну? Что же? — спросила она отрывисто и нетерпѣливо.

Мальчики молчали. Только Гриша шумно вытеръ носъ рукавомъ своего пальто, передѣланнаго изъ стараго ватнаго халата.

— Отнесли вы письмо?.. Гриша, я тебя спрашиваю, отдалъ ты письмо?

— Отдалъ, — сицлымъ съ мороза голосомъ отвѣтилъ Гриша.

— Ну, и что же? Что ты ему сказалъ?

— Да все, какъ ты учила. Вотъ, говорю, отъ Мерцалова письмо, отъ вашего бывшего управляющаго. А онъ насъ обругалъ: «Убирайтесь вы, говоритъ, отсюда... Сволочи вы...»

— Да кто же это? Кто же съ вами разговаривалъ?.. Говори толкомъ, Гриша!

— Швейцаръ разговаривалъ... Кто же еще? Я ему говорю: «Возьмите, дяденька, письмо, передайте, а я здѣсь внизу отвѣта подожду». А онъ говоритъ: «Какъ же, говоритъ, держи карманъ... Есть тоже у барина время ваши письма читать»...

— Ну, а ты?

— Я ему все, какъ ты учила, сказалъ: «Бать, молъ, нечего... Матушка больна... Помираетъ...» Говорю: «Какъ папа мѣсто найдетъ, такъ отблагодарить васъ, Савелій Петровичъ, ей-Богу, отблагодарить». Ну, а въ это время звонокъ какъ зазвонитъ, какъ зазвонитъ, а онъ самъ и говоритъ: «Убирайтесь скорѣе отсюда къ чорту! Чтобы духу вашего здѣсь не было!..» А Володьку даже по затылку ударилъ.

— А меня онъ по затылку, — сказалъ Володя, слѣдившій со вниманіемъ за разговоромъ брата, и почесалъ затылокъ.

Старшій мальчикъ вдругъ принялся озабоченно рыться въ глубокихъ карманахъ своего халата. Вытащивъ наконецъ оттуда измятый конвертъ, онъ положилъ его на столъ и сказалъ:

— Вотъ оно, письмо-то...

Больше мать не спрашивала. Долгое время въ душ-

ной, промозглої комнатѣ слышался только неистовый крикъ младенца да короткое, частое дыханіе Машутки, больше похожее на непрерывные однообразные стоны. Вдругъ мать сказала, обернувшись назадъ:

— Тамъ борщъ есть, отъ обѣда остался... Можетъ, поѣли бы? Только холодный, — разогрѣть-то нечѣмъ...

Въ это время въ коридорѣ слышались чьи-то неуверенные шаги и шуршаніе руки, отыскивающей въ темнотѣ дверь. Мать и оба мальчика — всѣ трое даже поблѣднѣвъ отъ напряженнаго ожиданія — обернулись въ эту сторону.

Вошелъ Мерцаловъ. Онъ былъ въ лѣтнемъ пальто, лѣтней войлочной шляпѣ и безъ калошъ. Его руки взбухли и посинѣли отъ мороза, глаза провалились, щеки облипли вокругъ десенъ, точно у мертвеца. Онъ не сказалъ женѣ ни одного слова, она ему не задала ни одного вопроса. Они поняли другъ друга по тому отчаянію, которое прочли другъ у друга въ глазахъ.

Въ этотъ ужасный, роковой годъ несчастье за несчастьемъ настойчиво и безжалостно сыпались на Мерцалова и его семью. Сначала онъ самъ заболѣлъ брюшнымъ тифомъ, и на его лѣченіе ушли всѣ ихъ скудныя сбереженія. Потомъ, когда онъ поправился, онъ узналъ, что его мѣсто, скромное мѣсто управляющаго домомъ на двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, занято уже другимъ... Началась отчаянная, судорожная погоня за случайной работой, за перепиской, за ничтожнымъ мѣстомъ, залогъ и перезалогъ вещей, продажа всякаго хозяйственнаго тряпья. А тутъ еще пошли болѣть дѣти. Три мѣсяца тому назадъ умерла одна дѣвочка, теперь другая лежитъ въ жару и безъ сознанія. Елизаветѣ Ивановнѣ приходилось одновременно ухаживать за больной дѣвочкой, кормить грудью маленькаго и ходить почти на другой конецъ города въ домъ, гдѣ она подевно стирала бѣлье.

Весь сегодняшній день былъ запятъ тѣмъ, чтобы посредствомъ нечеловѣческихъ усилій выжать откуда-нибудь хоть нѣсколько копеекъ на лѣкарство Машуткѣ. Съ этой цѣлью Мерцаловъ обѣгалъ чуть ли не полъ-города, кланча и унижаясь повсюду; Елизавета Ивановна ходила къ своей барынѣ, дѣти были посланы съ письмомъ къ тому барину, домомъ котораго управлялъ раньше Мерцаловъ... Но всѣ отговаривались или праздничными хлопотами, или неимѣніемъ денегъ... Иные, какъ, напримеръ, швейцаръ бывшаго патрона, просто-напросто гнали просителей съ крыльца.

Минуть десять никто не могъ произнести ни слова. Вдругъ Мерцаловъ быстро поднялся съ сундука, на которомъ онъ до сихъ поръ сидѣлъ, и рѣшительнымъ движениемъ надвинулъ глубже на лобъ свою истрепанную шляпу.

— Куда ты? — тревожно спросила Елизавета Ивановна.

Мерцаловъ, взявшійся уже за ручку двери, обернулся.

— Все равно, сидѣніемъ ничего не поможешь, — хрипло отвѣтилъ онъ. — Пойду еще... Хоть милостыню попробую просить.

Выйдя на улицу, онъ пошелъ безцѣльно впередъ. Онъ ничего не искалъ, ни на что не надѣялся. Онъ давно уже пережилъ то жгучее время бѣдности, когда мечтаешь найти на улицѣ бумажникъ съ деньгами или получить внезапно наслѣдство отъ неизвѣстнаго троюроднаго дядюшки. Теперь имъ овладѣло неудержимое желаніе бѣжать куда попало, бѣжать безъ оглядки, чтобы только не видѣть молчаливаго отчаянія голодной семьи.

Просить милостыни? Онъ уже попробовалъ это средство сегодня два раза. Но въ первый разъ какой-то господинъ въ енотовой шубѣ прочелъ ему наставленіе, что надо работать, а не кланчить, а во второй — его обѣщали отправить въ полицію.

Незамѣтно для себя Мерцаловъ очутился въ центрѣ

города, у ограды густого общественнаго сада. Такъ какъ ему пришлось все время идти въ гору, то онъ запыхался и почувствовалъ усталость. Машинально онъ свернулъ въ калитку и, пройдя длинную аллею липъ, занесенныхъ снѣгомъ, опустился на низкую садовую скамейку. Тутъ было тихо и торжественно. Деревья, окутанныя въ свои бѣлыя ризы, дремали въ неподвижномъ величїи. Иногда съ верхней вѣтки срывался кусочекъ снѣга, и слышно было, какъ онъ шуршалъ, падая и цѣпляясь за другія вѣтви. Глубокая тишина и великое спокойствіе, сторожившія садъ, вдругъ пробудили въ истерзанной душѣ Мерцалова нестерпимую жажду такого же спокойствія, такой же тишины.

«Вотъ лечь бы и заснуть, — думалъ онъ: — и забыть о женѣ, о голодныхъ дѣтяхъ, о больной Машуткѣ». Присунувъ руку подъ жилетъ, Мерцаловъ нащупалъ довольно толстую веревку, служившую ему поясомъ. Мысль о самоубійствѣ совершенно ясно встала въ его головѣ. Но онъ не ужаснулся этой мысли, ни на мгновеніе не содрогнулся передъ мракомъ неизвѣстнаго.

«Чѣмъ погибать медленно, такъ не лучше ли избрать болѣе краткій путь?» Онъ уже хотѣлъ встать, чтобы исполнить свое страшное намѣреніе, но въ это время въ концѣ аллеи послышался скрипъ шаговъ, отчетливо раздавшійся въ морозномъ воздухѣ. Мерцаловъ съ озлобленіемъ обернулся въ эту сторону. Кто-то шелъ по аллеѣ. Сначала былъ виденъ огонекъ то вспыхивающей, то потухавшей сигары. Потомъ Мерцаловъ мало-по-малу могъ разглядѣть старика небольшого роста, въ теплой шапкѣ, мѣховомъ пальто и высокихъ калошахъ. Поровнявшись со скамейкой, незнакомецъ вдругъ круто повернулъ въ сторону Мерцалова и, слегка дотрагиваясь до шапки, спросилъ:

— Вы позволите здѣсь присѣсть?

Мерцаловъ умышленно рѣзко отвернулся отъ незна-

комца и подвинулся къ краю скамейки. Минуть пять прошло въ обоюдномъ молчаніи, въ продолженіе котораго незнакомецъ курилъ сигару и (Мерцаловъ это чувствовалъ) искоса наблюдалъ за своимъ сосѣдомъ.

— Ночка-то какая славная, — заговорилъ вдругъ незнакомецъ. — Морозно... тихо. Что за прелесть — русская зима!

Голосъ у него былъ мягкій, ласковый, старческій. Мерцаловъ молчалъ, не оборачиваясь.

— А я вотъ ребятишкамъ знакомымъ подарочки купилъ, — продолжалъ незнакомецъ (въ рукахъ у него было нѣсколько свертковъ). — Да вотъ по дорогѣ не утерпѣлъ, сдѣлалъ кругъ, чтобы садомъ пройти: очень ужъ здѣсь хорошо.

Мерцаловъ вообще былъ кроткимъ и застѣнчивымъ человекомъ, но при послѣднихъ словахъ незнакомца его охватилъ вдругъ приливъ отчаянной злобы. Онъ рѣзкимъ движеніемъ повернулся въ сторону старика и закричалъ, нелѣпо размахивая руками и задыхаясь:

— Подарочки!.. Подарочки!.. Знакомымъ ребятишкамъ подарочки!.. А я... а у меня, милостивый государь, въ настоящую минуту мои ребятишки съ голоду дома подыхаютъ... Подарочки!.. А у жены молоко пропало, и грудной ребенокъ цѣлый день не ѣлъ... Подарочки!..

Мерцаловъ ожидалъ, что послѣ этихъ беспорядочныхъ, озлобленныхъ криковъ старикъ поднимется и уйдетъ, но онъ ошибся. Старикъ приблизилъ къ нему свое умное, серьезное лицо съ сѣдыми баками и сказалъ дружжелюбно, но серьезнымъ тономъ:

— Подождите... не волнуйтесь! Расскажите мнѣ все по порядку и какъ можно короче. Можетъ-быть, вмѣстѣ мы придумаемъ что-нибудь для васъ.

Въ необыкновенномъ лицѣ незнакомца было что-то до того спокойное и внушающее довѣріе, что Мерцаловъ тотчасъ же безъ малѣйшей утайки, но страшно бол-

пуюсь и сиѣша, передалъ свою исторію. Онъ разска- залъ о своей болѣзни, о потерѣ мѣста, о смерти ребенка, обо всѣхъ своихъ несчастіяхъ вплоть до нынѣшняго дня. Незнакомецъ слушалъ, не перебивая его ни слѣ- вомъ, и только все пытливѣе и пристальнѣе заглядывалъ въ его глаза, точно желая проникнуть въ самую глубь этой наболѣвшей, возмущенной души. Вдругъ онъ быстрымъ, совсѣмъ юношескимъ движеніемъ вскочилъ съ своего мѣста и схватилъ Мерцалова за руку. Мер- цаловъ невольно тоже всталъ.

— Ыдемте! — сказалъ незнакомецъ, увлекая за руку Мерцалова. — Ыдемте скорѣе!.. Счастье ваше, что вы встрѣтились съ врачомъ. Я, конечно, ни за что не могу ручаться, но... поѣдемте!

Минуть черезъ десять Мерцаловъ и докторъ уже захо- дили въ подвалъ. Елизавета Ивановна лежала на постели рядомъ со своей больной дочерью, зарывшись лицомъ въ грязныя, замаслившіяся подушки. Мальчишки хлебали борщъ, сидя на тѣхъ же мѣстахъ. Испуганные долгимъ отсутствіемъ отца и неподвижностью матери, они плакали, размазывая слезы по лицу грязными кулаками и обильно проливая ихъ въ закопченный чугунокъ. Войдя въ ком- нату, докторъ скинулъ съ себя пальто и, оставшись въ старомодномъ, довольно поношенномъ сюртукѣ, подошелъ къ Елизаветѣ Ивановнѣ. Она даже не подпяла головы при его приближеніи.

— Ну, полно, полно, голубушка, — заговорилъ док- торъ, ласково погладивъ женщину по спинѣ. — Вста- вайте-ка! Покажите мнѣ вашу больную.

И точно такъ же, какъ педавно въ саду, что-то ла- сковое и убѣдительное, звучащее въ его голосѣ, за- ставило Елизавету Ивановну мигомъ подняться съ по- стели и непрекословно исполнить все, что говорилъ док- торъ. Черезъ двѣ минуты Гришка уже растапливалъ

печку дровами, за которыми чудесный доктор послалъ къ сосѣдамъ, Володя раздувалъ изо всѣхъ силъ самоваръ, Елизавета Ивановна обворачивала Машутку согрѣвающимъ компрессомъ... Немного погодя явился и Мерцаловъ. На три рубля, полученные отъ доктора, онъ успѣлъ купить за это время чаю, сахару, булокъ и достать въ ближайшемъ трактирѣ горячей пици. Докторъ сидѣлъ за столомъ и что-то писалъ на клочкѣ бумажки, который онъ вырвалъ изъ записной книжки. Окончивъ это занятіе и изобразивъ внизу какой-то своеобразный крючокъ вмѣсто подписи, онъ всталъ, прикрылъ написанное чайнымъ блюдечкомъ и сказалъ:

— Вотъ съ этой бумажкой вы пойдете въ аптеку... давайте черезъ два часа по чайной ложкѣ. Это вызоветъ у малютки отхаркиваніе... Продолжайте согрѣвающей компрессъ... Кромѣ того, хотя бы вашей дочери и сдѣлалось лучше, во всякомъ случаѣ пригласите завтра доктора Афросимова. Это дѣльный врачъ и хорошій человекъ. Я его сейчасъ же предупрежу. Затѣмъ прощайте, господа! Дай Богъ, чтобы наступающій годъ немного снисходительнѣе отнесся къ вамъ, чѣмъ этотъ, а главное — не падайте никогда духомъ.

Пожавъ руки Мерцалову и Елизаветѣ Ивановнѣ, все еще не оправившимся отъ изумленія, и потрепавъ мимоходомъ по щекѣ разинувшаго ротъ Володю, докторъ быстро всунулъ свои ноги въ глубокія калоши и надѣлъ пальто. Мерцаловъ опомнился только тогда, когда докторъ уже былъ въ коридорѣ, и кинулся вслѣдъ за нимъ.

Такъ какъ въ темнотѣ нельзя было ничего разобрать, то Мерцаловъ закричалъ наугадъ:

— Докторъ! Докторъ, постойте!.. Скажите мнѣ ваше имя, докторъ! Пусть хоть мои дѣти будутъ за васъ молиться!

И онъ водилъ въ воздухѣ руками, чтобы поймать не-

видимаго доктора. Но въ это время въ другомъ концѣ коридора спокойный старческій голосъ произнесъ:

— Э! Вотъ еще пустяки выдумали!.. Возвращайтесь-ка домой скорѣй!

Когда онъ возвратился, его ожидалъ сюрпризъ: подъ чайнымъ блюдцемъ вмѣстѣ съ рецептомъ чудеснаго доктора лежало нѣсколько крупныхъ кредитныхъ билетовъ...

Въ тотъ же вечеръ Мерцаловъ узналъ и фамилію своего неожиданнаго благодѣтеля. На аптечномъ ярлыкѣ, прикрѣпленномъ къ пузырьку съ лѣкарствомъ, четкою рукою аптекаря было написано: «по рецепту профессора Пирогова».

Я слышалъ этотъ рассказъ, и неоднократно, изъ устъ самого Григорія Емельяновича Мерцалова — того самого Гришки, который въ описанный мною сочельникъ проливалъ слезы въ закоптѣлый чугунокъ съ пустымъ борщомъ. Теперь онъ занимаетъ довольно крупный, отвѣтственный постъ въ одномъ изъ банковъ, сльвя образцомъ честности и отзывчивости на нужды бѣдности. И каждый разъ, заканчивая свое повѣствованіе о чудесномъ докторѣ, онъ прибавляетъ голосомъ, дрожащимъ отъ скрываемыхъ слезъ:

— Съ этихъ поръ точно благодѣтельный ангелъ снизошелъ въ нашу семью. Все перемѣнилось. Въ началѣ января отецъ отыскалъ мѣсто, матушка встала на ноги, меня съ братомъ удалось пристроить въ гимназію на казенный счетъ. Просто чудо совершилъ этотъ святой человекъ. А мы нашего чудеснаго доктора только разъ видѣли съ тѣхъ поръ — это когда его перевозили мертваго въ его собственное имѣніе Вишню. Да и то не его видѣли, потому что то великое, мощное и святое, что жило и горѣло въ чудесномъ докторѣ при его жизни, угасло невооратимо.

СЛОНЪ.

I.

Маленькая дѣвочка нездорова. Каждый день къ ней ходитъ докторъ Михаилъ Петровичъ, котораго она знаетъ уже давно-давно. А иногда онъ приводитъ съ собою еще двухъ докторовъ, незнакомыхъ. Они переворачиваютъ дѣвочку на спину и на животъ, слушаютъ что-то, приложивъ ухо къ тѣлу, оттягиваютъ внизъ глазныя вѣки и смотрятъ. При этомъ они какъ-то важно посапываютъ, лица у нихъ строгія, и говорятъ они между собою на непонятномъ языкѣ.

Потомъ переходятъ изъ дѣтской въ гостиную, гдѣ ихъ дожидается мама. Самый главный докторъ — высокій, сѣдой, въ золотыхъ очкахъ — рассказываетъ ей о чемъ-то серьезно и долго. Дверь не закрыта, и дѣвочкѣ съ ея кровати все видно и слышно. Многого она не понимаетъ, но знаетъ, что рѣчь идетъ о ней. Мама глядитъ на доктора большими, усталыми, заплаканными глазами. Прощаясь, главный докторъ говоритъ громко:

— Главное, — не давайте ей скучать. Исполняйте все ея капризы.

— Ахъ, докторъ, но она ничего не хочетъ!

— Ну, не знаю... вспомните, что ей нравилось раньше, до болѣзни. Игрушки... какія-нибудь лакомства...

— Нѣтъ, нѣтъ, докторъ, она ничего не хочетъ...

— Ну, постарайтесь ее какъ-нибудь развлечьъ... Ну, хоть чѣмъ-нибудь... Даю вамъ честное слово, что если вамъ удастся ее разсмѣшить, развеселить, — то это будетъ лучшимъ лѣкарствомъ. Поймите же, что ваша дочка больна равнодушіемъ къ жизни, и больше ничѣмъ... До свиданія, сударыня!

II.

— Милая Надя, милая моя дѣвочка, — говоритъ мама: — не хочется ли тебѣ чего-нибудь?

— Нѣтъ, мама, ничего не хочется.

— Хочешь, я посажу къ тебѣ на постельку всѣхъ твоихъ куколъ. Мы поставимъ креслица, диванъ, столикъ и чайный приборъ. Куклы будутъ пить чай и разговаривать о погодѣ и о здоровьѣ своихъ дѣтей.

— Спасибо, мама... Мнѣ не хочется... Мнѣ скучно...

— Ну, хорошо, моя дѣвочка, не надо куколъ. А можетъ-быть, позвать къ тебѣ Катю или Женечку? Ты вѣдь ихъ такъ любишь.

— Не надо, мама. Правда же, не надо. Я ничего, ничего не хочу. Мнѣ такъ скучно!

— Хочешь, я тебѣ принесу шоколаду?

Но дѣвочка не отвѣчаетъ и смотритъ въ потолокъ неподвижными, невеселыми глазами. У нея ничего не болитъ и даже нѣтъ жару. Но она худѣетъ и слабѣетъ съ каждымъ днемъ. Что бы съ ней ни дѣлали, ей все равно, и ничего ей не нужно. Такъ лежитъ она цѣлые дни и цѣлыя ночи, тихая, печальная. Иногда она задремлетъ на полчаса, но и во снѣ ей видится что-то сърое, длинное, скучное, какъ осенній дождикъ.

Когда изъ дѣтской отворена дверь въ гостиную, а изъ гостиной дальше въ кабинетъ, то дѣвочка видитъ папу.

Папа ходитъ быстро изъ угла въ уголь и все куритъ, куритъ. Иногда онъ приходитъ въ дѣтскую, садится на край постельки и тихо поглаживаетъ Надины ноги. Потомъ вдругъ встаетъ и отходитъ къ окну. Онъ что-то насвистываетъ, глядя на улицу, но плечи у него трясутся. Затѣмъ онъ торопливо прикладываетъ платокъ къ одному глазу, къ другому, и, точно разсердясь, уходитъ къ себѣ въ кабинетъ. Потомъ онъ опять бѣгаетъ изъ угла въ уголь и все... куритъ, куритъ, куритъ... И кабинетъ отъ табачнаго дыма дѣлается весь синій.

III.

Но однажды утромъ дѣвочка просыпается немного бодрѣе, чѣмъ всегда. Она что-то видѣла во снѣ, но никакъ не можетъ вспомнить, что именно, и смотритъ долго и внимательно въ глаза матери.

— Тебѣ что-нибудь нужно? — спрашиваетъ мама.

Но дѣвочка вдругъ вспоминаетъ свой сонъ и говоритъ шопотомъ, точно по секрету:

— Мама... а можно мнѣ... слона? Только не того, который нарисованъ на картинкѣ... Можно?

— Конечно, моя дѣвочка, конечно, можно.

Она идетъ въ кабинетъ и говоритъ папѣ, что дѣвочка хочетъ слона. Папа тотчасъ же надѣваетъ пальто и шляпу и куда-то уѣзжаетъ. Черезъ полчаса онъ возвращается съ дорогой, красивой игрушкой. Это большой сѣрый слонъ, который самъ качаетъ головою и машетъ хвостомъ; на слонѣ красное сѣдло, а на сѣдлѣ золотая палатка, и въ ней сидятъ трое маленькихъ человѣчковъ. Но дѣвочка глядитъ на игрушку такъ же равнодушно, какъ на потолокъ и на стѣны, и говоритъ вяло:

— Нѣтъ. Это совсѣмъ не то. Я хотѣла настоящаго, живого слона, а этотъ мертвый.

— Ты погляди только, Надя, — говоритъ папа. — Мы его сейчасъ заведемъ, и онъ будетъ совсѣмъ, совсѣмъ, какъ живой.

Слона заводятъ ключикомъ, и онъ, покачивая головой и помахивая хвостомъ, начинаетъ переступать ногами и медленно идетъ по столу. Дѣвочкѣ это вовсе не интересно и даже скучно, но, чтобы не огорчить отца, она шепчетъ кротко:

— Я тебя очень, очень благодарю, милый папа. Я думаю, ни у кого нѣтъ такой интересной игрушки... Только... помнишь... вѣдь ты давно обѣщаль свозить меня въ звѣринецъ, посмотреть на настоящаго слона... и ни разу не повезъ...

— Но, послушай же, милая моя дѣвочка, пойми, что это невозможно. Слонъ очень большой, онъ до потолка, онъ не помѣстится въ нашихъ комнатахъ... И потомъ, гдѣ я его достану?

— Папа, да мнѣ не нужно такого большого... Ты мнѣ привези хоть маленькаго, только живого. Ну, хоть вотъ, вотъ такого... Хоть слоненышка.

— Милая дѣвочка, я радъ все для тебя сдѣлать, но этого я не могу. Вѣдь это все равно, какъ если бы ты вдругъ мнѣ сказала: папа, достань мнѣ съ неба солнце.

Дѣвочка грустно улыбается.

— Какой ты глупый, папа. Развѣ я не знаю, что солнце нельзя достать, потому что оно жжется. И луну тоже нельзя. Нѣтъ, мнѣ бы слоника... настоящаго.

И она тихо закрываетъ глаза и шепчетъ:

— Я устала... Извини меня, папа...

Папа хватается себя за волосы и убѣгаетъ въ кабинетъ. Тамъ онъ нѣкоторое время мелькаетъ изъ угла въ уголь. Потомъ рѣшительно бросаетъ на полъ недокуренную папиросу (за что ему всегда достается отъ мамы) и кричитъ горничной:

— Ольга! Пальто и шляпу!

Въ переднюю выходитъ жена.

— Ты куда, Саша? — спрашиваетъ она.

Онъ тяжело дышитъ, застѣгивая пуговицы пальто.

— Я самъ, Машенька, не знаю куда... Только, кажется, я сегодня къ вечеру и въ самомъ дѣлѣ приведу сюда, къ намъ, настоящаго слона.

Жена смотритъ на него тревожно.

— Милый, здоровъ ли ты? Не болитъ ли у тебя голова? Можетъ-быть, ты плохо спалъ сегодня?

— Я совсѣмъ не спалъ, — отвѣчаетъ онъ сердито. — Я вижу, ты хочешь спросить, не сошелъ ли я съ ума? Покамѣстъ нѣтъ еще. До свиданья! Вечеромъ все будетъ видно.

И онъ исчезаетъ, громко хлопнувъ входной дверью.

IV.

Черезъ два часа онъ сидитъ въ зѣрищѣ, въ первомъ ряду, и смотритъ, какъ ученые звѣри, по приказанію хозяина, выдѣлываютъ разныя штуки. Умныя собаки прыгаютъ, кувыркаются, танцуютъ, поютъ подъ музыку, складываютъ слова изъ большихъ картонныхъ буквъ. Обезьянки — однѣ въ красныхъ юбкахъ, другія въ синихъ штанишкахъ — ходятъ по канату и ѣздятъ верхомъ на большомъ пуделѣ. Огромные рыжіе львы скачутъ сквозь горячіе обручи. Неуклюжій тюлень стрѣляетъ изъ пистолета. Подъ конецъ выводятъ слоновъ. Ихъ три: одинъ большой, два совсѣмъ маленькіе, карлики, но все-таки ростомъ куда больше, чѣмъ лошадь. Странно смотрѣть, какъ эти громадныя животныя, на видъ такія неповоротливыя и тяжелыя, исполняютъ самыя трудныя фокусы, которые не подъ силу и очень ловкому человеку. Особенно отличается самый большой слонъ.

Онъ становится сначала на заднія лапы, садится, становится на голову, ногами вверхъ, ходитъ по деревяннымъ бутылкамъ, ходитъ по катящейся бочкѣ, переворачиваетъ хоботомъ страницы большой картонной книги, и наконецъ садится за столъ и, повязавшись салфеткой, обѣдаетъ совсѣмъ какъ благовоспитанный мальчикъ.

Представленіе оканчивается. Зрители расходятся. Надинъ отецъ подходитъ къ толстому нѣмцу, хозяину звѣринца. Хозяинъ стоитъ за дощатой перегородкой и держитъ во рту большую черную сигару.

— Извините, пожалуйста, — говоритъ Надинъ отецъ. — Не можете ли вы отпустить вашего слона ко мнѣ домой на нѣкоторое время?

Нѣмецъ отъ удивленія широко открываетъ глаза и даже ротъ, отчего сигара падаетъ на землю. Онъ, кряхтя, нагибается, подымаетъ сигару, вставляетъ ее опять въ ротъ и только тогда произноситъ:

— Отпустить? Слона? Домой? Я васъ не понимаю.

По глазамъ нѣмца видно, что онъ тоже хочетъ спросить, не болитъ ли у Надинаго отца голова... Но отецъ поспѣшно объясняетъ, въ чемъ дѣло: его единственная дочь, Надя, больна какой-то странной болѣзью, которой даже доктора не понимаютъ, какъ слѣдуетъ. Она лежитъ ужъ мѣсяцъ въ кроваткѣ, худѣетъ, слабѣетъ съ каждымъ днемъ, ничѣмъ не интересуется, скучаетъ и потихоньку гаснетъ. Доктора велятъ ее развлекать, но ей ничто не нравится; велятъ исполнять всѣ ея желанія, но у нея нѣтъ никакихъ желаній. Сегодня она захотѣла видѣть живого слона. Неужели это невозможно сдѣлать?

И онъ добавляетъ дрожащимъ голосомъ, взявши нѣмца за пуговицу пальто:

— Ну, вотъ... Я, конечно, надѣюсь, что моя дѣвочка выздоровѣетъ. Но... спаси Богъ... вдругъ ся болѣзнь

окончится плохо... вдругъ дѣвочка умреть?.. Подумайте только: вѣдь меня всю жизнь будетъ мучить мысль, что я не исполнилъ ея послѣдняго, самаго послѣдняго желанія!..

Нѣмецъ хмурится и въ раздумьѣ чешетъ мизинцемъ лѣвую бровь. Наконецъ онъ спрашиваетъ:

— Гм... А сколько вашей дѣвочки лѣтъ?

— Шесть.

— Гм... Моей Лизѣ тоже шесть. Гм... Но, знаете, вамъ это будетъ дорого стоить. Придется привести слона ночью и только на слѣдующую ночь увести обратно. Днемъ нельзя. Соберется публикумъ, и сдѣлается одинъ скандалъ.... Такимъ образомъ выходитъ, что я теряю цѣлый день, и вы мнѣ должны возвратить убытокъ.

— О, конечно, конечно... не беспокойтесь объ этомъ...

— Потомъ: позволить ли полиція вводить одинъ слонъ въ одинъ домъ?

— Я это устрою. Позволить.

— Еще одинъ вопросъ: позволить ли хозяинъ вашего дома вводить въ свой домъ одинъ слонъ?

— Позволить. Я самъ хозяинъ этого дома.

— Ага! Это еще лучше. И потомъ еще одинъ вопросъ: въ которомъ этажѣ вы живете?

— Во второмъ.

— Гм... Это уже не такъ хорошо... Имѣете ли вы въ своемъ домѣ широкую лѣстницу, высокій потолокъ, большую комнату, широкія двери и очень крѣпкій полъ? Потому что мой Томми имѣетъ высоту 3 аршина и 4 вершка, а въ длину 5 $\frac{1}{2}$ аршинъ. Кромѣ того онъ вѣситъ 112 пудовъ.

Надинъ отецъ задумывается на минуту.

— Знаете ли что? — говоритъ онъ. — Поѣдемъ сейчасъ къ мнѣ и разсмотримъ все на мѣстѣ. Если надо, я прикажу расширить проходъ въ стѣнахъ.

— Очень хорошо! — соглашается хозяинъ звѣринца.

V.

Ночью слона ведутъ въ гости къ больной дѣвочкѣ.

Въ бѣлой попонѣ онъ важно шагаетъ по самой срединѣ улицы, покачиваетъ головой и то свиваетъ, то развиваетъ хоботъ. Вокругъ него, несмотря на поздній часъ, большая толпа. Но слонъ не обращаетъ на нее вниманія: онъ каждый день видитъ сотни людей въ звѣринцѣ. Только одинъ разъ онъ немного разсердился.

Какой-то уличный мальчишка подбѣжалъ къ нему подъ самыя ноги и началъ кривляться на потѣху зѣвакамъ.

Тогда слонъ спокойно снялъ съ него хоботомъ шляпу и перекинулъ ее черезъ сосѣдній заборъ, утыканный гвоздями.

Городовой идетъ среди толпы и уговариваетъ ее:

— Господа, прошу разойтись. И что вы тутъ находите такого необыкновеннаго? Удивляюсь! Точно не видали никогда живого слона на улицѣ.

Подходятъ къ дому. На лѣстницѣ, такъ же какъ и по всему пути слона, до самой столовой, всѣ двери растворены настежь, для чего приходилось отбивать молоткомъ дверныя щеколды. Точно такъ же дѣлалось однажды, когда въ домъ вносили большую чудотворную икону.

Но передъ лѣстницей слонъ останавливается въ безпокойствѣ и упрямится.

— Надо дать ему какое-нибудь лакомство... — говоритъ нѣмецъ. — Какой-нибудь сладкій булка, или что... Но... Томми!.. Ого-го... Томми!..

Надинъ отецъ бѣжитъ въ сосѣднюю булочную и покупаетъ большой круглый фисташковый тортъ. Слонъ обнаруживаетъ желаніе проглотить его цѣликомъ вмѣстѣ съ картонной коробкой, но нѣмецъ даетъ ему всего четверть. Тортъ приходится по вкусу Томми, и онъ протя-

гиваетъ хоботъ за вторымъ ломтемъ. Однако нѣмецъ оказывается хитрѣе. Держа въ рукѣ лакомство, онъ подыметъ вверху со ступеньки на ступеньку, и слонъ съ вытянутымъ хоботомъ, съ растопыренными ушами, поневолѣ слѣдуетъ за нимъ. На площадкѣ Томми получаетъ второй кусокъ.

Такимъ образомъ его приводятъ въ столовую, откуда заранѣе вынесена вся мебель, а полъ густо застланъ соломой... Слона привязываютъ за ногу къ кольцу, ввинченному въ полъ. Кладутъ передъ нимъ свѣжей моркови, капусты и рѣпы. Нѣмецъ располагается рядомъ, на диванѣ. Тушатъ огни, и всѣ ложатся спать.

VI.

На другой день дѣвочка просыпается чуть свѣтъ и прежде всего спрашиваетъ:

— А что же слонъ? Онъ пришелъ?

— Пришелъ — отвѣчаетъ мама: — но только онъ велѣлъ, чтобы Надя сначала умылась, а потомъ съѣла яйцо всмятку и выпила горячаго молока.

— А онъ добрый?

— Онъ добрый. Кушай, дѣвочка! Сейчасъ мы пойдёмъ къ нему.

— А онъ смѣшной?

— Немножко. Надѣнь теплую кофточку.

Яйцо быстро съѣдено, молоко выпито. Надю сажаютъ въ ту самую колясочку, въ которой она ѣздила, когда была еще такой маленькой, что совсѣмъ не умѣла ходить, и везутъ въ столовую.

Слонъ оказывается гораздо больше, чѣмъ думала Надя, когда разглядывала его на картинкѣ. Ростомъ онъ только чуть-чуть пониже двери, а въ длину занимаетъ половину столовой. Кожа на немъ грубая, въ тяжелыхъ склад-

какъ. Ноги толстыя, какъ столбы. Длинный хвостъ съ чѣмъ-то въ родѣ помела на концѣ. Голова въ большихъ шишкахъ. Уши большія, какъ лопухи, и висятъ внизъ. Глаза совсѣмъ крошечные, но умные и добрые. Клыки обрѣзаны. Хоботъ — точно длинная змѣя и оканчивается двумя ноздрями, а между ними подвижной, гибкій палецъ. Если бы слонъ вытянулъ хоботъ во всю длину, то навѣрно досталъ бы имъ до окна.

Дѣвочка вовсе не испугана. Она только немножко поражена громадной величиной животнаго. Зато нянька, шестнадцатилѣтняя Поля, начинаетъ визжать отъ страха.

Хозяинъ слона, нѣмецъ, подходитъ къ колясочкѣ и говоритъ:

— Добраго утра, барышня. Пожалуйста, не бойтесь. Томми очень добрый и любитъ дѣтей.

Дѣвочка протягиваетъ нѣмцу свою маленькую, блѣдную ручку.

— Здравствуйте, какъ вы поживаете? — отвѣчаетъ она. — Я вовсе, ни капельки не боюсь. А какъ его зовутъ?

— Томми.

— Здравствуйте, Томми, — произноситъ дѣвочка и кланяется головой. Оттого, что слонъ такой большой, она не рѣшается говорить ему на ты. — Какъ вы спали эту ночь?

Она и ему протягиваетъ руку. Слонъ осторожно беретъ и пожимаетъ ея тоненькіе пальчики своимъ подвижнымъ сильнымъ пальцемъ и дѣлаетъ это гораздо нѣжнѣе, чѣмъ докторъ Михайль Петровичъ. При этомъ слонъ качаетъ головой, а его маленькіе глаза совсѣмъ сузились, точно смѣются.

— Вѣдь онъ все понимаетъ? — спрашиваетъ дѣвочка нѣмца.

— О, рѣшительно все, барышня!

— Но только онъ не говоритъ?

— Да, вотъ только не говоритъ. У меня, знаете, есть тоже одна дочка, такая же маленькая, какъ и вы. Ее зовутъ Лиза. Томми съ ней большой, очень большой пріятель.

— А вы, Томми, уже пили чай? — спрашиваетъ дѣвочка слона.

Слонъ опять вытягиваетъ хоботъ и дуетъ въ самое лицо дѣвочки теплымъ, сильнымъ дыханіемъ, отъ чего легкіе волосы на головѣ дѣвочки разлетаются во всѣ стороны.

Надя хохочетъ и хлопаетъ въ ладоши. Нѣмецъ густо смѣется. Онъ самъ такой большой, толстый и добродушный, какъ слонъ, и Надѣ кажется, что они оба похожи другъ на друга. Можетъ-быть, они родня?

— Нѣтъ, онъ не пилъ чаю, барышня. Но онъ съ удовольствіемъ пьетъ сахарную воду. Также онъ очень любить булки.

Приносятъ подносъ съ булками. Дѣвочка угощаетъ слона. Онъ ловко захватываетъ булку своимъ пальцемъ, и, согнувъ хоботъ кольцомъ, прячетъ ее куда-то внизъ подъ голову, гдѣ у него движется смѣшная, треугольная, мохнатая нижняя губа. Слышно, какъ булка шуршитъ о сухую кожу. То же самое Томми продѣлываетъ съ другой булкой, и съ третьей, и съ четвертой, и съ пятой, и въ знакъ благодарности киваетъ головой, и его маленькіе глазки еще больше суживаются отъ удовольствія. А дѣвочка радостно хохочетъ.

Когда всѣ булки съѣдены, Надя знакомитъ слона со своими куклами:

— Посмотрите, Томми, вотъ эта нарядная кукла — это Соня. Она очень добрый ребенокъ, но немножко капризна и не хочетъ ѣсть супъ. А это — Наташа — Сонина дочь. Она уже начинаетъ учиться и знаетъ почти

всѣ буквы. А вотъ это — Матрешка. Это моя самая первая кукла. Видите, у нея нѣтъ носа, и голова приклеена, и нѣтъ больше волосъ. Но все-таки нельзя же выгнать изъ дому старушку. Правда, Томми? Она раньше была Сопиной матерью, а теперь служить у насъ кухаркой. Ну, такъ давайте играть, Томми: вы будете папой, а я мамой, а это будутъ наши дѣти.

Томми согласенъ. Онъ смѣется, беретъ Матрешку за шею и тащитъ къ себѣ въ ротъ. Но это только шутка. Слегка пожевавъ куклу, онъ опять кладетъ ее дѣвочкѣ на колѣни, правда, немного мокрую и помятую.

Потомъ Надя показываетъ ему большую книгу съ картинками и объясняетъ:

— Это лошадь, это канарейка, это ружье... Вотъ клетка съ птичкой, вотъ ведро, зеркало, печка, лопата, ворона... А это вотъ, посмотрите, это слонъ! Правда, совсѣмъ не похоже? Развѣ же слоны бываютъ такіе маленькіе, Томми?

Томми находитъ, что такихъ маленькихъ слоповъ никогда не бываетъ на свѣтѣ. Вообще ему эта картинка не нравится. Онъ захватываетъ пальцемъ край страницы и переворачиваетъ ее.

Наступаетъ часъ обѣда, но дѣвочку никакъ нельзя оторвать отъ слона. На помощь приходитъ нѣмецъ:

— Позвольте, я все это устрою. Они пообѣдаютъ вмѣстѣ.

Онъ приказываетъ слону сѣсть. Слонтъ послушно садится, отчего полъ во всей квартирѣ сотрясается, дребезжитъ посуда въ шкапу, а у нижнихъ жильцовъ сыплется съ потолка штукатурка. Напротивъ его садится дѣвочка. Между ними ставятъ столъ. Слону подвязываютъ скатерть вокругъ шеи, и новые друзья начинаютъ обѣдать. Дѣвочка ѣстъ супъ изъ курицы и котлетку, а слонъ — разныя овощи и салатъ. Дѣвочкѣ даютъ кро-

шечную рюмку хересу, а слону — теплою воды со стаканомъ рома, и онъ съ удовольствіемъ вытягиваетъ этотъ напитокъ хоботомъ изъ миски. Затѣмъ они получаютъ сладкое — дѣвочка чашку какао, а слонъ половину торта, на этотъ разъ орѣховаго. Нѣмецъ въ это время сидитъ съ папой въ гостиной — и съ такимъ же наслажденіемъ, какъ и слонъ, пьетъ пиво, только въ большемъ количествѣ.

Послѣ обѣда приходятъ какіе-то папины знакомые, ихъ еще въ передней предупреждаютъ о слонѣ, чтобы они не испугались. Сначала они не вѣрятъ, а потомъ, увидѣвъ Томми, жмутся къ дверямъ.

— Не бойтесь, онъ добрый! — успокаиваетъ ихъ дѣвочка.

Но знакомые поспѣшно уходятъ въ гостиную и, не просидѣвъ и пяти минутъ, уѣзжаютъ.

Наступаетъ вечеръ. Поздно. Дѣвочкѣ пора спать. Однако ее невозможно оттащить отъ слона. Она такъ и засыпаетъ около него, и ее уже сонную отвозятъ въ дѣтскую. Она даже не слышитъ, какъ ее раздѣваютъ.

Въ эту ночь Надя видитъ во снѣ, что она женилась на Томми, и у нихъ много дѣтей, маленькихъ, веселыхъ слонятъ. Слонъ, котораго ночью отвели въ звѣринецъ, тоже видитъ во снѣ милую, ласковую дѣвочку. Кромѣ того, ему снятся большіе торты, орѣховые и фисташковые, величиною съ ворота...

Утромъ дѣвочка просыпается бодрая, свѣжая и, какъ въ прежнія времена, когда она была еще здорова, кричитъ на весь домъ, громко и нетерпѣливо:

— Мо-лоч-ка!

Услышавъ этотъ крикъ, мама радостно крестится у себя въ спальнѣ.

Но дѣвочка тутъ же вспоминаетъ о вчерашнемъ и спрашиваетъ:

— А слонъ?

Ей объясняютъ, что слонъ ушелъ домой по дѣламъ, что у него есть дѣти, которыхъ нельзя оставлять однихъ, что онъ просилъ кланяться Надѣ, и что онъ ждетъ ее къ себѣ въ гости, когда она будетъ здорова.

Дѣвочка хитро улыбается и говоритъ:

— Передайте Томми, что я уже совсѣмъ здорова!

ПАЛАЧЪ.

Это случилось въ 1199 году, въ маленькомъ баварскомъ городкѣ Ингольштадтѣ, какъ разъ наканунѣ Рождества Христова. Зима въ этомъ году стояла такая суровая, что подобной ей не могли припомнить самые древніе старцы. По словамъ лѣтописца, «камни трескались отъ мороза, и дикіе звѣри выбѣгали изъ своихъ лѣсныхъ трущобъ, чтобы согрѣться около человѣческаго жилья». На небѣ появлялись страшныя, грозныя знаменія, предвѣщавшія моръ, войну и продолжительный голодъ. Многіе видѣли по ночамъ двѣ луны, восходившія рядомъ; другіе замѣчали огромный сіяющій крестъ, который пересѣкалъ все небо отъ востока къ западу и отъ сѣвера къ югу. Астрологи и шарлатаны, развѣзжавшіе по ярмаркамъ, выкрикивали со своихъ телѣжекъ о томъ, что съ концомъ столѣтія наступитъ кончина міра. Простой народъ жадно слушалъ эти туманныя, высокопарныя предсказанія, вѣрилъ имъ и глухо волновался.

Но и близкая кончина міра не могла утишить той страстной кровавой борьбы Гвельфовъ съ Гибеллинами, которая кипѣла повсемѣстно въ Германіи, начиная отъ герцогскаго дворца и кончая избой послѣдняго швабскаго угольщика. Наоборотъ, обоюдная ненависть, въ виду прибли-

жающихся страшныхъ событій, какъ будто бы усилилась еще больше, и обѣ партіи походили на двухъ борцовъ, схватившихся въ судорожномъ смертельномъ объятіи надъ самымъ краемъ бездонной пропасти. Тотъ же лѣтописецъ замѣчаетъ, что не только во всѣхъ городахъ и деревняхъ, но даже въ отдѣльныхъ семействахъ одни держали сторону Гвельфовъ, а другіе — Гибеллиновъ. Взаимной ненависти не было предѣловъ, и часто пустая ссора, невольная падѣ сказанное слово служили поводомъ для кровавой драки, внезапно закипавшей на улицѣ. То тѣ, то другіе попеременно брали верхъ. Нерѣдко германскій бюргеръ, который наканунѣ легъ спать, молясь за своихъ покровителей Гибеллиновъ, видѣлъ на утро родной городъ занятымъ папскими войсками. Интрига, заговоръ, наемный кинжалъ, измѣническое нападеніе считались дѣломъ самымъ обыденнымъ... По странѣ бродили, опустошая ее и наводя ужасъ на мирныхъ жителей, многочисленные шайки мародеровъ, которые въ средніе вѣка всегда слѣдовали, какъ стаи шакаловъ, по пятамъ большихъ армій, и нерѣдко даже значительные военные отряды подвергались неожиданному нападенію этихъ дерзкихъ хищниковъ.

Въ описываемое время, въ ночь съ 24 на 25 декабря, какой-то человекъ приближался къ Ингольштадтскимъ городскимъ воротамъ. Онъ, повидимому, страшно усталъ, потому что часто останавливался и, повернувшись спиной къ вѣтру, бушевававшему съ необыкновенной силой, глубоко переводилъ дыханіе. Отдохнувъ немного, онъ опять пускался впередъ, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ снѣга, доходившаго ему до колѣнъ. На немъ былъ дырявый мѣховый плащъ и широкополая фетровая шляпа. Судя по костюму, его можно было принять за бѣднаго бюргера или за арендатора мелкой фермы, и только спрятанная подъ плащомъ шпага, рукоятка которой оттопы-

ривала матерію, и тяжелые военные ботфорты иѣскольکو не гармонировали съ его невзрачной одеждой.

Человѣкъ въ мѣховомъ плащѣ дошелъ до глубокаго рва и остановился. По ту сторону рва сквозь мутно-бѣлую завѣсу мятели слабо виднѣлся деревянный палисадъ, окаймлявшій городъ, и темная, неуклюжая громада крѣпостныхъ воротъ

— Чортъ возьми, мостъ уже поднять! — недовольно проворчалъ путникъ. — Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго... Придется обойти кругомъ.

Очевидно, онъ былъ хорошо знакомъ съ расположеніемъ города, потому что, пройдя шаговъ около двухсотъ по краю рва, онъ повернулъ и сталъ медленно и осторожно спускаться въ него. Когда снѣгъ доходилъ ему до пояса, онъ останавливался и начиналъ топтаться на одномъ мѣстѣ, подминая подъ себя снѣгъ ногами и руками и чуть замѣтно подвигаясь впередъ. Такимъ образомъ прошло около часа, пока онъ добрался до противоположнаго откоса и съ трудомъ, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, вскарабкался на него. Затѣмъ онъ вынулъ изъ кармана толстую веревку, сдѣлалъ изъ нея мертвую петлю и, ловко забросивъ конецъ на одинъ изъ зубцовъ палисада, сталъ на рукахъ подыматься вверхъ, упираясь ногами въ стѣну. Черезъ двѣ минуты онъ былъ уже по ту сторону палисада.

Ингольштадтъ казался вымершимъ. Ни одинъ человѣкъ не попадался навстрѣчу путнику, пока онъ шелъ по узкимъ, кривымъ улицамъ города. Двери и ставни были плотно затворены массивными желѣзными болтами, и только кое-гдѣ сквозь узкую щель мелькалъ порою красный огонь ярко пылающей печи. Человѣкъ, страннымъ образомъ проникшій въ городъ, остановился передъ высокимъ домомъ, у котораго, согласно требованіямъ средне-вѣковой архитектуры, каждый верхній этажъ выступалъ

надъ нижнимъ, и нѣсколько разъ подъ рядъ постучалъ двернымъ молоткомъ. Ему пришлось ждать довольно долго, пока за дверью послышались грузные шаги и чей-то недовольный голосъ спросилъ:

— Какой чортъ стучится въ эту пору? Что нужно?

— Ради Бога, впустите меня, — отозвался путникъ. — Я замерзъ и умираю отъ голода.

— Ладно, ладно... Мы отлично знаемъ этихъ голодныхъ бродягъ... Убирайся къ дьяволу въ лапы. Тамъ ты скорѣй согрѣешься!..

— Послушайте... Я заплачу вамъ... Миѣ нуженъ только уголь для ночлега и ломоть хлѣба... Я заплачу вамъ золотомъ... Послушайте.

— Послушай ты, мародеръ, — раздался сердитый голосъ изъ-за двери: — если ты сейчасъ не отойдешь отъ моего дома, — я выпущу на тебя собакъ!..

Человѣкъ въ плащѣ произнесъ злое проклятіе и пошелъ дальше. Онъ зналъ, что домъ, въ который онъ только-что стучался, принадлежитъ бургомистру, самому богатому бюргеру въ городѣ. И по привычкѣ думать вслухъ, свойственной человѣку, пробывшему долгое время наединѣ съ самимъ собою, онъ проговорилъ:

— Хорошо, господинъ бургомистръ. Завтра я вамъ напомню, какъ вы собирались травить меня собаками. Что-то вы запоете тогда?..

Вдали мелькнулъ свѣтъ фонаря, и послышался звонъ оружія. Путникъ оглянулся вокругъ и, замѣтивъ въ одномъ изъ домовъ глубокую дверную нишу, быстро скользнулъ въ нее и плотно прижался къ стѣнѣ. Отрядъ городской стражи, состоящій изъ четырехъ человѣкъ, прошелъ мимо него такъ близко, что онъ даже услышалъ отъ одного изъ солдатъ сильный запахъ вина.

— Проклятіе, какая чертовская служба, — говорилъ солдатъ, который несъ фонарь. — Съ тѣхъ поръ, какъ Ги-

беллины изгнали нашего доброго Генриха-Льва, я, кажется, охотнѣй согласился бы пасти свиней, чѣмъ служить въ войскѣ...

— Въ особенности, когда уже третій мѣсяць мы не видимъ жалованья,—поддержалъ другой.

— И когда имперскіе рейтары обращаются съ нами, какъ съ собаками,—сказалъ третій.

— Нѣтъ, вотъ что я вамъ скажу, ребята, — вмѣшался опять солдатъ съ фонаремъ. — Если бъ теперь нашъ славный Генрихъ подошелъ подъ городскія стѣны, хоть съ самымъ маленькимъ отрядомъ, — я бы первый отворилъ ему ворота и опустилъ передъ нимъ мостъ.

— Я бы сдѣлалъ то же самое...

— И я, и я!

— Наши рыцари что-то такое знаютъ,—продолжалъ первый солдатъ. — Говорятъ, что его видѣли на границѣ, когда онъ...

Сильный порывъ вѣтра заглушилъ его слова. Скоро вдали затихли шаги обхода. По лицу чelовѣка въ плащѣ, не проронившаго ни одного слова изъ этого разговора, пробѣжала довольная улыбка, тѣмъ болѣе странная, что онъ съ головы до ногъ дрожалъ въ лихорадкѣ.

Выйдя изъ ниши, онъ опять пошелъ по городскимъ улицамъ. У нѣкоторыхъ домовъ онъ останавливался и стучался. Иногда на его стукъ никто не отзывался, но большею частью ему приходилось выслушивать изъ-за дверей такую грубую брань, что онъ въ молчаливомъ бѣшенствѣ стискивалъ зубы, сжималъ кулаки и отходилъ прочь. Въ одномъ домѣ ему отвѣчала, судя по голосу, какая-то добрая старуха:

— Ты, должно-быть, не здѣшній, что просишь почлега подъ канунъ Рождества Христова,—сказала она. — Развѣ ты не знаешь, что, по старому обычаю, ни одинъ хозяинъ ни за какія деньги не пуститъ сегодня въ свой

домъ чужого. Приди завтра, и я накормлю тебя хотъ жаренымъ гусемъ и напою имбирнымъ пивомъ. А сегодня ты принесешь въ мой домъ всѣ несчастья, которыя преслѣдуютъ тебя.

Человѣкъ въ плащѣ шелъ все дальше и дальше, спускаясь постепенно къ Дунаю. Когда онъ переходилъ площади, на него кидались стаи бродячихъ собакъ, тощихъ, одичавшихъ и злыхъ. Онѣ заливались бѣшенымъ лаемъ, вертясь вокругъ его ногъ, но такъ какъ онъ не обращалъ на нихъ вниманія, то онѣ не осмѣливались его тронуть.

Скоро городскія постройки стали попадаться все рѣже и рѣже, дальше пошли жалкія, вросшія въ землю лачужки ремесленниковъ и поденщиковъ. Но и въ нихъ напрасно стучался озябшій и голодный путникъ. Народное суевѣріе ревниво охраняло каждый домъ, потому что въ эту святую ночь въ него, вмѣстѣ съ чужимъ человѣкомъ, неминуемо должно было вторгнуться чужое несчастье. Между тѣмъ путникъ совершенно выбился изъ силъ. Ноги его такъ отяжелѣли, что онъ пасилу подымалъ ихъ отъ земли, все тѣло пыло, точно избитое, а глаза такъ неудержимо слипались, что ему стоило большихъ усилій, чтобы не повалиться на снѣгъ и не заснуть крѣпкимъ сномъ.

Городъ кончился. Дальше идти было некуда. Человѣкъ въ плащѣ остановился въ нерѣшимости. Имъ уже стала овладѣвать какая-то сладкая, истомная зѣвота. Еще нѣсколько минутъ, и онъ улегся бы на снѣгу, закрывшись поплотнѣе своей верхней одеждой. Какъ вдругъ впереди него изъ-за широко распахнутой вѣтромъ двери брызнулъ яркій свѣтъ. «Все равно: постучусь еще разъ,—подумалъ вслухъ путникъ:—а тамъ...» Но онъ даже не договорилъ своей фразы и поспѣшно, насколько ему позволяли изсякшія силы, пошелъ впередъ по цѣльному снѣгу.»

Домъ, откуда блеснулъ огонь, стоялъ далеко въ сторонѣ отъ черты городскихъ построекъ и былъ гораздо больше и наряднѣе тѣснѣвшихся на окраинѣ лачужекъ.

Вокругъ дома не было никакой изгороди, и потому путникъ могъ, подойдя вплотную къ окну, не закрытому ставней, заглянуть черезъ него внутрь дома.

Рослый человѣкъ въ новомъ красномъ шелковомъ кафтанѣ сидѣлъ у стола и ѣлъ; высокая худая дѣвочка лѣтъ тринадцати, съ тонкими и красивыми чертами печальнаго лица, стоя, прислуживала ему. Человѣкъ этотъ, судя по широкой шеѣ, массивнымъ плечамъ и огромнымъ, волосатымъ кистямъ рукъ, отличался страшной физической силой. Волосы на головѣ у него были коротко острижены, въ небольшой круглой бородѣ серебрилась замѣтно просѣдь, а лицо его, изрытое морщинами, было такъ мрачно, что путникъ, глядя на него сквозь слюдяное окно, подумалъ: «Должно-быть, на этомъ лицѣ никогда не появлялась улыбка».

Человѣкъ въ плащѣ постучался въ дверь.

— Войдите, не заперто! — крикнулъ изнутри сильный густой голосъ.

Путникъ приподнял наружный деревянный засовъ и очутился въ большой, жарко истопленной комнатѣ, наполненной раздражающимъ запахомъ жареной свинины.

— Какъ, неужели и сегодня понадобилась моя работа? — воскликнулъ недовольнымъ голосомъ хозяинъ. — Если такъ, то скажите вашимъ судьямъ, что я ни сегодня ни завтра не выйду изъ дому, хотя бы меня самого повѣсили за это.

Но когда незнакомецъ снялъ свою шапку, засыпанную снѣгомъ, то хозяинъ быстро приподнялся со стула, и лицо его выказало удивленіе.

— Простите, я принялъ васъ за другого, — сказалъ онъ вѣжливо: — что угодно господину?

Хотя незнакомецъ и былъ одѣтъ въ поношенный и дырявый плащъ, но, навѣрное, всякій назвалъ бы его господиномъ такъ же, какъ это сдѣлалъ и хозяинъ дома. Что-то нестрасимо-властное, увѣренное и величественное было въ его стройной высокой фигурѣ и въ его красномъ лицѣ съ длинной, выхоленной черной бородой.

— Прошу васъ, не откажите мнѣ въ кускѣ хлѣба и въ ночлегѣ... Хотя бы на полу!—умоляюще произнесъ незнакомецъ. — Я обошелъ весь городъ, и меня не впустили ни въ одинъ домъ. Я заплачу золотомъ за все, что вы мнѣ дадите.

Хозяинъ низко поклонилъ голову передъ своимъ неожиданнымъ гостемъ.

— Я не возьму отъ васъ платы,—сказалъ онъ тихо, и въ голосѣ его послышалась горечь и грусть. — Весь мой домъ къ вашимъ услугамъ, но...— онъ на минуту замаялся:—но я боюсь, что вы предпочтете опять уйти на морозъ и мятель, когда узнаете, у кого вы въ гостяхъ.

— О, чертъ возьми, не все ли равно, кто вы, когда я умираю отъ голода и отморозилъ себѣ ноги!—воскликнулъ нетерпѣливо незнакомецъ. — Гвельфъ вы или Гибеллингъ, убійца или честный бюргеръ! Дайте мнѣ кусокъ хлѣба и не говорите ни слова о вашихъ занятіяхъ.

— Пусть будетъ такъ, — сказалъ хозяинъ и опять низко склонился передъ гостемъ. — Прошу васъ, господинъ, садитесь за столъ. Элеонора, — обратился онъ къ дочери: — ты будешь прислуживать господину, а потомъ приготовишь ему постель.

Незнакомецъ съ такой жадностью накинулся на свинину и копченый медвѣжій окорокъ, что, повидимому, совершенно забылъ о гостепріимномъ хозяинѣ, и только утоливъ первый голодъ, онъ замѣтилъ, что тотъ стоитъ въ глубинѣ комнаты.

— Отчего вы не садитесь со мною за столъ? — спро-

силъ гость. — Я прервалъ вашъ ужинъ, и, право, это ставитъ меня въ очень неловкое положеніе. Садитесь же, прошу васъ!

— Нѣтъ, господинъ, я не смѣю сѣсть съ вами рядомъ... — возразилъ твердо хозяинъ. — Элеонора, налей господину вина.

Гонъ его отказа былъ такъ рѣшителенъ, что незнакомецъ не настаивалъ больше. Онъ ничего не ѣлъ въ продолженіе двухъ сутокъ, и теперь у него не хватало терпѣнія разспрашивать. Но когда онъ насытился и выпилъ нѣсколько стакановъ золотого, душистаго рейнскаго вина, которое ему наливала своими тонкими смуглыми дѣтскими ручками Элеонора, когда чувство блаженнаго довольства и покоя впервые послѣ многихъ дней пужды, опасностей и голода разлилось по всему его тѣлу, его сердце переполнилось глубокой благодарностью и какой-то странной жалостью къ этому загадочному человѣку, стоявшему сзади него въ покорной и печальной позѣ. Незнакомецъ выпрямился во весь свой высокій ростъ и сказалъ повелительно:

— Я, Генрихъ II, Левъ-Анна, герцогъ Швабскій, электоръ Саксонскій, приказываю тебѣ назвать свое имя и званіе!..

Хозяинъ дома вздрогнулъ отъ неожиданности и упалъ ницъ, касаясь головой пола.

— Ваша свѣтлость! Ваша свѣтлость! — воскликнулъ онъ растерянно. — Я—Эйзенманъ, я—Карлъ Эйзенманъ... Простите меня за то, что я сразу не назвалъ вамъ своею имени.. Я—Карлъ Эйзенманъ, ингольштадтскій палачъ...

Брови Генриха-Льва нахмурились на мгновенье, но только на одно мгновенье. Быстрымъ движеніемъ онъ вытащилъ изъ ноженъ свою широкую, длинную шпагу и, ударивъ ею плашмя по плечу Эйзенмана, произнесъ:

— Я, Генрихъ-Левъ, герцогъ Швабскій, электоръ Са-

ксонскій, посвящаю тебя въ рыцари Швабской короны. Встаньте, Карль фонъ-Эйзенманъ. — добавилъ онъ привѣтливо.

Такимъ образомъ, по разсказу лѣтописца, въ ночь на Рождество Христово, на порогѣ XIII столѣтія, былъ возведенъ въ рыцарское достоинство иигольштадтскій палачь. Но такъ какъ у него не было мужского потомства, то и родъ его прекратился вмѣстѣ съ нимъ, когда онъ погибъ геройской смертью, сражаясь на стѣнахъ Везепберга за своего герцога.

ВЪ НѢДРАХЪ ЗЕМЛИ.

Раннее весеннее утро—прохладное и росистое. Въ небѣ ни облачка. Только на востокѣ, тамъ, откуда сейчасъ выплывало въ огненномъ заревѣ солнце, еще толпятся, блѣднѣя и тая съ каждой минутой, сизыя предразсвѣтныя тучки. Весь безбрежный степной просторъ кажется осыпаннымъ тонкой золотой пылью. Въ густой буйной травѣ тамъ и сямъ дрожать, переливаясь и всыхивая разноцвѣтными огнями, брильянты крупной росы. Степь весело пестрѣетъ цвѣтами: ярко желтѣетъ дрокъ, скромно синѣютъ колокольчики, бѣлѣетъ цѣлыми зарослями пахучая ромашка, дикая гвоздика горитъ пунцовыми пятнами. Въ утренней прохладѣ разлить горькій, здоровый запахъ полыни, смѣшанной съ нѣжнымъ, похожимъ на миндаль, ароматомъ повилики. Все блещетъ, и нѣжится, и радостно тянется къ солнцу. Только кое-гдѣ въ глубокихъ и узкихъ балкахъ, между крутыми обрывами, поросшими рѣдкимъ кустарникомъ, еще лежатъ, напоминая объ ушедшей ночи, влажныя синеватыя тѣщи. Высоко въ воздухѣ, невидные глазу, трепещутъ и звенятъ жаворонки. Неугомонные кузнечики давно подняли свою торопливую, сухую трескотню. Степь проснулась и ожила, и кажется, будто она дышитъ глубокими, ровными и могучими вздохами.

Рѣзко нарушая прелесть этого прелестнаго утра, гу-

дять на Гололобовской шахтѣ обычный шестичасовой свистокъ, гудить безконечно-долго, хрипло, съ надсадою, точно жалуюсь на что-то. Звукъ этотъ слышится то громче, то слабѣе; иногда онъ почти замираетъ, какъ будто обрываясь, захлебываясь, уходя подъ землю, и вдругъ опять вырывается съ повою, неожиданной силой.

На огромномъ зеленѣющемъ горизонтѣ степи только одна эта шахта со своими черными заборами и торчащей надъ ними безобразной вышкой напоминаетъ о человѣкѣ и человѣческомъ трудѣ. Длинные, красные, закопченные сверху трубы изрыгаютъ, не останавливаясь ни на секунду, клубы черного, грязнаго дыма. Еще издали слышенъ частый звонъ молотовъ, бьющихъ по желѣзу, и протяжный грохотъ цѣпей, и эти тревожные металлические звуки принимаютъ какой-то суровый, неумолимый характеръ среди тишины яснаго, улыбающагося утра.

Сейчасъ должна спуститься подъ землю вторая смѣна. Сотни двѣ человѣкъ толпятся на шахтенномъ дворѣ между штабелей, сложенныхъ изъ крупныхъ кусковъ блестящаго на изломахъ каменнаго угля. Совершенно черныя, пропитанныя углемъ, не мытыя по цѣлымъ недѣлямъ лица, лохмотья всевозможныхъ цвѣтовъ и видовъ, опорки, лапти, сапоги, старыя резиновые калоши и просто босыя ноги, — все это перемѣшалось въ пестрой, суетливой, галдящей массѣ. Въ воздухѣ такъ и виситъ изысканно-безобразная непечатная ругань, попеременно съ хриплымъ смѣхомъ и удушливымъ, судорожнымъ, запойнымъ кашлемъ.

Но понемногу толпа уменьшается, вливаясь въ узкую деревянную дверь, надъ которой прибита бѣлая досочка съ надписью: «ламповая». Ламповая биткомъ-набита рабочими. Десять человѣкъ, сидя за длиннымъ столомъ, непрерывно наполняютъ масломъ стеклянныя лампочки, одѣтыя сверху въ предохранительные проволочные фут-

ляры. Когда лампочки совсѣмъ готовы, ламповщикъ вдѣваетъ въ ушки, соединяющія верхъ футляра съ дномъ, кусочекъ свинца и расплющиваетъ его однимъ нажимомъ массивныхъ щипцовъ. Такимъ образомъ достигается то, что шахтеръ до самаго выхода обратно изъ-подъ земли никакъ не можетъ открыть лампочки, а если даже случайно и разобьется ея стекло, то проволочная сѣтка дѣлаетъ огонь совершенно безопаснымъ. Это дѣлается для безопасности, потому что въ глубинѣ каменноугольныхъ шахтъ скопляется особый горючій газъ, который отъ огня мгновенно взрывается; бывали случаи, что отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ на шахтахъ погибали сотни человѣкъ.

Получивъ лампочку, шахтеръ проходитъ въ другую комнату, гдѣ старшій табельщикъ отмѣчаетъ его фамилію въ дневной вѣдомости, а двое подручныхъ тщательно осматриваютъ его карманы, одежду и обувь, чтобы узнать, не несетъ ли онъ съ собою папиросъ, спичекъ или огнива.

Убѣдившись, что запрещенныхъ вещей нѣтъ, или просто не найдя ихъ, табельщикъ коротко киваетъ головой и бросаетъ отрывисто: «проходи».

Тогда черезъ слѣдующую дверь шахтеръ выходитъ на широкую, длинную крытую галлерею, расположенную надъ «главнымъ стволомъ».

Въ галлерей идетъ кипучая суета смѣны. Въ квадратномъ отверстіи, ведущемъ въ глубь шахты, ходятъ на цѣпи, перекинутой высоко надъ крышей черезъ блокъ, двѣ желѣзныхъ платформы. Въ то время, когда одна изъ нихъ подымается, — другая опускается на сотню сажень. Платформа точно чудомъ выскакиваетъ изъ-подъ земли, нагруженная вагонетками съ влажнымъ, только-что вырваннымъ изъ нѣдръ земли углемъ. Въ одинъ мигъ рабочіе стаскиваютъ вагонетки съ платформы, ставятъ ихъ на рельсы и бѣгомъ влекутъ на шахтенный дворъ. Пу-

стая платформа тотчасъ же наполняется людьми. Въ машинное отдѣленіе дается условный знакъ электрическимъ звонкомъ, платформа содрогается и внезапно съ страшнымъ грохотомъ исчезаетъ изъ глазъ, проваливается подъ землю. Проходитъ минута, другая, въ продолженіе которыхъ ничего не слышно, кромѣ пыхтѣнья машины и лязганья бѣгущей цѣпи, и другая платформа, — но уже не съ углемъ, а биткомъ-набитая мокрыми, черными и дрожащими отъ холода людьми, вылетаетъ изъ-подъ земли, точно выброшенная наверхъ какой-то таинственной, невидимой и страшной силой. И эта смѣна людей и угля продолжается быстро, точно, однообразно, какъ ходъ огромной машины.

Васька Ломакинъ, или, какъ его прозвали шахтеры, вообще любящіе хлесткія прозвища, — Васька Кирпатый стоитъ надъ отверстіемъ главнаго ствола, поминутно извергающаго изъ своихъ нѣдръ людей и уголь, и, слегка полуоткрывъ ротъ, пристально смотритъ внизъ. Васька — двѣнадцатилѣтній мальчикъ съ совершенно чернымъ отъ угольной пыли лицомъ, на которомъ наивно и довѣрчиво смотрятъ голубые глаза, и со смѣшно вздернутымъ носомъ. Онъ тоже долженъ сейчасъ спуститься въ шахту, но люди его партіи еще не собрались, и онъ дожидается ихъ.

Васька всего полгода какъ пришелъ изъ далекой деревни. Безобразный разгулъ и разнузданность шахтерской жизни еще не коснулись его чистой души. Онъ не куритъ, не пьетъ и не сквернословитъ, какъ его однолѣтки-рабочіе, которые всѣ поголовно напиваются по воскресеньямъ до безчувствія, играютъ на деньги въ карты, имѣютъ любовницъ и хвастаются этимъ. Кромѣ «Кирпатаго», у него есть еще кличка «мамкинъ», данная ему за то, что, поступая на службу, на вопросъ штейгера: «Ты, пороенокъ, чей будешь?», онъ наивно отвѣтилъ: «А мамкинъ!».

что вызвало взрывъ громового хохота и бѣшеный потокъ восхищенной ругани . всей смѣны.

Васька до сихъ поръ не можетъ привыкнуть къ угольной работѣ и къ шахтерскимъ нравамъ и обычаямъ. Величина и сложность шахтеннаго дѣла подавляетъ его бѣдный впечатлѣніями умъ, и, хотя онъ въ этомъ не даетъ себѣ отчета, шахта представляется ему какимъ-то сверхъестественнымъ міромъ, обиталищемъ мрачныхъ, чудовищныхъ силъ. Самое таинственное существо въ этомъ мірѣ—безспорно машинистъ.

Вотъ онъ сидитъ въ своей кожаной засаленной курткѣ съ сигарой въ зубахъ и съ золотыми очками на носу, бородатый и насупленный. Васькѣ онъ отлично виденъ сквозь стеклянную перегородку, отдѣляющую машинную часть. Что это за человѣкъ? Да, полно: и человѣкъ ли онъ еще? Вотъ онъ, не сходя съ мѣста и не выпуская изо рта сигары, тронулъ какую-то пуговку, и въ мигъ заходила огромная машина, до сихъ поръ неподвижная и спокойная, загремѣли цѣпи, съ грохотомъ полетѣла внизъ платформа, затряслось все деревянное строеніе шахты. Удивительно!.. А онъ сидитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, и покуриваетъ. Потомъ онъ надавилъ еще какую-то шишечку, потянулъ за какую-то стальную палку, и въ секунду все остановилось, присмирѣло, затихло... Можетъ-быть, онъ слово такое знаетъ? — не безъ страха думаетъ, глядя на него, Васька.

Другой — загадочный и притомъ облеченный необыкновенной властью человѣкъ — старшій штейгеръ Павелъ Никифоровичъ. Онъ полный хозяинъ въ темномъ, сыромъ и страшномъ подземномъ царствѣ, гдѣ среди глубокаго мрака и тишины мелькаютъ красныя точки отдаленныхъ факеловъ. По его приказаніямъ ведутся новыя галлерей и дѣлаются забои.

Павелъ Никифоровичъ очень красивъ, но неразговорчивъ и мраченъ, какъ будто общеніе съ подземными силами наложило на него особую загадочную печать. Его физическая сила стала легендой среди шахтеровъ, и даже такіе «фартовые» хлопцы, какъ Бухало и Ванька Грекъ, дающіе тонъ буйному направленію умовъ, отзываются о старшемъ штейгерѣ съ оттѣнкомъ почтенія.

Но неизмѣримо выше Павла Никифоровича и машиниста стоитъ во мнѣніи Васьки директоръ шахты — французъ Карлъ Францовичъ. У Васьки нѣтъ даже сравненій, которыми онъ могъ бы опредѣлить размѣры могущества этого сверхъ-человѣка. Онъ можетъ сдѣлать все, рѣшительно все на свѣтѣ, что ему только ни захочется. Отъ маловенія его руки, отъ одного его взгляда зависитъ жизнь и смерть всѣхъ этихъ табельщиковъ, десятниковъ, шахтеровъ, нагрузчиковъ и подвозчиковъ, которые тысячами кормятся около завода. Всюду, гдѣ только показывается его высокая прямая фигура и блѣдное лицо съ торчащими вверхъ усами, тотчасъ же чувствуется общее напряженіе и растерянность. Когда онъ говоритъ съ человѣкомъ, то смотритъ ему прямо въ глаза своими холодными большими глазами, но смотритъ такъ, какъ будто разглядываетъ сквозь этого человѣка что-то такое, видимое ему одному. Раньше Васька не могъ себѣ представить, что существуютъ на свѣтѣ люди, подобные Карлу Францовичу. Отъ него даже и пахнетъ какъ-то особенно, какими-то удивительными сладкими цвѣтами. Этотъ запахъ Васька уловилъ однажды, когда директоръ прошелъ мимо него въ двухъ шагахъ, конечно, даже не замѣтивъ крошечнаго мальчугана, который стоялъ безъ шапки съ раскрытымъ ртомъ, провожая испуганными глазами проносящееся земное божество.

— Эй ты, Кирпатый, полѣзай, что ли! — услышалъ Васька надъ своимъ ухомъ грубый окликъ.

Васька встрепенулся и бросился къ платформѣ. Садилась та партія, при которой онъ состоялъ подручнымъ. Собственно, ближайшихъ начальниковъ у него было двое: дядя Хрящъ и Ванька Грекъ. Съ ними вмѣстѣ онъ помѣщался на однѣхъ нарахъ въ общей казармѣ, съ ними же постоянно работалъ въ шахтѣ и при нихъ же несъ въ свободное время многочисленныя домашнія обязанности, въ кругъ которыхъ входило главнымъ образомъ бѣганье въ ближайшій кабакъ «Свиданіе друзей» за водкой и огурцами. Дядя Хрящъ принадлежалъ къ числу старыхъ шахтеровъ, измотавшихся и обезличившихся на долгой непосильной работѣ. У него не было разницы между добрымъ и злымъ дѣломъ, между буйной выходкой и трусливымъ прятаньемъ за чужую спину. Онъ рабски шелъ за большинствомъ, безсознательно прислушивался къ сильнымъ и давилъ слабого, и въ шахтерской средѣ не пользовался, несмотря на свои преклонныя лѣта, ни уваженіемъ ни вліяніемъ. Ванька Грекъ, наоборотъ, до известной степени руководилъ общественнымъ мнѣніемъ и сильными страстями всей казармы, гдѣ самыми вѣскими аргументами служили занозистое слово и крѣпкій кулакъ, въ особенности, если онъ былъ вооруженъ тяжелымъ и острымъ кайломъ.

Въ этомъ мірѣ бурныхъ, пылкихъ, отчаянныхъ натуръ каждое взаимное столкновеніе принимало преувеличенно-острый характеръ. Казарма напоминала собой огромную клѣтку, биткомъ-набитую хищнымъ звѣрьемъ, гдѣ только злость, дерзость и сила обуславливали равноправное существованіе, гдѣ растеряться, оказать минутную перѣшительность — равнялось погибели. Обыкновенный дѣловой разговоръ, товарищеская шутка переходили въ страшный взрывъ ненависти. Только-что мирно бесѣдовавшіе люди бѣшено вскакивали съ мѣста, лица блѣднѣли, руки судорожно стискивали рукоятку ножа или молота, изъ дрожащихъ опѣенныхъ губъ вылетали вмѣстѣ съ

брызгами слюны ужасныя ругательства... Въ первые дни своей шахтерской жизни, присутствуя при такихъ сценахъ, Васька весь обомлѣвалъ отъ испуга, чувствуя, какъ у него холодѣетъ въ груди, и какъ его руки становятся слабыми и влажными.

Если въ такой звѣрской средѣ Ванька Грекъ пользовался нѣкоторымъ, сравнительнымъ уваженіемъ, то это до известной степени говоритъ объ его нравственныхъ качествахъ. Онъ былъ въ состояніи работать по цѣлымъ недѣлямъ, не отрываясь отъ дѣла, съ какимъ-то озлобленнымъ упорствомъ, для того, чтобы спустить въ одну ночь всѣ заработанныя этимъ нечеловѣческимъ трудомъ деньги. Трезвый онъ былъ несообщителенъ и молчаливъ, а будучи пьянымъ, занималъ музыканта, велъ его въ трактиръ и заставлялъ играть, а самъ сидѣлъ противъ него, пилъ водку стаканами и плакалъ. Потомъ неожиданно вскакивалъ съ перекосившимся лицомъ и налитыми кровью глазами и начиналъ «разносить». Что или кого разносить — ему было все равно; просила исхода порабощенная долгимъ трудомъ натура... Начинались безобразныя, кровавыя драки во всѣхъ концахъ завода и продолжались до тѣхъ поръ, пока мертвый сонъ не валилъ съ ногъ этого необузданнаго человѣка.

Но — какъ это ни странно — Ванька Грекъ оказывалъ Кирпатову нѣчто похожее на заботу, или, вѣрнѣе, вниманіе. Конечно, это вниманіе выражалось въ суровой и грубой формѣ и сопровождалось скверными словами, безъ которыхъ не обходится шахтеръ даже въ самыя лучшія свои минуты, однако, несомнѣнно, это вниманіе существовало. Такъ, на примѣръ, Ванька Грекъ устроилъ мальчугана въ самомъ лучшемъ мѣстѣ на нарахъ, ногами къ печкѣ, несмотря на протестъ дяди Хряща, которому это мѣсто раньше принадлежало. Въ другой разъ, когда загулявшій шахтеръ хотѣлъ силой отнять у Васьки пол-

тинникъ, Грекъ отстоялъ Васькины интересы. «Оставь мальчишку», — спокойно сказалъ онъ, слегка приподымаясь на нарахъ. И эти слова были сопровождаемы такимъ красно-рѣчивымъ взглядомъ, что шахтеръ разразился потокомъ отборной ругани, но тѣмъ не менѣе отошелъ въ сторону.

На платформу вмѣстѣ съ Васькой вошло еще пять человекъ. Раздался сигналъ, и въ тотъ же моментъ Васька почувствовалъ во всемъ тѣлѣ необычайную легкость, точно у него за спиною выросли крылья. Вздрагивая и гремя, полетѣла платформа внизъ, и мимо нея, сливаясь въ одну сплошную сѣрую полосу, понеслась вверхъ кирпичная стѣна колодца. Потомъ сразу наступилъ глубокий мракъ. Лампочки еле мерцали въ рукахъ молчаливыхъ бородатыхъ шахтеровъ, вздрагивая при неровныхъ толчкахъ падающей платформы. Затѣмъ Васька внезапно почувствовалъ себя летящимъ не внизъ, а вверхъ. Этотъ странный физическій обманъ всегда испытывается непривычными людьми въ то время, когда платформа достигаетъ середины ствола, но Васька долго не могъ отдѣлаться отъ этого ложнаго ощущенія, всегда вызывавшаго у него легкое головокруженіе.

Платформа быстро и мягко замедлила паденіе и стала на грунтъ. Сверху водопадомъ падали внизъ стекавшіеся къ главному стволу подземные источники, и шахтеры быстро сбѣгали съ платформы, чтобы избѣгнуть этого проливного дождя.

Люди въ клеенчатыхъ плащахъ, съ капюшонами на головахъ, скатывали на платформу полныя вагонетки. Дядя Хрящъ кинулъ кому-то изъ нихъ: «здорово, Тереха», но тотъ не удостоилъ его отвѣтомъ, и партія разбрелась въ разные стороны.

Каждый разъ, очутившись подъ землей, Васька чувствовалъ, какъ имъ овладѣваетъ какая-то молчаливая гле-

тущая тоска. Эти длинные черныя галлерей казались ему безконечными. Изрѣдка мелькалъ гдѣ-то далеко жалкой блѣдно-красной точечкой огонекъ лампы и пропадалъ внезапно, и опять показывался. Шаги звучали глухо и странно. Воздухъ былъ непріятно сыръ, душень и холоденъ. Иногда за боковыми стѣнами слышалось журчанье бѣгущей воды, и въ этихъ слабыхъ звукахъ Васька ловилъ какія-то зловѣщія, угрожающія ноты.

Васька шелъ слѣдомъ за дядей Хрящомъ и Грекомъ. Ихъ лампочки, раскачиваемыя руками, бросали на скользкія, покрытыя плѣсенью, бревенчатыя стѣны галлерей тускляя желтыя пятна, въ которыхъ причудливо метались взадъ-впередъ, то пропадаая, то вытягиваясь до потолка, три уродливыя чьясныя тѣни. Невольно всѣ кровавыя и таинственныя преданія шахты всплыли въ памяти Васьки.

Вотъ здѣсь засыпало обваломъ четырехъ человекъ. Трехъ изъ нихъ нашли мертвыми, а трупъ четвертаго такъ и не отыскался; говорятъ, что его духъ ходитъ иногда по галлерей № 5-й и жалобно плачетъ... Тамъ въ третьемъ году одинъ шахтеръ размозжилъ кайломъ голову своему товарищу, который отказалъ ему въ глоткѣ водки, пронесенной подъ землю контрабанднымъ путемъ. Рассказывали также объ одномъ старомъ рабочемъ, который много лѣтъ тому назадъ заблудился въ галлерейхъ, знакомыхъ ему, какъ свои пять пальцевъ. Его нашли только черезъ три дня, обезсилѣвшимъ отъ голода и сошедшимъ съ ума. Говорили, что «кто-то» водилъ его по шахтѣ. Этотъ «кто-то»—страшный, безыменный и безличный, какъ и породившій его подземный мракъ—несомнѣнно существуетъ въ глубинѣ шахтъ, но о немъ никогда не станеть говорить ни одинъ настоящій шахтеръ,—ни въ трезвомъ ни въ пьяномъ видѣ. И каждый разъ, когда Васька, идя слѣдомъ за своей «партіей», думаетъ о

«немъ», онъ чувствуетъ на своемъ тѣлѣ чье-то тихое, холодное дыханье, кидающее его въ дрожь.

— Ну что, Ванька, хорошо погулялъ? — искательно спросилъ дядя Хрящъ, оборачиваясь на ходу въ сторону Грека.

Грекъ не отвѣтилъ и только презрительно сплюнулъ сквозь зубы. Наканунѣ онъ цѣлыхъ пять дней не приходилъ на работу, угарно и безобразно пропивая свое двухмѣсячное жалованье. За все это время онъ почти совсѣмъ не спалъ, и теперь его нервы были возбуждены до крайней степени.

— Н-да, братецъ мой, хорошо, нечего сказать, — не унимался дядя Хрящъ. — Какъ это ты десятника-то облаялъ? Очень прекрасно...

— Не зуди, — коротко отрѣзалъ Грекъ.

— Чего зудить, я не зужу, — отозвался дядя Хрящъ, которому всего обиднѣе было то обстоятельство, что ему не удалось принять участія во вчерашнемъ разгулѣ. — А только, братецъ ты мой, тебѣ теперь конторы не миновать. Позовутъ тебя, друга милаго, къ расчету. Ужъ это какъ пить дать...

— Отстань!

— Чего тамъ отстань. Это, голубчикъ, не то, что въ трактирѣ бильярды выворачивать. Сергѣй Трифонычъ такъ и сказалъ: пускай, говоритъ, онъ теперь у меня хорошенько попросится. Пускай...

— Замолчи, собака! — вдругъ рѣзко обернулся къ старику Грекъ, и его глаза злобно сверкнули въ темнотѣ галлерей.

— Мнѣ что жъ! Я ничего, я молчу, — замылся дядя Хрящъ.

До мѣста работы было почти полторы версты. Свернувъ съ главной магистрали, партія еще долго шла узкими колѣнчатými галлерейками. Кое-гдѣ нужно было на-

гибаться, чтобы не коснуться головой потолка. Воздухъ съ каждой минутой дѣлался сырѣе и удушливѣе.

Наконецъ они дошли до своей лавы.

Въ ея узкомъ и тѣсномъ пространствѣ нельзя было работать ни стоя ни сидя; приходилось отбивать уголь, лежа на спинѣ, что составляетъ самый трудный и тяжелый родъ шахтерскаго искусства. Дядя Хрящъ и Грекъ медленно и молча раздѣлись, оставшись нагими до пояса, зацѣпили свои лампочки за выступы стѣнокъ и легли рядомъ. Грекъ чувствовалъ себя совсѣмъ нехорошо. Три безсонныя ночи и продолжительное отравленіе скверной водкой мучительно давали себя знать. Во всемъ тѣлѣ ощущалась тупая боль, точно кто-то исколотилъ его палкой, руки слушались съ трудомъ, голова была такъ тяжела, какъ будто ее набили каменнымъ углемъ. Однако Грекъ ни за что бы не уронилъ шахтерскаго достоинства, выдавъ чѣмъ-нибудь свое болѣзненное состояніе.

Молча, сосредоточенно, со стиснутыми зубами вбивалъ онъ кайло въ хрупкій, звенящій уголь. Временами онъ какъ будто бы забывался. Все исчезало изъ его глазъ: и низкая лава, и тусклый блескъ угольныхъ изломовъ, и дряблѣе тѣло лежащаго съ нимъ рядомъ дяди Хряща. Мозгъ точно засыпалъ мгновеніями, въ головѣ однообразно, до тошноты надоѣдливо, звучали мотивы вчерашней шарманки, но руки сильными и ловкими движеніями продолжали привычную работу. Отбивая надъ своей головой пластъ за пластомъ, Грекъ почти безсознательно передвигался на спинѣ все выше и выше, далеко оставивъ за собой слабосильнаго товарища.

Мелкій уголь брызгами летѣлъ изъ-подъ его кайла, осыпая его вспотѣвшее лицо. Выворотивъ большой кусокъ, Грекъ только на минуту задерживался, чтобы оттолкнуть его ногой, и опять со злобной энергіей уходилъ въ работу. Васька успѣлъ уже два раза наполнить гачку.

и отвезти ее на главную магистраль, гдѣ въ общихъ кучахъ ссыпался уголь, добытый въ боковыхъ галлереяхъ. Когда онъ возвращался во второй разъ порожнякомъ, его еще издали поразили какіе-то странные звуки, раздававшіеся изъ отверстія лавы. Кто-то стопаль и хрипѣль, какъ будто бы его душили за горло. Сначала у Васьки мелькнула въ головѣ мысль, что шахтеры дерутся. Онъ остановился въ испугѣ, но его окликнулъ взволнованный голосъ дяди Хряща:

— Что же ты сталъ, щенокъ? Иди сюда скорѣе.

Ванька Грекъ бился на землѣ въ страшныхъ судорогахъ. Лицо его посинѣло, на тѣсно сжатыхъ губахъ выступила пѣна, вѣки были широко раскрыты, а вмѣсто глазъ виднѣлись только одни громадные, вращающіеся бѣлки.

Дядя Хрящъ совсѣмъ растерялся, онъ то и дѣло трогалъ Грека за холодную, трепещущую руку и приговаривалъ просительнымъ голосомъ:

— Да Ванька... да перестань же... ну, будетъ же, будетъ...

Это былъ страшный приступъ падучей. Невѣдомая ужасная сила подбрасывала все тѣло Грека, искривляя его въ безобразныхъ, судорожныхъ позахъ.

Онъ то изгибался дугой, опираясь только пятками и затылкомъ о землю, то тяжело падалъ внизъ тѣломъ, корчился, касаясь колѣнами подбородка, и вытягивался какъ палка, дрожа каждымъ мускуломъ.

— Ахъ, Господи, вотъ исторія, — бормоталъ испуганно дядя Хрящъ. — Ванька, да перестань же... послушай... Ахъ, ты, Боже мой, какъ это его вдругъ?.. Постой-ка, Кирпатый, — вдругъ спохватился онъ: — ты останься постеречь его здѣсь, а я побѣгу за людьми.

— Дяденька, а какъ же я-то? — жалобно протянулъ Васька.

— Ну, поговори у меня еще! Сказано — сиди, и дѣло съ концомъ, — грозно прикрикнулъ дядя Хрящъ.

Онъ поспѣшно схватилъ свою поддевку и, на ходу надѣвая ее въ рукава, побѣжалъ изъ галлерей.

Васька остался одинъ надъ бьющимся въ припадкѣ Грекомъ. Сколько времени прошло, пока онъ сидѣлъ, прижавшись въ уголь, объятый суевѣрнымъ ужасомъ и боясь пошевелинуться, онъ не сумѣлъ бы сказать. Но понемногу конвульсіи, трепавшія тѣло Грека, становились все рѣже и рѣже. Потомъ прекратилось хрипѣніе, вѣки закрыли страшные бѣлки, и вдругъ, глубоко вздохнувъ всей грудью, Грекъ вытянулся неподвижно.

Теперь Васькѣ стало еще жутче. «Господи, да ужъ не померъ ли?»—подумалъ мальчикъ, и отъ одной этой мысли жуткій холодъ наежилъ волосы на его головѣ. Едва переводя дыханіе, онъ подползъ къ больному и дотронулся до его голой груди. Она была холодна, но все-таки поднималась и опускалась чуть замѣтно.

— Дяденька Грекъ, а дяденька Грекъ, — прошепталъ Васька.

Грекъ не отзывался.

— Дяденька, вставайте. Позвольте, я васъ поведу до больницы. Дяденька!..

Гдѣ-то въ ближней галлерей послышались торопливые шаги. «Ну, слава Богу, дядя Хрящъ возвращается»,—подумалъ съ облегченіемъ Васька.

Однако это былъ не дядя Хрящъ.

Какой-то незнакомый шахтеръ заглянулъ въ лаву, освѣщая ее высоко поднятой надъ головой лампой.

— Кто здѣсь есть? Живо выходи наверхъ! — крикнулъ онъ взволнованно и повелительно.

— Дяденька, — бросился къ нему Васька: — дяденька, здѣсь съ Грекомъ что-то такое случилось!.. Лежатъ и не говорятъ ничего.

Шахтеръ приблизилъ свое лицо вплотную къ лицу Грека. Но отъ него только пахнуло острой струей виннаго перегара.

— Экъ его угораздило, — махнулъ головой шахтеръ. — Эй, Ванька Грекъ, вставай! — крикнулъ онъ, раскачивая руку больного. — Вставай, что ли, говорятъ тебѣ. Въ третьемъ номерѣ обвалъ случился. Слышишь, Ванька!..

Грекъ промычалъ что-то непонятное, но не открылъ глазъ.

— Ну, некогда мнѣ съ нимъ, съ пьянымъ, возжаться! — нетерпѣливо воскликнулъ шахтеръ. — Буди его, малецъ. Да поскорѣе только. Неровенъ часъ, и у васъ обвалится. Пропадете тогда, какъ крысы...

Голова его исчезла въ темномъ отверстіи лавы. Черезъ нѣсколько секундъ затихли и его частые шаги.

Васькѣ поразительно живо представился весь ужасъ его положенія. Каждый мигъ могутъ рухнуть висящія надъ его головою милліоны пудовъ земли. Рухнуть и раздавятъ, какъ мошку, какъ пылинку. Захочешь крикнуть — и не сможешь раскрыть рта... Захочешь пошевелиться — руки и ноги придавлены землей... И потомъ смерть, страшная, беспощадная, неумолимая смерть...

Васька въ отчаяніи бросается къ лежащему шахтеру и изо всѣхъ силъ трясетъ его за плечи.

— Дядя Грекъ, дядя Грекъ, да проснись же! — кричитъ онъ, напрягая всѣ силы.

Его чуткое ухо ловитъ за стѣнами — и съ правой и съ лѣвой стороны — звуки тяжелыхъ, беспорядочно-спѣшныхъ шаговъ. Всѣ рабочіе смѣны бѣгутъ къ выходу, охваченные тѣмъ же ужасомъ, который теперь овладѣлъ Васькой. На одно мгновеніе у Васьки мелькаетъ мысль бросить на произволъ судьбы спящаго Грека и самому бѣжать очертя голову. Но тотчасъ же какое-то непонятное, чрезвычайно сложное чувство останавливаетъ его. Онъ опять принимается съ умоляющимъ крикомъ терзать Грека за руки, за плечи и за голову.

Но голова послушно качается изъ стороны въ сторону,

поднятая рука падаетъ со стукомъ. Въ эту минуту взглядъ Васьки замѣчаетъ угольную тачку, и счастливая мысль озаряетъ его голову. Со страшными усилями приподнимаетъ онъ съ земли грузное, отяжелѣвшее, какъ у мертвеца, тѣло и взваливаетъ его на тачку, потомъ перебрасываетъ черезъ стѣнки безжизненно висящія ноги и съ трудомъ выкатываетъ Грека изъ лавы.

Въ галлерейхъ пусто.

Гдѣ-то далеко впереди слышенъ топотъ послѣднихъ запоздавшихъ рабочихъ. Васька бѣжитъ, дѣлая невѣроятныя усилия, чтобы удержать равновѣсіе. Его худыя дѣтскія руки вытянулись и обомлѣли, въ груди не хватаетъ воздуха, въ вискахъ стучать какіе-то желѣзные молоты, передъ глазами быстро-быстро вращаются огненные колеса. Остановиться бы, передохнуть немного, взяться поудобнѣе измученными руками.

«Нѣтъ, не могу!»

Неизбѣжная смерть гонится за нимъ по пятамъ, и онъ уже чувствуетъ у себя за спиной вѣяніе ея крыльевъ.

Слава Богу, послѣдній поворотъ! Вонъ вдалекѣ мелькнулъ красный огонь факеловъ, освѣщающихъ подъемную машину.

Люди толпятся на платформѣ.

Скорѣй, скорѣй!

Еще одно послѣднее, отчаянное усиліе...

Что же такое, Господи! Платформа подымается... вотъ она исчезла совсѣмъ.

«Подождите! Остановитесь!»

Хриплый крикъ вылетаетъ изъ Васькиныхъ губъ. Огненные колеса передъ глазами вспыхиваютъ въ чудовищное пламя. Все рушится и падаетъ съ оглушительнымъ грохотомъ...

Васька приходитъ въ себя наверху. Онъ лежитъ въ чьемъ-то овчинномъ зипунѣ, окруженный цѣлой толпой народа. Какой-то толстый господинъ третъ Васькины виски. Директоръ Карлъ Францовичъ тоже присутствуетъ здѣсь. Онъ ловитъ первый осмысленный взглядъ Васьки, и его строгія губы шепчутъ одобрительно:

— Oh, mon brave garçon! O, ti храбрій мальшикъ!

Этихъ словъ Васька, конечно, не понимаетъ, но онъ уже успѣлъ разглядѣть въ заднихъ рядахъ толпы блѣдное и тревожное лицо Грека. Взглядъ, которымъ эти два человѣка обмѣниваются, связываетъ ихъ на всю жизнь крѣпкими и нѣжными узами.

БѢДНЫЙ ПРИНЦЪ.

I.

«Замѣчательно умно!—думаетъ сердито девятилѣтній Даня Евлевъ; лежа животомъ на шкурѣ бѣлаго медвѣдя и постукивая каблукомъ о каблукъ поднятыхъ кверху ногъ.—Замѣчательно! Только большіе и могутъ быть такими притворщиками. Сами заперли меня въ темную гостиную, а сами развлекаются тѣмъ, что увѣшиваютъ елку. А отъ меня требуютъ, чтобы я дѣлалъ видъ, будто ни о чемъ не догадываюсь. Вотъ они какіе — взрослые!»

На улицѣ горитъ газовый фонарь и золотитъ морозные разводы на стеклахъ, и, скользя сквозь листья латаній и фикусовъ, стелетъ легкой золотистый узоръ на полу. Слабо блеститъ въ полутьмѣ изогнутый бокъ рояля.

«Да и что веселаго, по правдѣ сказать, въ этой елкѣ?—продолжаетъ размышлять Даня.—Ну, придутъ знакомые мальчики и дѣвочки и будутъ притворяться, въ угоду большимъ, умными и воспитанными дѣтьми... За каждымъ гувернантка или какая-нибудь старенькая тетя... Заставятъ говорить все время по-англійски... Затѣютъ какую-нибудь прескучную игру, въ которой непременно нужно называть имена звѣрей, растеній или городовъ, а взрослые будутъ вмѣшиваться и поправлять маленькихъ. Велятъ ходить цѣпью вокругъ елки и что-нибудь пѣть и для чего-то хлопать въ ладоши; потомъ все усядутся.

подъ елкой, и дядя Ника прочитаетъ вслухъ ненатуральнымъ, актерскимъ, «давличимъ», какъ говоритъ Сошина няня, голосомъ рассказъ о бѣдномъ мальчикѣ, который замерзаетъ на улицѣ, глядя на роскошную елку богача. А потомъ подарятъ готовальню, глобусъ и дѣтскую книжку съ картинками... А коньковъ или лыжъ ужъ навѣрно не подарятъ... И пошлутъ спать.

«Нѣтъ, ничего не понимаютъ эти взрослые... Вотъ и папа... онъ самый главный человекъ въ городѣ и, конечно, самый ученый... не даромъ его называютъ городской головой... Но и онъ мало чего понимаетъ. Онъ до сихъ поръ думаетъ, что Даня маленькій ребенокъ, а какъ бы онъ удивился, узнавъ, что Даня давнымъ-давно уже рѣшился стать знаменитымъ авіаторомъ и открыть оба полюса. У него же и планъ летающаго корабля готовъ, нужно только достать гдѣ-нибудь гибкую стальную полосу, резиновый шнуръ и большой, больше дома, шелковый зонтикъ. Именно на такомъ аэропланѣ Даня чудесно летаетъ по ночамъ во снѣ».

Мальчикъ лѣниво всталъ съ медвѣдя, подошелъ, вѣлоча ноги, къ окну, подышалъ на фантастическіе морозные лѣса изъ пальмъ, потеръ рукавомъ стекло. Онъ худощавый, но стройный и крѣпкій ребенокъ. На немъ коричневая изъ рубчатаго бархата курточка, такіе же штанишки по колѣно, черные гетры и толстыя штилеты на шнуркахъ, отложной крахмальный воротникъ и бѣлый галстукъ. Свѣтлые, короткіе и мягкіе волосы расчесаны, какъ у взрослого, англійскимъ прямымъ проборомъ. Но его милое лицо мучительно-блѣдно, и это происходитъ отъ недостатка воздуха: чуть вѣтеръ немного посиленѣе, или морозъ больше шести градусовъ, Даню не выпускаютъ гулять. А если и поведутъ на улицу, то полчаса передъ этимъ укутываютъ: гамачи, мѣховые ботики, теплый оренбургскій платокъ на грудь, шалка съ наушниками, баш-

лычокъ, пальто на гагачьемъ пуху, бѣличьи перчатки, муфта... опротивѣеть и гулянье! И непременно ведетъ его за руку, точно маленькаго, длинная миссъ Дженерсъ со своимъ краснымъ висячимъ носомъ, поджатымъ прыщавымъ ртомъ и рыбьими глазами. А въ это время летятъ вдоль тротуара на одномъ деревянномъ конькѣ веселые, краснощекіе, съ потными счастливыми лицами, уличные мальчишки, или катаютъ другъ друга на салазкахъ, или, отломивъ отъ водосточной трубы сосульку, сочно, съ хрустѣніемъ жуютъ ее. Боже мой! Хотя бы разъ въ жизни попробовать сосульку. Должно-быть, изумительный вкусъ. Но развѣ это возможно! «Ахъ, простуда! Ахъ, дифтеритъ! Ахъ, микробъ! Ахъ, гадость!»

«Охъ, ужъ эти мнѣ женщины!—вздыхаетъ Даня, серьезно повторяя любимое отцовское восклицаніе.—Весь домъ полонъ женщинами — теть Катя, теть Лиза, теть Нина, мама, англичанка... женщины, вѣдь это тѣ же дѣвчонки, только старыя... Ахаютъ, суетятся, любятъ цѣловаться, всего пугаются—мышей, простуды, собакъ, микробовъ... И Даню тоже считаютъ точно за дѣвочку... Это его-то! Предводителя команчей, капитана пиратскаго судна, а теперь знаменитаго авіатора и великаго путешественника! Нѣтъ! Вотъ на зло возьму, засушу сухарей, отолю въ пузырекъ папинаго вина, скоплю три рубля и убѣгу тайкомъ юнгой на парусное судно. Денегъ легко собрать. У Дани всегда есть карманные деньги, предназначенныя на дѣла уличной благотворительности».

Нѣтъ, нѣтъ, все это мечты, однѣ мечты... Съ большими ничего не подѣлаешь, а съ женщинами тѣмъ болѣе. Сейчасъ же схватятся и отнимутъ. Вотъ нянька говоритъ часто: «Ты нашъ принцъ». И правда, Даня, когда былъ маленькимъ, думалъ, что онъ — волшебный принцъ, а теперь выросъ и знаетъ, что онъ бѣдный, несчастный принцъ, заколдованный жить въ скучномъ и богатомъ царствѣ.

II.

Скпо выходитъ въ сосѣдній дворъ. Странный, необычный огонь, который колеблется въ воздухѣ изъ стороны въ сторону, поднимается и опускается, исчезаетъ на секунду и опять показывается, вдругъ остро привлекаетъ вниманіе Дани. Продышавъ ртомъ на стеклѣ дыру побольше, онъ прикикаетъ къ ней глазами, закрывшись ладонью, какъ щитомъ, отъ свѣта фонаря. Теперь на бѣломъ фонѣ свѣжаго, только-что вынавшего снѣга онъ ясно различаетъ небольшую, тѣсно сгрудившуюся кучку ребятшекъ. Надъ ними на высокой палкѣ, которой не видно въ темнотѣ, раскачивается, точно плаваетъ въ воздухѣ, огромная разноцвѣтная бумажная звѣзда, освѣщенная изнутри какимъ-то скрытымъ огнемъ.

Даня хорошо знаетъ, что все это — дѣтворѣ изъ сосѣдняго бѣднаго и стараго дома, «уличные мальчишки» и «дурныя дѣти», какъ ихъ называютъ взрослые: сыновья сапожниковъ, дворниковъ и прачекъ. Но Данино сердце холодѣетъ отъ зависти, восторга и любопытства. Отъ няньки онъ слыхалъ о мѣстномъ древнемъ южномъ обычаѣ: подъ Рождество дѣти въ складчину устраиваютъ звѣзду и вертепъ, ходятъ съ ними по домамъ знакомымъ и незнакомымъ — поютъ колядки и рождественскіе кантики и получаютъ за это въ видѣ вознагражденія ветчину, колбасу, пироги и всякую мѣдную монету.

Безумно-смѣлая мысль мелькаетъ въ головѣ Дани, — настолько смѣлая, что онъ на минуту даже прикусываетъ нижнюю губу, дѣлаетъ большіе, испуганные глаза и съеживается. Но развѣ въ самомъ дѣлѣ онъ не авіаторъ и не полярный путешественникъ? Вѣдь рано или поздно придется же откровенно сказать отцу: «Ты, папа, не волнуйся, пожалуйста, а я сегодня отправляюсь на своемъ аэропланѣ черезъ Ламаншъ». Сравнительно съ та-

кими страшными словами, одѣться потихоньку и выбѣжать на улицу — сущіе пустяки. Лишь бы только на его счастье старый толстый швейцаръ не торчалъ въ передней, а сидѣлъ бы у себя въ каморкѣ подѣ лѣстницей.

Пальто и шапку онъ находитъ въ передней оцупью, возясь безшумно въ темнотѣ. Нѣтъ ни гамашъ ни перчатокъ, но вѣдь онъ только на одну минутку! Довольно трудно дотянуться до американскаго механизма замка. Нога стукнулась о дверь, гулъ пошелъ по всей лѣстницѣ. Слава Богу, ярко освѣщенная передняя пуста. Задержавъ дыханіе, съ бьющимся сердцемъ, Даня, какъ мышъ, проскальзываетъ въ тяжелыя двери, едва пріотворивъ ихъ, и вотъ онъ на улицѣ! Черное небо, бѣлый, скользкій, нѣжный, скрипящій подѣ ногами снѣгъ, бѣготня свѣта и тѣней подѣ фонаремъ на тротуарѣ, вкусный запахъ зимняго воздуха, чувство свободы, одиночества и дикой смѣлости — все это какъ сонъ!..

III.

«Дурныя дѣти» какъ разъ выходили изъ калитки сосѣдняго дома, когда Даня выскочилъ на улицу. Надѣ мальчиками плыла звѣзда, вся свѣтившаяся красными, розовыми и желтыми лучами, а самый маленькій изъ колядниковъ несъ на рукахъ освѣщенный изнутри, сдѣланный изъ картона и разноцвѣтной папирсной бумаги домикъ — «вертепъ Господень». Этотъ малышъ былъ не кто иной, какъ сынъ Левлевскаго кучера. Даня не зналъ его имени, но помнилъ, что этотъ мальчуганъ нерѣдко вслѣдъ за отцомъ съ большой серьезностью снималъ шапку, когда Данѣ случалось проходить мимо каретнаго сарая или конюшни.

Звѣзда поровнялась съ Даней. Онъ перѣшительно по сопѣлъ и сказалъ баскомъ:

— Господа, примите и меня-а-а...

Дѣти остановились. Помолчали немного. Кто-то сказалъ сишлымъ голосомъ :

— А на кой ты намъ лядъ!?

И тогда всѣ заговорили разомъ :

— Иди, пди... Намъ съ тобой не велѣно водиться...

— И не треба...

— Тоже ловкій... мы по восьми копеекъ сложились...

— Хлопцы, да это же Евлевскій панычъ. Гаранька, это — вашъ?..

— Нашъ!.. — съ суровой стыдливостью подтвердилъ мальчишка кучера.

— Проваливай! — рѣшительно сказалъ первый, осипшій мальчикъ. — Нема тутъ тебѣ компаніи...

— Самъ проваливай, — разсердился Даня: — здѣсь улица моя, а не ваша!

— И не твоя вовсе, а казенная.

— Нѣтъ, моя. Моя и папина.

— А вотъ я тебѣ дамъ по шеѣ, — тогда узнаешь, чья улица...

— А не смѣешь!.. Я папѣ пожалуюсь... А опъ тебя высѣкетъ...

— А я твоего папу ни на столечко, вотъ, не боюсь... Иди, иди, откудава пришелъ. У насъ дѣло товариское. Ты, небось, денегъ на звѣзду не давалъ, а лѣзешь...

— Я и хотѣлъ вамъ денегъ дать... цѣлыхъ пятьдесятъ копеекъ, чтобы вы меня приняли... А теперь вотъ не дамъ!..

— И все ты врешь!.. Нѣтъ у тебя никакихъ пятьдесятъ копеекъ.

— А вотъ нѣтъ — есть!..

— Покажи!.. Все ты врешь...

Даня побрянчалъ деньгами въ карманѣ.

— Слышишь?..

Мальчики замолчали въ раздумьѣ.

Наконецъ сильный высморкался двумя пальцами и сказалъ :

— Ну-къ что жь... Давай деньги — иди въ компанію. Мы думали, что ты такъ, на шермака хочешь!.. Пѣть можешь?..

— Чего?..

— А вотъ «Рождество Твое, Христе Боже нашъ»... колядки еще тоже...

— Могу, — сказалъ рѣшительно Даня.

IV.

Чудесный былъ этотъ вечеръ. Звѣзда останавливалась передъ освѣщенными окнами, заходила во всѣ дворы, спускалась въ подвалы, лазила на чердаки. Остановившись передъ дверью, предводитель труппы — тотъ самый рослый мальчишка, который недавно побранился съ Даней, начиналъ сильнымъ и гнусавымъ голосомъ :

«Рождество Твое, Христе Боже нашъ...»

И остальные десять человекъ подхватывали вразбродъ не въ тонъ, но съ большимъ воодушевленіемъ :

«Возсія мірови свѣтъ разума...»

Иногда дверь отворялась, и ихъ пускали въ переднюю. Тогда они начинали длинную, почти безконечную колядку о томъ, какъ шла царевна на крутую гору, какъ упала съ неба звѣзда-красна, какъ Христосъ родился, а Иродъ смутился. Имъ выносили отрѣзанное щедрой рукой кольцо колбасы, яиць, хлѣба, свиного студня, кусокъ телятины. Въ другіе дома ихъ не пускали, но высылали нѣсколько мѣдныхъ монетъ. Деньги прятались антрепренеромъ въ карманъ, а свѣтные припасы складывались въ одинъ общій мѣшокъ. Въ иныхъ же домахъ на звуки пѣнія быстро распахивались двери, выскакивала какая-

нибудь рыхлая, толстая баба съ вѣникомъ и кричала грозно :

— Вотъ я васъ, лайдаки, голодранцы паршивые.... Гэть!.. Кышь до дому!

Одиць разъ на нихъ накинудся огромный городской, закутанный въ остроконечный башлыкъ, изъ отверстія котораго торчали бѣлые, ледяные усы.

— Що вы тутъ, стрекулисты, шляетесь?.. Вотъ я васъ въ участокъ!.. По какому такому праву?.. А?..

И онъ затопалъ на нихъ ногами и зарычалъ звѣрскимъ голосомъ.

Какъ стая воробьевъ послѣ выстрѣла, разлетѣлись по всей улицѣ маленькіе христославщики. Высоко прыгала въ воздухѣ, чертя огненный слѣдъ, красная звѣзда. Данѣ было жутко и весело скакать галопомъ отъ погони, слыша, какъ его штиблеты стучать, точно копыта дикаго мустанга, по скользкому и невѣрному тротуару. Какой-то мальчишка, въ шапкѣ по самыя уши, перегопя его, толкнулъ пеловко бокомъ, и оба съ разбѣга ухнули лицомъ въ высокій сугробъ. Снѣгъ сразу набился Данѣ въ ротъ и въ носъ. Онъ былъ нѣженъ и мягокъ, какъ холодный невѣсомый пухъ, и прикосновеніе его къ пылавшимъ щекамъ было свѣжо, щекотно и сладостно.

Только на углу мальчишки остановились. Городовой и не думалъ за ними гнаться.

Такъ они обошли весь кварталъ. Заходили къ лавочникамъ, къ подвальныймъ жителямъ, въ дворницкія. Благодаря тому, что выхоленное лицо и изящный костюмъ Дани обращали общее вниманіе, онъ старался держаться позади. Но пѣлъ онъ, кажется, усерднѣе всѣхъ, съ разгорѣвшимися щеками и блестящими глазами, опьяненный воздухомъ, движеніемъ и необыкновенностью этого ночного бродяжничества. Въ эти блаженныя, веселыя, живыя минуты онъ совершенно искренно забылъ и о позд-

немъ времени, и о домѣ, и о миссъ Дженерсъ, и обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ волшебной колядки и красной звѣзды. И съ какимъ наслажденіемъ ѣлъ онъ на ходу кусокъ толстой, холодной малороссійской колбасы съ чеснокомъ, отъ которой мерзли зубы. Никогда въ жизни не приходилось ему ѣсть ничего болѣе вкуснаго!

И потому при выходѣ изъ булочной, гдѣ звѣзду угостили теплыми витушками и сладкими крепдсльками, онъ только слабо и удивленно ахнулъ, увидя передъ собою носъ къ носу тетю Нину и миссъ Дженерсъ въ сопровожденіи лакея, швейцара, няньки и горничной.

— Слава тебѣ, Госюди, нашелся наконецъ!.. Боже мой, въ какомъ видѣ! Безъ калошъ и безъ башлыка! Весь домъ съ погъ сбился изъ-за тебя, противный мальчишка!

Славильщиковъ давно уже не было вокругъ. Какъ недавно отъ городского, такъ и теперь они прыгнули въ разныя стороны, едва только почувяли опасность, и вдали слышался лишь дробный звукъ ихъ торопливыхъ ногъ.

Тетя Нина—за одну руку, миссъ Дженерсъ—за другую повели бѣглеца домой. Мама была въ слезахъ — Богъ знаетъ, какія мысли приходили ей за эти два часа, когда всѣ домашніе, потерявъ головы, бѣгали по всѣмъ закоулкамъ дома, по сосѣдямъ и по ближнимъ улицамъ. Отецъ напрасно притворялся разгнѣваннымъ и суровымъ и со всѣмъ неудачно скрывалъ свою радость, увидѣвъ сына живымъ и невредимымъ. Онъ не меньше жены былъ взволнованъ исчезновеніемъ Дани и уже успѣлъ за это время поставить на ноги всю городскую полицію.

Съ обычной прямою Даня подробно рассказывалъ свои приключенія. Ему пригрозили на завтра тяжелымъ наказаніемъ и послали переодѣться.

Онъ вышелъ къ своимъ маленькимъ гостямъ вымытый, свѣжій, въ новомъ красивомъ костюмѣ. Щеки его го-

рѣли отъ недавняго возбужденія, и глаза весело блестѣли послѣ мороза. Очень скучно было притворяться благовоспитаннымъ мальчикомъ, съ хорошими манерами и англійскимъ языкомъ, но, добросовѣстно заглаживая свою недавнюю вину, онъ ловко шаркалъ ножкой, цѣловалъ ручку у пожилыхъ дамъ и снисходительно развлекалъ самыхъ маленькихъ малышей.

— А вѣдь Данѣ полезень воздухъ, — сказалъ отецъ, наблюдавшій за нимъ издали, изъ кабинета. — Вы дома его слишкомъ много держите взаперти. Посмотрите, мальчикъ пробѣгался, и какой у него здоровый видъ! Нельзя держать мальчика все время въ ватѣ.

Но дамы такъ дружно накинулись на него и наговорили сразу такую кучу ужасовъ о микробахъ, дифтеритахъ, ангилахъ и о дурныхъ манерахъ, что отецъ только замахалъ руками и воскликнулъ, весь сморщившись :

— Довольно, довольно! Будеть... будетъ... Дѣлайте, какъ хотите... Охъ, ужъ эти мнѣ женщины!..

НА РЪКЪ.

— Панычъ! А панычъ? — слышался за окномъ торопливый шопоть.

Я лежалъ на кровати, не раздѣваясь, и, какъ ни боролся съ дремотой, но именно въ эту самую минуту она уже начинала охватывать меня своими томными объятіями. Вслѣдъ за шопотомъ раздался осторожный, но настойчивый стукъ пальцемъ по стеклу. Это вызывалъ меня нашъ старый поваръ Емельянъ Ивановичъ, съ которымъ мы уговорились итти ночью ловить на мясо раковъ. Я всталъ и, стараясь не шумѣть, отворилъ окошко. Черезъ минуту я уже очутился на землѣ, возлѣ Емельяна Ивановича, дрожа спросонокъ и отъ волненія, возбуждаемаго во мнѣ предстоящимъ удовольствіемъ.

Съ непривычки я сначала ничего не могъ разсмотрѣть. Ночь была такъ черна, какъ бываютъ только черны жаркія безлунныя польскія ночи на югѣ Россіи. Въ неподвижномъ, точно лѣтнимъ воздухѣ стоялъ тягучій, сладкій ароматъ резеды, наполнявшей палисадникъ, и нѣжный, но приторный запахъ цвѣтущей липы. Ни одинъ звукъ не нарушалъ глубокой тишины, кромѣ далекаго, утихающаго тарахтѣнья телѣги.

— Мамашенька не проснулись? — спросилъ тревожнымъ шопотомъ Емельянъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, никто не слыхалъ... Вы все захватили, Емельянъ Ивановичъ? И сачокъ? И мясо? И лейку?

— Тсс... не шумите, папычъ... Мамашенька проснутя, такъ насъ обоихъ заругаютъ... Ну, идемъ, что ли.

Мы пошли вдоль пустыря узкой дорожкой, между двумя стѣнами густого, высокаго, гораздо выше человѣческаго роста, бурьяна... Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ я натолкнусь на какое-то препятствіе, и потому я часто останавливался и, крѣпко жмуря глаза, протягивалъ впередъ руки. Мнѣ было нѣсколько жутко, но новизна впечатлѣній, а главное — ихъ запретность, придавали имъ неизъяснимую прелесть, такую прелесть, что даже и теперь, черезъ 25 лѣтъ, вспоминая объ этой ночи, я испытываю радостное и тоскливое стѣсненіе въ груди.

Вдругъ я наткнулся на Емельяна Ивановича. Онъ стоялъ и копошился надъ чѣмъ-то въ темнотѣ.

— Что вы дѣлаете, Емельянъ Ивановичъ? — спросилъ я, оцупывая руками его спину.

Старикъ, видимо, старался что-то отвинтить. Онъ отвѣчалъ мнѣ съ разстановками, тяжело пыхтя отъ усилій:

— Да вотъ хочу... ишь ты, какъ завернули, прахъ ихъ возьми... хочу... крышку снять съ факела... заржавѣла, должно-быть... ну, теперь пошла... пошла... готово!..

Я услышалъ чирканье спички, и керосиновый факель вспыхнулъ краснымъ, коптящимъ, колеблющимся пламенемъ. Лицо Емельяна Ивановича сдѣлалось суровымъ и странно измѣнилось. Отъ густыхъ бровей, носа и усовъ легли на него длинныя, косыя, дрожащія тѣни. Мы пошли дальше. Теперь мнѣ стало еще жутче, чѣмъ въ темнотѣ. Хорошо знакомые кусты бурьяна казались толпою обступившихъ насъ со всѣхъ сторонъ призраковъ, толкихъ и расплывчатыхъ. Пламя факела трепетало съ тихимъ рокотомъ, длинная тѣнь шедшаго впереди Емельяна Ивановича металась то вправо, то влѣво, а длинныя при-

зраки волновались, забѣгали впередъ, падали на землю и быстро убѣгали назадъ, исчезая въ темнотѣ за моей спишою; иногда они вдругъ сдвигались въ тѣсную толпу и покачивались, точно о чемъ-то сговариваясь между собой.

Бурьянъ кончился. Передъ нами разстилалось поле. Запахъ липы смѣнился острымъ запахомъ росистой травы и меда. Отъ недалекаго Булавина повѣяло прохладой: Въ степи кричали миллионы кузнечиковъ, и кричали такъ странно, громко и ритмично, что казалось, будто кричить всего одинъ кузнечикъ.

Мы спустились къ узенькой рѣчкѣ, которая ровной, спокойной, темной полосой протекала между невысокими, но крутыми берегами, поросшими густымъ лознякомъ. Около берега вода мелодично и монотонно хлопала, огибая заливчики и обнажившіеся корни кустовъ. Емельянъ Ивановичъ выбралъ между двумя ивами удобное сухое мѣстечко и воткнулъ длинную палку факела въ глинистое дно, недалеко отъ берега. На воду тотчасъ же легло большое, дрожащее, мутно-коричневое пятно, въ серединѣ котораго зарябилось яркое отраженіе огня.

Наши приготовленія были несложны. Мы обвязали тонкой бечевкой крестъ-накрестъ большой кусокъ мяса; на аршинъ выше пристроили поплавокъ изъ сухой вѣточки, и затѣмъ Емельянъ Ивановичъ опустилъ эту приманку въ воду, держа другой конецъ въ рукахъ. Я долженъ былъ съ сачкомъ, сдѣланнымъ изъ моей старой соломенной шляпы, дожидаться, когда ракъ появится надъ водой, чтобы подхватить его. Жирное мясо опускалось очень медленно, точно тая въ коричневой водѣ. Я долго еще видѣлъ его подъ водою; наконецъ оно исчезло, и поплавокъ сталъ неподвижно.

— Вотъ мы теперь съ вами, панычъ, и табачокъ покуримъ, — сказалъ Емельянъ Ивановичъ, усаживаясь по-

лучше и расправляя ревматическія ноги.—Ишь, на томъ берегу и лошадки пасутся... травку себѣ кушаютъ...

Я загородилъ глаза ладонью отъ свѣта. Рѣка въ этомъ мѣстѣ была не широка, всего шаговъ десять или пятнадцать, и я разглядѣлъ двухъ лошадей. Одна.—бѣлая—стояла бокомъ и, повернувъ къ намъ костлявую шею, смотрѣла на насъ пристально и равнодушно. Дальше за ней виднѣлась только морда, наклоненная къ землѣ, и связанные ноги другой лошади, должно-быть, гнѣдой или рыжей масти; я слышалъ, какъ она звучно фыркала и хрустѣла челюстями, пережевывая траву. Еще дальше—глазъ тонулъ въ непроицаемой, густой тьмѣ, изъ которой выдвигалось впередъ нѣсколько ближнихъ кустовъ, захваченныхъ свѣтомъ факела; сплошные купола ихъ блѣдныхъ, тонкихъ и длинныхъ листьевъ казались какой-то причудливой оперной декораціей. Звѣзды отражались въ водѣ, мерцая и расплываясь.

Поплавокъ дрогнулъ и сталъ колыхаться.

Я зашепталъ взволнованно:

— Емельянъ Ивановичъ... Клюетъ! Тащите ради Бога!..

Но старикъ только покачалъ съ досадою головой. Поплавокъ продолжалъ двигаться, описывая круги и изрѣдка коротко ныряя передней частью подъ воду. Я—стараясь не дышать, упершись погами въ торчащій изъ рѣки пенъ и протянувъ впередъ палку съ сачкомъ—мучился нетерпѣливымъ ожиданіемъ. Вдругъ поплавокъ совершенно исчезъ подъ водою. Емельянъ Ивановичъ медленно потянулъ веревку вверхъ. Черезъ минуту я увидѣлъ казавшійся громаднымъ кусокъ мяса и клешни вцѣпившагося въ него рака.

— Держите! — воскликнулъ старикъ и быстро дернулъ за веревку.

Я поставилъ сачокъ... Наши движенія инстинктивно и ловко сошлись: въ сачкѣ, изъ котораго звонко капала

въ рѣку вода, бился, судорожно щелкая шейкой, огромный черный ракъ. Емельянъ Ивановичъ взялъ его двумя пальцами за спину и съ торжествомъ поднялъ на воздухъ. Ракъ былъ болѣе полутора четвертей. Онъ продолжалъ щелкать шейкой, поводилъ въ стороны передними лапами, сводя и разводя клешни, и шевелилъ длинными усами. Емельянъ Ивановичъ бросилъ его въ лейку.

Послѣ перваго рака ловля пошла очень успѣшно. То и дѣло старикъ вытаскивалъ изъ сачка черныхъ уродовъ, радуясь имъ такъ же искренно и громко, какъ и я, десятилѣтній мальчишка. И къ каждому раку онъ непремѣнно приговаривалъ что-нибудь забавное, прежде чѣмъ его опустить въ лейку.

— А, господинъ рачитель, попались? — спрашивалъ онъ съ комическимъ злорадствомъ. — Пожалуйста, пожалуйста въ компанію. Тамъ вамъ веселѣе будетъ.

Или:

— Мое почтеніе, господинъ Раковскій. Ждали съ нетерпѣніемъ вашего пріѣзда. Милости просимъ.

Три или четыре рака отъ насъ ушли. Въ этихъ случаяхъ мы горячились и осыпали другъ друга ѣдкими упреками. Но едва поплавокъ вздрагивалъ въ водѣ, — наша вражда мгновенно утихала, и мы снова, съ дрожащими отъ волненія руками, шопотомъ подзадоривали другъ друга: «О-о! Вотъ какъ потянулъ! Должно-быть, громадный Раковецкій клюетъ!»... Въ младенческомъ восторгѣ мы называли нашихъ жертвъ самыми чудовищными именами. Необычное бодрствованіе, красота ночи и страсть рьяныхъ рыболововъ — взволновали и опьянили насъ.

Но послѣ десятка дѣло пошло хуже. Двѣнадцатаго рака мы дожидались около четверти часа.

— Что это ничего не ловится, Емельянъ Ивановичъ? — спросилъ я раздраженно.

Онъ развелъ руками:

— Господь его знает. А. можетъ-быть, тѣ, что отъ насъ по вашей милости ушли, взяли да и рассказали другимъ, какіе мы есть на свѣтѣ хитрые люди. Почему знать?

— Ну вотъ пустяки! Развѣ можетъ ракъ рассказывать что-нибудь? У него и голоса-то нѣтъ...

— Э! Вы не говорите такъ. У него голоса нѣтъ, а все-таки онъ — животное умное. Даромъ что! Ужъ какъ-нибудь тамъ... жостами, что ли, а навѣрно передасть...

Мы молчали. На меня нашло то страшное, неподвижное очарованіе тишины, которое испытывается только въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Я глядѣлъ, не отрываясь, на красный огонь факела. Въ головѣ у меня не было ни одного обрывка мысли, но ощущеніе чего-то стройнаго, прекраснаго и нѣжнаго переполняло мою душу. И въ тѣ же минуты мнѣ казалось, что я чувствую, какъ мимо меня торжественно проплываетъ что-то огромное, какъ мірозданіе...

Не время ли проходило около меня?..

Вдругъ пахнуло вѣтеркомъ. Привлеченная нашимъ огнемъ, мимо насъ низко, легко и безшумно пролетѣла какая-то большая сѣрая птица. Я вздрогнулъ. Очарованіе исчезло, и мнѣ стало немного скучно.

— Скажите, Емельянъ Ивановичъ, — спросилъ я лѣниво: — почему эта рѣка называется Булавинъ?

Старикъ пожевалъ губами.

— А Богъ ее знаетъ. Назвали Булавиномъ добрые люди, и называется она Булавиномъ.

— И все?

— Конечно, все. Рассказываютъ хохлы, что здѣсь, будто бы, въ Галочьей Скельѣ когда-то жилъ разбойникъ, по фамиліи Булавинъ... Ну, да мало ли чего эти глупые хохлы болтаютъ. Всего не переслушаешь.

Я такъ и задрожалъ отъ нетерпѣнья.

— Голубчикъ, Емельянъ Ивановичъ, расскажите. Миленкѣй, расскажите про Булавина...

— Да что тутъ рассказывать? — проворчалъ старикъ и принялся насасывать свою короткую носогрѣйку. — Чего тутъ рассказывать-то? Ну, жилъ здѣсь, будто бы, этотъ самый Булавинъ и разбойничалъ. Былъ онъ раньше въ Пугачевской шайкѣ, а какъ Пугачева изловили да увезли въ Москву, Булавинъ сюда и перешелъ съ Яикъ. Набралъ онъ себѣ шайку такихъ же, какъ онъ, удалыхъ добрыхъ молодцевъ и давай крещеныхъ людей разорять да насильничать. Былъ онъ, говорятъ, лютеѣ всякаго звѣря и не то, чтобы рѣзалъ и жегъ изъ нужды, а такъ събѣ... изъ удовольствія... кровь больно ужъ любилъ. Бѣднымъ людямъ Булавинъ самъ своею рукою головы рубилъ, а надъ богатыми поровилъ такъ, чтобы раньше еще патѣшиться. Нападетъ онъ, на примѣръ, на помѣщичій хуторъ, сожжетъ его до тла, разграбитъ, а потомъ мужа и жену, хозяевъ, то-есть, велитъ на колъ посадить, да еще рядышкомъ, да еще другъ къ дружкѣ лицомъ. «Любуйтесь, молъ, милуйтесь, дорогіе хозяева»... Такой звѣрь былъ страшный... А поймать его никакъ не удавалось, хотя за нимъ сколько разъ въ погоню царскія войска ходили... Былъ вчера здѣсь, а поньче нѣтъ, и поминай, какъ звали... Потому что мужики его боялись хуже смерти и доносить на него не смѣли.

— Такъ его и не поймали?

— Нѣтъ, потомъ поймали. Дѣвка его выдала. Полюбилъ онъ дѣвку, дочь здѣшняго мельника, и укралъ ее изъ родительскаго дома. Однако дѣвка эта охотою не желала итти. «Ты, говоритъ, злодѣй, ты дьяволъ во плоти, на тебѣ по самую маковку христіанская кровь засохла»... Ну, онъ ея, конечно, не послушалъ... взялъ силой. Тогда она ему и сказала: «Не хотѣлъ ты меня пожалѣть, по-

губилъ ты мою дѣвичью молодость и красоту, такъ смотри же, и я тебя не жалѣю за это». Такъ и сдѣлала. Однажды, когда Булавинъ со своими молодцами бражничалъ у жида въ корчмѣ, пошла эта самая мельничиха къ полковнику, который былъ въ погоню назначенъ, и все выдала. «Вотъ, дескать, онъ тамъ-то и тамъ, соколъ нашъ ясный, идите и возьмите его». Ну, солдаты, конечно, сейчасъ оцѣнили корчму и зажгли крышу, а какъ только Булавинъ изъ окна выпрыгнулъ, они на него неводъ набросили и связали. Потому что иначе никто къ нему приступить не рѣшался. Да. Такъ и связали его, голубчика, и отправили связаннаго въ Москву, а въ Москвѣ ему палачъ отрубилъ сначала руки, потомъ ноги, а потомъ ужъ голову. А остатки сожгли на кострѣ и прахъ развѣяли на всѣ четыре стороны...

Старикъ замолчалъ. Начинало свѣтать. Это было замѣтно по тому, что мгла стала слегка сѣрватою, и на другомъ берегу около лошадей я уже могъ разглядѣть трехъ крестьянскихъ ребятишекъ, лежавшихъ на животахъ. Емельянъ Ивановичъ вдругъ заволновался и, придвинувшись ко мнѣ, заговорилъ пониженнымъ, испуганнымъ голосомъ:

— А. вѣдь это неправда, что его въ Москвѣ четвертовали, потому что въ Москву привезли не его, а какого-то другого казака. А самому Булавину Господь придумалъ другое наказаніе... Говорятъ, что ангелы Божіи схватили разбойника на руки, вынесли изъ огня и заключили въ глубокую подземную пещеру, около Галочьей Скельи... И долженъ Булавинъ въ той пещерѣ (голосъ старика становился все таинственнѣе) сидѣть до второго пришествія... Цѣпь желѣзная обвиваетъ его тѣло, а длинная-предлинная желтобрюхая змѣя день и ночь гложетъ его сердце... Хохлы, которые ѣздили мимо, говорятъ, что слышно иногда, какъ ворочается проклятый Богомъ

разбойникъ подъ землею и гремитъ своею цѣпью... все разорвать ее хочетъ...

Холодъ ужаса пробѣжалъ вдругъ волною по моему тѣлу и наежилъ волосы на головѣ. Я боялся обернуться назадъ.

— Говорятъ еще, — продолжалъ старикъ, со страхомъ озираясь кругомъ: — говорятъ еще, что разъ въ годъ выходитъ Булавинъ изъ своей пещеры... Случается это лѣтомъ, въ воробьиною ночь... Ходитъ онъ по лѣсамъ, по болотамъ и полямъ; ростомъ выше самыхъ большихъ деревьевъ, а на плечѣ у него цѣлая сосна, вмѣсто дубинки. И если въ эту ночь, спаси Господи, встрѣтитъ онъ кого-нибудь на дорогѣ, сейчасъ зареветъ страшнымъ голосомъ и своей дубинкой убиваетъ. Потому въ воробьиныя ночи никто ужъ и изъ дому не выходитъ, а старухи до утра молятся передъ образами...

Емельянъ Ивановичъ поглядѣлъ на мое искаженное ужасомъ лицо и прибавилъ съ неестественнымъ смѣхомъ:

— Ну, да вѣдь все это пустяки, басни однѣ. Мало чего хохлы ни набрешутъ. Развѣ это можетъ случиться, чтобы цѣлый вѣкъ змѣя у человѣка сердце глодала?.. Глупости однѣ... Охъ, Господи, Царица Небесная! — закрихтѣлъ старикъ, дѣлая усиліе встать. — Пойдемъ-ка, папычъ, домой... все равно больше ничего не поймашь...

Мы собрали наше имущество и пошли. Опять, когда мы проходили бурьяномъ, суетились и плясали вокругъ насъ высокіе призраки, и я, замирая и холодѣя отъ страха, держался рукой за фалды поварова пиджака. Миѣ все казалось, что если я погляжу въ сторону, то увижу гдѣ-нибудь на горизонтѣ шагающую съ дубинкой на плечѣ огромную человѣческую тѣнь, возвышающуюся надъ деревьями нашего сада, которыя уже обрисовывались смутно въ туманномъ разсвѣтѣ.

БАРБОСЪ И ЖУЛЬКА.

РѢЗКАЗЪ.

Барбосъ былъ невеликъ ростомъ, но приземистъ и широкогрудъ. Благодаря длинной, чуть-чуть вьющейся шерсти, въ немъ замѣчалось отдаленное сходство съ бѣлымъ пуделемъ, но только съ пуделемъ, къ которому никогда не прикасались ни мыло, ни гребень, ни ножницы. Лѣтомъ онъ постоянно съ головы до конца хвоста бывалъ упизанъ колючими «репьями», осенью же клоки шерсти на его ногахъ, животѣ, извалявшись въ грязи и потомъ высохнувъ, превращались въ сотни коричневыхъ, болтающихся сталактитовъ. Уши Барбоса вѣчно носили на себѣ слѣды «боевыхъ схватокъ», а въ особенно горячіе періоды собачьяго флирта прямо-таки превращались въ причудливыя фестоны. Такихъ собакъ, какъ онъ, искони и всюду зовутъ Барбосами. Изрѣдка только, да и то въ видѣ исключенія, ихъ называютъ Дружками. Эти собаки, если не ошибаюсь, происходятъ отъ простыхъ дворняжекъ и овчарокъ. Онѣ отличаются вѣрностью, независимымъ характеромъ и тонкимъ слухомъ.

Жулька также принадлежала къ очень распространенной породѣ маленькихъ собакъ, тѣхъ тонконогихъ собачекъ съ гладкой черной шерстью и желтыми подпалинами надъ бровями и на груди, которыхъ такъ любятъ отставныя чиповницы. Основной чертой ея характера была

деликатная, почти застѣнчивая вѣжливость. Это не значить, чтобы она тотчасъ же перевертывалась на спину, начинала улыбаться или униженно ползала на животѣ, какъ только съ ней заговаривалъ человѣкъ (такъ поступаютъ всѣ лицемѣрные, льстивыя и трусливыя собачонки). Нѣтъ, къ доброму человѣку она подходила съ свойственной ей смѣлой довѣрчивостью, опиралась на его колѣно своими передними лапками и нѣжно протягивала мордочку, требуя ласки. Деликатность ея выражалась главнымъ образомъ въ манерѣ ѣсть. Она никогда не попрошайничала, наоборотъ, ее всегда приходилось упрашивать, чтобы она взяла косточку. Если же къ пей во время ѣды подходила другая собака или люди, Жюлька скромно отходила въ сторону съ такимъ видомъ, который какъ будто бы говорилъ: «Кушайте, кушайте, пожалуйста... Я уже совершенно сыта...» Право же, въ ней въ эти моменты было гораздо меньше собачьяго, чѣмъ въ иныхъ почтенныхъ человѣческихъ лицахъ во время хорошаго обѣда.

Конечно, Жюлька единогласно признавалась комнатной собачкой. Что касается до Барбоса, то намъ, дѣтямъ, очень часто приходилось его отстаивать отъ справедливаго гнѣва старшихъ и пожизненнаго изгнанія во дворъ. Во-первыхъ, онъ имѣлъ весьма смутныя понятія о правѣ собственности (особенно если дѣло касалось съѣстныхъ припасовъ), а во-вторыхъ, не отличался аккуратностью въ туалетѣ. Этому разбойнику ничего не стоило стрескать въ одинъ присѣсть добрую половину жаренаго пасхальнаго индюка, воспитаннаго съ особенною любовью и откормленнаго одними орѣхами, или улечься, только-что выскочивъ изъ глубокой и грязной лужи, на праздничное, бѣлое, какъ снѣгъ, покрывало маминой кровати.

Лѣтомъ къ нему относились снисходительно, и онъ обыкновенно лежалъ на подоконникѣ раскрытаго окна въ позѣ спящаго льва, уткнувъ морду между вытянутыми

передними лапами. Однако онъ не спалъ: это замѣчалось по его бровямъ, все время не перестававшимъ двигаться. Барбось ждалъ... Едва только на улицѣ противъ нашего дома показывалась собачья фигура, Барбось стремительно скатывался съ окошка, проскальзывалъ на брюхѣ въ подворотню и полнымъ карьеромъ неся на дерзкаго нарушителя территоріальныхъ законовъ. Онъ твердо памятовалъ великій законъ всѣхъ единоборствъ и сраженій: бей первый, если не хочешь быть битымъ, и поэтому наотрѣзъ отказывался отъ всякихъ принятыхъ въ собачьемъ мірѣ дипломатическихъ приемовъ, въ родѣ предварительнаго взаимнаго обнюхиванія, угрожающаго рычанія, завиванія хвоста кольцомъ и т. д. Барбось, какъ молнія, настигалъ соперника, грудью сшибалъ его съ ногъ и начиналъ грызнуть. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ среди густого столба коричневой пыли барахтались, сплетаясь клубкомъ, два собачьихъ тѣла. Наконецъ Барбось одерживалъ побѣду. Въ то время, когда его врагъ обращался въ бѣгство, поджимая хвостъ между ногами, визжа и трусливо оглядываясь назадъ, Барбось съ гордымъ видомъ возвращался на свой постъ на подоконникъ. Правда, что иногда при этомъ триумфальномъ шествіи онъ сильно прихрамывалъ, а уши его украшались лишними фестонами, но, вѣроятно, тѣмъ слаще казались ему побѣдные лавры.

Между нимъ и Жулкой царствовало рѣдкое согласіе и самая нѣжная любовь. Можетъ-быть, втайнѣ Жулка осуждала своего друга за буйный нравъ и дурныя манеры, но во всякомъ случаѣ явно она никогда этого не высказывала. Она даже и тогда сдерживала свое неудовольствіе, когда Барбось, проглотивъ въ нѣсколько приемовъ свой завтракъ, нагло облизывался, подходилъ къ Жулькиной мискѣ и засовывалъ въ нее свою мокрую мохнатую морду. Вечеромъ, когда солнце жгло не такъ

сильно, обѣ собаки любили поиграть и повозиться на дворѣ. Онѣ то бѣгали одна отъ другой, то устраивали засады, то съ притворно-сердитымъ рычаніемъ дѣлали видъ, что ожесточенно грызутся между собой.

Однажды къ намъ во дворъ забѣжала бѣшеная собака. Барбосъ видѣлъ ее со своего подоконника, но, вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, кинуться въ бой, онѣ только дрожалъ всѣмъ тѣломъ и жалобно повизгивалъ. Собака носилась по двору изъ угла въ уголъ, нагоняя однимъ своимъ видомъ паническій ужасъ и на людей и на животныхъ. Люди попрятались за двери и боязливо выглядывали изъ-за нихъ. Всѣ кричали, распоряжались, давали безтолковые совѣты и подзадоривали другъ друга. Бѣшеная собака тѣмъ временемъ уже успѣла искусать двухъ свиней и разорвать нѣсколькихъ утокъ.

Вдругъ всѣ ахнули отъ испуга и неожиданности. Откуда-то изъ-за сарая выскочила маленькая Жулька и во всю прыть своихъ тоненькихъ ножекъ понеслась наперерѣзъ бѣшеной собакѣ. Разстояніе между ними уменьшалось съ поразительной быстротой. Потомъ онѣ столкнулись... Это все произошло такъ быстро, что никто не успѣлъ даже отозвать Жульку назадъ. Отъ сильнаго толчка она упала и покатилась по землѣ, а бѣшеная собака тотчасъ же повернула къ воротамъ и выскочила на улицу.

Когда Жульку осмотрѣли, то на ней не нашли ни одного слѣда зубовъ. Вѣроятно, собака не успѣла ее даже укусить. Но напряженіе героическаго порыва и ужасъ пережитыхъ мгновеній не прошли даромъ бѣдной Жулкѣ... Съ ней случилось что-то странное, необъяснимое. Если бы собаки обладали способностью сходить съ ума, я сказалъ бы, что она помѣшалась. Въ одинъ день она исхудала до неузнаваемости; то лежала по цѣлымъ часамъ въ какомъ-нибудь темномъ углу, то носилась по двору,

кружась и подпрыгивая. Она отказывалась отъ пищи и не оборачивалась, когда ее звали по имени.

На третій день она такъ ослабѣла, что не могла приподняться съ земли. Глаза ее, такіе же свѣтлые и умные, какъ и прежде, выражали глубокое внутреннее мученіе. По приказанію отца, ее отнесли въ пустой дровяной сарай, чтобы она могла тамъ спокойно умереть. (Вѣдь известно, что только человѣкъ обставляетъ такъ торжественно свою смерть. Но всѣ животныя, чувствуя приближеніе этого омерзительнаго акта, ищутъ уединенія).

Черезъ часъ послѣ того, какъ Жульку заперли, къ сараю прибѣжалъ Барбось. Онъ былъ сильно взволнованъ и принялся сначала визжать, а потомъ выть, поднявъ кверху голову. Иногда онъ останавливался на минуту, чтобы понюхать съ тревожнымъ видомъ и настороженными ушами щель сарайной двери, а потомъ опять протяжно и жалостно вылъ.

Его пробовали отзывать отъ сарая, но это не помогало. Его гнали и даже нѣсколько разъ ударили веревкой; онъ убѣгалъ, но тотчасъ же упорно возвращался на свое мѣсто и продолжалъ выть.

Такъ какъ дѣти вообще стоятъ къ животнымъ гораздо ближе, чѣмъ это думаютъ взрослые, то мы первые догадались, чего хочетъ Барбось.

— Папа, пусти Барбоса въ сарай. Онъ хочетъ проститься съ Жулькой. Пусти, пожалуйста, папа, — пристали мы къ отцу.

Онъ сначала сказалъ:—«Глупости!». Но мы такъ лѣзли къ нему и такъ хныкали, что онъ долженъ былъ уступить.

И мы были правы. Какъ только отворили дверь сарая, Барбось стремглавъ бросился къ Жулькѣ, безсильно лежавшей на землѣ, обнюхалъ ее и съ тихимъ визгомъ сталъ лизать ее въ глаза, въ морду, въ уши. Жулька

слабо помахивала хвостомъ и старалась приподнять голову — ей это не удалось. Въ прощаніи собакъ было что-то трогательное. Даже прислуга, глазѣвшая на эту сцену, казалась тронутой.

Когда Барбоса позвали, онъ повиновался и, выйдя изъ сарая, легъ около дверей на землѣ. Онъ уже больше не волновался и не вылъ, а лишь изрѣдка поднималъ голову и какъ будто бы прислушивался къ тому, что дѣлается въ сараѣ. Часа черезъ два онъ опять завылъ, но такъ громко и такъ выразительно, что кучеръ долженъ былъ достать ключи и отворить двери. Жулька лежала неподвижно на боку. Она издохла...

Б О Н ЗА.

Это было въ ночь подъ Свѣтлое Христово Воскресенье. Я и мой близкій пріятель, докторъ Субботинъ, долго ходили по улицамъ города, приглядываясь къ его праздничному, такъ необычайному въ ночное время, движенію и изрѣдка обмѣниваясь впечатлѣніями. Я очень любилъ общество доктора. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у него умерло четверо дѣтей, и въ концѣ концовъ жена оставила доктора послѣ того, какъ онъ убѣдился, что она его обманываетъ чуть ли не со дня женитьбы. Да и вообще во всей своей жизни Субботинъ былъ неудачникомъ, отъ школьной скамьи и до сѣдыхъ волосъ. Но несчастія не озлобили и не очерствили его сердца, а только придали его манерамъ, голосу, всему его существу отпечатокъ лѣнивой грусти. Онъ былъ прекраснымъ собесѣдникомъ и очень внимательнымъ слушателемъ.

Наконецъ мы взобрались по длинной плитяной лѣстницѣ съ широкими и низкими ступенями на самый верхъ Ярославовой горы, господствующей надъ всѣмъ городомъ, и усѣлись на одной изъ скамеекъ, устроенныхъ для публики вдоль очень высокаго и очень крутого обрыва. У нашихъ ногъ разстилался городъ. По двойнымъ цѣпямъ газовыхъ фонарей мы могли отсюда видѣть, какъ подымались по сосѣднимъ горамъ и вились вокругъ нихъ улицы. Сіяющія колокольни церквей казались необыкновенно легкими

и точно прозрачными. Въ самомъ низу, прямо передъ нами, бѣлѣла еще не тронувшаяся рѣка съ чернѣвшими на ней зловѣщими проталинами. Около рѣки, тамъ, гдѣ лѣтомъ приставали барки, уличные огни сбились въ громадную запутанную кучу: точно большая процессія съ зажженными фонарями внезапно остановилась на одномъ мѣстѣ. Свѣтила луна. Въ прохладномъ воздухѣ, въ глубокихъ, рѣзкихъ тѣняхъ отъ домовъ и деревьевъ, въ дрожащихъ переливахъ колокольнаго звона чувствовалась весенняя нѣжность...

Я сидѣлъ, растроганный воспоминаніями тѣхъ радостныхъ и наивныхъ ощущеній, которыя въ дѣтствѣ возбуждалъ въ моей душѣ этотъ великій праздникъ. Мною постепенно овладѣла острая и сладкая грусть, всегда сопровождающая воспоминанія дѣтства, — нѣчто въ родѣ безсильнаго сожалѣнія о невозможности еще разъ испытать эти яркія и свѣжія впечатлѣнія.

И, какъ будто бы отзываясь на мои мысли, Субботинъ вдругъ заговорилъ своимъ тихимъ, протяжнымъ и грустнымъ голосомъ:

— Каждый разъ въ эту ночь я никакъ не могу оторваться памятью отъ одного событія изъ моей дѣтской жизни. Странно: ужъ, кажется, меня жизнь такъ мыкала, что много есть чего вспомнить. Но все стерлось, выдохлось, поблекло, а эта незатѣйливая исторія стоитъ передо мной съ такой удивительной живостью, будто она только вчера произошла. И когда я ее кому-нибудь рассказываю, то опять переживаю самыя мелкія детали своихъ тогдашнихъ ощущеній...

Я, болѣе изъ вѣжливости, чѣмъ изъ любопытства, попросилъ доктора подѣлиться со мной этой исторіей (я видѣлъ, что ему очень хочется ее рассказать). Сначала я слушалъ разсѣянно и принужденно, слѣдя глазами за облаками, быстро набѣгавшими на мѣсяцъ и внезапно про-

никавшимися оранжевымъ сіяніемъ. Но потомъ безыскусственный рассказъ доктора мало-по-малу увлекъ меня и растрогалъ.

— Мнѣ шелъ тогда 8-й годъ. Говорятъ, что черезъ каждыя 7 лѣтъ мѣняется у человѣка и наружность, и составъ крови, и характеръ, и привычки. Можетъ-быть, въ этомъ и есть доля правды. По-моему, семилѣтній возрастъ дѣйствительно влечетъ за собою переломъ въ ребяческой душѣ: въ это время дѣти такъ жадно и безпорядочно пабираются впечатлѣній, что даже худѣютъ и дѣлаются разсѣянными...

«Мы жили въ Москвѣ. Отецъ былъ вѣчно занятый, серьезный человѣкъ. У меня мало о немъ сохранилось воспоминаній: ясно представляю себѣ только его лысую голову, длинную черную бороду съ пріятнымъ запахомъ табаку и бѣлыя, большія руки. Мать — кроткая, болѣзненная женщина, очень худая и рано состарившаяся — побаивалась своего мужа, была съ нимъ нѣжна, съ отѣнкомъ грусти, и постоянно куталась въ сѣрый платокъ изъ «козьяго пуху». Насъ, дѣтей, было трое: я и Зинаида — почти ровесники, и старшая — Надежда, совершеннолѣтняя, уже невѣста.

«Въ этомъ году за недѣлю до Пасхи возвратился изъ кругосвѣтнаго плаванія ея женихъ — морской офицеръ и гостилъ у насъ въ Москвѣ, въ ожиданіи Юминой недѣли, на которой назначенъ былъ день свадьбы. Пребываніе Николая Николаевича въ нашемъ домѣ дѣлало приближающійся праздникъ особенно торжественнымъ. Я и Зина прекрасно знали, что за приготовленія ведутся на кухнѣ, и понимали, почему они гораздо пышнѣе, чѣмъ въ прошломъ году, но молчали. Дѣти почти всегда отлично понимаютъ то, что имъ считаютъ лишнимъ объяснять, но изъ привычнаго недоувѣрія къ взрослымъ они очень ловко таятъ отъ насъ свое пониманіе.

«Надежда важничала, чувствуя себя центромъ общаго вниманія и заботъ. Мы съ Зиной отлично видѣли, что у нея въ обыкновенное время не бываетъ ни той походки, ни того голоса, ни такой улыбки, что при женихѣ, и мы объясняли себѣ это тѣмъ, что Надька «ломается» и «что-то такое изъ себя строить, но у нея ничего не выходитъ». Часто, подсмотрѣвъ въ вечеромъ, въ гостиной, какъ они цѣлуются на диванѣ, мы съ невиннымъ видомъ, взявшись за руки, проходили мимо нихъ, заставляя ихъ краснѣть и отскакивать другъ отъ друга. Ко мнѣ Надежда относилась съ тѣмъ презрительнымъ, но сторожкимъ невниманіемъ, съ какимъ всегда держатъ себя взрослые барышни по отношенію къ братьямъ-мальчишкамъ, всегда перепачканнымъ, всегда готовымъ наступить на платье, угодить въ лицо мячомъ или съ разбѣгу подкатиться подъ ноги.

«Зато Николая Николаевича мы обожали, въ особенности я. Я прямо былъ влюбленъ въ него, влюбленъ слѣпо, страстно и безкорыстно. Онъ казался мнѣ образцомъ ума, силы и смѣлости. Я не измѣнялъ ему года четыре, и однимъ изъ моихъ любимѣйшихъ развлеченій въ гимназій было иллюстрировать на маленькихъ, однообразнаго формата бумажкахъ всѣ тѣ, рассказанныя имъ приключенія изъ его жизни, которыя я слушалъ и сохранялъ въ памяти, какъ нѣчто священное... Да и нельзя было не любить этого высокаго, сильнаго, краснощекаго красавца съ оглушительнымъ голосомъ и заразительнымъ смѣхомъ, всегда готоваго возиться и школьничать. Онъ отъ чистаго сердца игралъ иногда съ нами, дѣтьми, и сестра Надежда глядѣла тогда на него — о, какъ мы это хорошо видѣли! — съ натянутой улыбкой на губахъ и съ ревностью во взорѣ. Мы съ Зиной показывали ей языки и исполняли за ея спиной «пляску людоѣдовъ», едва она отворачивалась отъ насъ.

«Возвратившись изъ плаванья, онъ всѣмъ намъ привезъ

подарки: чесунчу, японскія и китайскія бездѣлушки, зоптики, вѣера, кокосовые орѣхи... Особенно хороша была вещьца, которую онъ подарилъ своей невѣстѣ. Она представляла миниатюрную японскую пагоду изъ старой бронзы, увѣшанную цѣпями, колокольчиками, медальонами и другими побрякушками. Дверцы пагоды были растворены настезь и позволяли видѣть сидящаго въ ней на корточкахъ фарфороваго бонзу съ качающейся головой. Эта игрушка казалась мнѣ великолѣпнѣйшимъ созданіемъ искусства. Верхомъ счастья для меня была бы возможность хоть немного подержать ее въ рукахъ и самому заставить бонзу покачать головой. Но я отлично зналъ, что Надежда никому не позволяла прикасаться къ своимъ вещамъ.

«Наступила Страстная суббота. Меня съ сестрой то и дѣло высылали изъ комнаты въ комнату, потому что мы всѣмъ мѣшали. — «Хоть бы вы занялись чѣмъ-нибудь», — говорила мать, которой мы ежеминутно попадались подъ ноги. Но мы слишкомъ были заинтересованы всѣмъ происходившимъ въ домѣ, чтобы чѣмъ-нибудь заняться.

«Вечеромъ въ полутемной залѣ разставили столы, накрытые новыми скатертями. Заглядывая украдкой въ двери, отворявшіяся лишь на мгновенье, мы мелькомъ видѣли покрывавшіе эти столы куличи, пасхи, окорока, бутылки и еще какіе-то предметы. До насъ доносился даже запахъ сдобнаго тѣста и ванили.

«По мѣрѣ того, какъ приближалось время заутрени, наши нервы напрягались и волненіе росло. Въ комнатахъ было темно, взрослые говорили мало и вполголоса, и все это, въ связи съ таинственными приготовленіями въ залѣ, настраивало насъ на ожиданіе чего-то чудеснаго, прекраснаго и неожиданнаго.

«Однако мы такъ устали и переволновались за день,

что часовъ въ 10 вечера уже не въ силахъ были бороться со сномъ и прикурнули въ углу широкаго турецкаго дивана въ гостиной. Засыная, я случайно слышалъ, какъ въ залѣ разговаривали сдержанные голоса и звенѣла посуда.

«Потомъ насъ разбудили. Еще не проснувшись, дрожащаго отъ холода и волненія, меня одѣли въ лиловый бархатный костюмчикъ съ бѣлымъ кружевнымъ воротникомъ и повели въ гостиную. Тамъ уже всѣ были въ сборѣ: отецъ во фракѣ, надушенный и представительный, мать въ палевомъ широкомъ робронѣ, Надежда, казавшаяся чопорной въ бѣломъ платьѣ, и Николай Николаевичъ въ новомъ мундирѣ, въ широко открытой, ослѣпительно-бѣлой, туго пакрахмаленной рубашкѣ. Всѣ суетились, хотя и говорили вполголоса, а эти быстрыя приготовления придавали намъ такой видъ, какъ будто бы мы составляли важный заговоръ.

«Все, что происходило дальше, слилось для меня въ одно сплошное и сложное впечатлѣніе блеска и радости. Я помню въ этомъ блаженномъ снѣ только нѣкоторые моменты. Когда крестный ходъ, обойдя вокругъ церкви, приблизился къ распахнувшимся среднимъ дверямъ входа, то ожиданіе чуда, которое сейчасъ, вотъ сію секунду должно произойти, наполнило меня трепетомъ радостнаго испуга. За дверями стройные голоса, какъ будто бы дрожащіе отъ восторга, громко заплѣли: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ». Священникъ вошелъ въ новой ризѣ и привѣтливымъ, звучнымъ голосомъ, благословляя прихожанъ трехсвѣчникомъ, принесъ намъ ту радостную вѣсть, которую мы такъ нетерпѣливо ожидали: «Христосъ воскресъ!». И я, замирая и холодѣя отъ восторга, сознавая, что и я участвую въ общей великой радости, выкрикивамъ громко: «Воистину воскресъ!».

«Николай Николаевичъ, похристосовавшись со мною,

поднялъ меня на рукахъ кверху, и я увидѣлъ цѣлое море обнаженныхъ головъ и горящихъ свѣчъ. Я обернулся назадъ и увидѣлъ множество свѣтлыхъ и добрыхъ лицъ, съ глазами, которые ярко блестятъ, отражая пламя свѣчъ. Даже сестра Надежда показалась очень прекрасной въ этотъ моментъ. Лицо ея, близко освѣщаемое свѣчой, сдѣлалось бѣлымъ и нѣжнымъ, глаза потемнѣли и сверкали, отъ бровей падали на лобъ длинныя тѣни, и зубы красиво блестяли, когда она улыбалась, не поворачивая головы, Николаю Николаевичу.

«Домой мы шли, держа въ рукахъ зажженныя свѣчи и стараясь, чтобы онѣ не потухли. Но только одной мамѣ удалось донести свѣчу, и она провела огнемъ отъ нея крестъ на косякѣ парадныхъ дверей.

«Въ залѣ было такъ свѣтло и весело, что я не узналъ ея. Оживленно разговаривая и шумя стульями, мы усаживались за столъ. Въ это время сестра Надежда, пожимая плечами, сказала, что ей холодно. Растроганный заутренней и ожиданіемъ многихъ вкусныхъ вещей, я взялся принести ей изъ ея комнаты платокъ. Она согласилась и, когда я со свѣчой въ рукахъ побѣжалъ изъ залы, она крикнула мнѣ вслѣдъ:

«— Только, смотри, ничего не трогай у меня на комодѣ!

«Я очень скоро нашелъ ея платокъ, который лежалъ на спинкѣ кресла, и уже вышелъ изъ дверей комнаты, какъ вдругъ за моей спиной раздался звонъ и трескъ бьющагося фарфора. Я обернулся и увидѣлъ японскую пагоду лежащей на полу и рядомъ съ ней разбитаго бонзу.

«Какъ это могло случиться, я не понимаю, но задѣть игрушку я во всякомъ случаѣ не могъ, потому что проходилъ отъ нея шагахъ въ пяти. Я поднялъ бонзу съ полу и съ чувствомъ жалости къ нему сталъ приставлять одинъ къ другому поломанные бока его туловища. Вдругъ я услышалъ быстрые шаги Надежды, привлеченной, вѣ-

роятно, шумомъ упавшей игрушки. Повинуясь мгновенному чувству страха, что меня могутъ заподозрѣть въ нечаянной или умышленной порчѣ сестриной вещи, я быстро бросилъ обломки на полъ, но сдѣлалъ это такъ неловко, что вбѣжавшая сестра замѣтила мое движеніе.

«— Что ты надѣлалъ, дрянной мальчишка? — закричала она, хватая меня за плечо. — Вѣдь я тебѣ говорила, чтобы ты не трогалъ моихъ вещей. Какъ ты смѣлъ?.. Какъ ты смѣлъ?»

«Она была ужасно разсержена и, крѣпко вцѣпившись въ мое плечо, повлекла меня въ залу.

«— Посмотри, папа, что онъ надѣлалъ, — жаловалась она со слезами въ голосѣ, показывая при этомъ черепки разбитой игрушки. — Это онъ нарочно, нарочно сдѣлалъ, скверный мальчишка.

«И она расплакалась.

«— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ? — спросилъ отецъ строгимъ голосомъ, вынимая изъ рукъ Надежды обломки и такъ же, какъ я за минуту передъ этимъ, машинально составляя ихъ вмѣстѣ. — Сестра вѣдь предупреждала тебя!

«Я отвѣчалъ, заикаясь:

«— Папа, честное слово... это... не я... Я до нея... даже... не дотрогивался. Она сама упала, когда я выходилъ.

«— Онъ лжетъ! Онъ лжетъ! — взвизгнула Надежда, отрывая платокъ отъ мокраго и злого лица. — Я сама видѣла, какъ онъ бросилъ куски на полъ.

«— Зачѣмъ же ты еще лжешь? — спросилъ отецъ, нахмуриваясь. — Если у тебя въ рукахъ были куски, значитъ, ты бралъ эту вещь.

«Но я краснѣлъ, чувствуя, что всѣ подозреваютъ меня во лжи, и только твердилъ:

«— Это не я... это не я... Я выходилъ, а она вдругъ упала... Я взялъ ее съ полу, чтобы посмотреть.

«Тогда вступилась мама.

«— Послушай, Дмитрій, зачѣмъ ты намъ портишь такой великій праздникъ? Признайся и попроси у Нади извиненія... И все будетъ кончено.

«Лицо у нея было доброе и испуганное; ей, повидимому, хотѣлось поскорѣе прекратить эту непріятную исторію. Николай Николаевичъ сидѣлъ, опустивъ глаза въ тарелку, и я видѣлъ, что онъ мучится за меня. Зина, выпрямившись на стулѣ, глядѣла взрослымъ въ глаза и всѣмъ своимъ видомъ благонаправной дѣвочки точно хотѣла сказать: вы видите, это только онъ такой дурной мальчикъ, а я всегда веду себя хорошо и стараюсь никогда не огорчать папу и маму.

«— Я прошу тебя не вмѣшиваться, — сурово перебилъ отецъ маму. — Онъ самъ долженъ знать, что ему дѣлать.

«Я чувствовалъ въ эту минуту, что исполни я требованіе матери, и все обошлось бы хорошо. Меня пожурили бы немного, но потомъ всѣ бы смягчились, не желая портить хорошаго настроенія... Но во мнѣ заговорила гордость, и я упрямо, но съ ужасомъ въ сердцѣ, повторялъ:

«— Это не я... это не я... Онъ самъ упалъ и разбился.

«Тогда отецъ, раздраженный и покраснѣвшій, схватилъ меня очень больно за шею и вытолкнулъ изъ комнаты.

«— Ты лгунъ, и тебѣ не мѣсто съ честными людьми, — закричалъ онъ мнѣ вслѣдъ. — Убирайся въ свою комнату и не смѣй приходить сюда!

«Я убѣждалъ и бросился на свою кровать, лицомъ въ подушки. Сначала мнѣ казалось, что я задохнусь отъ избытка слезъ, кипѣвшихъ у меня въ груди и острымъ клубкомъ распиравшихъ мое горло. Я царапалъ подушку ногтями и грызъ ее. Потомъ слезы прекратились, но мнѣ уже нравились эти слезы несправедливо обиженного и

страдающаго мальчика, и я силился ихъ вызывать воспоминаніемъ панесенной мнѣ обиды. Наконецъ глаза мои совсѣмъ высохли, и только легкое чувство насморка и жажда напоминали о слезахъ.

«Тогда я далъ волю своему воображенію. Я рѣшилъ завтра же убѣжать изъ дому, захвативъ предварительно въ кухнѣ побольше хлѣба, и поступить въ монастырь. Я чрезвычайно живо представлялъ себѣ, какъ привратникъ ведетъ меня къ настоятелю. «Что же васъ привело въ монастырь? — спрашиваетъ меня настоятель, сѣдой, высокій старикъ, съ длинной бородой, въ черной скуфьѣ съ нашитымъ на ней бѣлымъ крестомъ. — Вы еще молоды, чтобы отречься отъ міра». Но я отвѣчаю ему: «Святой отецъ, меня изгнала изъ дому ненависть моихъ родителей. Меня преслѣдовали, мучили и... и даже сказали, что я разбилъ японскаго бонзу»... Потомъ я представлялъ себѣ, какъ отецъ и мать, долго отыскивавшіе меня, пріѣзжаютъ наконецъ въ монастырь и узнаютъ меня въ черной монашеской одеждѣ. Они со слезами просятъ меня воротиться къ нимъ, раскаиваясь въ своихъ подозрѣніяхъ относительно бонзы. Я, конечно, прощаю ихъ, но мнѣ невозможно воротиться. Увы!.. Теперь уже слишкомъ поздно. Я посвятилъ себя Богу.

«И много другихъ то мстительныхъ, то великодушныхъ картинъ рисовалось въ моемъ воображеніи. Черезъ полчаса дверь дѣтской тихо скрипнула, и я услышалъ голосъ Николая Николаевича, спрашивающій тихо:

«— Гдѣ ты, Митя?»

«Я молчалъ. Да мнѣ, огорченному такъ жестоко и незаслуженно, какъ-то и неловко было бы отвѣчать.

«Но онъ самъ въ темнотѣ отыскалъ меня, нагнулся падо мной и, щекоча мои щеки своими душистыми усами, сталъ меня цѣловать:

«— Иди, Митя, въ залу, иди, голубчикъ, — говорилъ

онъ ласково. — Сдѣлай мнѣ удовольствіе, если меня любишь. Ну извинись, ну что тебѣ стоить? Пойдемъ вмѣстѣ.

«Но я, хотя и расплакался, согрѣтый этой неожиданной лаской, все-таки отказывался еще упорнѣе, чѣмъ раньше, выйти въ залу. И Николай Николаевичъ вздохнулъ и, потрепавъ меня по спинѣ, оставилъ меня въ покоѣ.

«Ужъ разсвѣтало, когда пришла мама, чтобы раздѣть младшую сестру. Она подошла къ моей кровати и пристально посмотрѣла на меня. Но я притворился спящимъ. Она перекрестила меня и, придвинувъ къ моей постели столъ, поставила на него кусокъ пасхи, ломоть кулича и красное яичко».

Докторъ Субботинъ помолчалъ, поерошилъ подъ шляпой волосы и прибавилъ:

— И вотъ, сколько со мной потомъ ни случилось огорченій и передрагъ, а эта непріятность съ японскимъ болванчикомъ одна только не изгладилась изъ моей памяти и стоитъ въ пей точно живая. И всегда это воспоминаніе о первой людской несправедливости, которую я испыталъ, вызываетъ во мнѣ печальное и нѣжное воспоминаніе.

ТАПЕРЪ.

РЛЗСКАЗЪ.

Двѣнадцатилѣтняя Тиночка Руднева влетѣла, какъ разрывная бомба, въ комнату, гдѣ ея старшія сестры одѣвались, съ помощью двухъ горничныхъ, къ сегодняшнему вечеру. Взволнованная, запыхавшаяся, съ разлетѣвшими кудряшками на лбу, вся розовая отъ быстрого бѣга, она была въ эту минуту похожа на хорошенькаго мальчишку.

— Mesdames, а гдѣ же таперъ? Я спрашивала у всѣхъ въ домѣ, и никто ничего не знаетъ. Тотъ говоритъ—мнѣ не приказывали, тотъ говоритъ—это не мое дѣло... У насъ постоянно, постоянно такъ,—горячилась Тиночка, топая каблукомъ о полъ. — Всегда что-нибудь перепутаютъ, забудутъ и потомъ начинаютъ сваливать другъ на друга...

Самая старшая изъ сестеръ — Лидія Аркадьевна стояла передъ трюмо. Повернувшись бокомъ къ зеркалу и изогнувъ назадъ свою прекрасную обнаженную шею, она, слегка прищуривая близорукіе глаза, закалывала въ волосы чайную розу. Она не выносила никакого шума и относилась къ «мелюзгѣ» съ холоднымъ и вѣжливымъ презрѣніемъ. Взглянувъ на отраженіе Тины въ зеркалѣ, она замѣтила съ неудовольствіемъ:

— Больше всего въ домѣ безпорядка дѣлаешь, ко-

нечно, ты,—сколько разъ я тебя просила, чтобы ты не вбѣгала, какъ сумасшедшая, въ комнаты.

Тина насмѣшливо присѣла и показала зеркалу языкъ. Потомъ она обернулась къ другой сестрѣ Татьянѣ Аркадьевнѣ, около которой возилась на полу модистка, подметывая на живую питку низъ голубой юбки, и затараторила:

— Ну, понятно, что отъ нашей Несмѣяны-царевны ничего, кромѣ наставленій, не услышишь. Танечка, голубушка, какъ бы ты тамъ все это устроила. Меня никто не слушается, только смѣются, когда я говорю... Танечка, пойдѣмъ, пожалуйста, а то вѣдь скоро шесть часовъ, черезъ часъ и елку будемъ зажигать...

Тина только въ этомъ году была допущена къ устройству елки. Не далѣе какъ на прошлое Рождество ее въ это время запирали съ младшей сестрой Катей и съ ея сверстницами въ дѣтскую, увѣряя, что въ залѣ нѣтъ никакой елки, а что «просто только пришли полотеры». Поэтому понятно, что теперь, когда Тина получила особая привилегіи, ровнявшія ее нѣкоторымъ образомъ со старшими сестрами, она волновалась больше всѣхъ, хлопотала и бѣгала за десятерыхъ, попадаясь ежеминутно кому-нибудь подъ ноги, и только усиливала общую суету, царившую обыкновенно на праздникахъ въ рудневскомъ домѣ.

Семья Рудневыхъ принадлежала къ одной изъ самыхъ безалаберныхъ, гостепріимныхъ и шумныхъ московскихъ семей, обитающихъ испоконъ вѣка въ окрестностяхъ Прѣсни, Новинскаго и Конюшковъ и создавшихъ когда-то Москвѣ ея репутацію хлѣбосольнаго города. Домъ Рудневыхъ,—большой ветхій домъ до-екатерининской постройки, со львами на воротахъ, съ широкимъ подъѣзднымъ дворомъ и съ массивными бѣлыми колоннами у параднаго,—круглый годъ съ утра до поздней ночи кишѣлъ

народомъ. Приѣзжали безъ всякаго предупрежденія, «сюрпризомъ», какіе-то сосѣди по наровчатскому или инсарскому имѣнію, какіе-то дальніе родственники, которыхъ до сихъ поръ никто въ глаза не видалъ и не слыхалъ объ ихъ существованіи, — и гостили по мѣсяцамъ. Къ Аркашѣ и Митѣ десятками ходили товарищи, мѣнявшіе съ годами свою оболочку, сначала гимназистами и кадетами, потомъ юнкерами и студентами и наконецъ безусыми офицерами или щеголеватыми, преувеличенно серьезными помощниками присяжныхъ повѣренныхъ. Дѣвченокъ постоянно навѣщали подруги всевозможныхъ возрастовъ, начиная отъ Катиныхъ свертницъ, приводившихъ съ собою въ гости своихъ куколъ, и кончая пріятельницами Лидіи, которыя говорили о Марксѣ и объ аграрной системѣ и вмѣстѣ съ Лидіей стремились на высшіе женскіе курсы. На праздникахъ, когда вся эта веселая, задорная молодежь собиралась въ громадномъ рудневскомъ домѣ, вмѣстѣ съ нею надолго водворялась атмосфера какой-то общей, наивной, поэтической и шаловливой влюбленности.

Эти дни бывали днями полной анархіи, приводившей въ отчаяніе прислугу. Всѣ условныя понятія о времени, разграниченномъ, «какъ у людей», чаемъ, завтракомъ, обѣдомъ и ужипомъ, смѣшивались въ шумной и безпорядочной суетѣ. Въ то время, когда одни кончали обѣдать, другіе только-что начинали пить утренній чай, а третьи цѣлый день пропадали на каткѣ въ Зоологическомъ саду, куда забирали съ собою гору бутербродовъ. Со стола никогда не убирали, и буфетъ стоялъ открытымъ съ утра до вечера. Несмотря на это, случалось, что молодежь, проголодавшись совсѣмъ въ неуказанное время, послѣ коньковъ или поѣздки на балаганы, отправляла на кухню депутацію къ Акинфичу съ просьбой приготовить «что-нибудь вкусненькое». Ста-

рый пьяница, по глубокой знатокъ своего дѣла, — Акинфичъ сначала обыкновенно долго не соглашался и ворчалъ на депутацію. Тогда въ ходъ пускалась тонкая лесть: говорили, что теперь уже перевелись въ Москвѣ хорошіе повара, что только у стариковъ и сохранилось еще неприкосновеннымъ уваженіе къ святости кулинарнаго искусства и т. д. Кончалось тѣмъ, что задѣтый за живое Акинфичъ сдавался и, пробуя на большомъ пальцѣ острее ножа, говорилъ съ напускной суровостью:

— Ладно ужъ, ладно... будетъ пѣть-то... Сколько васъ тамъ, галчата?

Ирина Алексѣевна Руднева—хозяйка дома—почти никогда не выходила изъ своихъ комнатъ, кромѣ особенно торжественныхъ, официальныхъ случаевъ. Урожденная княжна Ознобишина, послѣдній отпрыскъ знатнаго и богатаго рода, — она разъ навсегда рѣшила, что общество ея мужа и дѣтей слишкомъ «мескинно» и «брютально», и потому равнодушно «иньорировала» его, развлекаясь визитами къ архіереямъ и поддержаніемъ знакомства съ такими же, какъ она сама, окаменѣлыми потомками родовъ, уходящихъ въ сѣдую древность. Впрочемъ, мужа своего Ирина Алексѣевна не уставала даже и теперь тайно, но мучительно ревновать. И она, вѣроятно, имѣла для этого основанія, такъ какъ Аркадій Николаевичъ, извѣстный всей Москвѣ гурманъ, игрокъ и щедрый покровитель балетнаго искусства, до сихъ поръ еще, несмотря на свои 50 съ лишкомъ лѣтъ, не утратилъ заслуженной репутаціи дамскаго угодника, поклонника и покорителя. Даже и теперь его можно было назвать красавцемъ, когда онъ, опоздавъ на десять минутъ къ началу дѣйствія и обращая на себя общее вниманіе, входилъ въ зрительную залу Большого театра—элегантный и самоувѣренный, съ гордо поставленной на осанистомъ туловищѣ, породистой, слегка сѣдѣющей головой.

Аркадій Николаевичъ рѣдко показывался домой, потому что обѣдалъ онъ постоянно въ Англійскомъ клубѣ, а по вечерамъ ѣздилъ туда же играть въ карты, если въ театрѣ не шелъ интересный балетъ. Въ качествѣ главы дома, онъ занимался исключительно тѣмъ, что закладывалъ и перезаклаживалъ то одно, то другое недвижимое имущество, не заглядывая въ будущее съ безпечностью избалованнаго судьбой грансенъора. Привыкнувъ съ утра до вечера вращаться въ большомъ обществѣ, онъ любилъ, чтобы и въ домѣ у него было шумно и оживленно. Изрѣдка ему нравилось сюрпризомъ устроить для своей молодежи неожиданное развлеченіе и самому принять въ немъ участіе. Это случалось большею частью на другой день послѣ крупнаго выигрыша въ клубѣ.

— Молодые республиканцы! — говорилъ онъ, входя въ гостиную и сіяя своимъ свѣжимъ видомъ и очаровательной улыбкой: — вы, кажется, скоро всѣ заснете отъ вашихъ серьезныхъ разговоровъ. Кто хочетъ ѣхать со мной за городъ? Дорога прекрасная: солнце, снѣгъ и морозецъ. Страдающихъ зубной болью и міровой скорбью прошу оставаться дома подъ надзоромъ нашей почтеннѣйшей Олимпіады Савичны...

Посылали за тройками къ Ечкину, скакали, сломя голову, за Тверскую заставу, обѣдали въ «Мавританіи» или въ «Стрѣльнѣ» и возвращались домой поздно вечеромъ, къ большому неудовольствію Ирины Алексѣевны, смотрѣвшей брезгливо на эти «эскапады дурного тона». Но молодежь нигдѣ такъ безумно не веселилась, какъ именно въ этихъ эскападахъ, подъ предводительствомъ Аркадія Николаевича.

Неизмѣнное участіе принималъ ежегодно Аркадій Николаевичъ и въ елкѣ. Этотъ дѣтскій праздникъ почему-то доставлялъ ему своеобразное, наивное удовольствіе. Никто изъ домашнихъ не умѣлъ лучше его при-

думать каждому подарокъ по вкусу, и потому въ затруднительныхъ случаяхъ старшія дѣти прибѣгали къ его изобрѣтательности.

— Папа, ну что мы подаримъ Колѣ Радомскому? — спрашивали Аркадія Николаевича дочери. — Онъ большой такой, гимназистъ послѣдняго класса... нельзя же ему игрушку...

— Зачѣмъ же игрушку? — возражалъ Аркадій Николаевичъ. — Самое лучшее купите для него хорошенькій портсигаръ. Юноша будетъ польщенъ такимъ солиднымъ подаркомъ. Теперь очень хорошенькіе портсигары продаются у Лукутина. Да, кстати, намекните этому Колѣ, чтобы онъ не стѣснялся при мнѣ курить. А то давеча, когда я вошелъ въ гостиную, такъ онъ папироску въ рукавъ спряталъ...

Аркадій Николаевичъ любилъ, чтобы у него елка выходила на славу, и всегда приглашалъ къ ней оркестръ Рябова. Но въ этомъ году *) съ музыкой произошелъ цѣлый рядъ роковыхъ недоразумѣній. Къ Рябову почему-то послали очень поздно; оркестръ его, раздѣляемый на праздникахъ на три части, оказался уже разобраннѣмъ. Маэстро въ силу давняго знакомства съ домомъ Рудневыхъ обѣщалъ однако какъ-нибудь устроить это дѣло, надѣясь, что въ другомъ домѣ перемѣнятъ день елки, но по неизвѣстной причинѣ замедлилъ отвѣтомъ, и когда бросились искать въ другія мѣста, то во всей Москвѣ не оказалось ни одного оркестра. Аркадій Николаевичъ разсердился и велѣлъ отыскать хорошаго тапера, по кому отдалъ это приказаніе, онъ и самъ теперь не помнилъ. Этотъ «кто-то», павѣрно, свалилъ данное ему порученіе на

*) Разсказъ нашъ относится къ 1885 году. Кстати замѣтимъ, что основная фабула его покоится на дѣйствительномъ фактѣ, сообщенномъ автору въ Москвѣ М. А. З — вой, близко знавшей семью, названную въ разсказѣ вымышленной фамиліей Рудневыхъ.

другого, другой—на третьяго, перевравъ, по обыкновенію, его смыслъ, а третій въ общей сумятицѣ и совсѣмъ забылъ о немъ...

Между тѣмъ пылкая Тина успѣла уже взбудоражить весь домъ. Почтенная экономка, толстая, добродушная Олимпіада Савична, говорила, что и взаправду баринъ ей наказывалъ распорядиться о таперѣ, если не пріѣдетъ музыка, и что она объ этомъ тогда же сказала камердинеру Лукѣ. Лука, въ свою очередь, оправдывался тѣмъ, что его дѣло ходить около Аркадія Николаевича, а не бѣгать по городу за фортепьянщиками. На шумъ прибѣжала изъ барышнихъ комнатъ горничная Дуняша, подвижная и ловкая, какъ обезьяна, кокетка и болтунья, считавшая долгомъ ввязываться непремѣнно въ каждое неприятное происшествіе. Хотя ея и никто не спрашивалъ, но она совалась къ каждому съ жаркими увѣреніями, что пускай ее Богъ разразитъ на этомъ мѣстѣ, если она хоть краешкомъ уха что-нибудь слышала о таперѣ. Неизвѣстно, чѣмъ окончилась бы эта путаница, если бы на помощь не пришла Татьяна Аркадьевна, полная, веселая блондинка, которую вся прислуга обожала за ея ровный характеръ и удивительное умѣніе улаживать внутреннія междоусобицы.

— Однимъ словомъ, мы такъ не кончимъ до завтрашняго дня,—сказала она своимъ спокойнымъ, слегка насмѣшливымъ, какъ у Аркадія Николаевича, голосомъ. — Какъ бы то ни было, Дуняша сейчасъ же отправится разыскивать тапера. Покамѣстъ ты будешь одѣваться, Дуняша, я тебѣ выпишу изъ газеты адреса. Постарайся найти поближе, чтобы не задерживать елки, потому что сію минуту начнутъ съѣзжаться. Деньги на извозчика возьми у Олимпіады Савичны...

Едва она успѣла это произнести, какъ у дверей передней громко затрещалъ звонокъ. Тина уже бѣжала туда

стремглавъ, навстрѣчу цѣлой толпѣ дѣтишекъ, улыбающихся, румяныхъ съ мороза, запушенныхъ снѣгомъ и внесшихъ за собою запахъ зимняго воздуха, крѣпкій и здоровый, какъ запахъ свѣжихъ яблоковъ. Оказалось, что двѣ большія семьи — Лыковыхъ и Масловскихъ — столкнулись случайно, одновременно подѣхавъ къ воротамъ. Передняя сразу наполнилась говоромъ, смѣхомъ, топотомъ ногъ и звонкими поцѣлуями.

Звонки раздавались одинъ за другимъ почти непрерывно. Приѣзжали все новые и новые гости. Барышни Рудневы едва успѣвали справляться съ ними. Взрослыхъ приглашали въ гостиную, а маленькихъ завлекали въ дѣтскую и въ столовую, чтобы запереть ихъ тамъ предательскимъ образомъ. Въ залѣ еще не зажигали огня. Огромная елка стояла посрединѣ, слабо рисуясь въ полутьмѣ своими фантастическими очертаніями и наполняя комнату смолистымъ ароматомъ. Тамъ и здѣсь на ней тускло поблескивала, отражая свѣтъ уличнаго фонаря, позолота цѣпей, орѣховъ и картонажей.

Дуняша все еще не возвращалась, и подвижная, какъ ртуть, Тина сгорала отъ нетерпѣливаго безпокойства. Десять разъ подбѣгала она къ Танѣ, отводила ее въ сторону и шептала взволнованно:

— Танечка, голубушка, какъ же теперь намъ быть?.. Вѣдь это же ни на что не похоже.

Таня сама начинала тревожиться. Она подошла къ старшей сестрѣ и сказала вполголоса:

— Я ужъ и не придумаю, что дѣлать. Придется попросить тетю Соню поиграть немного... А потомъ я ее сама какъ-нибудь замѣню.

— Благодарю покорно, — насмѣшливо возразила Лидія. — Тетя Соня будетъ потомъ насъ цѣлый годъ своимъ одолженіемъ донимать. А ты такъ хорошо играешь, что ужъ лучше совсѣмъ безъ музыки танцовать.

Въ эту минуту къ Татьянѣ Аркадьевнѣ подошелъ, неслышно ступая своими замшевыми подошвами, Лука.

— Барышня, Дуняша просить васъ на секунду выйти къ нимъ.

— Ну что, привезла? — спросили въ одинъ голосъ всѣ три сестры.

— Пожалуйста-съ. Извольте-съ посмотрѣть сами, — уклончиво отвѣтилъ Лука. — Они въ передней... Только что-то сомнительно-съ... Пожалуйста.

Въ передней стояла Дуняша, еще не снявшая шубки, закиданной комьями грязнаго снѣга. Сзади ея копошилась въ темномъ углу какая-то маленькая фигурка, разматывавшая желтый башлыкъ, окутывавшій ея голову.

— Только, барышня, не браните меня, — зашептала Дуняша, наклоняясь къ самому уху Татьяны Аркадьевны. — Разрази меня Богъ — въ пяти мѣстахъ была и ни одного тапера не застала. Вотъ нашла этого мальчика, да ужъ и сама не знаю, годится ли. Убей меня Богъ, только одинъ и остался. Божится, что игралъ на вечерахъ и на свадьбахъ, а я почему могу знать...

Между тѣмъ маленькая фигурка, освободившись отъ своего башлыка и пальто, оказалась блѣднымъ, очень худощавымъ мальчикомъ въ подержаномъ мундирчикѣ реальнаго училища. Понимая, что рѣчь идетъ о немъ, онъ въ неловкой выжидательной позѣ держался въ своемъ углу, не рѣшаясь подойти ближе. Наблюдательная Таия, бросивъ на него украдкой нѣсколько взглядовъ, сразу опредѣлила про себя, что этотъ мальчикъ застѣнчивъ, бѣденъ и самолюбивъ. Лицо у него было некрасивое, но выразительное и съ очень тонкими чертами; нѣсколько наивный видъ ему придавали вихры темныхъ волосъ, завивающихся «гнѣздышками» по обѣимъ сторонамъ высокаго лба, но большіе сѣрые глаза — слишкомъ большіе для такого худенькаго дѣтскаго лица — смотрѣли умно,

твердо и не по-дѣтскій серьезно. По первому впечатлѣнію мальчику можно было дать лѣтъ 11—12.

Татьяна сдѣлала къ нему нѣсколько шаговъ и, сама стѣсняясь не меньше его, спросила нерѣшительно:

— Вы говорите, что вамъ уже приходилось... играть на вечерахъ?

— Да... я игралъ, — отвѣтилъ онъ голосомъ, нѣсколько сиплымъ отъ мороза и отъ робости. — Вамъ, можетъ-быть, оттого кажется, что я такой маленькій...

— Ахъ нѣтъ, вовсе не это... Вамъ вѣдь лѣтъ 13, должно-быть?

— Четырнадцать-съ.

— Это, конечно, все равно. Но я боюсь, что безъ привычки вамъ будетъ тяжело.

Мальчикъ откашлялся.

— О, нѣтъ, не беспокойтесь... Я уже привыкъ къ этому. Мнѣ случалось играть по цѣлымъ вечерамъ, почти не переставая...

Таня вопросительно посмотрѣла на старшую сестру. Лидія Аркадьевна, отличавшаяся страннымъ безсердечіемъ по отношенію ко всему загнанному, подвластному и приниженному, спросила со своей обычной презрительной миной:

— Вы умѣете, молодой человекъ, играть кадрили

Мальчикъ качнулся туловищемъ впередъ, что должно было означать поклонъ.

— Умѣю-съ.

— И вальсъ умѣете?

— Да-съ.

— Можетъ-быть, и польку тоже?

Мальчикъ вдругъ густо покраснѣлъ, но отвѣтилъ сдержаннымъ тономъ:

— Да, и польку тоже.

— А лансѣе? — продолжала дразнить его Лидія.

— *Laissez donc, Lidie, vous êtes impossible,* — строго замѣтила Татьяна Аркадьевна.

Большіе глаза мальчика вдругъ блеснули гнѣвомъ и насмѣшкой. Даже напряженная неловкость его позы внезапно исчезла.

— Если вамъ угодно, *mademoiselle,* — рѣзко повернулся онъ къ Лидіи: — то, кромѣ полекъ и кадрили, я играю еще всѣ сонаты Бетховена, вальсы Шопена и рэпсодіи Листа.

— Воображаю! — дѣлanno, точно актриса на сценѣ, уронила Лидія, задѣтая этимъ самоувѣреннымъ отвѣтомъ.

Мальчикъ перевелъ глаза на Таню, въ которой онъ инстинктивно угадалъ заступницу, и теперь эти огромные глаза приняли умоляющее выраженіе.

— Пожалуйста, прошу васъ... позвольте мнѣ что-нибудь сыграть...

Чуткая Таня поняла, какъ больно затронула Лидія самолюбіе мальчика, и ей стало жалко его. А Тина даже запрыгала на мѣстѣ и захлопала въ ладоши отъ радости, что эта противная гордячка Лидія сейчасъ получитъ щелчокъ.

— Конечно, Тапечка, конечно, пускай сыграетъ, — упрашивала она сестру и вдругъ со своей обычной стремительностью, схвативъ за руку маленькаго піаниста, она потащила его въ залу, повторяя: — Ничего, ничего... Вы сыграете, и она останется съ носомъ... Ничего, ничего.

Неожиданное появленіе Тины, влекшей на буксирѣ застѣнчиво улыбавагося реалистика, произвело общее недоумѣніе. Взрослые одинъ за другимъ переходили въ залу, гдѣ Тина, усадивъ мальчика на выдвигной табуретъ, уже успѣла зажечь свѣчи на великолѣпномъ шредеровскомъ фортепіано.

Реалистъ взялъ наугадъ одну изъ толстыхъ, переплетенныхъ въ шагрель нотныхъ тетрадей и раскрылъ ее. За-

тѣмъ, обернувшись къ дверямъ, въ которыхъ стояла Лидія, рѣзко выдѣляясь своимъ бѣлымъ атласнымъ платьемъ на черномъ фонѣ неосвѣщенной гостиной, онъ спросилъ:

— Угодно вамъ «Rapsodie Hongroise» № 2 Листа?

Лидія пренебрежительно выдвинула впередъ нижнюю губу и ничего не отвѣтила. Мальчикъ бережно положилъ руки на клавиши, закрылъ на мгновение глаза, и изъ-подъ его пальцевъ полились торжественные, величавые аккорды начала рапсодіи. Странно было видѣть и слышать, какъ этотъ маленькій человѣчекъ, голова котораго едва виднѣлась изъ-за попитра, извлекалъ изъ инструмента такіе мощные, смѣлые, полные звуки. И лицо его какъ будто бы сразу преобразилось, просвѣтлѣло и стало почти прекраснымъ; блѣдныя губы слегка полуоткрылись, а глаза еще больше увеличились и сдѣлались глубокими, влажными и сіяющими.

Зала понемногу наполнялась слушателями. Даже Аркадій Николаевичъ, любившій музыку и знавшій въ ней толкъ, вышелъ изъ своего кабинета. Подойдя къ Танѣ, онъ спросилъ ее на ухо:

— Гдѣ вы достали этого карапуза?

— Это таперъ, папа, — отвѣтила тихо Татьяна Аркадьевна. — Правда, отлично играетъ?

— Таперъ? Такой маленькій? Неужели? — удивлялся Рудневъ. — Скажите, пожалуйста, какой мастеръ! Но вѣдь это безбожно заставлятъ его играть танцы.

Когда Таня рассказала отцу о сценѣ, происшедшей въ передней, Аркадій Николаевичъ покачалъ головой.

— Да, вотъ оно что... Ну, что жъ дѣлать, пельзя обижать мальчугана. Пускай поиграетъ, а потомъ мы что-нибудь придумаемъ.

Когда реалистъ окончилъ рапсодію, Аркадій Николаевичъ первый захлопалъ въ ладоши. Другіе также приня-

лись аплодировать. Мальчикъ всталъ съ высокаго табу-рета, покраснѣвшійся и взволнованный; онъ искалъ глазами Лидію, но ея уже не было въ залѣ.

— Прекрасно играете, голубчикъ. Большое удовольствіе намъ доставили, — ласково улыбался Аркадій Николаевичъ, подходя къ музыканту и протягивая ему руку. — Только я боюсь, что вы... какъ васъ величаютъ-то, я не знаю.

— Азагаровъ, Юрій Азагаровъ.

— Боюсь я, милый Юрочка, не повредитъ ли вамъ играть цѣлый вечеръ? Такъ вы, знаете ли, безъ всякаго стѣсненія скажите, если устанете. У насъ найдется здѣсь кому побренчать. Ну, а теперь сыграйте-ка намъ какой-нибудь маршъ побравурнѣе.

Подъ громкіе звуки марша изъ «Фауста» были поспѣшно зажжены свѣчи на елкѣ. Затѣмъ Аркадій Николаевичъ собственноручно распахнулъ настежь двери столовой, гдѣ толпа дѣтишекъ, ошеломленная внезапнымъ яркимъ свѣтомъ и ворвавшейся къ нимъ музыкой, точно окаменѣла въ наивно-изумленныхъ, забавныхъ позахъ. Сначала робко, одинъ за другимъ, входили они въ залу, и съ почтительнымъ любопытствомъ ходили кругомъ елки, задирая вверхъ свои милыя мордочки. Но черезъ нѣсколько минутъ, когда подарки уже были розданы, зала наполнилась невообразимымъ гамомъ, пискомъ съ счастливымъ, звонкимъ дѣтскимъ хохотомъ. Дѣти точно опьянѣли отъ блеска елочныхъ огней, отъ смолистаго аромата, отъ громкой музыки и отъ великолѣпныхъ подарковъ. Старшимъ никакъ не удавалось собрать ихъ въ хороводъ вокругъ елки, потому что то одинъ, то другой вырывался изъ круга и бѣжалъ къ своимъ игрушкамъ, оставленнымъ кому-нибудь на временное храненіе.

Тина, которая послѣ вниманія, оказаннаго ея отцомъ Азагарову, окончательно рѣшила взять мальчика подъ

свое покровительство, подбѣжала къ нему съ самой дру-
жеской улыбкой.

— Пожалуйста, сыграйте намъ польку.

Азагаровъ заигралъ, и передъ его глазами закружи-
лись бѣлыя, голубыя и розовыя платица, короткія юбочки,
изъ-подъ которыхъ быстро мелькали бѣлые кружевные
панталончики, русыя и черныя головки въ шапочкахъ изъ
папирсной бумаги. Играя, онъ машинально прислуши-
вался къ равномерному шарканью множества ногъ подъ
тактъ его музыки, какъ вдругъ необычайное волненіе, про-
бѣжавшее по всей залѣ, заставило его повернуть голову
ко входнымъ дверямъ.

Не переставая играть, онъ увидѣлъ, какъ въ залу
вошелъ пожилой господинъ, къ которому, точно по вол-
шебству, приковались глаза всѣхъ присутствующихъ. Во-
шедшій былъ немного выше средняго роста и довольно
широкъ въ кости, но не полнъ. Держался онъ съ такой
изящной, неуловимо-небрежной и въ то же время велича-
вой простотой, которая свойственна только людямъ боль-
шого свѣта. Сразу было видно, что этотъ человекъ при-
выкъ чувствовать себя одинаково свободно и въ малень-
кой гостиной, и передъ тысячной толпой, и въ залахъ ко-
ролевскихъ дворцовъ. Всего замѣчательнѣе было его
лицо, — одно изъ тѣхъ лицъ, которыя запечатлѣваются
въ памяти на всю жизнь съ перваго взгляда: большой че-
тырехугольный лобъ былъ изборозженъ суровыми, почти
гнѣвными морщинами; глаза, глубоко сидѣвшіе въ орби-
тахъ, съ повисшими надъ ними складками верхнихъ вѣкъ,
смотрѣли тяжело, утомленно и недовольно; узкія бри-
тыя губы были энергично и крѣпко сжаты, указывая на
желѣзную волю въ характерѣ незнакомца, а нижняя че-
люсть, сильно выдвинувшаяся впередъ и твердо обрисо-
ванная, придавала физиономіи отпечатокъ власти и
упорства. Общее впечатлѣніе довершала длинная грива гу-

стыхъ, небрежно заброшенныхъ назадъ волосъ, дѣлавшая эту характерную, гордую голову похожей на львиную...

Юрій Азагаровъ рѣшилъ въ умѣ, что новоприбывшій гость, должно-быть, очень важный господинъ, потому что даже чопорныя пожилыя дамы встрѣтили его почтительными улыбками, когда онъ вошелъ въ залу, сопровождаемый сіяющимъ Аркадіемъ Николаевичемъ. Сдѣлавъ нѣсколько общихъ поклоновъ, незнакомецъ быстро прошелъ вмѣстѣ съ Рудневымъ въ кабинетъ, но Юрій слышалъ, какъ онъ говорилъ на ходу о чемъ-то просившему его хозяину:

— Пожалуйста, добрѣйшій мой Аркадій Николаевичъ, не просите. Вы знаете, какъ мнѣ больно васъ огорчать отказомъ...

— Ну хоть что-нибудь, Антонъ Григорьевичъ. И для меня и для дѣтей это будетъ навсегда историческимъ событіемъ, — продолжалъ просить хозяинъ.

Въ это время Юрія попросили играть вальсъ, и онъ не услышалъ, что отвѣтилъ тотъ, кого называли Антономъ Григорьевичемъ. Онъ игралъ поочередно вальсы, польки и кадрили, но изъ его головы не выходило царственное лицо необыкновеннаго гостя. И тѣмъ болѣе онъ былъ изумленъ, почти испуганъ, когда почувствовалъ на себѣ чей-то взглядъ и, обернувшись вправо, онъ увидѣлъ, что Антонъ Григорьевичъ смотритъ на него со скучающимъ и нетерпѣливымъ видомъ и слушаетъ, что ему говоритъ на ухо Рудневъ.

Юрій понялъ, что разговоръ идетъ о немъ, и отвернулся отъ нихъ въ смущеніи, близкомъ къ непонятному страху. Но тотчасъ же, въ тотъ же самый моментъ, какъ ему казалось потомъ, когда онъ уже взрослымъ провѣрялъ свои тогдашнія ощущенія, надъ его ухомъ раздался равнодушно-повелительный голосъ Антона Григорьевича:

— Сыграйте, пожалуйста, еще разъ рапсодію № 2.

Онъ заигралъ, сначала робко, неувѣренно, гораздо

хуже, чѣмъ онъ игралъ въ первый разъ, но понемногу къ нему вернулись смѣлость и вдохновеніе. Присутствіе того, властнаго и необыкновеннаго человѣка почему-то вдругъ наполнило его душу артистическимъ волненіемъ и придало его пальцамъ исключительную гибкость и послушность. Онъ самъ чувствовалъ, что никогда еще не игралъ въ своей жизни такъ хорошо, какъ въ этотъ разъ, и, должно-быть, не скоро будетъ еще такъ хорошо играть.

Юрій не видѣлъ, какъ постепенно прояснялось хмурое чело Антона Григорьевича и какъ смягчалось мало-помалу строгое выраженіе его губъ, но, когда онъ кончилъ при общихъ аплодисментахъ и обернулся въ ту сторону, то уже не увидѣлъ этого привлекательнаго и страннаго человѣка. Зато къ нему подходилъ съ многозначительной улыбкой, таинственно подымая вверхъ брови, Аркадій Николаевичъ Рудневъ.

— Вотъ что, голубчикъ Азагаровъ, — заговорилъ почти шопотомъ Аркадій Николаевичъ: — возьмите этотъ конвертикъ, спрячьте въ карманъ и не потеряйте, — въ немъ деньги. А сами идите сейчасъ же въ переднюю и одѣвайтесь. Васъ довезетъ Антонъ Григорьевичъ.

— Но вѣдь я могу еще хоть цѣлый вечеръ играть, — возразилъ-было мальчикъ.

— Тсс!.. — закрылъ глаза Рудневъ. — Да неужели вы не узнали его? Неужели вы не догадались, кто это?

Юрій недоумѣвалъ, раскрывая все больше и больше свои огромные глаза. Кто же это могъ быть этотъ удивительный человѣкъ?

— Голубчикъ, да вѣдь это Рубинштейнъ. Понимаете ли, Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ! И я васъ, дорогой мой, отъ души поздравляю и радуюсь, что у меня наконецъ вамъ совсѣмъ случайно выпалъ такой подарокъ. Онъ заинтересованъ вашей игрой...

Реалистъ въ попошенномъ мундирѣ давно уже извѣстенъ теперь всей Россіи, какъ одинъ изъ талантливѣйшихъ композиторовъ, а необычайный гость съ царственнымъ лицомъ еще раньше успокоился навсегда отъ своей бурной, мятежной жизни, жизни мученика и триумфатора. Но никогда и никому Азагаровъ не передавалъ тѣхъ священныхъ словъ, которыя ему говорилъ, ѣдучи съ нимъ въ саняхъ, въ эту морозную рождественскую ночь, его великій учитель.

ВПОТЬМАХЪ.

Повѣсть.

I.

На дебаркадерѣ одного изъ московскихъ вокзаловъ шумно двигалась взадъ и впередъ пестрая, разноголосая толпа. Окрики артельщиковъ, быстро и ловко сповавшихъ съ тюками и телѣжками, мимолетные отрывки обыкновенныхъ вокзальныхъ разговоровъ, шарканье нѣсколькихъ сотъ ногъ о плитяной помостъ, — все это, вмѣстѣ съ шипѣніемъ машины, сливалось въ утомляющую своимъ ритмическимъ однообразіемъ суету.

У дверей вагона II класса стояло трое молодыхъ людей, въ нетерпѣніи ожидая третьяго звонка.

Одинъ изъ нихъ, полный брюнетъ съ выхоленнымъ барскимъ лицомъ, пробѣгалъ газету, дымя дорогой сигарой; другой — высокій, тонкій и гибкій, какъ хлысть, франтикъ, который какъ будто только-что сорвался съ первой страницы юмористическаго листка, — такъ много было въ его фигурѣ, пачиная съ монокля и красной гвоздики въ петлицѣ и кончая удивительно-узкими носками желтыхъ ботинокъ, особенной, свойственной людямъ этого рода, вычурности, — держалъ подъ руку третьяго, смуглаго красавца въ инженерной формѣ, съ дорожной сумкой черезъ плечо.

Всѣ трое, повидимому, сильно скучали и лишь изрѣдка перебрасывались вялыми замѣчаніями.

Между ними было очень мало общаго: случайно попавши на вокзалъ, они теперь сильно тяготились другъ другомъ и въ особенности неизбежной сценой прощанія, гдѣ каждому предстояла неприятная обязанность притворяться растроганнымъ.

Къ тому же они имѣли несчастье попасть на вокзалъ за цѣлый часъ до отхода поѣзда, и всѣ тѣ разговоры, которые обыкновенно ведутся въ этихъ случаяхъ и которые способны своею неестественностью только раздражать нервы, уже давно были переговорены.

Неловкость этого положенія особенно сильно испытывалъ на себѣ уѣзжающій инженеръ — Александръ Егоровичъ Аларинъ. Онъ любилъ шумную, кипучую жизнь вокзаловъ, любилъ смѣшаться съ толпой, прислушиваясь и приглядываясь къ ней, чувствуя себя въ это время бодрымъ и веселымъ; но двое пріятелей, которые встрѣтились съ нимъ случайно за обѣдомъ въ «Славянскомъ Базарѣ» и послѣ нѣсколькихъ бокаловъ почувствовали, что не могутъ отпустить его не проводивши, связали его по рукамъ и ногамъ и испортили его расположеніе духа.

Раздался третій звонокъ, и у каждаго изъ молчаливыхъ пріятелей вырвался вздохъ облегченія.

Суэта на платформѣ замѣтно усилилась.

— Ну, садись, Саша, садись, пожалуйста, — заторопился внезапно оживившійся франтикъ съ моноклемъ. — Знаешь вѣдь, какъ курьерскіе поѣзда трогаются. Иши же, смотри!..

Но ему стало неловко отъ собственныхъ словъ, такъ какъ, даже при самомъ искреннемъ желаніи, у него съ Аларинымъ не могло найтись никакихъ общихъ интересовъ. Онъ замолчалъ и полѣзъ цѣловаться, оставляя на губахъ

Аларина запахъ фиксагуара, которымъ были намазаны его усы.

У полнолицаго брюнета нашлось больше такта. Онъ молча широко улыбнулся, показавъ великолѣпные вставные зубы, и крѣпко стиснулъ руку Аларина. Онъ радовался тому, что сейчасъ кончится тяжелое и неловкое положеніе, и онъ опять станетъ господиномъ своего времени. Аларинъ понялъ его безъ словъ и отвѣчалъ такимъ же краснорѣчивымъ рукопожатіемъ.

Паровозъ свистнулъ, шумъ мгновенно возрсъ до галдѣнія, застучали буфера вагоновъ, точно кто-то раза два встряхнулъ огромными желѣзными цѣпами, и поѣздъ тронулся.

Аларинъ высунулся изъ окошка. Его пріатели махали платками, и ему казалось, что онъ вслѣдствіе этого обращаетъ на себя общее вниманіе, но онъ, преодолевая смущеніе, махнулъ имъ въ свою очередь фуражкой.

«И для чего эта комедія? — думалось ему. — Вѣдь мы всѣ трое очень рады, что отдѣлались другъ отъ друга. Для чего жъ это?»

Но, въ силу чего-то, бывшаго сильнѣе его здраваго смысла, онъ продолжалъ махать фуражкой до тѣхъ поръ, покуда не затерялъ своихъ пріателей въ густой толпѣ, покрывавшей платформу. И, какъ только ихъ совсѣмъ не стало видно, онъ опустился на диванъ.

Аларинъ, еще по воспоминаніямъ дѣтства, инстинктивно избѣгалъ заводить знакомства въ вагонѣ, такъ какъ на опытѣ убѣдился, что человекъ, долго ѣдущій по желѣзной дорогѣ, ищетъ постоянно развлеченія отъ сосущей сердце скуки и дѣлается пошло-любопытенъ, а вслѣдствіе этого докучаетъ сосѣдямъ ненужными разспросами. Поэтому-то и теперь Александръ Егоровичъ прислонился къ углу дивана, стараясь не привлекать къ себѣ ничьего досужаго

вниманія, закурилъ папиросу и некоса оглядѣлъ своихъ сосѣдей.

Прямо противъ него сидѣла скромно одѣтая въ сѣренькое драповое пальто и котиковую шалочку, по всей вѣроятности, барышня: послѣднее сказывалось въ той особенной легкости и воздушности въ фигурѣ, которыя свойственны дѣвушкамъ. Насколько позволяли видѣть полутьма вагона и рѣдкій вуаль, закрывавшій ея лицо, она была совсѣмъ не хороша собою. Лицо съ неправильными чертами было болѣзненно и блѣдно, тонкія, сухія губы почти безкровны. Этихъ непривлекательныхъ качествъ не сглаживали даже синіе глаза, прекраснаго очертанія.

«Анемическая особа»,—рѣшилъ Аларинъ.

Барышня подышала на стекло, протерла его крошечной рукой въ желтой перчаткѣ и стала глядѣть, не отрываясь, въ чернѣвшую передъ ней мглу сентябрьской дождливой ночи. Ея лицо было грустно, и вся тоненькая, хрупкая фигурка жалко-безпомощна.

Рядомъ съ блѣдной барышней помѣщался грузный мужчина восточнаго типа. Онъ обладалъ носомъ непомерной длины и толщины, крупными ярко-красными губами, которыя никакъ не могли сойтись вмѣстѣ, и большими глазами на выкатъ.

Какъ только поѣздъ тронулся, восточный человѣкъ извлекъ изъ кармана золотые часы-луковицу со множествомъ брелоковъ, внимательно разглядывалъ ихъ, и вдругъ, съ шумомъ захлопнувъ крышку, уставился съ изумленнымъ видомъ на Аларина, на затылокъ барышни, въ окошко, и затѣмъ, неожиданно свѣсивъ голову на грудь, поднялъ оглушительный храпъ. Онъ былъ чрезвычайно противенъ въ эту минуту, съ головой, болтавшейся во всѣ стороны, и широко раскрытымъ ртомъ, придававшимъ его лицу идиотское выраженіе.

Аларинъ вдругъ съ озлобленіемъ зѣвнулъ и тотчасъ

закрыль глаза. Сначала ухо ловило размѣренный ходъ поѣзда, но въ умѣ звучалъ какой-то знакомый мотивъ, и къ нему подбирались, риѣмую другъ съ другомъ, нелѣпыя стихи; потомъ онъ вспомнилъ натянутыя лица провожавшихъ его пріятелей, наконецъ мысли его смѣшались, и онъ задремалъ.

Онъ проснулся черезъ полчаса при остановкѣ поѣзда. Въ разныхъ углахъ слышалось сонное дыханіе пассажировъ, облака табачнаго дыма ходили точно туманныя волны. Гдѣ-то въ концѣ вагона два голоса — молодой мужской и старушечій — наперерывъ лепетали, споря и захлебываясь.

Аларинъ поглядѣлъ на дѣвушку, сидѣвшую напротивъ него. Она боязливо забила въ самый уголь дивана и даже прижала рукой складки своего пальто, сторонясь отъ восточнаго человѣка, который, повидимому, уже давно проснулся и теперь не сводилъ своихъ масляныхъ глазъ съ ея испуганнаго лица. Должно-быть, онъ только-что обращался къ ней съ разговоромъ, но не рѣшался продолжать его изъ боязни быть услышаннымъ посторонними въ то время, когда поѣздъ стоялъ.

Дѣйствительно, только-что поѣздъ тронулся, онъ нагнулся къ дѣвушкѣ и съ выразительной мимикой заговорилъ что-то. Дѣвушка ничего не отвѣчала, но все тѣснѣе прижималась къ своему уголку.

— Чего, барышня, боишься? Я тебѣ не мидвѣдъ, кусать не хочу. Ну? Поджалуста, прошу: не пугайся, — услыхалъ Аларинъ хриплый голосъ.

— Оставьте меня, ради Бога, — произнесла въ отчаяніи барышня.

Ея свѣжій, миленькій голосокъ дрожалъ отъ волненія.

Аларинъ одну секунду подумалъ-было осадить расходившагося въ своихъ аппетитахъ восточнаго человѣка, но боязнь скандала, изъ-за котораго многіе порядочные

люди ступшевываются въ то время, когда требуется ихъ помощь, и наконецъ, то обстоятельство, что барышня была нехороша собою, заставили его отложить свое намереніе. «Самъ отстанеть», — рѣшилъ онъ.

Но восточный человѣкъ съ удивительнымъ упорствомъ не хотѣлъ прекратить свое назойливое ухаживаніе. На отчаянный протестъ своей сосѣдки онъ глупо захихикалъ.

— Ну, ну, нэ горячись. Слушай, ципка, что я тебѣ скажу. Сейчасъ приѣдемъ въ К., слѣзай съ вагона, поѣдемъ ко мнѣ въ гостиницу обѣдать. Ей-Богу, поѣдемъ, весело будетъ! А назадъ поѣдешь, — я тебѣ билетъ куплю. Хорошо?

Дѣвушка молчала, но Аларинъ замѣтилъ, что она вся дрожить.

— Чего молчишь? Хорошо? А? Ну, скажи, душа, хорошо?

И восточный человѣкъ вдругъ схватилъ и крѣпко сжалъ рукой ея колѣно.

— Господи! Да что же это такое! — вскакивая съ мѣста, вскрикнула барышня. Въ ея голосѣ слышались слезы, черезъ секунду она заплакала.

Аларинъ почувствовалъ, какъ у него сразу похолодѣли руки и по спинѣ забѣгали мурашки.

— Слушайте, вы! — обратился онъ къ нахалу и почувствовалъ въ то же мгновеніе, что его голосъ силенъ и значителенъ. — Извольте сейчасъ же пересѣсть на другое мѣсто и оставить эту барышню въ покоѣ!

Изъ-за спинокъ дивановъ стали выглядывать заспанные лица пассажировъ, разбуженныхъ восклицаніемъ.

Восточный человѣкъ отпустилъ ногу своей сосѣдки.

— Ва! Ти мнэ началныкъ? — заговорилъ онъ, стараясь показаться дерзкимъ, но, очевидно, порядкомъ струснувъ. — Садись самъ на свой диванъ, а я не хочу уходить!

Публика стала волноваться.

— Что такое? Въ чемъ дѣло? Ишь, ты, армяшка проклятый, кишмишъ... Въ чемъ дѣло-то, господинъ? — слышалось съ разныхъ сторонъ.

Эти восклицанія и нагло-смѣющееся жирное лицо восточнаго человѣка привели Аларина въ бѣшенство.

— А-а? Не хочешь? — задыхаясь, воскликнулъ онъ. — Не хочешь?.. — И вдругъ, совершенно неожиданно для самого себя, онъ схватилъ своего противника за воротникъ и съ силой рванулъ со скамейки.

— Не хочешь?.. — повторялъ онъ, чувствуя новый приливъ силы и озлобленія, когда бархатный воротникъ затрещалъ въ его рукахъ.

Восточный человѣкъ пронзительно завизжалъ. Онъ уцѣпился-было за ножку дивана, но послѣ того, какъ Аларинъ, судорожно стиснувъ зубы, снова дернулъ его изо всѣхъ силъ, онъ уже не пробовалъ сопротивляться. Аларинъ вытащилъ его на платформу. Мелкій осенній дождикъ, брызгавшій въ лицо, и холодный вѣтеръ отрезвили его; онъ выпустилъ изъ руки полуоторванный воротникъ и сказалъ, тяжело дыша:

— Убирайся живо изъ вагона, и чтобы духу твоего не было.

Восточный человѣкъ сдѣлался кротокъ, какъ агнецъ.

— Чего таскалъ, — заговорилъ онъ укоризненно: — зачѣмъ не сказалъ, что самому тебѣ барышня понравилась? Горячій человѣкъ!..

Александръ Егоровичъ повернулся къ нему спиной и ушелъ въ вагонъ, крѣпко захлопнувъ за собой дверь.

II.

Когда Аларинъ сѣлъ на свое мѣсто, пассажиры продолжали волноваться.

— Есть же такіе мерзавцы, — негодовалъ кто-то въ родѣ

приказчика, маленькій, головастькій человѣчекъ, весь обросшій чернымъ лѣсомъ курчавыхъ волосъ. — Какъ же это, подумайте, вдругъ съ такими глупостями лѣзть къ одиноко ѣдущей особѣ! Да имъ моррду слѣдуетъ за это бить, а не то что...

Онъ обращался какъ будто къ своей собесѣдницѣ — старушкѣ, но голову поворачивалъ по направленію къ барышнѣ, съ которой произошелъ этотъ непріятный эпизодъ, вѣроятно, ожидая, что она поддержитъ его негодованіе.

Однако она была такъ напугана и возмущена всѣмъ происшедшимъ, что лишь дрожала и молчала.

Аларинъ почувствовалъ глубокую жалость къ этому беззащитному созданію.

«Въ самомъ дѣлѣ, — подумалъ онъ: — чѣмъ можетъ оградить себя отъ подобной назойливости эта худенькая дѣвушка? У нея кромѣ слезъ нѣтъ никакого оружія, да и тѣ не на всякаго дѣйствуютъ».

Однако въ то же время, хотя ему и было неловко отъ обращенныхъ на него со всѣхъ сторонъ глазъ, онъ все-таки въ глубинѣ души немножко любовался своей «бѣшеной вспыльчивостью», съ большимъ удовольствіемъ припоминая ту тишину, которая наступила въ вагонѣ, когда онъ закричалъ: «Не хочешь?».

Все это требовало теперь нѣсколькихъ утѣшительныхъ, пожалуй, даже великодушныхъ словъ, которыя должны были окончательно успокоить бѣдную барышню.

Эти ощущенія смѣшивались весьма страннымъ образомъ. Аларинъ, вообще склонный къ анализу своихъ внутреннихъ побужденій, часто замѣчалъ въ себѣ подобную двойственность, и если на него находила въ это время минута самобичеванія, то онъ называлъ себя съ горечью «раздвоеннымъ человѣкомъ».

Когда глазѣющія изъ-за дивановъ головы мало-по-малу скрылись, Аларинъ наклонился къ своей сосѣдкѣ.

— Успокойтесь, ради Бога, — ласково и тихо сказалъ онъ, стараясь заглянуть ей въ лицо: — всѣ подобные господа ужасные трусы и негодяи, и изъ-за нихъ волноваться не стѣитъ. Можетъ-быть, я васъ тоже напугалъ?

— Ахъ, я, дѣйствительно, такъ перепугалась! — отвѣчала дѣвушка, улыбаясь сквозь слезы. — У меня сердце до сихъ поръ еще стучитъ. Вы были такъ разсержены, что я думала, вы его убьете. Я не знаю, какъ благодарить васъ.

И она быстро протянула Аларину руку и опять застѣнчиво улыбнулась.

У нея была очаровательная улыбка, обнаруживавшая ровные и блестящіе зубы и образовавшая на каждой щекѣ по двѣ ямочки. Эта улыбка освѣщала и дѣлала чрезвычайно симпатичнымъ ея лицо.

— Съ нимъ, слава Богу, ничего не сдѣлалось, — произнесъ Аларинъ, невольно отвѣчая на ея улыбку: — но это послужитъ ему на будущее время хорошимъ урокомъ. Если такіе наглецы, какъ вотъ этотъ, время отъ времени не получаютъ такихъ энергичныхъ встрясокъ, то это обычно располагаетъ ихъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ такого же характера. Интересно, почему онъ къ вамъ такъ присталъ?

Онъ сказалъ это и тотчасъ же спохватился и сконфузился. Вѣдь, конечно, эта худенькая дѣвица боялась даже обернуться на своего пылкаго сосѣда и не могла ни однимъ взглядомъ дать ему поводъ къ приставаніямъ. Но она была такъ далека отъ пониманія всѣхъ этихъ житейскихъ гадостей, что не замѣтила даже тѣни неумѣстности подобнаго вопроса и горячо отвѣтила:

— Увѣряю васъ, я сразу испугалась его, какъ только онъ сѣлъ рядомъ со мною.

— Но хуже всего, — перебилъ ее Аларинъ: — что у насъ ни одна женщина не можетъ быть гарантирована

отъ подобнаго рода непріятностей. Вѣдь здѣсь проглядываетъ самое грубое сознаніе превосходства физической силы, а между тѣмъ я знаю многихъ образованныхъ и даже гуманныхъ людей, которые не стыдятся продѣлывать почти то же самое.

— Но вѣдь это ужасно!—возразила барышня.—Какъ же порядочный человѣкъ можетъ позволить себѣ?..

— Въ томъ-то и дѣло, что здѣсь полное отсутствіе какой бы то ни было порядочности. Конечно, люди, о которыхъ я сейчасъ сказалъ, не выражаютъ такъ грубо, какъ этотъ кавказецъ, своихъ низменныхъ инстинктовъ, но все-таки... Я, право, не могу рѣшить, догна ли мы въ этомъ отношеніи черезчуръ быстро Европу, или это остатки стариннаго русскаго неуваженія къ женщинамъ!

Александръ Егоровичъ въ эту минуту совершенно искренно позабылъ о кое-какихъ своихъ похожденияхъ.

— Но, если нѣкоторые сознаютъ это, почему же они не постараются какъ-нибудь подѣйствовать на другихъ?—спросила дѣвушка.— Ну, писать, что ли, объ этомъ?

— Пишутъ, — сказалъ Александръ Егоровичъ: — ото всюду слышатся голоса, ратующіе за то, чтобы женщина заняла въ обществѣ принадлежащее ей по праву мѣсто, отнятое у нея работодителемъ-мужиной. Но это, по-моему, смѣшно. Здѣсь нужны коренныя реформы въ семейномъ и общественномъ воспитаніи цѣлыхъ поколѣній, а не жалкіе возгласы.

Аларинъ съ удовольствіемъ высказывалъ эти обиходныя истины. Онъ умѣлъ и любилъ говорить только тогда, если вокругъ него не было слушателей, которыхъ онъ инстинктивно считалъ бы сильнѣе себя. Сосредоточенное вниманіе сидѣвшей передъ нимъ дѣвушки, представлявшей олицетворенную неопытность и наивность, дѣлало его развязнымъ.

Кромѣ того, онъ былъ не чуждъ любованія собою и своимъ голосомъ, свойственнаго очень молодымъ, въ особенности красивымъ людямъ, которые, оставаясь даже совершенно одни, постоянно воображаютъ, что на нихъ кто-то съ любопытствомъ смотритъ, и ведутъ себя точно на сценѣ. Они являются передъ собою то разочарованными, пресыщенными циниками, то современными дѣльцами, съ полнымъ отсутствіемъ принциповъ и съ девизомъ «нажива», то свѣтскими дэидами, свысока глядящими на родъ человѣческій, но всегда чѣмъ-нибудь красивымъ и выдающимся. Та или другая роль зависитъ отъ настроенія духа или отъ прочитанной книжки, что, впрочемъ, не мѣшаетъ въ нихъ вырабатываться собственнымъ оригинальнымъ качествамъ. Теперь вотъ, разговаривая со своей сосѣдкой, Аларинъ чувствовалъ себя пожилымъ мужчиной, относящимся съ симпатіей и жалостью къ этому наивному ребенку.

— Да, — продолжалъ онъ, увлекаясь собственными словами:— у насъ вотъ и электричество, и гипнотизмъ, и всѣ кричатъ, что человѣчество прогрессируетъ, а поглядите, въ какомъ положеніи во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ находится женщина.

И онъ легко и быстро очертилъ современное положеніе женщины, черпая мотивы изъ недавно прочитанной модной повѣсти. Онъ съ эффектной, дѣланной злобой говорилъ о томъ, къ чему готовятъ ее съ пеленокъ, какъ извращаютъ воображеніе и приучаютъ къ роскоши.

Для его собесѣдницы все это было совершенной новостью, она ловила каждое слово и притомъ невольно любовалась красивымъ лицомъ Аларина съ его блестящими отъ оживленія, черными, притягивающими глазами. Это, послѣ институтскихъ учителей и швейцаровъ, былъ первый «настоящій» мужчина, котораго она видѣла.

Аларинъ коснулся тѣхъ «жалкихъ обрывковъ познаний,

которыя западаютъ въ юную женскую головку». Онъ описывалъ все это очень удачно въ карикатурныхъ гиперболахъ и вдругъ перебилъ самого себя:

— Извините, — сказалъ онъ смущенно: — вы, если я не ошибаюсь, бывшая институтка! Повѣрьте, что я не хотѣлъ сказать ничего обиднаго...

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, продолжайте, — возразила дѣвушка: — вы все это такъ хорошо знаете. Представьте себѣ, у насъ даже русскимъ языкомъ никто не интересовался.

— А занимались тѣмъ, что сшивали тетрадки розовыми ленточками съ надписью «Souvenir». Или приклеивали на первой страницѣ цѣлующихся голубковъ? Да?

— Вы и это даже знаете?

— Знаю. А въ библиотекѣ ничего, кромѣ произведеній m-me Жанлисъ, конечно, не было?

— Ахъ, эта противная Жанлисъ. Мы просто нечавидѣли ее и называли ее именемъ одну сердитую классную даму. Пушкина намъ только въ первомъ классѣ стали давать и Тургенева кое-что. Правда, прелесть Тургеневъ?

— Какъ вамъ сказать, — не утерпѣлъ Аларинъ: — него, пожалуй, многое и въ архивъ можно сдать?

— О, нѣтъ! Не говорите такъ! — протестовала она. — «Записки охотника» — это... я вамъ не сумѣю передать, это — божественно! Я «Наканунъ» читала лѣтомъ на загородной дачѣ, цѣлые дни читала. Утромъ изъ-подъ подушки выну и цѣлый день не расстаюсь съ ними. Даже за обѣдъ ухитрялась приносить, конечно, потихоньку, чтобы не замѣтила m-me Швейгеръ...

Но Аларина мало занимали ее рассказы, потому что онъ самъ говорилъ не для нея, а для собственнаго удовольствія.

Его поразилъ ея свѣжій, серебристый голосъ.

— Скажите, пожалуйста, вы не поете? — неожиданно спросил онъ.

Барышня всыхнула и, какъ-то совсѣмъ по-институтски, взглянувъ на него исподлобья, спросила:

— Почему вы это узнали?

— У васъ такой чистый и полный голосъ, и тембръ такой богатый. Я только поэтому и предположилъ. Но вы все-таки поете?

— Да, я немного училась. Monsieur Орловъ, нашъ учитель пѣнія, говорилъ мнѣ, что если я поработаю надъ голосомъ, то могу выступить на сцену. Но я ужасно стыжусь пѣть. У насъ на масленицѣ былъ концертъ, и я пѣла въ мендельсоновскомъ дуэтѣ: «Хотѣлъ бы въ единое слово излить»... Вы слышали его?

Аларинъ въ музыкѣ ровно ничего не понималъ, но отвѣтилъ, что, къ сожалѣнію, этого дуэта не слышалъ, хотя обожаетъ Мендельсона.

— Это очень извѣстный романсъ, — заторопилась барышня. — Вы, вѣрно, слышали...

Хотѣлъ бы въ единое слово излить
Я, что на сердцѣ есть! —

пропѣла она вполголоса первыя двѣ строчки и вдругъ, спохватившись, покраснѣла до слезъ.

Аларина эти десять нѣжныхъ, дрожащихъ нотъ привела въ восторгъ.

— У васъ чудный голосъ, — сказалъ онъ совершенно чистосердечно: — на меня пѣніе еще никогда не производило такого впечатлѣнія, какъ эти нѣсколько звуковъ. Какъ бы я хотѣлъ услышать васъ съ аккомпанементомъ!.. Вы, впрочемъ, извините, я до сихъ поръ не знаю вашего имени!.. — прибавилъ онъ полувопросительно.

Они назвали другъ другу свои имена и фамиліи. Барышню звали Зинаидой Павловной.

— Вы до какой станціи ѣдете, Зинаида Павловна?— спросилъ Аларинъ.

— Я прямо въ Р*.

— Неужели? Представьте себѣ, мы ѣдемъ въ одинъ городъ. Вѣдь это, положительно, судьба, что мы съ вами попали въ одинъ и тотъ же вагонъ и такъ хорошо разговорились.

Онъ, конечно, сказалъ про судьбу единственно «для красоты слога», но, склонная къ мечтательности, Зинаида Павловна серьезно увидѣла въ этихъ случайностяхъ дѣйствіе предопредѣленія и внезапно послѣ его словъ ощутила какую-то тихую, бессознательную радость. Точно она узнала, что тамъ, въ далекомъ, чужомъ городѣ, у нея будетъ близкій человѣкъ, который поддержитъ и защититъ въ случаѣ надобности.

— И вы, по всей вѣроятности, ѣдете въ Р* къ роднымъ? — продолжалъ спрашивать Аларинъ.

— Нѣтъ, — отвѣчала она и занулась. — Я ѣду туда гувернанткой...

И, быстро вскинувъ на него глаза, точно желая удостовѣриться, нѣтъ ли на его лицѣ улыбки, она продолжала:

— Вы знаете, къ намъ въ институтъ присылаютъ для пепишьерокъ предложенія, но я отъ многихъ большихъ городовъ отказалась, потому что думала поступить въ консерваторію; только это ужасно дорого, а для стипендіи надо имѣть большую протекцію. А у меня мама... совсѣмъ безъ средствъ...

По институтскимъ традиціямъ, Зинаидѣ Павловнѣ было тяжело признаться въ бѣдности матери, но Александръ Егоровичъ производилъ на нее впечатлѣніе такого хорошаго, сердечнаго человѣка, которому можно было рассказать «все».

— Такъ вамъ и улыбнулась консерваторія?— спросилъ Аларинъ.

— Да, такъ и улыбулась. Моя подруга Посникова поступила, ее тоже Зиной зовутъ... У нея самый простой комнатный голосъ, но опа... хорошенькая... понятно, ей нетрудно...

Послѣднія слова барышни звучали самой неподдѣльной, наивной грустью.

— Ну, вотъ, и я должна была принять первое попавшееся мѣсто, — продолжала она: — хотя даже не знаю условій. Вы, можетъ-быть, знакомы съ этимъ господиномъ... фамилія его Кашперовъ?..

Аларинъ, жившій въ Р* уже два года, не могъ не знать Кашперова.

— Скажите, пожалуйста, что это за человекъ, то-есть кто онъ такой? Чѣмъ онъ занимается? Много у него дѣтей?—засыпала она вопросами Александра Егоровича.

— Да не торопитесь такъ, я не знаю, на что отвѣчать. Кашперовъ, про котораго вы спрашиваете, вдовецъ. у него есть маленькая дочка, необыкновенно капризное насѣкомое, которое разъ укусило меня за палець. Самъ Кашперовъ человекъ безусловно честный и собою красивъ, такъ что за нимъ до сихъ поръ барыни бѣгають: представьте себѣ, сѣдые волосы и черная борода. Какой онъ образъ жизни ведетъ? Конечно, какъ подобаетъ вдовцу и богатому человеку; вѣдь онъ, между прочимъ, страшно богатъ, но денегъ своихъ не прячетъ и дѣлаетъ на нихъ много добра. Вообще онъ человекъ не совсѣмъ обыкновеннаго десятка. Впрочемъ, вы это сами увидите.

— Да, — задумчиво произнесла Зинаида Павловна: — воспитаніе — очень серьезное дѣло!

— Ну, что касается воспитанія, то я положительно отвергаю его, — сказалъ Аларинъ.

— Какъ отвергаете? У насъ самъ инспекторъ читалъ педагогику и столько говорилъ объ ея великихъ задачахъ.

— Повѣрьте, что онъ самъ въ это время надъ собой смѣялся, — шутливо перебилъ Александръ Егоровичъ.

— Какой вы злой!.. Ну, такъ не будемъ говорить о воспитаніи. Вы давно живете въ Р*?

— Нельзя сказать, чтобы особенно давно, но мнѣ каждый камешекъ въ немъ опротивѣлъ. Притомъ вы, должно-быть, слышали о нашей грязи. У насъ однажды исправникъ съ цѣлой тройкой лошадей утонулъ въ грязи передъ городскимъ клубомъ, только объ этомъ запретили въ газетахъ печатать. Но у насъ и кромѣ грязи много замѣчательнаго. Во-первыхъ, рысаки, похожіе на выкормленныхъ купцовъ, и, во-вторыхъ, купцы, близкіе къ первобытному состоянію. Замѣчательно, что въ этомъ богоспасаемомъ градѣ живешь, какъ въ фонарикѣ. Представьте себѣ, я не только всѣхъ жителей, но даже ихъ собакъ знаю по кличкамъ. Точно такъ же всему городу извѣстно, что у меня къ обѣду готовится и о чемъ я вчера разговаривалъ по секрету со своимъ пріятелемъ. Зато ужъ, если наши провинціальныя премьерши примутся кому-нибудь перемывать косточки, то дѣлаютъ это съ неподражаемымъ совершенствомъ, тѣмъ болѣе, что темъ для такого занятія бываетъ много, ибо городъ изобилуетъ легкими и пріятными нравами.

— А вы сами, кажется, служите? что это у васъ за форма? — освѣдомилась Зинаида Павловна.

— Я больше по инженерной части состою... говорю: «больше», такъ какъ на пристани, въ порту, гдѣ собственно и есть мѣсто моихъ занятій, я существую только въ видѣ декораціи. Но у меня много частныхъ работъ; вотъ Кашперовъ ко мнѣ тоже часто обращается. :

Аларинъ любилъ говорить о себѣ и потому съ удовольствіемъ посвятилъ новую знакомую въ подробности своей жизни: но, когда онъ вскользь упомянулъ о ма-

тери и Зинаида Павловна паввно спросила, кто былъ его «рара», онъ осѣкся, и кровь бросилась ему въ лицо.

Однако вдругъ имъ овладѣло неудержимое желаніе сейчасъ, сію минуту рассказать все до мельчайшихъ подробностей этому чистому существу.

— Знаете ли, — произнесъ онъ медленно и значительно: — я этого никому еще не говорилъ, но вы, я знаю, добрая, вамъ не будетъ смѣшно... Я — незаконно-рожденный!

Она сначала не поняла его, но потомъ ей стало жалъ Александра Егоровича той особенной, болѣзненной жалостью, которую возбуждаетъ калѣка или тяжело-больной человѣкъ. Она поняла, что этого пункта нельзя касаться, и продолжала молчать.

А онъ, преодолевъ первую неловкость, рассказалъ ей подробно всю свою біографію, причемъ говорилъ такъ горячо, искренно и жалѣя въ эту минуту самого себя, что у Зинаиды Павловны сжималось сердце.

— Ну вотъ, вы теперь все знаете обо мнѣ, — закончилъ Аларинъ свой рассказъ. — Это я только вамъ одной говорилъ, потому что вы не употребите во зло моего довѣрія...

— Поглядите, какая чудная ночь! — воскликнулъ онъ вдругъ, заглянувъ въ окошко.

Они оба прислонились къ окну, такъ что ихъ головы почти касались.

А ночь, дѣйствительно, была необыкновенно хороша. Вѣтеръ разогналъ тучи, и луна сіяла на чистомъ темно-синемъ сводѣ. Въ ночномъ пейзажѣ было что-то сказочное. Лужайки, окруженные кустами и залитыя потоками луннаго свѣта, казались бездонными озерами; стройныя прозрачныя березы дремали, точно заколдованныя тихою ночью. И все это призрачное, обольстительно-пре-

красное царство свѣта и тѣней показывалось на одну минуту и исчезало, давая мѣсто новымъ картинамъ.

— Чудная ночь, — почти шопотомъ повторилъ Александръ Егоровичъ: — не правда ли, въ ней есть что-то таинственное?

— Да, таинственное... и грустное, — отвѣчала Зинаида Павловна, и Аларинъ услышалъ въ ея голосѣ дрожь.

— Нѣтъ, зачѣмъ же грустное, — перебилъ онъ: — въ такія ночи мною, наоборотъ, овладѣваетъ приливъ какой-то неудержимой отваги; теперь бы коня, и — мчатся гдѣ-нибудь въ степи такъ, чтобъ захватывало духъ... Однако скоро будетъ свѣтать, и вотъ уже огоньки нашего Р* виднѣются. Собирайтесь, Зинаида Павловна, почти домой пріѣхали.

Поѣздъ подходилъ къ Р*. На станціи, гдѣ сходились три вѣтви желѣзныхъ дорогъ, была страшная суматоха. Аларинъ вывелъ растерянную и озябшую Зинаиду Павловну на крыльцо вокзала.

— Телеграфировали вы Кашперову о пріѣздѣ? — спросилъ онъ, останавливаясь.

— Да.

— Въ такомъ случаѣ долженъ быть экипажъ! — и онъ закричалъ во все горло:

— Лошади Кашперова!

— Здѣсь! — отвѣтилъ чей-то голосъ.

Къ крыльцу подъѣхала щегольская коляска, запряженная парой сѣрыхъ видныхъ лошадей.

— Барышня пріѣхали? — освѣдомился кучеръ, приподнимая шапку.

Зинаида Павловна, пожимаясь отъ ночного холода, стала прощаться съ Аларинымъ. Ей вдругъ стало жалко и этой такъ быстро промелькнувшей ночи, и этого красиваго лица, казавшагося совсѣмъ блѣднымъ при свѣтѣ луны.

— Прощайте, Александръ Егоровичъ, — грустно сказала она, протягивая ему руку. — Какъ мнѣ благодарить васъ?

— Самой лучшей благодарностью для меня будетъ, — отвѣтилъ Аларинъ, ласково смѣясь: — если вы обратитесь ко мнѣ въ случаѣ надобности.

— Непремѣнно!

Лошади дружно тронули, и коляска загремѣла по камнямъ мостовой.

III.

Зинаида Павловна проснулась раньше всѣхъ въ домѣ, несмотря на то, что наканунѣ легла очень поздно. Проснувшись, она не могла сразу сообразить, какимъ образомъ попала въ эту уютную, нарядную, какъ бонбоньерка, комнату, обитую розовымъ кретономъ. Вчера она такъ была утомлена дорогой, что едва только коснулась головой подушки, какъ въ ту же минуту заснула крѣпкимъ сномъ усталого человѣка.

Ей не хотѣлось тотчасъ же одѣваться, потому что лѣнивая утренняя нѣга овладѣла всѣмъ ея существомъ, и въ памяти посилось безформенное воспоминаніе чего-то свѣтлаго и хорошаго.

«Что жъ такое у меня есть пріятнаго? — старалась припомнить Зинаида Павловна: — можетъ-быть, эта комнатка?»

Комната, дѣйствительно, была очень красива, но отъ изящной отдѣлки вѣяло чѣмъ-то совершенно чуждымъ; этотъ кокетливый будуаръ не выдерживалъ никакого сравненія съ тѣсной, обитой дешевенькими обоями, комнатой Зинаиды Павловны въ Москвѣ... Можетъ-быть, рояль, который она видѣла вчера, проходя рядъ большихъ, со вкусомъ обставленныхъ комнатъ, произвелъ на нее такое пріятное впечатлѣніе? Нѣтъ, не рояль, — она тогда же подумала, что будетъ неловко передъ хозяиномъ часто играть на

немъ... Или тѣ шесть новенькихъ полумперіаловъ, — подарокъ мамы при послѣднемъ прощаньи, — которые она такъ часто пересматривала, любуясь ихъ яркимъ блескомъ?

И вдругъ въ воображеніи дѣвушки мелькнуло блѣдное отъ луннаго свѣта, прекрасное лицо съ черными смѣющимися глазами.

«Это—Аларинъ!»—чуть не вскрикнула, обрадовавшись, Зинаида Павловна, и сама тихо улыбнулась тому, что назвала его по фамиліи.

— Милый, хорошенькій, красавчикъ мой! — прошептала она, прижимаясь лицомъ къ подушкѣ съ неопредѣленной улыбкой. — Какой у него голосъ славный: мягкій такой и задумчивый. Любятъ ли его женщины? Да, конечно, любятъ! Развѣ можно его не любить? Когда онъ говоритъ или смѣется, его глаза такъ и смотрятъ въ душу, точно ласкаютъ... Онъ, видно, очень, очень умный; когда онъ говоритъ, его можно заслушаться...

Зинаида Павловна была мечтательницей по призванію. Природа снабдила ее такой пылкой и широкой фантазіей, передъ необузданными размахами которой ступеневалась самая яркая дѣйствительность. Еще будучи въ низшихъ классахъ института, она пристрастилась къ чтенію. По вечерамъ, когда классная дама пространно и скучно объясняла ученицамъ заданный къ завтрашнему дню урокъ математики, Зинаида Павловна тихонько вынимала изъ стола описаніе какого-нибудь фантастическаго путешествія по дѣвственнымъ лѣсамъ Америки или пустынямъ Африки, раскладывала его на колѣняхъ и жадно погружалась въ чтеніе, причемъ этотъ таинственный, сказочный міръ увлекательнаго разсказа, полный жизни и благоуханій, заставлялъ ее забывать не только страхъ остаться на цѣлый мѣсяцъ безъ передника за невниманіе къ научнымъ истинамъ классной дамы, но и все, что

только хотъ немного напоминало дѣйствительность, переставало существовать для нея въ эти блаженные минуты. Стѣны класса раздвигаются на безконечное пространство... звѣзды... громадная кровавая луна показывается изъ-за горизонта безбрежной пустыни, и вездѣ одна и та же нескончаемая даль, покрытая горячимъ желтымъ пескомъ... Луна выплываетъ въ самую середину неба... пустыня кажется окутанной бѣлымъ туманомъ... Мертвая тишина не нарушается ни единымъ звукомъ... И вдругъ ревъ льва, могучій и величественный, потрясаетъ воздухъ...

— Колосова, повторите все, что я сейчасъ объяснила, — раздается въ то же время скрипучій голосъ.

Зина вскакиваетъ, растерянная, ничего не понимающая...

Передъ ея глазами опять грязная, измазанная мѣломъ комната, тускло освѣщенная шестью казенными лампами; нѣсколько десятковъ утомленныхъ дѣтскихъ лицъ съ улыбкой глядятъ на ея замѣшательство, предъ нею зеленая, повязанная косынкой, фizioномія наставницы.

— Извините, я не поняла... мнѣ было неслышно, — пробуетъ оправдаться Зина.

— А! Вамъ не угодно слушать мои объясненія, — скрипитъ классная дама: — покажите мнѣ ту книгу, которая была у васъ на колѣняхъ!..

Съ лѣтами грезы Зинаиды Павловны приняли болѣе жгучій характеръ; особенно сильно повліяли на нее въ этомъ отношеніи лекціи исторіи, которую увлекательно читалъ симпатичный, знающій учитель. Зина слушала его со сверкающими глазами и полуоткрытымъ ртомъ, а онъ въ минуты своихъ горячихъ импровизацій обращался къ ней одной. Его объясненія не прошли даромъ для Зинаиды Павловны. Но почамъ она до мельчайшихъ подробностей переживала все то, что ей приходилось узнать днемъ. Описаніе блеска и роскоши.

средневѣковой жизни, побѣды и завоеванія римскихъ цезарей гораздо меньше шевелили ея воображеніе, чѣмъ пассивный героизмъ мучениковъ идеи. Она такъ живо вызвала въ своемъ воображеніи казнь Іоанна Гуса, что плакала и молилась всю ночь до утра. Она обожала Жанну д'Аркъ и иногда находила въ ея образѣ и поступкахъ много общаго съ собой; ей тогда начинало казаться, что и въ ея груди таятся и зрѣютъ до нужной минуты могущественныя силы, назначенныя судьбой для какихъ-то великихъ цѣлей. Ею овладѣвали тогда страшная жажда самопожертвованія, желаніе совершить неслыханно-громадный подвигъ, радостно отдать свою молодую жизнь во имя чего-то далекаго и прекраснаго.

Иногда Зинаида Павловна проводила цѣлыя ночи, не отрывая взора отъ какой-нибудь яркой звѣзды, между тѣмъ какъ въ ней самой трепетали такія фантастическія мечты, въ которыхъ она сама не сумѣла бы дать себѣ отчета. Весь день послѣ такой ночи она ходила блѣдная, точно разбитая, на вопросы подругъ говорила, что у нея болитъ голова, но своихъ задушевныхъ грезъ никогда никому не повѣряла. Вообще она никогда не была слишкомъ откровенна, но каждый, кто только встрѣчался съ ней, невольно чувствовалъ въ ней присутствіе ея собственнаго внутренняго міра, а также то, что она въ это святое-святыхъ, навѣрно, никого не пуститъ.

Зинаида Павловна долго лежала неподвижно, погруженная въ свои неясныя грезы, и все время задумчивая улыбка не сходила съ ея лица. Она думала о томъ, сколько оскорбленій вынесъ Аларинъ вслѣдствіе каприза своего пресыщеннаго, развратнаго отца. Онъ боится насмѣшки; да развѣ можно смѣяться надъ этимъ? Вѣдь это все равно, что смѣяться надъ человѣкомъ съ оторванной ногой, надъ уродомъ отъ рожденія! У него въ

рѣчахъ слышится злобное презрѣніе къ людямъ... онъ, вѣрно, не встрѣчалъ еще ни разу любящей, нѣжной души, которая сумѣла бы понять и оцѣнить его и заставить забыть всѣ оскорбленія!.. Что, если бы Богъ подарилъ это счастье ей!.. Какими заботами, какой нѣжной предупредительностью окружила бы она Аларина!..

И ея пылкое воображеніе въ одну минуту нарисовало сцену безмятежнаго счастья.

Онъ возвращается со службы веселый и проголодавшійся. Она ждетъ его, съ нетерпѣніемъ поглядывая на часы; она нарочно заказала къ обѣду его любимыя кушанья. За обѣдомъ онъ рассказываетъ ей все, что видѣлъ днемъ, пересыпая свой разговоръ веселыми шутками и краснорѣчивыми взглядами. Она его внимательно слушаетъ, не забывая однако о своихъ хозяйственныхъ обязанностяхъ. Когда они встаютъ изъ-за стола, уже начинается темнѣть. Они привыкли проводить въ это время полчаса передъ горящимъ каминомъ... здѣсь такъ тепло, дрова такъ весело трещать и сыплютъ тучи искръ, такъ пріятно ведутся задушевные бесѣды!..

Зинаиду Павловну вывелъ изъ этого состоянія задумчивости легкій стукъ въ дверь, сопровождаемый молодымъ женскимъ голосомъ, спрашивавшимъ, можно ли войти. Въ комнату влетѣла хорошенькая, кокетливо одѣтая горничная и предложила свои услуги. Однако Зинаида Павловна, не привыкшая къ тому, чтобы ей помогали одѣваться, отказалась отъ этого.

— Благодарю васъ, — сказала она: — если понадобится, я позову.

— А чай прикажете вамъ въ комнату принести, — приставала горничная: — или изволите сойти внизъ? — Баринъ и барышня всегда въ это время кушаютъ чай въ столовой.

Зинаида Павловна предпочла сойти внизъ.

«Ну, каково-то будетъ наше первое знакомство? — думала она не безъ волненія. — Во всякомъ случаѣ надо поставить себя съ самаго начала такъ, чтобы онъ никогда не осмѣлился глядѣть на меня какъ на «наемную»!..»

Когда она вошла въ просторную, свѣтлую столовую, навстрѣчу ей поднялся и вышелъ изъ-за стола представительный мужчина высокаго роста. У него было умное лицо съ высокимъ бѣлымъ лбомъ, обрамленнымъ волнами совершенно сѣдыхъ волосъ, съ живыми, какъ у юноши, блестящими глазами и свѣжимъ чувственнымъ ртомъ. Въ черныхъ же усахъ и въ бородѣ не виднѣлось ни одного сѣдого волоса. Кашперовъ былъ одѣтъ въ широкой домашній вестонъ, сидѣвшій на немъ просторно и изящно. Каждое движеніе этого человѣка отличалось твердой, самоувѣренной граціей, свойственной сильно развитымъ мышцамъ. На видъ ему было лѣтъ сорокъ пять, но если бы онъ надѣлъ шапку и скрылъ этимъ свою сѣдину, то никто не далъ бы ему болѣе тридцати пяти—шести лѣтъ. Однако его видная наружность не понравилась Зинаидѣ Павловнѣ; ея нѣжному, болѣзненному вкусу было непріятно въ мужчинѣ преобладаніе грубой силы и здоровья.

«Однакожь ты, бѣдненькая, не изъ красавиць, да, кажется, еще и съ характерцемъ», — рѣшилъ въ свою очередь, послѣ обмена обыкновенныхъ въ этихъ случаяхъ фразъ, Кашперовъ, окидывая дѣвушку съ ногъ до головы зоркимъ взглядомъ опытнаго женолюбца.

Онъ почему-то непременно воображалъ себѣ новую гувернантку смазливой брюнеткой съ бойкой рѣчью и разбитными манерами, которая при случаѣ съ удовольствіемъ выслушаетъ пикантный анекдотъ, и похохочетъ, и пококетничаетъ. При благопріятныхъ условіяхъ совместная жизнь съ такой особой обѣщала много соблазнительныхъ удовольствій.

Но передъ нимъ стояла блѣдная дѣвушка съ прекраснымъ лицомъ и невинными глазами, смотрѣвшими холодно и въ то же время вполне независимо...

Пристальный, безцеремонный взглядъ Кашперова подействовалъ на Зинаиду Павловну самымъ неблагоприятнымъ образомъ. Онъ почему-то внезапно напомнилъ ей вчерашняго нахала-сосѣда, и это обстоятельство еще болѣе усилило первое неблагоприятное впечатлѣніе. Но тѣмъ не менѣе она глазъ своихъ не опустила, хотя и чувствовала себя целовко.

Въ то время, когда эти мысли и сравненія быстро проносились въ головахъ у обоихъ, Сергѣй Григорьевичъ предупредительно расспрашивалъ Зинаиду Павловну, благополучно ли она доѣхала, нашла ли все необходимое у себя въ комнатѣ, и предложилъ ей мѣсто за столомъ.

— Вы, я думаю, не откажетесь иногда похозяйничать за чаемъ, — произнесъ онъ, стараясь казаться любезнымъ: — у меня до сихъ поръ все это дѣлала Лиза, но у нея мало терпѣнія и умѣлости. Позвольте представить вамъ вашу будущую ученицу...

Онъ показалъ на дѣвочку лѣтъ четырнадцати, худую и нескладную, какъ всегда бываютъ дѣвочки въ этомъ возрастѣ; она все время осторожно, однимъ глазомъ, выглядывала изъ-за стоявшаго передъ ней самовара и при обращенныхъ къ ней словахъ поспѣшила совсѣмъ спрятаться за него.

— Только надо вамъ сказать, она у меня страшный дичокъ, — продолжалъ Кашперовъ: — и при чужихъ ес ни за что не вытацишь изъ какого-нибудь угла... Лиза, подойди къ Зинаидѣ Павловнѣ!.. Нѣтъ, ни за что не послушается!..

— Лиза, отчего вы не хотите подойти познакомиться со мною? — спросила Зинаида Павловна, впрочемъ, не

волью обращаясь больше къ самовару, чѣмъ къ спрятавшейся за нимъ дикаркѣ. — Она у васъ, можетъ-быть, немного... запугана? — спросила она Кашперова.

Тотъ вдругъ громко расхохотался и сквозь смѣхъ едва проговорилъ:

— Мнѣ смѣшно, какъ вы сразу уже начинаете свои педагогическія наблюденія и притомъ такимъ дѣловымъ тономъ. Но, что касается Лизы, — продолжалъ онъ уже серьезно: — то заранѣе говорю вамъ, что никакія средства, если она чего не захочетъ, не помогутъ. Къ вамъ она еще долго будетъ избѣгать подходить...

Но въ это время дѣвочка, робко выглянувъ еще разъ изъ за своего убѣжища, совершенно неожиданно встала и подошла къ Зинаидѣ Павловнѣ, краснѣя отъ замѣшательства. Она нѣкоторое время постояла въ нерѣшительности и вдругъ, вѣроятно, уже окончательно побѣжденная ласковой улыбкой своей будущей гувернантки, быстро обвила руками ея шею и поцѣловала въ самыя губы.

— Правда, Лиза, мы съ вами будемъ друзьями? — шепнула ей на ухо растроганная этой лаской Зинаида Павловна. — Вы вѣдь не будете отъ меня бѣгать? Да?

— Нѣтъ, не буду никогда, — еще тише отвѣтила дѣвочка, глядя въ землю: — вы... добрая...

— Bravo, Зинаида Павловна! Однако вы сразу сдѣлали уже громадный успѣхъ, завоевавъ расположеніе этой капризницы! — воскликнулъ Кашперовъ. — Повѣрите ли, я въ первый разъ вижу, чтобы Лиза сама подошла къ кому-нибудь, кромѣ двухъ существъ въ мірѣ: своей старой няньки и собачонки Крошки. У васъ, должно-быть, необыкновенно добрая душа, — дѣти на это вѣдь чуткій народъ. Или вы владѣете, можетъ-быть, какимъ-нибудь педагогическимъ секретомъ? — И онъ опять расхохотался.

Зинаида Павловна ничего не отвѣчала. Ее коробили

и пристальный взглядъ, и громкій, дѣйствительно неприятный смѣхъ, и насмѣшливо-нисходительный тонъ Кашперова. «Почему онъ говоритъ со мной какъ съ дѣвочкой? — думала она. — Или онъ уже глядитъ на меня какъ на свою собственность, какъ на «что-то» закупленное имъ, надъ чѣмъ можно безпрепятственно практиковать дешевое остроуміе?»

Она, конечно, ошиблась, потому что Кашперовъ вообще былъ деликатенъ съ чужимъ самолюбіемъ, но у него уже давно выработалась манера говорить со всѣми женщинами нѣсколько небрежно и самоувѣренно, а чуткое ухо Зинаиды Павловны, не извѣдавшей еще настоящихъ жизненныхъ передрагъ, готово было въ каждомъ словѣ находить намекъ на обиду.

Кашперовъ пытался поддержать не клеившійся разговоръ: онъ рассказывалъ о городѣ, о биржѣ, о своемъ заводѣ и о новой, выписанной изъ-за границы динамо-электрической машинѣ, спрашивалъ о Москвѣ и институтской жизни. Но ему приходилось все время говорить одному. Зинаида Павловна совершенно ушла въ себя и на всѣ вопросы отвѣчала короткими «да» и «нѣтъ».

Они въ молчаніи допили свой чай и разошлись, вынеся другъ о другѣ неприятное впечатлѣніе.

«Странная дѣвчонка, — думалъ Кашперовъ, садясь въ пролетку, чтобы ѣхать на заводъ: — только-что сорвалась со скамейки, нищая, а держитъ себя совсѣмъ недотрогой. Жаль однако будетъ, если мы съ ней поссоримся. Лизку сразу къ ней потянуло... можетъ-быть, и вправду какой-нибудь прокъ выйдетъ. Душонка у ней добренькая, это что говорить... да собой-то она ужъ очень не того...»

Въ то же время, хотя Кашперовъ и не терпѣлъ ни въ комъ подобострастія, но спокойная независимость, которая невольно чувствовалась въ этой гувернанткѣ, — су-

ществѣ обыкновенно жалкомъ и подвластномъ, — сильно его удивляла.

Зинаида Павловна, выйдя изъ-за стола, хотѣла пойти въ свою комнату, чтобы написать письмо. Она уже поднималась по лѣстницѣ, какъ услышала за собою торопливые шаги и, обернувшись, увидѣла бѣгущую къ ней Лизу.

— Милая Зинаида Павловна, — сказала дѣвочка, обхватывая ее за талию: — я у васъ хочу кое-что спросить, только вы обѣщайте, что не разсердитесь...

— Ну; хорошо, не разсержусь, — отвѣтила Зинаида Павловна, разсмѣявшись. — Что же это за важная вещь? Спрашивайте.

— Скажите мнѣ, пожалуйста: вѣдь мой папа не понравился вамъ?

— Нѣтъ, Лиза, это вамъ только показалось, — поспѣшила разувѣрить дѣвочку Зинаида Павловна, удивляясь въ то же время ея дѣтской прозорливости: — наоборотъ, вашъ папа произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе...

— Ахъ, зачѣмъ же говорить неправду? Я знаю, вамъ папа казался такимъ... нѣтъ, не злымъ, а грубымъ... ну, да я не умѣю объяснить...

— Съ чего это вы взяли?

— Нѣтъ, я навѣрно знаю, потому что у васъ было такое же лицо, какъ бывало у мамы, когда папа скажетъ что-нибудь рѣзкое, а она замолчитъ и на всѣ его вопросы не отвѣчаетъ...

— Давно ваша мама умерла?

Дѣвочка задумалась; видно было, что какое-то обстоятельство затрудняетъ ее въ отвѣтѣ.

— Видите ли, — сказала она вдругъ съ внезапнымъ порывомъ откровенности: — я вамъ расскажу, только никому не говорите, потому что это рассказывать нельзя. Моя мама жива, но она уже давно уѣхала куда-то, и

когда я спрашиваю про нее у папы, то онъ на меня сердится...

Это открытіе поразило Зинаиду Павловну. Для нея, смотрѣвшей на бракъ какъ на таинственныя, священныя узы, мужъ и жена, живущіе врозь, были какимъ-то чудовищнымъ явленіемъ, и она мысленно поспѣшила обвинить во всемъ Кашперова. Конечно, несчастная женщина не могла ужиться съ этимъ непріятнымъ человѣкомъ; можетъ-быть, она теперь мучится всю жизнь и прокликаетъ ту минуту, когда связала съ нимъ свою судьбу...

Разговаривая такимъ образомъ, онѣ дошли до дверей комнаты Зинаиды Павловны.

— Можно мнѣ къ вамъ зайти? — спросила Лиза, умильно заглядывая въ лицо своей гувернантки.

Конечно, она получила согласіе. Тогда она осторожно пересмотрѣла всѣ вещи Зинаиды Павловны, распросила, для чего употребляется каждый флакончикъ, каждый клочокъ бумажки; затѣмъ, все время, пока Зинаида Павловна писала письмо, она сидѣла, не сводя съ нея взора.

— Вы кончили? — спросила она, когда Зинаида Павловна стала заклеивать конвертъ.

— Кончила, а что?

— Я все время смотрѣла на васъ, и, знаете, вы — ужасно милая! Можно мнѣ поцѣловать васъ?

IV.

Однажды Кашперовъ пріѣхалъ къ обѣду въ самомъ сіяющемъ расположеніи духа: дѣла на заводѣ шли прекрасно, погода была ясная и холодная, и, проѣхавшись съ завода верхомъ, Сергѣй Григорьевичъ чувствовалъ сильный аппетитъ.

Когда Зинаида Павловна налила ему полную тарелку,

горячаго супа, онъ совсѣмъ развеселился: дѣйствительно, эта дѣвушка обладала удивительной способностью придавать всему, за что только она ни бралась, отпечатокъ той свѣжести и женской аккуратности, которой было полно все ея существо.

— Знаете ли, великая вещь, если за столомъ хозяйничаетъ хорошенькая женщина, — сказалъ Кашперовъ весело и дружелюбно: — вѣдь на первый взглядъ кажется, что это — предразсудокъ, а между тѣмъ, ей-Богу, все приобрѣтаетъ особенно пріятный вкусъ, и даже аппетитъ удесятерается.

Кашперовъ хотѣлъ своимъ полушутливымъ, полудружескимъ обращеніемъ хотя немного расположить къ живому разговору Зинаиду Павловну, эту «диконькую барышню», которая, какъ онъ инстинктивно чувствовалъ, боялась и избѣгала его. Сегодня, когда яркіе солнечные лучи такъ весело заливали столовую, когда въ душѣ у Кашперова такъ сильно сказывалось радостное ощущеніе жизни, ему непріятно было видѣть хмурое лицо гувернантки.

— Да что жъ вы молчите, точно въ воду опущенная, Зинаида Павловна? — досадливо прибавилъ онъ, не дождавшись отвѣта. — Вы, кажется, съ первыхъ шаговъ уже имѣете что-то противъ меня. Оставьте, голубушка моя; вѣдь это — институтство!.. Я даже не могу понять: щекотливость ли заставляетъ васъ такъ относиться ко мнѣ, или же вы просто-напросто капризничаете!..

Зинаида Павловна подняла на него съ упрекомъ взоръ своихъ дѣтскихъ глазъ.

— Для чего вы смѣтаетесь надо мной, Сергѣй Григорьевичъ? — съ упрекомъ произнесла она внезапно дрогнувшимъ голосомъ.

— Какъ смѣюсь?! — удивился Кашперовъ. — Да у меня и мысли такой въ головѣ не было, чтобы смѣяться. Когда?

Въ чемъ вы могли усмотрѣть насмѣшку? Я, право, отказываюсь понимать васъ.

— Да вотъ вы сейчасъ нарочно упомянули про какихъ-то хорошенькихъ женщинъ... Повѣрьте, я никогда не обольщалась своей наружностью и знаю о томъ, что некрасива... Но съ какой стати вамъ было напоминать объ этомъ?..

— Позвольте, Зинаида Павловна, успокойтесь, ради Бога, — почти въ отчаяніи сказалъ Сергѣй Григорьевичъ: — вѣдь это же наконецъ ужасно, что вы обо мнѣ думаете!.. Ну, если хотите, я съ вами никогда не буду ни о чемъ, кромѣ дѣла, говорить. Мнѣ страшно непріятно, что вы съ первыхъ же дней видите во мнѣ врага. Увѣрю васъ, я вовсе не такое чудовище, какимъ кажусь.

Зинаида Павловна ничего не отвѣтила, но, какъ только обѣдъ кончился, тотчасъ же встала, ушла въ свою комнату и со слезами бросилась лицомъ въ подушку.

Скоро жизнь въ домѣ Кашперова потекла обычнымъ, размѣреннымъ ходомъ. Онъ пріѣзжалъ только на минутку и при встрѣчахъ съ Зинаидой Павловной былъ официально-вѣжливъ, въ остальное же время совершенно позабывалъ объ ея существованіи.

Она, въ свою очередь, все время посвящала исключительно Лизѣ. Въ дѣвочкѣ складывалась богатая натура, стремительная въ своихъ побужденіяхъ и отзывчивая на все хорошее. Зинаида Павловна безъ всякаго труда, исподоволь, пріохотила ее къ музыкѣ и рисованію; ученье же шло у нихъ довольно вяло, потому что ни гувернантка ни воспитанница не имѣли достаточно выдержки... Но одинъ случай неожиданно возмутилъ однообразное спокойствіе этой жизни и совершенно перевернулъ вверхъ дномъ судьбу всѣхъ ея участниковъ.

Въ началѣ декабря у Кашперова выдался свободный вечеръ, который онъ не зналъ, куда употребить. Онъ

ходилъ безъ цѣли по комнатамъ, заложивъ руки въ карманы, и производилъ въ умѣ какое-то математическое вычисленіе для своего завода.

Было то странное время дня, когда потухающіи день слабо борется съ надвигающеюся темнотою, придавая всему какое-то грустное освѣщеніе, располагающее къ тихой мечтательности.

Случайно проходя мимо дверей залы, Кашперовъ услышалъ, что кто-то беретъ на роялѣ мягкіе аккорды, и хотѣлъ было войти туда, но въ это время до него донесся голосъ Зинаиды Павловны, разговаривавшей съ Лизой. Кашперовъ остановился за портьерой и сталъ прислушиваться.

— Ну, что же я вамъ спою, Лиза? У меня, кажется, больше ничего не осталось, чего бы вы не слышали, — сказала Зинаида Павловна.

— Душечка, ну спойте, что вамъ первое придетъ въ голову! — горячо упрашивала Лиза. — Помните, вы пѣли что-то изъ «Фауста»? Ну, теперь еще одинъ разикъ; я ужъ больше не буду приставать...

— Ну, хорошо, хорошо, не теребите только меня, а то зацѣлуете до смерти, — отвѣтила Зинаида Павловна, смѣясь и отбиваясь отъ порывистыхъ ласкъ своей воспитанницы.

— Вамъ темно, Зинаида Павловна! Можетъ-быть, зажечь свѣчи? — спросила Лиза.

— Не надо, прошу васъ, не зажигайте, я буду наизусть играть... Ну, слушайте...

И она начала играть второй актъ, изрѣдка объясняя содержаніе музыки.

— Вотъ это — народный праздникъ во время ярмарки... Мефистофель приводитъ туда и Фауста... Слушайте, какой чудный вальсъ, лучше его нѣтъ ни одного вальса въ мірѣ... Маргарита проходитъ съ молитвенникомъ...

Фаустъ пораженъ ея красотой... Онъ долго смотритъ въ восхищеніи издали, а затѣмъ подходитъ къ ней...

И она запѣла на низкихъ нотахъ своего голоса извѣстные слова: «Позвольте предложить, прелестная, вамъ руку...». Маргарита взглянула на него, потупилась и тихо отвѣчаетъ: «Ахъ, не блещу я красотой и потому не стою рыцарской руки»...

Кашперовъ хорошо зналъ оперу «Фаустъ», слышалъ ее въ исполненіи европейскихъ знаменитостей и всегда любилъ ее. Но теперь фраза, такъ нѣжно пропѣтая серебрянымъ голосомъ Зинаиды Петровны, совершенно потрясла его.

Изъ таинственной полутьмы, царившей въ залѣ, лились одинъ за другимъ звуки мелодіи, полные паивной грусти, и въ умѣ Кашперова съ поразительной ясностью возсталъ образъ Зинаиды Павловны, съ ея дѣвственнымъ молодымъ обликомъ и спокойными глазами, ясными, какъ утреннее небо.

«Да, она Маргарита, — невольпо пронеслось у него въ умѣ: — только кто же будетъ ея Фаустомъ?»

Сергѣй Григорьевичъ, часто и близко сталкиваясь съ различными женскими характерами, такъ изучилъ всѣ перипетіи любви, всѣ мельчайшіе оттѣнки въ тонѣ и взглядѣ, что почти никогда не ошибался въ своихъ заключеніяхъ на этотъ счетъ, и теперь, когда голосъ Зинаиды Павловны дрожалъ, замирая на послѣдней нотѣ, онъ сказалъ себѣ: «Да, у нея есть Фаустъ, потому что никакая выучка не можетъ придать музыкѣ такой глубины чувства... Вѣроятно, кузень... какой-нибудь юнкеръ или гимназистъ»...

Зинаида Павловна замолкла. Настала такая тишина, что Кашперову казалось, будто стукъ его сердца раздается по всему дому.

— Ну, дальше, Зинаида Павловна, — взволнованнымъ шопотомъ проговорила Лиза: — милая Зиночка, дальше!..

— А дальше то, — тихо отозвалась через нѣкоторое время Зинаида Павловна: — что Фаустъ скоро позабылъ о Маргаритѣ, а она... она никакъ не можетъ позабыть о немъ...

«Я не ошибся, — рѣшилъ Кашперовъ, услыхавъ, сколько затаенной грусти прозвучало въ послѣднихъ словахъ: — да притомъ еще, кажется, ея Фаустъ не подаетъ никакой надежды на взаимность».

— Ну, слушайте еще, — заговорила опять Зинаида Павловна: — только ужъ въ самый послѣдній разъ: Маргарита сидитъ за прялкой и поетъ.

И опять, вмѣстѣ со сказкой о Оульскомъ королѣ, полился этотъ чистый, хватающій за сердце голосъ.

«Боже мой, какая прелесть, — думалъ Кашперовъ, съ жадностью ловя каждую ноту. — Вотъ оно, истинное наслажденіе. Но гдѣ же эта бѣдная дѣвушка могла обрѣсти такіе чудные звуки?..»

Онъ чувствовалъ, что у него въ глазахъ стоятъ слезы. Въ то же время имъ овладѣлъ приливъ какой-то безграничной, смутной злобы... — «Ужъ не ея ли Фаустъ такъ огорчаетъ меня?» — насмѣшливо спросилъ онъ себя и не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Ну, теперь довольно, — сказала Зинаида Павловна, окончивъ сказку и громко хлопнувъ ноты: — нервы разстраивать не годится. Ловите меня, Лиза!

И она побѣжала, сопровождаемая Лизой, и откуда-то, издалека, донесся до слуха Кашперова ея смѣхъ, рассыпавшійся въ серебристыхъ треляхъ.

«Однако я размякъ порядкомъ», — съ озлобленіемъ рѣшилъ Сергѣй Григорьевичъ и тотчасъ же велѣлъ закладывать себѣ лошадь. Онъ очень долго остался въ этотъ вечеръ на заводѣ, особенно тщательно наблюдалъ за его ходомъ, бессознательно стараясь, какъ можно больше угмониться.

Ему удалось привести себя въ уравновѣшенное состояніе, но, когда поздно ночью онъ уже окончательно улегся въ постель и потушилъ свѣчу, изъ темноты вдругъ нѣжно и задумчиво прозвучало: «Ахъ, не блещу я красотой»...

— Тьфу ты, чортъ побери! — сердито отплюнулся Сергѣй Григорьевичъ. — Нужно же было этой итальянщины послушаться!

Хотя Кашперовъ и отплевывался такъ энергично, тѣмъ не менѣе на другой день, едва только начало смеркаться, онъ уже стоялъ на томъ же мѣстѣ за портьерой... Онъ прождалъ около получаса, пока наконецъ пришла Зинаида Павловна и сѣла за рояль.

На этотъ разъ Лизы съ ней не было. Она долго брала разсѣянные аккорды, потомъ заиграла бурную интродукцію шубертовскаго «Erlkönig» и запѣла. Но она не кончила баллады и, оборвавъ ее на серединѣ, перешла сразу въ С-мол'ный вальсъ Шопена.

Когда она перестала играть и сидѣла, задумчиво трогая пальцами клавиши, Кашперовъ нечаянно скрипнулъ дверью. Звуки прекратились совсѣмъ; повидимому, Зинаида Павловна прислушивалась. Оставаться долѣе за портьерой становилось неудобно, и Сергѣй Григорьевичъ предпочелъ войти въ залу.

— Извините, Зинаида Павловна, — мягко сказалъ онъ: — я подслушивалъ васъ. Но вы вѣдь не стали бы при мнѣ играть? А между тѣмъ я получилъ столько наслажденія, стоя вотъ здѣсь... за дверью.

Зинаида Павловна, при видѣ этого человѣка, съ которымъ она всегда избѣгала встрѣчаться, быстро встала съ своего мѣста.

— Извините, кажется, я своей музыкой помѣшала вамъ заниматься? Я постараюсь больше не дѣлать этого!

И она направилась къ дверямъ, стараясь обойти его подалше.

— Да подождите же, ради самого Бога, Зинаида Павловна! — почти закричалъ Кашперовъ, хватая ея руку. — Неужели вамъ даже быть со мною въ одной комнатѣ гадко? Поймите вы наконецъ, — умоляю васъ, — что между нами лежитъ какое-то чудовищное недоразумѣніе... Развѣ я не вижу, что если бы не Лиза, которая къ вамъ привязалась, то вы давно оставили бы мой домъ...

— Да, вы не ошибаетесь въ этомъ, — отвѣчала Зинаида Павловна, не глядя на него и вырывая свою руку изъ его горячей, сильной руки: — но если вамъ только хотѣлось напомнить объ этомъ, то вы могли бы не трудиться начинать издалека...

— Ну вотъ, опять точно такъ же, какъ и въ первый разъ, вы нарочно не хотите понять меня, — досадливо перебилъ ее Кашперовъ и быстро заговорилъ, боясь, что она уйдетъ, не выслушавъ его: — вы смѣтрите на меня съ предубѣжденіемъ, почему-то отказываете мнѣ даже въ такомъ человѣческомъ чувствѣ, какъ любовь къ музыкѣ... Да гдѣ же здѣсь кроется моя вина? Повѣрите ли, я — сильный человѣкъ, я лошадиныя подковы гну, я никогда не зналъ, что такое нервы, но вчера, стоя за портьерой, чувствовалъ на своихъ глазахъ слезы. И, разъ вы обладаете силой дѣйствовать такъ своимъ искусствомъ, вамъ грѣшно было враждебно отнестись къ моему восторгу! Вы не имѣли права отказывать мнѣ въ этомъ наслажденіи!.. Наконецъ, все это — ломаніе, все это — страшно-неестественно!

Въ его голосѣ слышалось волненіе. Зинаида Павловна внимательно и пытливо взглянула ему въ лицо своими невинными глазами.

Нѣтъ, онъ не лгалъ, потому что его щеки пылали

и глаза горѣли, но ей это горячее увлеченіе были и чуждо и непонятно.

— Я не понимаю васъ, Сергѣй Григорьевичъ, — холодно произнесла она и быстро вышла изъ залы.

Между ними, дѣйствительно, лежало недоразумѣніе.

«Что мнѣ въ этой дѣвчонкѣ? — злился черезъ нѣсколько часовъ Кашперовъ, ворочаясь на своей кровати. — Отчего я не могу ни о чемъ думать, кромѣ нея? Вѣдь не могъ же я влюбиться? Правда, въ ней есть что-то влекущее: эти ясные глаза, эта женственность... Да что же мнѣ-то до нея за дѣло? «Въ Оуле жилъ да былъ король»... Да, съ такимъ голосомъ можно совсѣмъ перевернуть человѣка! Откуда у нея эта выразительность? Кто съ ней занимался? Или, можетъ-быть, она уже любила и мучилась? «И до самой своей смерти онъ»... Ахъ, чортъ побери, да засну ли я наконецъ, въ эту проклятую ночь?... Вотъ тебѣ и хваленое равновѣсіе... Недостаетъ еще, чтобы я началъ принимать валеріановыя капли!..»

Кашперовъ влюбился. Онъ уже давно, лѣтъ десять тому назадъ, оставилъ всякія любовныя глупости, пресытившись женскимъ вниманіемъ, которое ему давалось черезчуръ легко, и сталъ исключительно человѣкомъ дѣла. Но въ былое время самая опытная въ дѣлѣ веденія интригъ, прошедшія сквозь огонь и воду женщины всегда говорили, что въ немъ есть «что-то магнитическое».

Дѣйствительно, онъ тогда въ своихъ желаніяхъ не признавалъ препятствій: чѣмъ больше ихъ было, тѣмъ сильнѣе разгоралось въ немъ желаніе достигнуть завѣтной цѣли, и онъ смѣло шагалъ черезъ нихъ, обольщая дерзостью и порабощая слабую волю женщины своей дикой, необузданной волей. Но, какъ только цѣль бывала достигнута, ему становилось скучно; впереди рисовались другія заманчивыя перспективы, иные соблазны. И

судьба, какъ будто умышленно, покровительствовала ему, всѣ предпріятія этого человѣка носили на себѣ печать необыкновеннаго успѣха. Онъ игралъ, рискуя послѣднимъ, и всегда былъ баснословно счастливъ; ударился въ коммерческія предпріятія и неожиданно для всѣхъ разбогатѣлъ. Въ любви, какъ и во всемъ остальномъ, онъ не зналъ проигрыша, по шатанію по женскимъ сердцамъ интересовало его только до тѣхъ поръ, пока онъ не убѣдился, что въ сущности новаго ни въ одномъ изъ нихъ не встрѣтишь.

А теперь передъ нимъ, какъ живой, стоялъ нѣжный образъ блѣдной дѣвушки, съ синими прозрачными глазами и плѣнительнымъ голосомъ, и онъ не зналъ, какъ къ нему приступить, съ чего начать.

— Нѣтъ, врешь, я тебя пересилю, — озлобленно шепталъ уже на разсвѣтѣ Кашперовъ, весь охваченный взрывомъ запоздалой любви: — я заставлю тебя! Пусть ты чиста, я въ тебѣ разбужу такіе инстинкты, въ которыхъ ты сама себя не узнаешь!

Онъ говорилъ эти слова, полныя безумной страсти, и въ то же время ни одной секунды не вѣрилъ себѣ, а въ душѣ его грустный голосъ пѣлъ: «Ахъ, не блещу я красою!...»

V.

Почти во всякомъ городѣ, среди такъ называемаго «общества», есть личности, которыя хотя и пользуются всѣми внѣшними знаками уваженія, но существованіе которыхъ, подверженное разнымъ неожиданнымъ превратностямъ, не можетъ не быть подозрительнымъ даже для самаго близорукаго наблюдателя. Конечно, никто даже въ мысляхъ не подумаетъ назвать ихъ «темными личностями», потому что темная личность ходитъ обыкно-

венно въ отрепьяхъ, одна штанина на вышускъ, другая— въ сапогѣ, говоритъ возвышеннымъ слогомъ, называя себя благороднымъ офицеромъ, пострадавшимъ за правду, и не выдерживаетъ болѣе двухъ секундъ внимательно устремленнаго на нее взгляда. Но зато каждый мирный обыватель, который вчера только видѣлъ одного изъ нихъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи, а нынче застаётъ его въ шикарномъ ресторанѣ, бросающаго безъ счета совершенно новенькими кредитками, невольно начинаетъ терзаться смутной мыслью: не придется ли ему, ни въ чемъ неповинному обывателю, и даже въ самомъ непродолжительномъ времени, расплачиваться за этотъ безшабашный кутежъ?

Къ числу такихъ загадочныхъ личностей принадлежалъ Павелъ Аѳанасьевичъ Круковскій, у котораго вечеромъ на второй день Нового года собралось все, что было хоть немного похожего на интеллигенцію въ городѣ Р*. Павелъ Аѳанасьевичъ давалъ такіе вечера раза четыре въ годъ, иногда положительно безъ всякаго повода, и нигдѣ съ такимъ удовольствіемъ не веселилась молодежь, нигдѣ за ужиномъ не лилось столько шампанскаго и нигдѣ послѣ ужина не велась такая сумасшедшая игра, рассказы о которой долгое время ходили потомъ по всей губерніи, какъ у него. Между тѣмъ никто изъ посѣщавшихъ вечера Круковскаго никогда не могъ бы дать себѣ отчета, на какія средства все это дѣлается. Правда, Круковскій увѣрялъ, что у него въ Пензенской губерніи есть огромное имѣніе, куда онъ на будущій годъ собирается уѣхать, потому что «нельзя же полагаться на подлеца - управляющаго», но это доброе намѣреніе такъ и оставалось всегда невыполненнымъ. Его изрѣдка видали на биржѣ, озабоченно шепчущимся съ «зайцами», видали за карточнымъ столомъ, гдѣ онъ выигрывалъ и проигрывалъ совершенно хладнокровно огромныя суммы,

но каковъ былъ спеціальныи родъ его занятій, оставалось покрыто непроницаемымъ мракомъ неизвѣстности.

На этотъ разъ съѣздъ у Круковского былъ громадныи; трое городскихъ работали въ потѣ лица передъ его домомъ, тщетно стараясь возстановить порядокъ, безпрестанно нарушаемый подъѣзжающими каретами, «семейными» санками и такими экипажами, неизвѣстными нигдѣ—кромѣ Р-ской губерніи, для которыхъ нѣтъ названій ни на какомъ языкѣ.

Изъ ярко освѣщенныхъ оконъ неслись красивые звуки военной музыки, игравшей вселую польку, въ окнахъ виднѣлись, привлекая вниманіе толпы, собравшейся на улицѣ, разряженныя фигуры гостей.

Къ крыльцу подъѣхали низенькія сани Кашперова. Кучеръ едва сдерживалъ великолѣпнаго чернаго рысака, который храпѣлъ, косясь испуганнымъ глазомъ на сіяющій подъѣздъ, и въ нетерпѣніи билъ передними ногами.

Сергѣй Григорьевичъ быстро выскочилъ изъ саней и помогъ выбраться сначала Зинаидѣ Павловнѣ, а потомъ дочери.

Это былъ первый балъ, на который Зинаида Павловна уговорила поѣхать свою воспитанницу. Лиза ужасно волновалась. При одѣваньи, всегда сдержанная съ прислугой, она закричала на горничную, неловко затягивавшую шнуровку корсета, а когда Сергѣй Григорьевичъ, совсѣмъ уже одѣтый, крикнулъ черезъ дверь, что пора ѣхать, ею вдругъ овладѣлъ такой страхъ, что она въ изнеможеніи опустилась на стулъ. Всю дорогу дѣвочка ѣхала молча, тревожно выглядывая изъ-подъ окутывавшаго ее большого ковроваго платка. Теперь же, когда, слегка вздрагивая отъ волненія и не прошедшаго еще ощущенія холода, она раздѣвалась въ уборной, страхъ совершенно неожиданно исчезъ. Блескъ и шумъ, господствовавшіе въ уборной, смѣшанный запахъ разныхъ духовъ, красивые туалеты дамъ, подмывающій мотивъ польки, глухо доноси-

вшійся сверху,—однимъ словомъ, вся эта опьяняющая атмосфера перваго бала лихорадочно оживила Лизу, и когда она въ сопровожденіи Зинаиды Павловны входила въ залу, то какое-то внутреннее ощущеніе говорило ей, что она чрезвычайно мила въ эту минуту. Дѣйствительно ее замѣтили и въ одинъ мигъ расхватили у нея всѣ танцы... Усталая, задыхающаяся, со сбившимися волосами, она сіяла счастливой улыбкой, и едва только присаживалась на мѣсто, какъ новый кавалеръ увлекалъ ее въ кругъ танцующихъ.

Зинаида Павловна съ удовольствіемъ слѣдила глазами за своей любимицей. Она знала, что ее, одѣтую чуть ли не въ домашнее простенькое платье, блѣдную и некрасивую, никто не станетъ приглашать (она привыкла къ этому еще въ институтѣ), и потому скромно заняла одинъ изъ тѣхъ дальнихъ уголковъ залы, которые самой судьбой предназначены для разнаго рода безличныхъ существъ: маменекъ въ невозможныхъ чепцахъ и озлобленно зѣвающихъ наперсницъ. Успѣхъ Лизы искренно радовалъ Зинаиду Павловну, но, хотя она и была чужда мелочной завистливости кисейныхъ барышень, тѣмъ не менѣе не могла избавиться отъ грустнаго сознанія, что ей не мѣсто среди этого праздника красоты и молодости, счастливыхъ улыбокъ, нѣжныхъ фразъ, граціозныхъ, согласныхъ движеній.

Какой-то пестрый «молодой человѣкъ», по всѣмъ признакамъ мелкій канцелярскій чиновникъ, съ дряблымъ испитымъ лицомъ, украшеннымъ нафабреными усами и огненнымъ галстукомъ, потерявъ случайно даму на кадрили, разлетѣлся влопыхахъ къ Зинаидѣ Павловнѣ и пригласилъ ее, но, увидѣвъ незнакомое лицо, скучное и некрасивое, въ смущеніи загозилъ на мѣстѣ. Это не укрылось отъ Зинаиды Павловны, и едва только она отказала акцизнику, онъ радостно вздохнулъ и побѣждалъ

дальше той развязной иноходью, которая до сихъ поръ еще употребляется на вечерахъ провинціальными «львами», какъ несомнѣнный признакъ щегольства и хорошаго тона.

— Зинаида Павловна! Наконецъ-то я нашелъ васъ! — раздался надъ нею привѣтливый голосъ.

Она вся радостно вздрогнула и подняла голову: передъ ней стоялъ, дружелюбно улыбаясь и протягивая руку, Аларинъ. Онъ былъ удивительно хорошъ въ эту минуту: безукоризненнаго покроя фракъ ловко обрисовывалъ его изящную фигуру, черные волосы живописно вились вокругъ его красиваго, открытаго лица.

Зинаида Павловна вспыхнула отъ неожиданнаго прилива громаднаго, еще ни разу неизвѣданнаго счастья. Этотъ красавецъ, постоянный предметъ ея ночныхъ дѣвическихъ грезъ, о мимолетной встрѣчѣ съ которымъ она вспоминала, какъ о волшебномъ прекрасномъ снѣ, опять былъ подлѣ нея, все такой же обаятельный, съ тѣмъ же чарующимъ взглядомъ своихъ черныхъ глазъ.

Она ничего не могла отвѣтить, кромѣ взволнованнаго «здравствуйте», хотя на языкъ ей и просились горячія, полныя восторга слова.

— Я какъ только увидѣлъ Кашперова, — заговорилъ Аларинъ, опускаясь рядомъ съ нею на стулъ: — такъ сейчасъ же подумалъ, что вы здѣсь, но насилу могъ отыскать, такъ вы далеко запрятались.

— Я не танцую, — отвѣтила Зинаида Павловна, не сводя съ него восхищеннаго взора.

— А наблюдаете только? Дѣйствительно здѣсь для наблюденія обильная пища. Знаете ли, что меня постоянно смѣшить на балахъ? Это — страшная неестественность, которая всѣми овладѣваетъ. Да и не на балахъ только, а и на гуляньяхъ, въ театрахъ, въ судѣ, — однимъ словомъ, передъ лицомъ публики.

— Отчего же вы думаете, что всѣ чувствуютъ себя

неловко? Посмотрите, вотъ, напимѣрь, пара; развѣ можно предположить, что сегодняшній вечеръ не самый веселый въ ихъ жизни? — И Зинаида Павловна указала глазами на полную даму съ лицомъ пожилой пѣвицы или цыганки изъ кафе-шантана, одѣтую въ розовое шелковое платье, вырѣзанное до послѣднихъ границъ приличія, проходившую подъ руку съ высокимъ бакенбардистомъ въ очкахъ и заливавшуюся непринужденнымъ хохотомъ.

— Вотъ вы и ошиблись, — возразилъ Аларинъ: — у этой пары на умѣ вовсе не смѣхъ, а самое пылкое желаніе вцѣпиться другъ другу въ глаза. Дама въ розовомъ платьѣ, видите ли, жена нашего исправника, а ея кавалеръ — здѣшній прокуроръ. А прокуроръ и исправникъ поклялись взаимно въ такой непримиримой враждѣ, что если даже опустѣетъ весь міръ, то они все-таки не перестанутъ истреблять другъ друга до тѣхъ поръ, пока отъ обоихъ не останутся только кончики хвостовъ. И выходитъ, что этотъ заразительный смѣхъ — тѣ же крокодиловы слезы!

— Ну, это, положимъ, частный случай; но поглядите кругомъ, развѣ вы мало видите веселыхъ лицъ?

— Увѣряю васъ, настоящаго веселья нѣтъ ни капли, все это страшно фальшиво и натянуто. Человѣкъ улыбается и заботится о томъ, чтобы его телячья улыбка произвела впечатлѣніе, разговариваетъ и старается дѣлать граціозныя жесты. Посмотрите, вотъ идутъ два офицера, — вѣдь они какъ будто горячо спорятъ между собою о чемъ-то, а въ сущности оба городятъ страшный вздоръ и изо всѣхъ силъ стараются привлечь на себя общее вниманіе. Ну, развѣ бываютъ у людей, собравшихся повеселиться, такія выпяченныя груди и такая неправдоподобная походка? Такъ вѣдь только ходятъ короли и военачальники въ операхъ...

Зинаида Павловна поглядѣла на офицеровъ и не могла не улыбнуться удачному сравненію Аларина.

— Однакоже вы безпощадны, Александръ Егоровичъ. Неужели вы надо всѣми такъ зло издѣваетесь?— спросила она.

— Надо всѣми, потому что это — лучшее средство не быть никогда самому осмѣяннымъ.

— Но для чего же вы бываете на балахъ, если они въ васъ ничего, кромѣ насмѣшки, не возбуждаютъ?

— А вотъ именно для того, чтобы посмѣяться; такъ или иначе, а это похвальное желаніе свойственно каждому изъ насъ, грѣшныхъ. Но кромѣ того меня тянетъ еще вонъ та комнатка, въ которой можно испытать самыя сильныя ощущенія въ мірѣ, — и Аларинъ показалъ рукой на растворенныя двери кабинета, гдѣ среди облаковъ дыма виднѣлись солидныя фигуры почтенныхъ представителей дворянства, чинно сидящихъ за зелеными столиками.

— Неужели вы играете въ карты? Вѣдь это, должно-быть, ужасно скучно?

— Я играю только въ азартныя игры.

— Какія это азартныя? Объясните, пожалуйста, я не понимаю.

— Самый простой способъ наживы: я беру въ руку сторублевую кредитку, подхожу къ вамъ и говорю: «Въ какой рукѣ?» Вы говорите: «Въ правой». Угадали — сторублевка ваша, не угадали — позвольте мнѣ столько же. Это, собственно говоря, идея, но, конечно, умные люди додумались до множества вариантовъ ея и даже до цѣлыхъ теорій о счастье!

Зинаида Павловна широко раскрыла глаза.

— Но вѣдь это возмутительно, — произнесла она, пораженная его объясненіемъ: — это... извините меня, пожалуйста, но вѣдь это похоже на грабежъ... А если я увлекусь, проиграю больше, чѣмъ у меня есть?

Аларинъ замѣтилъ ужасъ Зинаиды Павловны, и имъ овладѣло желаніе порисоваться.

— Разные бываютъ способы, — отвѣтилъ онъ, щеголяя напускнымъ хладнокровіемъ: — нѣкоторые предпочитаютъ въ этихъ случаяхъ спасаться бѣгствомъ, другіе — пускаютъ себѣ въ лобъ пулю... Да вообще сильныя ощущенія даромъ не даются, — человѣкъ во время игры становится самымъ опаснымъ изъ всѣхъ дикихъ звѣрей.

— Господи, неужели и вы?..

— Зинаида Павловна, не судите меня такъ строго: вамъ жизнь — новинка, а между тѣмъ она такъ мелка, такъ ничтожна, такъ бѣдна чѣмъ-нибудь шевелящимъ воображеніемъ... А въ игрѣ — страсть!.. Каждый нервъ живетъ... чувствуешь бѣненіе каждой жилы... И вовсе не деньги влекутъ... а счастье, счастье, одно только милое, не лѣпое счастье. Вѣдь я — добрый человѣкъ, я готовъ со всякимъ нищимъ подѣлиться, но вы не поймете, что это за необъяснимое блаженство пустить въ одинъ вечеръ по міру два или три почтенныхъ семейства.

При послѣднихъ словахъ Зинаида Павловна поблѣднѣла.

— Не говорите такъ, Александръ Егоровичъ, прошу васъ, — сказала она съ грустнымъ упрекомъ: — вы не можете быть такимъ... вы клеветеете на себя!..

Аларинъ поглядѣлъ на нее съ изумленіемъ: отъ него не ускользнули ни ея блѣдность ни то глубокое чувство, съ которымъ она произнесла эти слова.

— Да вы не подумайте, Зинаида Павловна, — воскликнулъ онъ веселымъ, добродушнымъ голосомъ: — что я какой-нибудь драматическій злодѣй... я просто, какъ художникъ, увлекся картиной, и больше ничего. Пойдемте танцовать вальсъ!

И онъ всталъ, приглашая ее красивымъ поклономъ.

Аларинъ прекрасно вальсировалъ. Зинаида Павловна

совершенно отдалась въ его волю, и они быстро закружились подъ плавные, упоительные звуки. Ей казалось, что горѣвшія по стѣнамъ бра сливаются въ одинъ громадный огненный кругъ... голова кружилась... глаза ничего не различали. Она чувствовала на своихъ волосахъ горячее, прерывистое дыханіе Аларина, чувствовала его сильную руку, плотно лежащую на ея талии. Какія-то волны блаженства подняли и несли ее все выше и выше... Это было какое-то чудное, сладкое забытье, — состояніе, подобнаго которому она еще никогда не испытывала.

— Мерси!—едва могла наконецъ проговорить Зинаида Павловна, еле дыша отъ утомленія.—Пожалуйста, уведите меня куда-нибудь изъ залы, здѣсь ужасно душно.

Они пошли по направленію къ дверямъ, но вдругъ Зинаида Павловна, какъ будто вслѣдствіе внезапнаго толчка, который испытываетъ человѣкъ, если ему упорно глядятъ въ затылокъ, быстро обернулась назадъ.

Изъ глубокой амбразуры окна на нее жадно и пристально смотрѣли два сверкающихъ глаза. Дѣвушка вся сжалась отъ ощущенія инстинктивнаго страха и, прильнувъ къ локтю своего кавалера, торопливо прошептала:

— Ради Бога, скорѣе... скорѣе...

Они дошли до маленькой, никѣмъ не занятой гостиной. Въ этой комнатѣ, заставленной роскошной мягкой мебелью и залитой розовымъ полусвѣтомъ, струившимся изъ всякаго фонарика, было тихо и прохладно.

— Чего вы такъ испугались, Зинаида Павловна? — спросилъ Аларинъ, когда они усѣлись на диванъ. — Я начинаю предполагать здѣсь что-то таинственное. Можетъ-быть, вамъ понадобится, какъ въ старинныхъ сказкахъ, храбрый рыцарь, который избавилъ бы свою даму отъ какихъ-нибудь магическихъ чаръ

Онъ видѣлъ замѣшательство Зинаиды Павловны и хотѣлъ разогнать его веселой шуткой.

— Благодарю васъ, — отвѣтила она, все еще не оправившись отъ овладѣвшаго ею волненія:— мнѣ просто стало очень нехорошо, потому что я отвыкла отъ вальса...—И вдругъ у нея совершенно неожиданно сорвалось съ языка:—Кромѣ того... эти ужасные глаза...

«Ага!—подумалъ Аларинъ: — стало-быть, дѣйствительно что-то есть», — и онъ спросилъ серьезно и значительно:

— Помните, Зинаида Павловна, нашъ уговоръ?

— Какой уговоръ?

Она отлично знала, что напоминаетъ Аларинъ, но ей казалось, что если бы она отвѣтила прямо, то ея тонъ выдалъ бы то радостное волненіе, которое охватило ее при этомъ вопросѣ.

— Когда мы прощались послѣ нашей первой встрѣчи, вы обѣщали обратиться ко мнѣ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Можетъ-быть, это время уже настало?

— Не... не знаю, — тихо отвѣтила она, опустивъ низко голову.

— Значитъ, я не ошибся, Зинаида Павловна! Скажите мнѣ правду: отвѣтите ли вы на одинъ мой вопросъ?

Она уже чувствовала, что онъ понялъ ее, знала даже, въ чемъ будетъ заключаться его вопросъ.

«Если вѣрно, то «да», — подумала она про себя, не сознавая, впрочемъ, ясно, въ чемъ будетъ заключаться это «да».

— Хорошо, я отвѣчу вамъ, — сказала она, съ замираніемъ сердца ожидая вопроса.

Аларинъ произнесъ только одно слово:

— Кашперовъ?

«Да!»—пронеслось быстрѣе молніи въ головѣ Зинаиды Павловны, но она не сказала ни одного слова, а только еще ниже опустила свое лицо, загорѣвшееся яркимъ румянцемъ. Ей казалось, что Аларинъ читаетъ въ сокровенныхъ тайникахъ ея души

Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи.

— Онъ преслѣдуетъ васъ? — спросилъ Аларинъ, стараясь произнести эти слова по возможности мягче и деликатнѣе. — Давно?

Зинаида Павловна не могла больше сдерживаться и, нервно сжавъ руки, такъ что ея тонкіе пальцы хрустнули, горячо заговорила:

— Я не знаю, что ему надо отъ меня! Съ того несчастнаго вечера, когда я играла на роялѣ и пѣла что-то изъ «Фауста», онъ не даетъ мнѣ покоя. Онъ ничего не говоритъ, да и не можетъ сказать, потому что я избѣгаю его... но онъ смотритъ на меня такими ужасными глазами, что у меня теперь постоянно предчувствіе чего-то очень нехорошаго... Я боюсь этого человѣка, — добавила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Я понимаю васъ, — задумчиво сказалъ Аларинъ. — Но вы, должно-быть, съ самой первой встрѣчи отнеслись къ нему сухо и враждебно?

— Да.

— Это ничего добраго не обѣщаетъ. Кашперовъ одинъ изъ тѣхъ людей, про которыхъ Гейне сказалъ: «Сударыня, если вы хотите заслужить мою любовь, то должны обращаться со мной, какъ съ канальей!» Ихъ тянетъ къ себѣ только невозможное, а препятствія еще сильнѣе раздражаютъ. Мой искренній совѣтъ вамъ: ѣхать какъ можно скорѣе домой. Кашперовъ — такая сила, съ которой считается вамъ, слабой и нѣжной дѣвушкѣ, — трудно. Я знаю, что ни съ вашей ни съ его стороны никакіе компромиссы немыслимы, а чѣмъ можетъ все это кончиться — трудно даже предположить... Уѣзжайте, ради Бога, скорѣе.

Аларинъ очень жалѣлъ эту дѣвушку, которая съ первой же встрѣчи завоевала его симпатію своею беззащитностью.

— Развѣ я объ этомъ не думала раньше? — возразила Зинаида Павловна: — но мнѣ все какъ-то жаль было оставить Лизу, — дѣвочка очень полюбила меня. Да и маму надо было бы предупредить, а то она Богъ знаетъ, что подумаетъ...

— Позвольте вамъ предложить одну услугу, Зинаида Павловна?

— Что такое?

— Если вамъ будетъ ужъ очень тяжело, черкните мнѣ словечка два. Адресъ самый простой: пристань, контора правленія, такому-то... Хорошо? Я около самой пристани и живу.

Ласковый тонъ его голоса дѣйствовалъ на Зинаиду Павловну успокоительно; въ немъ было такъ много почти родственнаго участія.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я объ этомъ прошу васъ серьезно, — настаивалъ Аларинъ. — Если нужно будетъ, я попрошу своихъ хорошихъ знакомыхъ приютить васъ недѣльки на двѣ...

И, боясь, чтобы она не нашла его послѣднія слова обидными, онъ добавилъ:

— Они рады будутъ для меня сдѣлать что-нибудь пріятное. Такъ обѣщаете?

— Обѣщаю.

— Ну, вотъ и отлично, большое вамъ спасибо за довѣріе... Дайте мнѣ въ залогъ вашу руку...

— Pardon! Я, кажется, нѣсколько помѣшалъ вамъ? — раздался въ дверяхъ насмѣшливый голосъ.

Они вздрогнули и, точно пойманные въ чемъ-нибудь дурномъ, быстро отдернули свои руки: на порогѣ гостиной, заложивъ руки въ карманы и презрительно щуря глаза, стоялъ Кашперовъ.

Бываютъ иногда такія внезапно обостряющіяся положенія, когда люди какимъ-то внутреннимъ чутьемъ пости-

гаютъ не только слова или выраженіе лицъ другъ друга, но и самыя темныя, сокровенныя мысли... Такимъ образомъ и у этихъ трехъ людей мгновенно выяснились и опредѣлились взаимныя отношенія. Кашперовъ по устремленнымъ на него взглядамъ тотчасъ же догадался, что рѣчь шла о немъ. Онъ даже зналъ, что именно говорилось: отъ него не укрылось ни участливое, растроганное лицо Аларина, ни протянутая рука Зинаиды Павловны.

Аларинъ, возмущенный всѣмъ, только-что слышаннымъ про этого челоуѣка, поднялся ему навстрѣчу съ вызывающимъ взглядомъ, ища и не находя дерзкаго отвѣта на насмѣшливо-небрежное извиненіе.

— Я отыскалъ васъ, Зинаида Павловна, — продолжалъ Кашперовъ тѣмъ же тономъ: — чтобы узнать, когда вамъ будетъ угодно ѣхать домой. Я уже отвезъ Лизу; у нея болѣла голова.

— Напрасно вы мнѣ не сказали этого раньше, я тоже поѣхала бы съ вами, — сухо отвѣтила Зинаида Павловна, глядя въ сторону.

— Извините, пожалуйста, я не хотѣлъ мѣшать вашей увлекательной бесѣдѣ съ господиномъ Аларьевымъ, — умышленно перевралъ Кашперовъ фамилію Александра Егоровича.

Аларинъ хотѣлъ бросить ему гнѣвное замѣчаніе, но самоувѣренная, спокойно-дерзкая манера Кашперова совершенно парализовала его обычную смѣлость и находчивость.

— Потрудитесь отвезти меня, — сказала Зинаида Павловна и пошла изъ гостиной, сопровождаемая Кашперовымъ, который предварительно отвѣсилъ Аларину насмѣшливый поклонъ.

Но у дверей она вдругъ остановилась, какъ будто что-то припомнивъ, и, быстро повернувшись, подошла къ Александру Егоровичу.

— Прощайте, — произнесла она быстрымъ шопотомъ. — Пожалуйста, исполните мою просьбу, не играйте сегодня. Это для меня очень, очень важно... — И вдругъ, взглянувъ ему прямо въ глаза, съ порывомъ внезапной страсти она прибавила: — Ради Бога, родной мой, у меня сердце за васъ беспокоитъ...

Аларинъ былъ пораженъ ея словзми. «Что съ ней сдѣлалось? Неужели это любовь? — подумалъ онъ, слѣдя глазами за удаляющейся дѣвушкой. — Вотъ чего я никакъ не ожидалъ!» — И, пожавъ плечами, Александръ, Егоровичъ медленными шагами направился въ карточную комнату.

VI.

Едва только успѣлъ Кашперовъ усесться въ сани и застегнуть полсть, какъ застоявшійся и промерзшій на холодѣ рысакъ, котораго уже не въ силахъ былъ сдерживать бородатый кучеръ, рванулся впередъ всей своей могучей грудью, и цѣлая туча искристой морозной пыли въ одно мгновеніе обдала лицо Зинаиды Павловны.

— Гонн! — крикнулъ Кашперовъ, когда сани выѣхали на широкую безлюдную улицу.

Кучеръ быстро нагнулся впередъ, пустилъ вожжи, гикнулъ, и рысакъ понесся, какъ бѣшеный, вскидывая широкимъ крупомъ и покачивая высоко поднятой головой.

Это былъ тотъ самый знаменитый «Барсъ», который взялъ два первыхъ приза на московскихъ бѣгахъ. Онъ ни одного движенія не тратилъ даромъ; со страшной силой выбрасывая впередъ сажеными взмахами свои длинныя, въ бѣлыхъ чулочкахъ, ноги, жеребецъ точно разстилался по землѣ и несъ, какъ иг-

рушку, легкія сани. Комья грязнаго снѣга далеко летѣли изъ-подъ его копытъ, съ дробнымъ стукомъ разбиваясь о передокъ. Вѣтеръ свисталъ въ уши и захватывалъ дыханіе. Пустынныя улицы тонули въ темнотѣ зимней ночи и казались какими-то совсѣмъ незнакомыми, широкими и безконечными. Въ этой сумасшедшей ѣздѣ среди тишины и мрака было что-то и жуткое, и веселое, и таинственное.

— Куда вы везете меня, Сергѣй Григорьевичъ?.. Я просила васъ отвезти меня домой!

— Теперь это вамъ уже рѣшительно все равно, — отвѣтилъ со смѣхомъ Кашперовъ: — мнѣ нужно было украсть у васъ нѣсколько минутъ... Я васъ не выпущу.

Въ тонѣ его голоса слышалось злое торжество успѣха.

— Сергѣй Григорьевичъ, — воскликнула Зинаида Павловна: — я, по крайней мѣрѣ, считала васъ до сихъ поръ за честнаго человѣка... Если вы что-нибудь позволите себѣ, я выскочу изъ саней!

— Нѣтъ, не выскочите, — возразилъ Кашперовъ и вдругъ крѣпко охватилъ ея талію. — Не выскочите! Вы — въ моей власти! Я давно ждалъ этой минуты... Я знаю, вы завтра же оставите мой домъ, но сегодня вы — моя...

Онъ говорилъ неразборчиво, точно пьяный, задыхаясь отъ страшнаго волненія.

— Пустите меня, слышите, сейчасъ же пустите! — крикнула Зинаида Павловна, тщетно стараясь освободиться изъ желѣзныхъ рукъ своего спутника. — Это безчеловѣчно, пустите меня, говорю вамъ!.. Я не хочу!..

— Не пу-щю! — рѣзко отчеканилъ онъ сквозь стиснутые зубы. — Вы не понимаете, что значитъ разбудить такого звѣря, котораго вы заставили проснуться во мнѣ. Нѣтъ? О! Я не похожъ на того сладкаго студентика,

съ которымъ вы сейчасъ такъ нѣжно ворковали. Если я поклялся, что вы будете моею, то отдамъ жизнь, пойду на каторгу, уничтожу всякаго, кто станетъ мнѣ на дороге, а вы все-таки будете моею... Да, моею! Слышите ли: моею любовницей, моею вещью...

И вдругъ, сразу перемѣнивъ этотъ страстный тонъ, онъ заговорилъ медленно и тяжело, какъ человѣкъ, истомленный долгимъ страданіемъ:

— Не вѣрьте, Зинаида Павловна, тому, что я сейчасъ говорилъ. Это — страсть... Здѣсь нѣтъ ни одного слова, которое бы принадлежало мнѣ! Пожалуйте же меня! Вѣдь вы — женщина, у васъ сердце доброе. Отчего же вы надо мной-то не хотите сжадиться? Если бы вы знали, какъ я люблю васъ! Ахъ, да гдѣ же вамъ понять это! Это — не любовь даже, это — адъ, это — такая дьявольская мука, о которой вы, чистая, невинная, даже представленія не можете имѣть! Такъ слушайте, я вамъ все расскажу... Вы пѣли тогда... Поймите, этотъ мотивъ не оставляетъ меня... точно кто выжегъ его огнемъ въ моей памяти... И ночью, и днемъ, и за работой мнѣ мерещится вашъ голосъ... Если бы вы не избѣгали меня, если бы хотя даже просто оставались ко мнѣ совершенно равнодушны, ничего и не случилось бы! Но я увидѣлъ одно голько отвращеніе. Да, я былъ противенъ вамъ. И началось... И чѣмъ больше вы боитесь меня, чѣмъ гаже я для васъ становлюсь, тѣмъ..

Кашперовъ, говоря эти странныя слова, все ближе и ближе привлекалъ къ себѣ слабое тѣло Зинаиды Павловны и вдругъ, прикоснувшись пылающими губами къ ея холодной щекѣ, совершенно обезумѣлъ. Онъ свободной лѣвой рукой отогнулъ назадъ голову Зинаиды Павловны и впился въ ея губы страстнымъ, продолжительнымъ поцѣлуемъ. Она пробовала сопротивляться, кричать, но мало-по-малу воля этого человѣка совершенно обезсилила ее... Ей стало

душно... кровь прилила къ внезапно закружившейся головѣ... Предъ глазами со страшной быстротой завертѣлись громадныя огненные круги, и ею овладѣло какое-то полное фантастическихъ грезъ забытѣе, похожее на гипнотическое состояніе или на бредъ морфиниста.

«Что со мной? Гдѣ я? — проносились въ ея головѣ обрывки мыслей. — Зачѣмъ онъ держитъ меня такъ близко? Ахъ, да! Это — вальсъ съ Аларинымъ. Какіе у него чудныя глаза... глубокіе-глубокіе... можно въ нихъ глядѣть цѣлый день и не добратъся до дна... Боже мой... такъ близко... такъ жутко... Милый, еще, еще!..»

И она, вздрагивая подъ жгучими поцѣлуями Кашперова, покорно опустила ему на грудь свою голову.

— Дорогая моя, дѣточка милая, — шепталъ еле слышно Сергѣй Григорьевичъ, трясясь, точно въ ознобѣ: — не отталкивай меня!..

Кашперовъ взглянулъ въ лицо Зинаиды Павловны; ея глаза были полузакрыты, губы, на которыхъ блуждала томная улыбка, шептали непонятныя слова.

Одна мысль, точно молнія, мелькнула въ головѣ Кашперова.

— Слушайте! — сказалъ онъ рѣзкимъ, повелительнымъ тономъ, грубо освобождая дѣвушку изъ своихъ объятій: — вы думаете объ этомъ инженерѣ?

Зинаида Павловна мгновенно очнулась и произнесла спокойно и твердо:

— Да, я думала о немъ.

— Ступай домой, — крикнулъ Сергѣй Григорьевичъ кучеру: — живо!

Всю дорогу Кашперовъ и Зинаида Павловна не сказали ни одного слова, и, какъ только кучеръ сдержалъ передъ подъѣздомъ взмыленнаго «Барса», она поспѣшно вышла изъ саней, не воспользовавшись протянутой рукой Сергѣя Григорьевича. Она быстро бѣжала по лѣст-

ницѣ, торопясь добратся до своей комнаты, но онъ догналъ ее въ полутемной гостиной и остановилъ, крѣпко схвативъ за руку. Онъ былъ страшенъ въ эту минуту, съ глазами, сверкающими бѣшенствомъ, и съ багровыми пятнами на щекахъ.

— Я васъ въ послѣдній разъ спрашиваю, — проговорилъ онъ, съ усиліемъ выпуская одно слово за другимъ: — будете ли вы моей добровольно? Не дѣлайте глупостей... Вы — нищая, вы еще не знаете цѣны деньгамъ, я осыплю васъ ими... Я васъ повезу за границу, и вы со своимъ голосомъ приобрѣтете славу!.. Я отдамъ вамъ все... все, что у меня есть... Не доводите меня до крайности... Въ этой комнатѣ вашего крика ни одинъ дьяволъ не услышитъ.

— Вы — подлецъ! — едва могла произнести Зинаида Павловна, чувствуя уже приближеніе обморока. — Вы... мнѣ... противны!..

— А-а! Противень?

И съ дикимъ воплемъ, ничего уже не видя, не слыша и не сознавая, Кашперовъ рванулся къ ней, обвинилъ ее своими могучими руками и вдругъ остановился, точно вкопанный: въ дверяхъ, высоко поднявъ надъ головой горящую свѣчу, стояла Лиза, съ ужасомъ глядя на происходящую предъ ней картину.

Кашперовъ скрипнулъ зубами и выбѣжалъ изъ гостиной.

— Зиночка, что съ вами? — вскрикнула Лиза, подбѣгая къ своей гувернанткѣ.

Но Зинаида Павловна уже ничего не слыхала. Все помутилось передъ ея глазами, быстро пронеслось въ какую-то бездонную пропасть, и она упала, крѣпко ударившись головой о паркетъ.

Въ то самое время, когда происходила эта безобразная сцена, къ дому Круковского подѣзжалъ, страшно волнуясь и ежеминутно подгоняя извозчика, Але-

ксандръ Егоровичъ Аларинъ. Ему все казалось, что лошадь бѣжитъ слишкомъ медленно, и онъ, чтобы обмануть свое нетерпѣніе, изо всѣхъ силъ старался помогать ей, упираясь руками въ облучокъ. Какъ только извозчикъ остановился передъ подъѣздомъ, Аларинъ быстро соскочилъ, сунувъ ему въ руку первую попавшуюся ассигнацію. «Ванька» долго въ нѣмомъ изумленіи слѣдилъ за своимъ сѣдокомъ, взбѣгающимъ по лѣстницѣ, и вдругъ, какъ ошалѣлый, принялся нахлестывать клячонку.

Какъ только уѣхала съ вечера Зинаида Павловна, Аларинъ, несмотря на всю свою выдержку, которой онъ такъ хвастался, проигралъ всѣ наличныя деньги. Но ему не хотѣлось отходить отъ стола; онъ вѣрилъ въ повороты счастья и продолжалъ играть уже на запись до тѣхъ поръ, пока банкометъ не замѣтилъ съ неудовольствіемъ:

— Пришлите, за вами ровно тысяча!

Александръ Егоровичъ, краснѣя, сталъ просить подождать полчаса. У него не было больше ни копейки своихъ денегъ, и онъ уже мысленно рѣшилъ заплатить эту тысячу изъ тѣхъ казенныхъ денегъ, которыя лежали въ его шкатулкѣ на квартирѣ.

«Займу завтра у жида, пополю», — думалъ онъ, упрямая банкомета объ отсрочкѣ.

Аларинъ, какъ сумасшедшій, прилетѣлъ домой, вынулъ изъ-подъ кровати большую несгораемую шкатулку и сталъ отпирать ее. Но рука дрожала, и ключикъ никакъ не хотѣлъ попасть въ замочную щелочку. Наконецъ Аларину удалось сдѣлать это; онъ ощупью отыскалъ пачку съ казенными деньгами и развернулъ ее. Надо было зажечь огонь, потому что въ комнатѣ со спущенными шторами была непроницаемая темнота, а спички, какъ нарочно, не находились.

— А, не одинъ ли чортъ! — рѣшилъ, разсердясь, Аларинъ и, сунувъ всю толстую пачку въ боковой карманъ сюртука, поспѣшно отправился въ домъ Круковскаго.

Александръ Егоровичъ вошелъ въ игральную комнату и со страннымъ чувствомъ окинулъ ее глазами. Столы, исчерченные мѣломъ, запахъ табачнаго дыма, — все это непріятно поразило его послѣ того, какъ онъ успѣлъ подышать свѣжимъ воздухомъ.

Вокругъ одного изъ столовъ сбились въ кучу, слѣдя въ жадномъ молчаніи за руками банкюмета, десять или двѣнадцать игроковъ съ блѣдными, измятыми лицами, которыя казались совсѣмъ мертвыми при слабомъ утреннемъ освѣщеніи.

Металь самъ Круковскій, невысокій, худой, но крѣпкій, какъ сталь, и жилистый мужчина, совершенно неопредѣленнаго возраста. Онъ былъ плѣшивъ, и все его лицо было изборождено глубокими морщинами, но ясные голубые глаза навкаты глядѣли смѣло и твердо. Онъ могъ проводить безъ сна, въ самыхъ страшныхъ попойкахъ и безчинствахъ, нѣсколько ночей напролетъ и ничуть не измѣнялся въ лицѣ: природа отпустила ему громадныя силы.

Увидя подошедшаго Аларина, Круковскій, не прерывая тали, быстро вскинулъ на него взоръ и кивнулъ головой. Онъ уже по лицу зналъ, что Александръ Егоровичъ привезъ деньги, и даже больше, — что онъ будетъ отыгрываться.

Дѣйствительно Аларинымъ внезапно овладѣло страстное желаніе отыгратъся.

«Не можетъ же быть, чтобы мнѣ теперь не повезло, — соображалъ онъ: — счастье идетъ полосами... Я долженъ вернуть свое... и баста!»

И ему живо представилось, какое будетъ счастье, если

онъ. избавится отъ тяжелой необходимости платить казенными деньгами. «Господи, только бы тысячу воротить, больше и играть не буду, — проносилось въ его головѣ. — Ахъ, какое было бы наслажденіе уѣхать изъ этого вертепа и лечь спать со спокойной совѣстью!»

Аларинъ долго глядѣлъ на игру, блѣднѣя и вздрагивая отъ волненія: онъ уже зналъ, что будетъ играть, но старался продолжить то жгучее ощущеніе, которое испытываетъ страстный игрокъ, имѣющій возможность поставить крупный кушъ и медлящій сдѣлать это.

«Начну съ тридцати рублей, — думалъ Александръ Егоровичъ: — конечно, возьму, затѣмъ уголь и десять мазу, а потомъ мирандолями и мирандолями... двѣ карты маленькихъ, двѣ большихъ...»

Круковскій сталъ тасовать карты для новой талии и искоса кинулъ взглядъ на Аларина.

— Сколько въ банкѣ? — спросилъ Александръ Егоровичъ такимъ внезапно охрипшимъ голосомъ, что всѣ игроки обернулись къ нему.

Круковскій пристально посмотрѣлъ ему въ глаза и, переставая тасовать, сказалъ:

— Послушайте, Аларинъ, я не совѣтую вамъ играть.

— Какъ не совѣтуете? Чтò вамъ до меня за дѣло? — возразилъ Александръ Егоровичъ рѣзкимъ тономъ, но невольно опуская взоръ.

— А то, что есть извѣстная примѣта: кто отыгрывается или рискуетъ на казенныя, — всегда проигрываетъ.

Онъ произнесъ это внушительно и отчетливо, продолжая такъ же внимательно глядѣть въ глаза Аларину. Круковскій вовсе не хотѣлъ, чтобы Александръ Егоровичъ отказался отъ игры, но ему нужно было, чтобы онъ публично, при свидѣтеляхъ, призналъ принесенныя деньги своими.

Расчетъ былъ совершенно вѣрсенъ, потому что Ала-

ринъ густо покраснѣлъ и сказалъ съ дѣланной про-
нѣей:

— Я думаю, вы не сомнѣваетесь, что деньги принад-
лежатъ мнѣ?

— Спаси Господи! — хладнокровно отпарировалъ Кру-
ковскій, уже окончательно убѣдившись, что Аларинъ
взялъ казенныя деньги. — Я просто вижу, что вы хо-
тите отыгратъся, ну, и сообщаю вамъ мудрое житейское
правило: не за то отецъ сына билъ, что игралъ, а за
то, что отыгрывался. А впрочемъ, какъ угодно-съ... Въ
банкѣ около четырехъ тысячъ.

«Красныя — сто, черныя — двѣсти», — подумалъ Але-
ксандръ Егоровичъ и снялъ съ колоды нѣсколько картъ.
Вышла красная...

И вдругъ среди мертвой тишины глухо, но явственно
раздался его голосъ: «Ва-банкъ!» — и онъ вытащилъ изъ
колоды карту, стараясь самъ не видѣть ея.

— Со входящими? — спросилъ совершенно хладно-
кровно Круковскій.

— Ва-банкъ! — озлобленно повторилъ Аларинъ.

Банкометъ перевернулъ колоду; Александръ Егоро-
вичъ посмотрѣлъ на свою карту: оказалась дама бубень,
и въ его умѣ почему-то быстро мелькнулъ и скрылся
образъ Зинаиды Павловны.

Круковскій отчетливо выкидывалъ каждую карту, при-
стукивая по столу костяжкой средняго пальца, и съ
каждымъ ударомъ сердце Аларина крѣпко и болѣзненно
билось объ грудную клѣтку, а въ виски точно два гро-
мадныхъ молота ударяли попеременно: «бита, дана, бита,
дана».

— Бита! — шумно вырвалось у всѣхъ зрителей.

— А-а! — медленно протянулъ Аларинъ, и имъ сразу
овладѣло безразличное спокойствіе...

VII.

Александръ Егоровичъ проснулся въ два часа дня и долго не могъ сообразить: утро теперь или вечеръ. Онъ лежалъ на кровати во всей той одеждѣ, которая была на немъ вчера; голова, точно налитая ртутью, страшно болѣла, глаза, съ красными отъ утомленія вѣками, мигали и слезились отъ свѣта, во рту ощущался какой-то непріятный вкусъ... Сердце Аларина тревожно пыло ожиданіемъ большого несчастья, но онъ никакъ не могъ припомнить, чтò такое съ нимъ вчера произошло, и усиленно теръ переносицу.

Случайно его взглядъ упалъ на шкатулку: она, какъ была ночью вытащена изъ-подъ кровати, такъ и лежала, раскрытая, на серединѣ комнаты. Возлѣ валялись листъ газетной бумаги и конецъ англійскаго шпагата, которымъ были обмотаны деньги.

Аларинъ въ одинъ мигъ, точно кто толкнулъ его, съ поразительною ясностью припомнилъ до мельчайшихъ подробностей картину своей послѣдней ставки: грязная комната, совершенно залитая ослѣпительно-яркими лучами холоднаго зимняго солнца, десятокъ желтыхъ лицъ, нагнувшихся надъ столомъ съ хищно сверкающими глазами, проклятая пятерка червей съ надломленнымъ угломъ и спокойный, ненавистный голосъ, медленно произносящій: «Больше не мечу... Не угодно ли, господа, кому-нибудь занять мое мѣсто?» Аларинъ вспомнилъ еще, какъ онъ тотчасъ же послѣ этого бессмысленно разсмѣялся и началъ хвастливо увѣрять, что хотя онъ и проигралъ уже одиннадцать тысячъ, но что ему «наплевать», и что сильныя ощущенія даромъ не даются... Но этотъ деревянный смѣхъ и эти пелѣпыя слова принадлежали не ему, не Аларину, а какъ будто совершенно чужому, незнакомому человѣку; настоящій же Аларинъ слушалъ съ трепетомъ

самого себя, между тѣмъ какъ истерическія спазмы душили его горло. Игроки, толпившіеся вокругъ стола, глядѣли на его судорожную развязность, близкую къ умопомѣшателству, съ тѣмъ холоднымъ и вполнѣ безучастнымъ любопытствомъ, съ которымъ нѣкогда смотрѣли римскіе гладіаторы на смерть своихъ товарищей.

Потомъ откуда-то появилось шампанское, кого-то поздравляли и кричали «ура». Каждый изъ присутствующихъ съ жадностью пилъ, точно желая забыться отъ долгаго созерцанія цѣлыхъ вороховъ кредитокъ, переходившихъ въ одно мгновеніе изъ рукъ въ руки.

Пилъ и Аларинъ... Онъ теперь, точно сквозь сонъ, вспоминалъ, какъ съ пьяными слезами онъ лѣзъ цѣловать Круковского и божился, больно ударяя себя въ грудь кулакомъ, что проигралъ казенныя деньги, а Круковский съ неожиданно вспыхнувшимъ взоромъ рѣзко оттолкнулъ его и сказалъ: «Ты бы, братецъ, домой ѣхалъ спать, а не болталъ пустяковъ!» Затѣмъ всѣ впечатлѣнія слились, передъ глазами заколыхался какой-то синій туманъ, и больше онъ ничего не помнилъ.

Пока всѣ эти безсвязныя сцены проносились передъ глазами Аларина, онъ сидѣлъ въ оцѣпенѣніи на своей кровати и, не отрываясь, глядѣлъ въ уголь. Какая-то громадная тяжесть обрушилась на него, завладѣла всѣмъ его существомъ и сковала ледянымъ холодомъ ужаса всѣ его нервы, всѣ умственные способности... Это было состояніе, похожее на кошмаръ, когда человекъ чувствуетъ, что ему что-то надо сдѣлать, бѣжать или крикнуть, но языкъ онѣмѣлъ, ноги не могутъ шевелиться, а грозящая опасность надвигается все ближе и ближе.

— Что же это такое?—растерянно шепталъ Аларинъ, вперяя въ какую-то далекую точку свой неподвижный, точно стеклянный взглядъ. — Неужели все, все пропало? И честь, и молодость, и свобода!.. Неужели мнѣ, Але-

Александр Егоровичу Аларину, такому славному и красивому молодому человѣку, на котораго всегда съ удовольствіемъ заглядывались женщины, — неужели мнѣ теперь всякій писарь, всякій уличный бродяга можетъ сказать въ глаза: «Ты — воръ! Да, ты — воръ, потому что укралъ казенныя деньги»? Да нѣтъ же, нѣтъ! Это — неправда! Я никогда чужой копейкой не воспользовался; я, когда еще мальчишкой былъ, куска сахару не бралъ безъ спросу... я — не воръ! Воръ крадетъ изъ нужды или изъ нежеланія работать, воръ крадетъ каждый день, и если его выбрасываютъ изъ общества, то это такъ и пужно, потому что иначе никто спокойно не могъ бы спать. Развѣ я похожъ на вора? На меня только вчера нашло проклятое затменіе, но я остался тотъ же, мнѣ ничто не мѣшаетъ жить со всѣми и приносить свою долю пользы... Не смѣйте отворачиваться отъ меня! О, Господи, помоги же мнѣ, помоги! Устрой такъ, чтобы все это былъ сонъ, ужасный... ужасный сонъ! Я сейчасъ проснусь... все окажется попрежнему... Ну, вотъ, я просыпаюсь...

И, жадно ухватившись за послѣднюю мысль, онъ, какъ безумный, кинулся къ шкатулкѣ, вывернулъ на полъ всѣ заключавшіяся въ ней бумаги и письма и принялся перерывать ихъ дрожащими руками. Ему на глаза попалась прежде всего довольно толстая, перевязанная розовой атласной лентой пачка, заключавшая въ себѣ цѣлую любовную эпопею въ письмахъ, начиная отъ официально-любезнаго приглашенія къ обѣду и кончая тѣми лаконически-страстными записками, поспѣшно набросанными неочиненнымъ карандашомъ на первомъ попавшемся лоскуткѣ, содержаніе которыхъ не рѣшится прочесть вслухъ самый испорченный человѣкъ. Всѣ эти письма, со слѣдами слезъ и чернильныхъ брызговъ, пропитанныя тонкимъ запахомъ духовъ и написанныя безобразнѣйшимъ почеркомъ, принадлежали перу одной хорошенькой вдовы,

очень эксцентричной и непостоянной особы, два года до безумія любившей Александра Егоровича, чтобы потомъ смѣнить его на капельмейстера гвардейскаго полка, котораго, въ свою очередь, замѣнилъ красавецъ-басъ изъ архіерейскихъ пѣвчихъ. Аларинъ часто, съ тайной и сладкой грустью вспоминая прошедшее, любилъ перечитывать эти посланія, но теперь они вдругъ показались ему такими ничтожными до пошлости, что, внезапно обозлившись, онъ съ силой швырнулъ всю пачку подъ кровать. Онъ заглядывалъ въ такіе уголки шкатулки, гдѣ не только не могли умѣститься одиннадцать тысячъ рублей, но было трудно спрятать простой почтовый конвертъ. Холодный потъ выступилъ уже давно на его лбу, ноги затекли и сильно болѣли, а онъ все стоялъ на колѣняхъ передъ шкатулкой, въ десятый разъ переворачивая высыпанныя вещи. Его дѣйствія были похожи на движенія утопающаго, который судорожно, но тщетно ищетъ руками какой-нибудь твердой точки.

Дверь тихо скрипнула и отворилась, и изъ нея показалась голова разсыльнаго съ пристани.

— Чего тебѣ нужно?—закричалъ Аларинъ со злостью въ голосѣ и въ ту же минуту покраснѣлъ, какъ уличенный преступникъ: ему казалось, что разсыльному уже извѣстно все, и онъ понимаетъ, чѣмъ занимался Аларинъ, стоя посреди комнаты на колѣняхъ.

— Письмо вашему благородію, — отвѣчалъ разсыльный, подавая Александру Егоровичу большой форменный конвертъ и въ недоумѣніи приготавливаясь на всякій случай къ быстрой ретирадѣ: — приказано отдать въ собственныя руки.

Аларинъ быстро оборвалъ края конверта. Онъ уже чувствовалъ смутно, что въ этомъ письмѣ кроется послѣдній, самый страшный ударъ.

«Ревизіонная комиссія правленія проситъ васъ пожало-

вать въ шесть часовъ пополудни съ имѣющимися у васъ на рукахъ казенными суммами и шнуровыми книгами для производства гласной повѣрки».

Аларинъ читалъ съ трудомъ, потому что буквы сливались въ мутныя полосы и строчки прыгали передъ его глазами. Онъ не понялъ ни одной изъ этихъ казенныхъ фразъ, не могъ даже сообразить, какую связь имѣютъ онъ съ происшествіями вчерашняго дня, но изъ глубины его души какой-то внутренній голосъ внятно и увѣренно произнесъ: «баста», и письмо вывалилось изъ рукъ.

Разсылный сначала хотѣлъ-было спросить, можно ли ему итти, но, увидѣвъ, что впечатлѣніе произведено письмомъ довольно сильное, счелъ болѣе благоразумнымъ и умѣстнымъ удалиться послѣ этого опроса.

Аларинъ не могъ стоять, потому что его ноги дрожали и подгибались; онъ черезъ силу донлеся до кровати и легъ. Онъ зналъ, что ему надо немедленно собрать разбѣгающіяся мысли, уяснить, обдумать свое положеніе и предпринять что-нибудь. Но разумъ совсѣмъ не повиновался; въ головѣ царилъ невообразимый хаосъ; все, что думалось, было чрезвычайно незначительно и совершенно не относилось къ дѣлу. Аларинъ лежалъ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, и машинально обводилъ пальцемъ узоръ, нарисованный на обояхъ, а передъ его глазами, какъ это бываетъ послѣ долгой игры, одна за другою ярко обрисовывались различныя карты: короли грозно хмурили брови, дамы съ изумленными лицами протягивали желтые цвѣтки... Аларинъ даже позабылъ о своемъ тяжеломъ положеніи, ему начало казаться, что это безразличное состояніе покоя и полудремоты, лишённое всякихъ мыслей, продолжится навсегда. Но вскорѣ холодъ, наполнившій комнату, отрезвилъ его, и онъ мало-по-малу возвратился къ дѣйствительности. Мысли опять стали вертѣться около необходимости принять какое-нибудь рѣшеніе.

Взять займы? Да вѣдь ни одинъ дуракъ не повѣритъ; вѣдь это не десять рублей, а одиннадцать тысячъ! Всякій въ глаза насмѣется, да еще за сумасшедшаго сочтетъ. Украсть? Ограбить кого-нибудь? Онъ, пожалуй, и такимъ средствомъ не побрезговалъ бы, но какъ же это дѣлается? Надо итти куда-то, подслушивать, подсматривать, подстергать, но куда же итти?

— Нѣтъ, нѣтъ, все равно, надо бѣжать, разыскивать, хотя, можетъ-быть, и ничего не вѣйдетъ! — воскликнулъ Аларинъ, вдругъ охвативъ мысленно всю безвыходность своего положенія, и поспѣшно началъ одѣваться, не подавая въ рукава пальто и страшно злясь на это.

VIII.

Когда Александръ Егоровичъ вышелъ изъ дома, короткій зимній день уже потухалъ, и на улицѣ кое-гдѣ зажигали фонари.

Первая мысль, за которую уцѣпился Аларинъ, было пойти къ Гойдбергу, извѣстному во всемъ городѣ ростовщику, снабжавшему его деньгами въ нѣкоторые критическіе моменты жизни. Хотя Гойдбергъ и бралъ невозможные проценты, а Аларинъ былъ весьма неаккуратенъ, но и кредиторъ и должникъ никогда не имѣли основанія жаловаться другъ на друга: первый во всякое время дня и ночи готовъ былъ предложить свои услуги, а второй безпрекословно соглашался на самыя трудно-выполнимыя условія. Александръ Егоровичъ напрасно старался отыскать въ карманахъ какой-нибудь завалявшійся двугривенный. Ему пришлось итти пѣшкомъ на самый конецъ города, и, когда онъ подходилъ къ невзрачной хаткѣ, въ которой обиталъ Гойдбергъ, то насилу держался на ногахъ отъ усталости. Прежде чѣмъ войти, онъ заглянулъ въ окно. Самуиль Исааковичъ Гойдбергъ, красивый, типичный еврей съ умными чертами матоваго лица,

сидѣлъ, нагнувшись надъ письменнымъ столомъ, и внимательно заносилъ въ какую-то очень толстую книгу длинныя столбцы цифръ.

Аларинъ на мгновение закрылъ глаза, имъ овладѣла внезапная слабость духа, сердце перестало биться. Но это продолжалось очень короткое время. «Э! Не все ли равно, — подумалъ онъ, съ отчаяніемъ махнувъ рукой:— хуже не будетъ!»—и стукнулъ два раза въ стекло. Гойдбергъ вздрогнулъ и устремилъ безпокойный взглядъ по направленію окошка, заслоняясь рукой отъ свѣта. Онъ долго смотрѣлъ такимъ образомъ, стараясь проникнуть въ темноту ночи, и, только когда Аларинъ повторилъ стукъ, перѣшително поднялся съ мѣста и пошелъ отворять дверь.

Александръ Егоровичъ вошелъ въ комнату, стараясь казаться спокойнымъ и самоувѣреннымъ, но отъ опытнаго взгляда ростовщика не укрылись ни блѣдность его лица, ни нервное движеніе нижней челюсти, ни тревожно бѣгающіе по сторонамъ глаза. Умный еврей тотчасъ же понялъ, что этого всегда беззаботнаго, веселаго красавца скрутили самыя затруднительныя обстоятельства...

Они усѣлись къ столу и нѣсколько минутъ въ молчаніи не отрывали взоровъ другъ отъ друга.

Гойдбергъ въ своей спеціальности былъ тонкимъ психологомъ и довелъ до виртуозности искусство незамѣтнымъ, но подавляющимъ образомъ вліять на нуждающагося человѣка. Онъ никогда не начиналъ первый щекотливаго разговора о деньгахъ, наблюдая лишь, какъ его кліентъ мнется, конфузится, еле нанизываетъ одно на другое слова и междометія и наконецъ радостно соглашается на всѣ предложенія, чтобы только покончить съ этимъ тяжелымъ состояніемъ неловкости.

— Видите ли, почтеннѣйшій Самуиль Исааковичъ, —

робко началъ Аларинъ, не выдержавшій пристальнаго взгляда и уже окончательно смущенный этимъ: — мнѣ нужно... видите ли... не можете ли вы одолжить мнѣ нѣкоторую... небольшую сумму денегъ?..

Ростовщикъ уже по одному тону, которымъ было сказано: «небольшую», догадался, что Аларину нужна громадная сумма, но лицо его не выдало этого ни однимъ мускуломъ.

— Ну, зачѣмъ же не одолжить?—отвѣтилъ онъ подобострастно. — Я вамъ съ удовольствіемъ могу дать сколько угодно!.. Вы такой аккуратный и никогда не торгуетесь. Дай Богъ, чтобы со всѣми было такъ пріятно вести дѣла, какъ съ вами. Сколько же вамъ надо?

И онъ, вопросительно глядя на Аларина, уже отпиралъ письменный столъ, какъ будто приготавлиаясь достать вексельную бумагу...

Аларинымъ опять овладѣлъ припадокъ трусости; ему почему-то показалось невозможнымъ назвать цѣликомъ такую большую сумму, какъ одиннадцать тысячъ рублей.

— Мнѣ... мнѣ... девять тысячъ, — солгалъ онъ, потупляясь и одновременно съ этимъ понявъ, какъ нелѣпа была мысль — обратиться къ Гойдбергу.

— Гм... девять тысячъ рублей? — протянулъ еврей, который самъ не ожидалъ ничего подобнаго. — Да у меня никогда и денегъ-то такихъ въ рукахъ не бывало! — прибавилъ онъ, быстро захлопывая ящикъ и запирая его на ключъ. — Нѣтъ, это невозможно, поищите гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Послѣ такого категорическаго отказа Аларину сразу стало легче, и онъ почувствовалъ себя развязнѣе.

— Слушайте, Гойдбергъ, вы должны дать мнѣ... понимаете, — должны. Иначе... чортъ знаетъ, что будетъ иначе... Я вамъ подпишу довѣренность на все свое жалованье.

Тонкая усмѣшка появилась на губахъ еврея.

— Ну, зачѣмъ же вамъ надо столько тысячъ?

Аларинъ растерялся... Онъ тщетно старался солгать, сочинить какую-нибудь исторію; какъ нарочно, ни одна правдоподобная мысль не лѣзла въ голову.

— Ахъ, чортъ побери!—воскликнулъ онъ трубо: — да не все ли тебѣ равно, дьяволъ! Давай или не давай, это твое дѣло, а не смѣй спрашивать...

— Пхе! Господинъ инженеръ думаетъ, вѣрно, что я—совсѣмъ дуракъ! Я вамъ говорю, поищите въ другомъ мѣстѣ, гдѣ деньги на полу валяются...

Нервы Аларина не выдержали. Кровь со страшной силой прилила къ головѣ.

«А что, если я схвачу его за горло, — быстрѣе молніи пронеслось въ его головѣ: — ни одна душа не услышитъ!»

И вдругъ, съ помутившимися глазами, ничего не чувствуя, кромѣ ужаснаго озлобленія, онъ кинулся на Гойдберга и въ одинъ мигъ обвинилъ своими гибкими пальцами его шею.

— Пойдите, пойдите, — захрипѣлъ поблѣднѣвшій еврей:—отпустите меня, господинъ инженеръ! Я вамъ дамъ деньги... я сейчасъ дамъ!

Аларинъ отнялъ руки, съ необыкновенной быстротой перейдя отъ безумнаго отчаянія къ еще болѣе безумной радости.

— Ну, давай, голубчикъ, давай! Неси скорѣе... Ахъ, Боже мой!.. Чего же ты меня раньше-то мучилъ?—безсмысленно твердилъ онъ, еле переводя духъ.

Гойдбергъ подошелъ къ двери, ведущей въ другую комнату, и спрятался за нее такъ, что виднѣлась только одна его голова.

— Вы съ ума сошли! — закричалъ онъ визгливымъ голосомъ: — развѣ я осель, чтобы бросать деньги?

Развѣ я не знаю, что вы вчера проигрались? А если вы будете орать, какъ пьяница, я позову полицію. Убирайтесь вонъ изъ моего дома!

Аларинъ вскочилъ со своего мѣста, но дверь моментально захлопнулась, и когда онъ схватился за ручку, то услышалъ, какъ въ замкѣ зазвенѣлъ ключъ.

IX.

Едва держась на ногахъ и шатаясь, точно разслабленный, вышелъ Александръ Егоровичъ на улицу. Было почти совершенно темно. Холодный вѣтеръ дулъ ему въ лицо, а онъ, не разбирая дороги, шелъ безсознательно впередъ въ разстегнутомъ пальто и криво надѣтой шапкѣ, изъ-подъ которой выбивались пряди мокрыхъ волосъ. Его губы бормотали бессвязныя слова, и встрѣчавшіеся съ нимъ прохожіе невольно останавливались, провожая его взорами.

Аларинъ дошелъ до бульвара и только тогда почувствовалъ страшную физическую усталость. Итти далѣе было некуда, да и зачѣмъ? Вездѣ та же холодная, пустая темнота.

Онъ усѣлся на полузанесенную снѣгомъ скамью и замеръ; нелѣпыя фантастическія мысли беспорядочно тѣснились въ его мозгу.

«Какъ зябнуть ноги!.. И спать хочется. Никуда бы отсюда не пошелъ; такъ бы и остался здѣсь навсегда... Говорятъ, пріятно замерзнуть!.. Ахъ, если бы и мнѣ!.. Вотъ такъ сидѣлъ бы, сидѣлъ бы, потомъ заснулъ бы и ничего уже, совсѣмъ ничего не чувствовалъ бы... А завтра подойдетъ ко мнѣ городской; сначала онъ все только сбоку будетъ посматривать, а потомъ тронетъ за плечо и... отскочить. Интересно, пожалѣютъ ли «они», когда объ этомъ услышатъ!»

Аларинъ не сознавалъ ясно, кто это «они», которые

услышать объ его смерти, но въ его воображеніи нарисовалась яркая картина. Онъ лежитъ въ бѣломъ газетовомъ гробу и не въ церкви, и не у себя дома, а въ той залѣ правленія, гдѣ обыкновенно собирались всякія комиссіи. Его красивое лицо блѣдно и торжественно-спокойно... Кругомъ громадная толпа... У всѣхъ на лицахъ жалость, всякій какъ будто хочетъ сказать: «Вотъ мы не понимали его страданій, не хотѣли подать ему руку помощи... а теперь уже поздно... теперь онъ больше ни въ чемъ не нуждается»

«Нѣтъ, зачѣмъ же умирать?... — подумалъ дальше Аларинъ. — Лучше достать деньги... это вѣдь такъ просто... можетъ-быть, я найду на улицѣ; другіе находятъ же!»

Ему казалось, что онъ входитъ въ ярко освѣщенную залу, ощущая около груди присутствіе толстой пачки... За длиннымъ столомъ, накрытымъ зеленымъ сукномъ, сидятъ знакомые члены правленія... Всѣ лица со злыми улыбками поворачиваются къ нему... всѣ увѣренно ждутъ, какъ онъ упадетъ на колѣни и, рыдая, начнетъ молить о пощадѣ и оправдываться. Неудовимая тѣнь презрѣнія мелькаетъ въ его глазахъ, но губы не произносятъ ни одного звука. Онъ скрещиваетъ руки на груди и молча слушаетъ обвиненіе. Когда же одинъ изъ присутствующихъ, ободренный его молчаливой неподвижностью, рѣшается вставить пошлое, оскорбительное замѣчаніе, подъ общій смѣхъ, Аларинъ не выдерживаетъ больше: крупными шагами подходитъ онъ къ столу, его глаза сверкаютъ восхитительнымъ бѣшенствомъ... Недоконченный смѣхъ мгновенно стихаетъ, всѣмъ становится жутко... неловкій острякъ робко прячется за спины своихъ товарищей... Александръ Егоровичъ отвѣчаетъ на оскорбленіе громовымъ словомъ, швыряетъ на столъ пачку денегъ и съ гордостью навсегда отказывается отъ этого развратнаго, безобразнаго обще-

ства... Впечатлѣніе громадно. Всѣ, кто только есть въ залѣ, кидаются къ нему, жмутъ ему руки, извиняются, просятъ не покидать ихъ, увѣряютъ въ дружбѣ... На глазахъ у многихъ видны искреннія слезы... но онъ, хотя и растроганъ общимъ участіемъ, почти выбѣгаетъ изъ комнаты.

Погрузившійся въ свои грезы Аларинъ не слыхалъ, что кто-то уже три раза назвалъ его по имени, и только, когда къ его плечу тихо прикоснулась чья-то рука, онъ весь задрожалъ отъ неожиданности и вскочилъ со скамейки. Передъ нимъ стояла Зинаида Павловна. На ея лицѣ, освѣщенномъ тусклымъ свѣтомъ уличнаго фонаря, были видны тревога и нѣжность.

Болѣзненно-пріятныя картины мгновенно потусклили, и изъ-за нихъ выглянула грозная дѣйствительность. Это раздражило Аларина.

— Что вамъ надо отъ меня? — слезливо закричалъ онъ. — Оставьте меня въ покоѣ!

Послѣ вчерашней бурной сцены съ Кашперовымъ Зинаида Павловна окончательно рѣшила ѣхать домой. Она уложила всѣ свои вещи, но Лиза упросила ее остаться еще на одинъ день. Съ самаго утра Зинаида Павловна чувствовала себя плохо: тоскливое предчувствіе бѣды сжимало ея сердце. Къ вечеру это угнетенное состояніе такъ усилилось, что она, не сказавъ никому ни слова, тихонько одѣлась и вышла изъ дома, думая, что свѣжій воздухъ хоть немного ободритъ ее. Ей пришлось пересѣкать бульваръ. На скамейкѣ около будки, гдѣ лѣтомъ продавали сельтерскую воду, сидѣлъ какой-то человекъ, который уперся локтями въ колѣни и опустилъ на ладони лицо. Зинаида Павловна, не отдавая себѣ отчета въ своемъ поступкѣ, движимая какимъ-то неяснымъ внутреннимъ побужденіемъ, быстро и рѣшительно подошла

къ этому человѣку. Это былъ Аларинъ. Она сильно удивилась его раздражительному окрику, но не испугалась. Увидѣвъ его разстроенное лицо, услышавъ страданіе въ его голосѣ, она поняла, что Александра Егоровича постигло какое-то страшное несчастіе.

— Зачѣмъ вы гоните меня? — спросила она съ трогательной грустью. — Я знаю, что вамъ именно теперь нужно участіе.

Она сѣла рядомъ, почти прижавшись къ Аларину, и осторожно положила руку на его плечо. Но ея задушевный тонъ, ея заботливое лицо совсѣмъ взорвали Аларина, и онъ грубо отодвинулся отъ нея.

— Ахъ, не надо мнѣ вашего участія, не нуждаюсь я въ немъ! — почти крикнулъ онъ. — Не шубу же мнѣ шить изъ вашего участія. Оставьте меня!..

— Александръ Егоровичъ, что съ вами, скажите, ради Бога? Вѣдь не изъ любопытства же я спрашиваю... Можетъ-быть, я въ силахъ...

Онъ истерически расхохотался.

— Ха-ха-ха! Боже мой, какъ все это глупо! Ну, чѣмъ же вы поможете мнѣ, если я укралъ казенныя деньги? А? Чѣмъ, я васъ спрашиваю? Или, можетъ-быть, вы пойдете и заявите въ полиціи, что деньги взяли вы, а не я? Такъ и то вамъ никто не повѣритъ...

— Александръ Егоровичъ!

— О, чортъ поebrit! Да наконецъ это неделикатно. Наблюдаютъ вы за мной, что ли? Иначе я не могу объяснить, очень ли вы наивны, или ужъ вовсе глупы до святости.

— Александръ Егоровичъ, неужели вы... украли?

Зинаида Павловна не обидѣлась на его брань; ее гораздо больше мучила мысль, что онъ, ея богъ, ея идеаль, могъ быть воромъ.

— Да вы, кажется, хотите, чортъ васъ возьми, испытывать мое терпѣніе?! — крикнулъ Аларинъ. — Что вамъ

до меня? Ну, да, укралъ... проигралъ одиннадцать тысячъ рублей. Ну, довольны вы? Если вамъ такъ нравится языкомъ разводы разводить, то выбирайте хоть другое время, а меня, пожалуйста, увольте!

Зинаида Павловна медленно поднялась со скамейки, въ ея глазахъ показались слезы. Но Аларинъ уже не могъ остановиться. Онъ только-что вошелъ во вкусъ того неизъяснимаго наслажденія, которое доставляется возможностью излить всю накопившуюся злобу на какое-нибудь беззащитное существо.

— И вы суетесь съ помощью! Да если бы вы даже вздумали продать себя, понимаете, продать себя, то вѣдь никакой идиотъ не далъ бы вамъ и двадцатой части того, что я проигралъ въ одну ставку... Что? Поняли? Въ другой разъ, я думаю, ужъ не станете великодушничать...

И, неожиданно сорвавшись со своего мѣста, онъ пошелъ по бульвару торопливыми шагами.

Зинаида Павловна глядѣла въ ту сторону, куда ушелъ Аларинъ, до тѣхъ поръ, пока въ морозномъ воздухѣ совершенно не стихли его шаги.

«Куда же онъ пойдетъ теперь? — подумала она съ ужасомъ: — что онъ станетъ дѣлать?» И вдругъ, точно отвѣчая на ея вопросъ, въ умѣ пронеслась вчерашняя самоувѣренная фраза Аларина: «Нѣкоторые предпочитаютъ въ этихъ случаяхъ спасаться бѣгствомъ, другіе пускаютъ себѣ въ лобъ пулю».

«Спасаться бѣгствомъ? — мелькнуло у нея. — Но вѣдь онъ не побѣжитъ... онъ такой гордый, самолюбивый... Онъ не сможетъ и не сумѣетъ сдѣлать сознательно ничего безчестнаго; онъ не унижится до того, чтобы выпутаться при помощи униженія или подлости... Значитъ... значитъ, остается второе!»

И, вся охваченная внезапнымъ, потрясающимъ стра-

хомъ за жизнь дорогого человѣка, уже позабывъ тѣ грубыя оскорбленія, которыя онъ ей наносилъ за минуту передъ тѣмъ, Зинаида Павловна почти побѣжала въ ту сторону, гдѣ еще слышались смутно удаляющіеся шаги Аларина, но тотчасъ же остановилась.

«Зачѣмъ? — безнадежно мелькнуло въ ея головѣ. — Чѣмъ я могу утѣшить его? Онъ опять такъ же злобно засмѣется... Господи, какую страшную муку долженъ онъ испытывать? Но чѣмъ же я могу помочь ему? Если мнѣ даже и удастся собрать какую-нибудь тысячу рублей... то вѣдь это будетъ каплей въ морѣ!.. Господи! Научи меня, просвѣти мой разумъ! Онъ для меня дороже всего въ мірѣ, и я ничѣмъ не въ состояніи удержать его... «Пулю въ лобъ...» Онъ самъ разсмѣялся, когда я спросила, не могу ли помочь... О, какой это былъ ужасный хохотъ!.. «Если вы даже продадите себя...» Онъ не понялъ и не хотѣлъ повѣрить тому, что я съ наслажденіемъ отдала бы жизнь за него, вотъ сію секунду отдала бы... А что, если и въ самомъ дѣлѣ не жизнь... а... Тотъ ужасный человѣкъ вчера... Нѣтъ, нѣтъ, это мерзко! Это такъ гадко, что Аларинъ самъ отъ меня съ отвращеніемъ отвернется, если узнаетъ... Развѣ можно отдаваться человѣку, котораго... да, котораго не нравишься? О, нѣтъ! Это — гадость, объ этомъ даже думать противно!..»

И Зинаида Павловна почувствовала, что ее всю охватила дрожь отвращенія. Но тотчасъ же въ ней снова заработала мысль:

«Ну такъ что же? Противно, и я ужъ испугалась... А это — самый вѣрный путь... Лиза говорила, что Сергѣй Григорьевичъ получилъ утромъ изъ банка много денегъ... Онъ не задумается; онъ вчера говорилъ, что отдастъ все, и, конечно, нынче отъ своихъ словъ не откажется... Значитъ, можно еще спасти Аларина...»

Страшно? Но вѣдь я собиралась даже жизнь отдать? Жизнь отдать такъ легко, это даже пріятно и красиво умереть за любимаго человѣка. Да, кромѣ того, кто же потребуетъ отъ меня моей жизни? Значить, я хвасталась? А здѣсь... отдать свою честь на поруганіе, навѣки потерять уваженіе любимаго человѣка, но спасти его, — спасти отъ ужасной смерти, которая позоромъ ляжетъ на его имя... Можно ли сдѣлать больше? А чѣмъ тяжелѣе жертва, чѣмъ меньше въ ней блеска и шума, тѣмъ достойнѣе она будетъ... Значить, и безчестья нѣтъ никакого... И развѣ это не все, что можетъ сдѣлать женщина? Значить, это можно... и даже необходимо совершить!..»

Когда Зинаида Павловна дошла до послѣдняго вывода, ей сразу стало легко, точно съ ея плечъ скатилось громадное, тяжелое время, которое долго давило ее и отъ котораго не было возможности избавиться... И, съ безповоротнo созрѣвшимъ рѣшеніемъ, она быстро пошла по направленію къ дому Кашперова.

Х.

Сергѣй Григорьевичъ, точно раненый левъ, метался по своему кабинету. Со вчерашняго вечера онъ ни на одну секунду не сомкнулъ глазъ, и чудовищныя мысли, одна другой нелѣпѣе, одна другой фантастичнѣе, тѣснились въ его пылающей головѣ. Онъ то вспоминалъ съ горечью и стыдомъ свое вчерашнее безумное поведеніе, мысленно называя себя подлецомъ, то терзался сожалѣніемъ, что устроилъ все такъ неловко и неумѣло, «какъ мальчишка, какъ школьникъ». Онъ осыпалъ проклятіями ни въ чемъ неповинную, кроткую дѣвушку и тотчасъ затѣмъ готовъ былъ молиться на ея чистый, свѣтлый образъ, всю ночь съ яркостью носившійся предъ его духовными очами. У него, умѣвшаго всю свою жизнь под-

чинять всѣхъ своей волѣ, никогда не колебавшагося и всегда знавшаго напередъ, что ему надо предпринять въ какихъ бы то ни было случайностяхъ, теперь сбились въ одну безобразную кучу понятія о честномъ и печестномъ, о возможномъ и невозможномъ. И надъ всѣмъ этимъ хаосомъ господствовало одно тяжелое сознаніе того, что Зинаида Павловна уѣзжаетъ изъ его дома, унося съ собою одно только гадливое чувство къ нему.

«Ну, чѣмъ же можно остановить ее? — думалъ Кашперовъ, нервно шагая взадъ и впередъ по кабинету и злобно отшвыривая ногой попадавшіеся по дорогѣ стулья:—вѣдь не могу же я запереть ее? Извиниться? Невозможно!—она меня и слушать не станетъ; она охотиѣе будетъ объясняться съ бѣшенымъ волкомъ, чѣмъ со мною. Да и я не сдержусь, я знаю... вѣдь отъ однихъ ея шаговъ меня уже бросаетъ въ лихорадочную дрожь. Развѣ написать ей?..»

Эта мысль была самой подходящей къ теперешнему положенію дѣла, и Кашперовъ тотчасъ же принялся за ея исполненіе.

Но едва только онъ обмакнулъ перо въ черпильницу, какъ дверь кабинета быстро отворилась. Кашперовъ, недовольно нахмуривъ брови, обернулся назадъ, готовясь крикнуть на вошедшаго не вѣ-время лакея, но такъ и остолбенѣлъ съ полуоткрытымъ ртомъ: передъ нимъ, блѣдная и взволнованная, съ горящими глазами, стояла сама Зинаида Павловна.

Кашперовъ сразу, инстинктивно, догадался, что сейчасъ произойдетъ нѣчто особенное и неожиданное. У него захватило дыханіе.

— Что съ вами, Зинаида Павловна? — тревожно спросилъ онъ, поднимаясь со своего мѣста: — вы чѣмъ-то потрясены?

Она хотѣла, не медля ни секунды, сказать ему о цѣли

своего прихода, по ея губы шевелились, не издавая ни одного звука...

«Неужели я сама скажу объ «этомъ»? — въ нѣмомъ страхѣ думала Зинаида Павловна: — такъ прямо, глядя ему въ глаза... громко? Какъ это подѣйствуетъ на него? Чтò онъ скажетъ? А вдругъ онъ расхохочется мнѣ въ лицо, или, можетъ-быть, какъ и вчера, бросится ко мнѣ красный, съ мутными глазами, съ пѣной у рта?»

Однако отступать было уже поздно, и хотя сознание неизбежности объясненія ужасало Зинаиду Павловну, но она уже знала, что отъ принятаго рѣшенія не откажется.

— Да скажите же, ради Бога, Зинаида Павловна, чтò съ вами случилось? Не мучьте меня! — продолжалъ взволнованнымъ голосомъ спрашивать Сергѣй Григорьевичъ, не дождавшись отвѣта.

Силы совершенно покинули Зинаиду Павловну, она не могла больше стоять и невольно опустилась, почти упала въ кресло.

— Вотъ чтò, Сергѣй Григорьевичъ, — раздался наконецъ ея слабый, совсѣмъ большой голосъ: — вы вчера... предлагали мнѣ одну вещь... Это правда... я не понимала, чтò значитъ богатство... а теперь... я согласна... Дѣлайте со мной, чтò хотите... Только, ради Бога, скорѣй... мнѣ нужны деньги... очень, очень много денегъ...

Она говорила точно въ бреду, все болѣе и болѣе блѣднѣя, и когда кончила, то до крови закусилла нижнюю губу и, съ страшнымъ выраженіемъ мольбы и отвращенія на лицѣ, подняла взоръ на Кашперова... Ихъ взоры встрѣтились и, точно повинуюсь какой-то очаровывающей магнитической силѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ не могли разойтись... Сергѣй Григорьевичъ былъ бы гораздо меньше ошеломленъ, если бы въ этотъ пасмурный январскій вечеръ надъ его головою ударилъ раскатъ грома... Сидѣвшая передъ нимъ блѣдная, какъ

смерть, дѣвушка, которую онъ считалъ такой чистой и недосягаемой, такой чуждой будничной житейской грязи, сама пришла къ нему въ комнату и предложила себя за деньги. Или, можетъ-быть, онъ страшно ошибался въ ней? Можетъ-быть, ей уже не чуждо сознание всеильности денегъ, и она, какъ и всѣ, пресмыкается передъ ними? Неужели она, ничѣмъ незапятнанная физически, уже дошла однимъ своимъ развратнымъ воображеніемъ до паденія, до позора?..

Кашперовъ съ напряженной пытливостью впился въ глаза Зины, какъ будто желая ворваться черезъ нихъ въ душу и прочесть тамъ все, — все, до тѣхъ темныхъ, мелькающихъ лишь на мгновеніе въ человѣческомъ мозгу мыслей и ощущеній, которыя, какъ подводные гады, шевелятся въ самой глубинѣ ея тайниковъ.

«Сколько въ ея лицѣ страданія, — быстро пропеслось въ его головѣ: — вѣрно, она тяжелымъ путемъ дошла до своего ужаснаго поступка, путемъ борьбы, бессонныхъ почей... Понятно, ей не легко; вѣдь она не знаетъ, разсмѣюсь ли я надъ ней, или даже обойдусь, какъ съ продажной тварью... Хорошо! Но почему же такое брезгливое выраженіе? Точно наступила ногой на змѣю... Господи! Да вѣдь она и не хочетъ скрывать своего отвращенія ко мнѣ... Нѣтъ! Это что-то не такъ. Точно жертва, ведомая на закланіе, да еще такая жертва, что своего палача всѣми силами души презираетъ и вовсе не боится... А что, если дѣйствительно кому-нибудь эта жертва понадобилась, а она по своей святости обрадовалась и...»

И Кашперова неожиданно охватило злое чувство. Ему страстно захотѣлось грубой насмѣшкой оскорбить Зинаиду Павловну, отомстить и за отвращеніе, противъ воли выражавшееся на ея лицѣ, и за острое ощущеніе стыда и замѣшательства, которое онъ испытывалъ цѣлыя сутки.

— Сколько же вамъ, собственно, нужно?

Вопросъ былъ предложенъ холоднымъ, совершенно безучастнымъ тономъ.

Кашперовъ скорѣе догадался по движенію губъ Зинаиды Павловны, чѣмъ услышалъ ея отвѣтъ.

— Одиннадцать тысячъ? Гм... гм... у васъ недурные аппетиты... Интересно, для какой цѣли опѣ вамъ понадобились, и почему вы выбрали именно эту маленькую, но опредѣленную сумму? Я долженъ сказать вамъ только одно, что вы себя очень дешево оцѣнили; надо было взять дороже...

Кашперовъ съ мучительной ясностью сознавалъ, сколько грошоваго мѣщанства, сколько животнаго сознанія своей минутной силы слышалось въ его тонѣ. Онъ самъ глубоко страдалъ отъ этого тона и въ то же время чувствовалъ необыкновенную жалость къ оскорбляемой дѣвушкѣ; но какой-то слѣпой и безпощадный духъ самовольно управлялъ въ немъ его поступками.

Зинаида Павловна продолжала молчать и только все крѣпче и крѣпче прижимала руки къ шибко бьющемуся сердцу.

— Говорите же, для чего вамъ нужны деньги? — простоналъ Кашперовъ.

— Этого я вамъ никогда не скажу!

Ея слова звучали твердой рѣшительностью. Она охотнѣе позволила бы изрѣзать себя на куски, чѣмъ присоединить къ своему позору дорогое имя.

Но Кашперовъ все понялъ и весь задрожалъ отъ внезапнаго прилива жгучей ревности. Губы его закривились злобной улыбкой...

— Хорошо, я исполню ваше желаніе. — Онъ быстро подошелъ къ столу, взялъ съ него запечатанную и завернутую въ бумагу колоду картъ и протянулъ ее Зинаидѣ Павловнѣ. — Здѣсь немного болѣе, чѣмъ вамъ нужно. Только, пожалуйста, не благодарите...

Но онъ не успѣлъ еще сознательно насладиться торжествомъ этой грубой мести, какъ произошло что-то совершенно необыкновенное. Зинаида Павловна вдругъ вся естественно перегнулась, порывисто упала съ кресла на колѣни, и въ то же мгновение Кашперовъ ощутилъ на своей правой рукѣ горячее прикосновеніе ея губъ.

Густая краска стыда залила лицо Сергѣя Григорьевича, — онъ сразу понялъ и почувствовалъ на себѣ всю гнусную жестокость, всю неумѣстность своего озлобленнаго издѣвательства и, весь охваченный порывомъ безграничнаго раскаянія, повалился на диванъ лицомъ, крѣпко охвативъ руками голову. Все его могучее тѣло сначала только тряслось и вздрагивало; потомъ онъ не въ силахъ былъ сдерживаться, и Зинаида Павловна услышала громкія судорожныя рыданія, вырвавшіяся изъ его груди.

— Простите... Простите меня... — задыхаясь и захлебываясь, воскликнулъ Кашперовъ: — дорогая моя! Я точно палачъ, точно убійца... Какъ я могъ?.. Вы... святая... святая...

Она ничего не могла понять и растерянно глядѣла то на него, то на колоду картъ.

— Я васъ обманулъ! — продолжалъ сквозь рыданія Кашперовъ: — обманулъ такъ пошло, такъ бессмысленно... Простите ли вы меня?

Если слезы всегда способны вызывать сочувствіе, то слезы крѣпкаго, сильнаго мужчины производятъ положительно потрясающее впечатлѣніе. Зинаида Павловна подошла къ нему и осторожно провела рукой по его головѣ... Сергѣй Григорьевичъ справился наконецъ со своими нервами и поднялся съ дивана. Его заплаканные и нѣсколько опухшіе отъ слезъ глаза смотрѣли на Зинаиду Павловну съ такой ласковой грустью, что она невольно почувствовала жалость.

Кашперовъ выдвинулъ одинъ изъ ящичковъ письменнаго

стола, и нѣсколько времени въ кабинетѣ среди гробового молчанія слышалось только шуршаніе бумаги. Онъ отсчиталъ изъ полученныхъ утромъ денегъ требуемую сумму, обернулъ ее въ листъ бѣлой бумаги и перевязалъ шнуркомъ.

— Вотъ, возьмите, здѣсь ровно одиннадцать тысячъ, — сказалъ онъ, протягивая пачку Зинаидѣ Павловнѣ и глядя куда-то въ сторону: — идите... идите скорѣе...

У Зинаиды Павловны кружилась голова, и передъ глазами ходилъ какой-то туманъ. Она машинально взяла деньги и направилась къ двери, но Кашперовъ остановилъ ее.

— Прислушайте! Я, конечно, не смѣю ни о чемъ расспрашивать, но, прошу васъ, скажите этому человѣку: если онъ не сумѣетъ оцѣнить вашъ поступокъ, значитъ... Понимаете ли вы, — добавилъ онъ съ горячимъ чувствомъ: — это — великій подвигъ, самый великій, на который когда-либо рѣшалась женщина.

Зинаида Павловна безъ словъ протянула ему руку, и они оба въ первый разъ смѣло и дружелюбно взглянули другъ другу въ глаза.

XI.

Зинаида Павловна вышла на улицу. Всѣ предшествовавшія обстоятельства такъ сильно и удручающе повліяли на нее, что она двигалась, точно во снѣ, крѣпко прижимая къ груди пачку съ деньгами. Она совершенно не различала дороги и, навѣрно, шла бы впередъ до изнеможенія, если бы ей не попался навстрѣчу извозчикъ.

— Барышня! Прокатайте на шведочкѣ полтинничекъ!

Зинаида Павловна только тогда вспомнила, что ей должно быть дорого каждое мгновеніе; она сѣла въ сани и заторопила извозчика:

— На пристань! Только, ради Бога, скорѣе... скорѣе!.. Вы получите на чай.

«Ванька» принялся усердно нахлестывать свою лошадежку. Тревожно-мучительныя думы овладѣли Зинаидой Павловной и точно вихрь закружились въ ея головѣ.

«Господи! Только бы ей не опоздать! А вдругъ... она входитъ, а на кровати лежитъ Аларинъ... скорчившійся, съ окровавленнымъ лбомъ. Но, можетъ-быть, онъ изъ гордости отвергнетъ ея помощь, и его кровь вѣчнымъ несмываемымъ пятномъ ляжетъ ей на душу?.. О, нѣтъ, нѣтъ! Она расскажетъ ему, какъ онъ дорогъ и близокъ для нея, она найдетъ такія слова, противъ которыхъ нельзя устоять... Имѣйте вѣру съ горчичное зерно... Господи! Что, если я опоздаю?»

— Да погоняйте же, пожалуйста, — безпрестанно твердила она извозчику, который вмѣстѣ съ клячонкой надрывался изъ послѣднихъ силъ, удивляясь нетерпѣнію барышни.

Наконецъ сани остановились передъ громаднымъ домомъ портоваго управленія. Зинаида Павловна быстро выскочила, сунула въ руку извозчику рубль и остановилась въ раздумьѣ на тротуарѣ. Она не знала, куда ей идти.

У воротъ, завернувшись въ новый дубленый полушубокъ, точно каменное изваяніе, неподвижно сидѣлъ дремавшій дворникъ. Зинаида Павловна рѣшилась подойти къ нему.

— Послушайте, любезный, гдѣ здѣсь квартира инженера Аларина?

Дворникъ, не приподнимаясь съ мѣста, пробормоталъ что-то непонятное.

— Послушайте! я васъ спрашиваю, гдѣ живетъ Александръ Егоровичъ Аларинъ?

Въ голосѣ Зинаиды Павловны слышалось столько настойчивости, столько страстнаго нетерпѣнія, что дворникъ

удостоилъ наконецъ ее болѣе внимательнымъ взглядомъ; но, повидимому, впечатлѣніе, произведенное этимъ осмотромъ, было не изъ благопріятныхъ, потому что изваяніе въ тулупѣ произнесло заржавленнымъ голосомъ:

— А тебѣ чего нужно?

Зинаида Павловна, всегда робкая и неумѣлая въ обращеніи съ прислугой, совсѣмъ вышла изъ себя.

— Какъ вы смѣете разговаривать? Это не ваше дѣло наконецъ... Я васъ спрашиваю, и вы должны отвѣтить!

Дворникъ почему-то нашелъ необходимымъ оскорбиться до глубины души и вознегодовать.

— Ишь ты, какая строгая, подумаешь! Какъ это такъ не мое дѣло? Вашего брата много къ холостымъ господамъ бѣгаетъ, а потомъ, глядишь, пропадетъ ложка серебряная или часы, кто отвѣчаетъ? Небось, не ты! Тебя и слѣдъ давно простылъ, а меня по шапкѣ! Не мое дѣло!.. Нѣтъ, братъ, шалишь, коли я здѣсь соблюдать приставленъ...

Зинаида Павловна быстро вынула изъ кармана портмоне и высыпала на ладонь всѣ имѣвшіяся въ немъ монеты.

— Вотъ пѣте вамъ, возьмите, — сказала она, желая прервать потокъ его краснорѣчія: — только прошу васъ указать квартиру господина Аларина!

— Это другое дѣло, — произнесъ, неожиданно смягчаясь, строгій блюститель порядка. — Вы, барышня, ступайте, значить, прямо все и въ первый проулочекъ сверните. Отсчитаете по лѣвой рукѣ седьмой домикъ, тамъ и есть ихъ квартира. Домикъ эфтотъ, значить, парходнаго машиниста, а они, т.-е. господинъ Аларинъ, у него квартиру снимаютъ. На ихней двери дощечка такая съ чиномъ и фамиліей прибита, увидите сами...

Зинаида Павловна, дрожа отъ волненія, быстро пошла по указанному направленію. Она страшно боялась опоздать; ей казалось, что въ этомъ случаѣ на нее

одну падеть вся отвѣтственность въ чудовищномъ дѣлѣ, которое она сама боялась назвать настоящимъ именемъ. Наконецъ она достигла указанного дворникомъ невзрачнаго одноэтажнаго дома. Вотъ и дверь... Только есть ли дощечка съ фамиліей? На дворѣ такая темнота, что въ двухъ шагахъ ничего невозможно разобрать.

Она протянула руку, ощупала чугунную дощечку и ручку звонка и сказала себѣ: «Значить, здѣсь!».

Медлить было некогда; Зинаида Павловна два раза кряду дернула изо всѣхъ силъ ручку. За дверью послышалось быстрое шлепанье туфель, и старческій голосъ, прерываемый удушливымъ кашлемъ, спросилъ:

— Кто тамъ?

— Мнѣ надо немедленно видѣть Александра Егоровича Аларина, — нетерпѣливо крикнула Зинаида Павловна: — отворите, я не могу стоять на морозѣ.

Послышались стукъ и визжаніе отодвигаемаго засова, и дверь отворилась... Передъ Зинаидой Павловной предстала въ ночномъ бѣльѣ и туфляхъ на босую ногу старая, но бодрая и чрезвычайно худая женщина, съ горящею свѣчой въ рукѣ. Изъ-подъ коричневаго платка торчали по плечамъ двѣ жиденскія зеленовато-сѣдыя косички.

— Для чего это вамъ понадобился въ такую пору Александръ Егоровичъ? — недружелюбно спросила старуха, искоса подозрительно оглядѣвъ съ ногъ до головы вошедшую..

Это любопытство окончательно взорвало Зинаиду Павловну.

— Ахъ, не все ли вамъ равно? — крикнула она сердито. — Конечно, если бы не было нужно, такъ я въ такую пору не пріѣхала бы.

Старуха недовѣрчиво и грустно покачала головой.

— Пожалуйста, — сказала она, тяжело вздыхая и ука-

зывая на небольшую, обитую войлокомъ дверь: — идите прямо, они еще не спятъ въ это время...

Зинаида Павловна, не останавливаясь ни на одну секунду, быстро подошла къ двери и еще быстрее отворила ее.

ХII.

Аларинъ, покинувъ на бульварѣ оскорбленную имъ Зинаиду Павловну, шелъ машинально, безъ всякой определенной цѣли, до тѣхъ поръ, пока не очутился противъ своей собственной квартиры, и невольно удивился этому. Онъ ни теперь ни въ болѣе позднее время не могъ понять и разобратъся въ безобразномъ хаосѣ мыслей, которыя тѣснились въ его головѣ, когда онъ шелъ домой. Растрата казенныхъ денегъ... судъ... арестантскій халатъ... каторга и наконецъ, что было ужаснѣе всего, полнѣйшая безпомощность.

Въ глубинѣ души Аларинъ смутно чувствовалъ, что какой-то выходъ есть, что изъ этого тяжелаго положенія можно выбратъся, но самъ боялся отнестись къ этому неясному представленію сознательнѣе. Онъ весь содрогнулся отъ ужаса, когда наконецъ понялъ, въ чемъ заключается выходъ, какъ-то сразу обрисовавшійся въ его воображеніи въ той странной вещи, которая висѣла на стѣнномъ коврѣ надъ его кроватью. Это былъ револьверъ Смита и Вессона, подарокъ одного гвардейскаго офицера, хорошаго пріятели Александра Егоровича.

Аларинъ содрогнулся, но тотчасъ съ жадностью уцѣпился за мысль о самоубійствѣ.

«Развѣ это такъ трудно?—размышлялъ онъ, подвигаясь бессознательно впередъ: — боль мгновенная, зубъ вырвать, пожалуй, больнѣе, потому что, если человѣкъ живетъ, то еще долго чувствуетъ нервное отраженіе

боли. Вотъ тѣ, которыхъ на войнѣ ранили, говорятъ, какъ будто сильный толчокъ, а потомъ горячо сдѣлается, какъ если бы облили рану кипяткомъ. Значить, нужно только усиліе — надавить на собачку: ударъ, блескъ — и кончено. А потомъ? Потомъ ничего, совсемъ какъ есть ничего! Вѣдь пріятно послѣ долгой, трудной дороги лечь на кровать и вытянуть ноги... Нѣтъ въ мірѣ лучшаго ощущенія! А здѣсь покой еще глубже, еще блаженнѣе... Чего же метаться и отчаиваться? Кому меня будетъ жаль? Безъ матери, безъ отца, одинъ... Кому же до меня есть дѣло? Развѣ только эта малокровная барышня? Да что она мнѣ? Если бы эта дѣвчонка умерла, я и ухомъ не повелъ бы. Мало ли народу каждый день умираетъ?»

Онъ вошелъ въ свою комнату, не снимая пальто и фуражки, зажегъ лампу и тотчасъ же снялъ съ гвоздя большой, вороненой стали, револьверъ. Во всѣхъ шести гнѣздахъ торчали мѣдныя шляпки патроновъ.

«Писать ли записку? Нужно что-нибудь оригинальное... Вѣдь завтра всѣ будутъ читать въ газетахъ... Какъ это будетъ неожиданно для всѣхъ! Жилъ между ними человекъ, ходилъ, смѣялся, разговаривалъ, принималъ участіе въ ихъ бессмысленномъ прозябаніи, — и вдругъ сталъ безмолвной, холодной вещью... А главное, умеръ, презирая всю эту жестокую, суетную толпу... Что подумаетъ Круковскій? Ему, навѣрно, станетъ совѣстно и страшно. Развѣ и про него упомянуть въ запискѣ? Нѣтъ, это гадко, это будетъ ненужной местию, — пусть онъ самъ считается со своею совѣстью».

Аларинъ схватилъ листъ почтовой бумаги и быстро, безъ помарокъ, написалъ предсмертную записку:

«Я, вслѣдствіе рокового сщѣпленія обстоятельствъ, проигралъ казенныя одиннадцать тысячъ рублей. Какъ это ни покажется страннымъ, но виновнымъ я себя не при-

знаю. Прощаться не съ кѣмъ и не для чего. Александръ Аларинъ».

Эта записка была его местию тому обществу, которое онъ почему-то обвинялъ въ своемъ несчастіи. Онъ перечиталъ ее два раза и съ удовольствіемъ нашелъ свои слова выразительными по ихъ силѣ и сжатой краткости.

Неугомонное воображеніе опять принялось рисовать другія картины. Аларинъ какъ будто уже видѣлъ то впечатлѣніе, которое произведетъ его самоубійство, видѣлъ, какъ знакомые будутъ толковать объ этомъ, говоря таинственнымъ шопотомъ и удивляясь громадной волѣ Александра Егоровича, а онъ самъ, никѣмъ незримый, присутствуетъ среди нихъ, наслаждаясь ихъ разговорами.

Взводимый курокъ два раза сухо и коротко щелкнулъ. Аларинъ кистью лѣвой руки крѣпко охватилъ дуло, чтобы оно не дрожало, положилъ большой палецъ правой руки на собачку и прикоснулся холодной сталью къ правому виску. Это ощущеніе холода мгновенно передалось всему тѣлу.

«Неужели всегда будетъ такъ же холодно? — весь содрогнувшись, подумалъ Аларинъ: — холодно... темно... словно въ закрытомъ погребѣ... брр... жутко! Не лучше ли въ сердце? Говорятъ, бывали случаи, что выстрѣлъ происходилъ какъ разъ въ то время, когда сердце сжималось. Пуля только на волосъ пролетитъ, не тронувъ... живъ останешься... Да, въ сердце лучше. Или, можетъ-быть, взять немного выше? Не такая вѣрная смерть»

И вдругъ, поймавъ себя на этихъ гаденькихъ мысляхъ, Аларинъ покраснѣлъ и обозлился.

«Эхъ, ты, шарлатанъ, — обругалъ онъ себя: — и въ эту минуту безъ хвастовства и ломанія не обойдешься! Куда тебѣ стрѣляться, трусишка? Да вѣдь ты согласился бы владеть жизнью цѣпной собаки, только бы жить... О впечатлѣніи заботишься! Нѣтъ, братъ, коли хочешь умереть,

такъ всоси въ себя мысль о ничтожествѣ, привыкни къ тому, что не только темноты погребѣ, а ровно ничего не будетъ, — ничего, ни свѣта, ни темноты, ни времени, ни пустоты даже. Ничего! О, какой ужасъ!»

Онъ медленно положилъ на столъ револьверъ и, опершись подбородкомъ на ладони, уставился на огонь лампы. Блестящая точка приковала его взглядъ. Онъ не могъ отвести отъ нея неподвижныхъ глазъ, между тѣмъ какъ всѣ окружающіе предметы темнѣли, сливались въ однообразную сѣрую массу и уходили куда-то далеко.

За стѣной послышался пьяный голосъ машиниста, хозяина домика, въ которомъ квартировалъ Александръ Егоровичъ. Этотъ честный, но подверженный слабости къ обильнымъ возліаніямъ, малый считалъ своимъ священнымъ долгомъ наливаться каждый свободный вечеръ до состоянія полного блаженства и горланить самыя чувствительныя пѣсни.

Аларинъ сталъ прислушиваться.

„Ахъ, распился, разгулялся
Молодой приказчикъ;
Онъ склонилъ свою головку
На хозяйскій ящикъ“.—

пѣлъ машинистъ.

Лицо Александра Егоровича искривилось злобой. Онъ слышалъ не разъ и хорошо зналъ эту безобразную трагирную пѣсню, въ которой описывались приключенія молодого приказчика, ограбившаго хозяйскую кассу.

„Онъ расчету не сдавалъ:
Сколько кому на-адо!“ —

продолжалъ гнусавить машинистъ, съ пьяной отчетливостью выдѣлывая каждую ноту.

— О, чортъ побери! — дико прошепталъ Аларинъ, глядя на огонь очарованными, немигающими глазами:—вѣдь и я—такой же приказчикъ. Распился и разгулялся. И мнѣ

теперь всякій пьяный машинист плюнетъ въ лицо, а можетъ-быть, и пѣсно еще сложить: что вотъ-де проигрался молодой инженерикъ... Да развѣ я теперь инженеръ? Вѣдь я—кандидатъ въ арестантскія роты. Нѣтъ, такъ нельзя! Неужели у меня не хватитъ духа? Вѣдь только одну незначительное усилие, а тамъ уже все равно, что будутъ пѣть, что будутъ говорить... Надо только поймать въ себѣ моментъ рѣшимости... и баста!

Онъ опять взялъ револьверъ и приставилъ его къ виску.

— Ну, разъ, два...

Онъ попрежнему, не отрывая взора отъ яркой огненной точки, медлилъ сказать «три», и еще самъ не зналъ: дѣйствительно ли въ немъ созрѣла рѣшимость, или онъ опять только ломалъ комедію.

Въ это время сзади его послышался отчаянный, потрясающій крикъ. Чья-то рука быстро выхватила револьверъ, тотъ съ грохотомъ покатился по полу, и Аларинъ увидѣлъ Зинаиду Павловну, почти въ обморокъ, безсильно опустившуюся на диванъ.

Прошло нѣсколько минутъ напряженнаго молчанія.

— Чего вы хотите отъ меня дожидаться? — закричалъ наконецъ внѣ себя Александръ Егоровичъ и ударилъ по столу кулакомъ съ такой силой, что стоявшая на немъ лампа закачалась и задрезжала.

Зинаида Павловна молча положила на столъ бумажную пачку, которую до тѣхъ поръ крѣпко сжимала въ рукѣ.

Аларинъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ сначала на пачку, потомъ на нее, потомъ снова на пачку; онъ еще не понималъ, въ чемъ дѣло, но въ его душу вдругъ хлынула волна безотчетной восторженной радости.

— Что же это такое? — спросилъ онъ сдавленнымъ шепотомъ, дрожащими руками развязывая шнурокъ.

И вдругъ, уже совсѣмъ не владея собою, Александръ Егоровичъ разразился захлебывающимся, безумно-радост-

нымъ смѣхомъ. Передъ его глазами мелькали одна за другой и шелестѣли въ рукахъ пестрыя радужныя сторублевки, красныя и сѣрыя процентныя бумаги съ крупными тысячными надписями, серіи... Онъ нѣсколько разъ принимался пересчитывать, сбивался, начиналъ считать снова и совершенно позабылъ о присутствіи Зинаиды Павловны. Для него въ эти блаженные минуты возвращенія отъ смерти и отчаянія къ жизни все въ мірѣ, кромѣ лежавшихъ передъ нимъ денегъ, потеряло стѣимость и значеніе. Его лицо приняло жадное, почти звѣрское выраженіе, глаза сверкали, на лбу выступили крупныя капли пота.

Зинаида Павловна съ пытливымъ вниманіемъ наблюдала за всѣми измѣненіями фізіономіи Аларина; она съ ужасомъ чувствовала, что въ ней, въ самой глубинѣ ея души, зарождается и шевелится какое-то смутное чувство презрѣнія къ этому необузданному проявленію инстинкта жизни. Ея щепетильная натура возставала противъ чего-то животнаго, низменнаго, такъ неожиданно проявившагося въ человѣкѣ, котораго она возвела на самую высокую ступень идеала. Она еще не умѣла разобраться въ своихъ новыхъ ощущеніяхъ, не могла оформить ихъ, какъ слѣдуетъ, но въ эти двѣ или три минуты разрушалось и гибло ея увлеченіе, — увлеченіе, вызванное скорѣе разсудкомъ и жалостью, чѣмъ силой страсти.

Аларинъ наконецъ съ трудомъ пересчиталъ билеты: ихъ было на сто рублей больше, чѣмъ нужно, и только тогда у него мелькнула мысль: — откуда же они взялись?

Онъ вспомнилъ о присутствіи Зинаиды Павловны, порывисто подошелъ къ ней, желая высказать свою великую радость, но вспомнилъ сцену на бульварѣ и весь поблѣвелъ.

— Зинаида Павловна, эти деньги... — Александръ Егоровичъ хотѣлъ было спросить, кому онѣ предназначаются,

но этотъ вопросъ показался ему черезчуръ грубымъ. — Откуда вы достали ихъ? — добавилъ онъ и, уже произнеся эти слова, сообразилъ, что сдѣлалъ еще большую безтактность.

Голова Зинаиды Павловны горѣла, руки были холодны, какъ ледъ. Нервы положительно отказывались слушаться, и ея отвѣтъ, противъ воли, вышелъ сухъ, почти презрителенъ:

— Возьмите ихъ себѣ. И прошу васъ объ одномъ, — никогда о нихъ не вспоминайте!

Но Аларинъ, обыкновенно чуткій ко всякому оттѣнку въ тонѣ и всегда умѣвшій за словами улавливать истинное настроеніе человѣка, на этотъ разъ совершенно утратилъ и эту способность и ту границу въ изъявленіи чувства, которая отдѣляетъ истинное увлеченіе отъ натянутой фальши.

— Какъ мнѣ благодарить васъ? — заговорилъ онъ съ неправдоподобнымъ жаромъ, схвативъ и крѣпко сжавъ обѣ руки Зинаиды Павловны. — Знаете ли вы, что вы для меня сдѣлали? Вы спасли меня отъ суда, отъ вѣчнаго позора. Значитъ, я не даромъ въ васъ чувствовалъ съ перваго же знакомства что-то родственное. Господи! Вы мнѣ жизнь возвратили, жизнь! Поймите, что я снова стану въ глазахъ общества порядочнымъ человѣкомъ, а не воромъ...

Смутное чувство презрѣнія все болѣе и болѣе нарастало въ душѣ Зинаиды Павловны. Аларинъ начиналъ казаться ей чѣмъ-то маленькимъ, жалкимъ и лживымъ.

«Для чего же онъ про родственное участіе говоритъ? Лучше бы вспомнилъ, какъ гадко смѣялся на бульварѣ...» — мелькнуло у нея.

Она неожиданно вырвала у него свои руки и поднялась съ дивана.

— Я васъ просила не говорить объ этомъ больше...

Аларинъ опять не понялъ ни ея брезгливаго жеста ни сухого тона.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Дорогая моя, вы должны выслушать меня, я не могу не говорить. Мнѣ кажется, я готовъ кричать на весь міръ отъ радости. Если только найдется хоть что-нибудь, чѣмъ бы я могъ...

Зинаида Павловна не слушала его, занятая новой мыслью, которая пришла ей въ голову.

— Позвольте, я предложу вамъ одинъ вопросъ, — холодно прервала она расходившагося Аларина.

— Говорите, говорите, ради Бога!..

Онъ лицомъ и всей своей фігурой изобразилъ неестественное, подобострастное вниманіе, которое показалось Зинаидѣ Павловнѣ чрезвычайно гадкимъ.

— Вы, конечно, возвратите эти деньги, — сказала она значительно: — но, я думаю, вы также признаетесь во всемъ, расскажете о своемъ проигрышѣ?

Она ухватила за этотъ вопросъ, какъ за послѣднее средство, чтобы убѣдить себя въ ошибочности новаго мучительнаго впечатлѣнія, которое производилъ на нее Аларинъ.

«Можетъ - быть, онъ только въ первое время такъ гадко обрадовался деньгамъ и не умѣлъ справиться съ этимъ чувствомъ?» — думала она, съ нетерпѣніемъ дожидаясь его отвѣта.

Александръ Егоровичъ совсѣмъ вытаращилъ глаза. Онъ серьезно подумалъ, что эта дѣвушка начинаетъ сходить съ ума.

— Зачѣмъ? Деньги я, конечно, возвращу, но вѣдь никто не знаетъ, что я вчера проигралъ казенныя деньги. Для чего же мнѣ портить свою репутацію?

— Репутацію? — съ горькой ироніей переспросила Зинаида Павловна едва слышнымъ голосомъ и, окинувъ Аларина съ ногъ до головы презрительнымъ взглядомъ, повернулась и, шатаясь, пошла къ дверямъ.

— Куда вы, Зинаида Павловна? Что съ вами? — заторопился изумленный Аларинъ. — Позвольте, я вамъ хотя извозчика отыщу!

— Оставьте меня! — рѣзко оборвала Зинаида Павловна. — Вы такой же, какъ и всѣ... Вы гадки мнѣ... Оставьте меня!

Аларинъ такъ и застылъ на мѣстѣ, прислушиваясь къ ея частымъ, неровнымъ шагамъ, раздававшимся въ коридорѣ.

ХІІІ.

Ни одного извозчика, ни одного прохожаго не попадалось на пустынныхъ улицахъ. Суровый, пронизывающій до костей вѣтеръ съ бѣшеной силой обдавалъ все лицо Зинаиды Павловны колючими ледяными иглами; давно промокшія калоши и ботинки едва держались на ногахъ, а она въ какомъ-то забытьѣ шла машинально той же дорогой, по которой пріѣхала на квартиру Аларина. Ея голова сильно болѣла, кровь напряженно билась въ вискахъ, руки и ноги отказывались повиноваться, и мысли путались самымъ фантастическимъ образомъ. Она не помнила, какъ дошла до дому и какъ позвонила у подъѣзда. Навстрѣчу ей выбѣжалъ самъ Кашперовъ. Онъ съ самаго ухода Зинаиды Павловны ходилъ не переставая по комнатамъ въ тревожномъ безпокойствѣ, которое все усиливалось по мѣрѣ того, какъ продолжалось ея отсутствіе. По телефону онъ уже узналъ подробно о вчерашнемъ проигрышѣ инженера и теперь строилъ разные предположенія, безпокоясь за ея слабость и неопытность, терзался ревностью, воображая себѣ картину ея свиданія съ Аларинымъ, и уже собирался итти разыскивать ее, какъ вдругъ въ передней послышался слабый звонокъ. Сергѣй Григорьевичъ, не успѣвъ даже надѣть шляпу, сбѣжалъ съ лѣстницы и какъ разъ во-время высючилъ на крыльцо. Едва только онъ отворилъ дверь,

какъ Зинаида Павловна, блѣдная, дрожащая, въ горячечномъ ознобѣ, со стономъ упала ему на грудь. Онъ, какъ перышко, поднялъ ее на руки и одинъ, безъ помощи сбѣжавшейся прислуги, понесъ ее по лѣстницѣ. Только въ эту ужасную минуту, чувствуя на своей шеѣ прикосновеніе ея холодной щеки, Кашперовъ понялъ, что эта дѣвушка для него дороже собственной жизни, дороже жизни любимой дочери...

Зинаида Павловна лежала въ тяжелой неподвижной полудремотѣ, между тѣмъ какъ ея воображеніемъ овладѣли лихорадочныя грезы... Ей все казалось, что гдѣ-то далеко-далеко передъ ея глазами тянется длинная, ровная проволока, тянется страшно медленно, съ какимъ-то монотоннымъ жужжаніемъ. Вмѣстѣ съ этимъ жужжаніемъ что-то томительное и тягучее охватываетъ все ея тѣло, всѣ мысли, всѣ ощущенія. Это состояніе тоски и замиранія продолжается очень долго, до тѣхъ поръ, пока гдѣ-то, въ томъ же чудовищномъ отдаленіи, не показывается какая-то быстро вертящаяся точка. Что она представляетъ собою, Зинаида Павловна не можетъ рѣшить, но ея сердце сжимается злобщимъ предчувствіемъ. Точка, вертясь все быстрѣе, приближается и увеличивается. Наконецъ она превращается въ бѣшеный вихрь, въ цѣлый хаотическій океанъ, который вздымается до неба и охватываетъ цѣлый міръ своими грозными валами... Потомъ наступаетъ одно мгновеніе жуткаго покоя. И вдругъ вся эта безыменная громоздящаяся масса обрывается, рушится и съ быстротой падающаго камня несется на Зинаиду Павловну. Она мечется въ предсмертной тоскѣ, обливаясь холоднымъ потомъ, но внезапно — и это самый страшный моментъ — вся масса разсѣивается, и только остается одна тягучая, безконечная проволока. Эта мучительная фантазія повторялась десятки разъ, послѣ чего грезы Зинаиды Павловны при-

нимали болѣе реальный характеръ. Ей все казалось, что около ея кровати на столикѣ стоитъ тарелка со свѣжей замороженной клюквой. Она видѣла эту красную сочную клюкву съ поразительной ясностью, чувствовала даже во рту ея кислый, утоляющій жажду вкусъ...

И ко всѣмъ этимъ грезамъ примѣшивалось постоянно одно и то же доброе, удивительно знакомое лицо, съ тревожной заботливостью склонявшееся надъ ея изголовьемъ. Зинаида Павловна иногда старалась припомнить, кого она видѣла съ такимъ лицомъ, и думала до тѣхъ поръ, пока опять лихорадочныя грезы не начинали играть ея воображеніемъ.

Заботливое лицо принадлежало Кашперову. Онъ, какъ только уложилъ Зинаиду Павловну при помощи горничной въ кровать, такъ и не отходилъ ни на минуту, не зная, чѣмъ помочь больной дѣвушкѣ.

Часа черезъ два прибылъ докторъ. Это былъ коротенькій, толстый человѣчекъ, съ увѣренно-пріятными округлыми манерами, который однимъ своимъ видомъ могъ успокоить больного. Онъ тщательно осмотрѣлъ Зинаиду Павловну и покачалъ головой.

Кашперовъ отвелъ его въ сторону и произнесъ какимъ-то деревяннымъ, беззвучно-спокойнымъ голосомъ:

— Докторъ, скажите, будетъ она жива?

Докторъ пытливо поглядѣлъ ему въ лицо. Онъ своимъ опытнымъ ухомъ слышалъ, что этотъ вопросъ — вопросъ жизни и смерти для самого Кашперова, и нерѣшительно молчалъ.

— Скажите правду, — настаивалъ Сергѣй Григорьевичъ тѣмъ же страннымъ голосомъ: — я долженъ предупредить васъ, что не переживу ея, понимаете?

— Зачѣмъ же отчаиваться? — попробовалъ успокоить его докторъ: — даже и въ самомъ худшемъ случаѣ не надо терять голову...

— Я васъ не объ этомъ спрашиваю! — рѣзко крикнулъ вдругъ Кашперовъ, сверкнувъ глазами:—будеть ли она жива, чортъ побери?

Докторъ и обидѣлся этимъ крикомъ и немного испугался.

— Я могу опредѣлить болѣзнь, могу принять кое-какія мѣры, — отвѣтилъ онъ недружелюбно и сухо: — но предрекать не берусь... особенно въ такой болѣзни, какъ нервная горячка. Имѣю честь кланяться.

XIV.

На одной изъ сѣверныхъ желѣзныхъ дорогъ въ вагонѣ III класса ѣхалъ Аларинъ. Но это не былъ тотъ прежній веселый красавецъ съ открытымъ лицомъ и заразительнымъ смѣхомъ: щеки Александра Егоровича ввалились и пожелтѣли отъ заботъ и бессонныхъ ночей, въ волосахъ серебрились сѣдые волосы. Онъ, какъ пришелъ въ вагонъ, такъ и забился въ самый дальній уголъ, почти не отвѣчая на вопросы своего сосѣда, словоохотливаго толстаго священника въ зеленой рясѣ... Батюшка наконецъ угомонился и, почувствовавъ «склоненіе ко сну», предложилъ Аларину газету, которую онъ до сихъ поръ, не читая, держалъ въ рукахъ; Александръ Егоровичъ машинально взялъ и, скользнувъ глазами по рубрикѣ: «Намъ пишутъ изъ провинціи», внезапно выронилъ газету, издавъ слабый крикъ удивленія, смѣшаннаго съ ужасомъ. Онъ прочелъ въ корреспонденціи изъ того проклятаго города:

«На-дняхъ у насъ разыгралась тяжелая драма: мѣстный богатый заводчикъ К. лишилъ себя жизни, принявъ сильный растворъ синильной кислоты. Смерть была, повидимому, мгновенна. Причины ея...»

Дальше Аларинъ не читалъ, — онъ теперь лучше всѣхъ въ мірѣ зналъ объ этихъ причинахъ.

Оглавленіе

VII тома.

Ш у т к и.

	СТР.
Пародіи.	
I. И. А. Бунинъ. Пироги съ груздями.	5
II. Скиталець. „Я колоколь! Я пламя! Я тарань!“	7
III. М. Горькій. Дружочки. Разсказъ.	8
Предсказанія Нострадама на 2000 годъ. Изъ Беранже.	11
Механическое правосудіе.	14
Послѣднее слово.	27
Мой паспортъ. Пасхальное стихотвореніе въ прозѣ	35
Кусть сирени.	41
Бѣлая акація.	49
Марабу.	55
О томъ, какъ профессоръ Леопарди ставиль мнѣ голосъ.	63

Статьи.

О Кнутѣ Гамсунѣ.	71
О Чеховѣ. Изъ записной книжки.	81
Замѣтка о Джекѣ Лондонѣ.	84
Памяти А. И. Богдановича.	88
Памяти Чехова.	96
Памяти Н. Г. Михайловскаго (Гарина)	135
Редіардъ Киплингъ.	141
Умеръ смѣхъ.	148
О томъ, какъ я видѣлъ Толстого на пароходѣ „Св. Николай“.	151

Наше оправданіе	156
Фараоново племя	160
Немножко Финляндіи.	169

Разказы.

Бѣлый пудель.	185
Лавры. Сказочка	226
О пудель.	234
Чудесный докторъ.	237
Слонъ	248
Палачъ	262
Въ нѣдрахъ земли	272
Бѣдный принць	289
На рѣкѣ	299
Барбось и Жулька. Разказъ.	308
Бонза	314
Таперь. Разказъ.	325

Вплотьмахъ. Повѣсть.	342
------------------------------	-----
